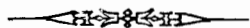

06
4
А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

XIX

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

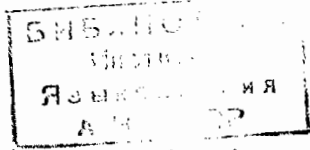
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Том XIX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1960

06
4-

п. 8416

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. Б. Бернштейн (ответственный редактор),
И. К. Бунина, Л. Б. Валев,
В. Н. Кондратьева (ответственный секретарь),
И. Н. Мельникова, И. С. Миллер, С. А. Никитин,
С. В. Никольский, П. Н. Третьяков

Е. И. Демина

**СИСТЕМА ПРОШЕДШИХ ВРЕМЕН
В НОВОБОЛГАРСКИХ ТЕКСТАХ
XVII—XVIII ВЕКОВ**

§ 1. XVII—XVIII столетия — период, непосредственно предшествующий формированию литературной нормы болгарского национального языка, — представлен богатейшими памятниками письменности на общенародной основе. В это время в Болгарии получают широкое распространение так называемые дамаскины — написанные живым народным языком (лишь с некоторой примесью церковнославянских элементов) сборники поучительных слов, апокрифов, проповедей. Дамаскины сыграли большую роль в деле культурного возрождения Болгарии. Они способствовали „превращению болгарского народного языка в орган литературы“¹ и этим положили начало новоболгарской письменности. До нас дошло около 50 списков дамаскинов², хранящихся в основном в библиотеках Болгарии. Наиболее значительными из известных нам являются Тихонравовский³, Коприштенский⁴, Григоровичев⁵, Троянский⁶,

¹ Б. Цонев. Новобългарската писменост преди Паисия. — „Български преглед“, год. 1, кн. VIII. София, 1894, стр. 13.

² St. Mladenov. Geschichte der bulgarischen Sprache. Berlin—Leipzig, 1929, стр. 52.

³ Дамаскин, хранящийся в собрании акад. Н. С. Тихонравова (№ 702) в рукописном отделе Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. О содержании дамаскина см. в книге П. А. Лаврова „Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка“ (М., 1893, стр. 3—5). Там же, в Приложении опубликованы два слова из 54 слов дамаскина. Лавров относит памятник к началу XVII в. Полностью (342 листа рукописи) памятник не издавался. В дальнейшем этот дамаскин обозначаем сокращенно — Тихонр.

⁴ Л. Милетич. Коприщенски дамаскин. Новобългарски паметник от XVII век. — „Български старини“, кн. II. София, 1908, стр. I—LXIII — исследование, стр. 1—204 — полный текст. Милетич относит памятник к началу XVII в. В дальнейшем сокращенно — Копр.

⁵ Дамаскин из одесского собрания В. И. Григоровича, отрывок из которого опубликован В. Ягичем (См. V. Jagić. Opisi i izvodi iz nekoliko južnoslovenskih rukopisa. XV. Kako se pisalo bugarski prije dvjesti godina. — „Starine“, IX, 1877, стр. 137—151 — исследование, стр. 151—171 — текст). Ягич относит памятник к первой половине XVII в. В дальнейшем сокращенно — Григор.

⁶ Отрывок из Троянского дамаскина опубликован Б. Цоневым. См. указ. соч., стр. 80—94. Милетич относит памятник (189 листов рукописи) к середине XVII в., С. Б. Бернштейн — к началу XVIII в. (см. Л. Милетич. Коприщенски дамаскин. . . , стр. XXI; С. Б. Бернштейн. К изучению редакций болгарских списков „Сокровища“ Дамаскина Студита, — Сб. „Езиковедски исследования в чест на акад. Ст. Младенов“. София, БАН, 1957, стр. 218).

Люблянский⁷, Белградский⁸, Свиштовский⁹ дамаскины. В состав дамаскинов включались не только переводы на болгарский язык из „Сокровища“ Дамаскина Студита¹⁰, но и переводы произведений из других источников. Тем не менее с точки зрения языка и стиля между отдельными частями каждого из списков существенных различий нет. Как отмечает С. Б. Бернштейн, это свидетельствует о том, что „болгарские книжники к началу XVII в. накопили уже значительный опыт в той письменности, которая послужила основой для создания новоболгарского литературного языка“¹¹.

Тенденция к созданию понятной народу письменности усиливается с первой половины XVIII в. Рильский монах Иосиф Брадатый¹² призывает писать „простым“ болгарским языком. „Я не учился ни грамматике, ни политике, а для простых болгар просто и написал“, — заявляет Паисий Хилендарский (1722—1788), автор известной „Истории славяноболгарской“ (1762)¹³, сыгравшей большую роль в болгарском национальном возрождении. Софроний Врачанский (1739—1814), преемник идей Паисия, в своих произведениях также стремился приблизить книжный язык к современному ему народному языку. Особую ценность в этом отношении представляет его „Автобиография“ („Житието на Софрония“)¹⁴.

Общее веяние эпохи нашло отражение и в таких памятниках новоболгарской письменности, как „Катехизис XVII века“¹⁵, „Повесть о падении Цариграда в 1453 году“¹⁶, „Зографская история“¹⁷.

⁷ Ст. Аргиров. Люблянският български ръкопис от XVII век. — Сб. НУ кн. XII. София, 1895, стр. 463—560 (введение и полный текст); кн. XVI—XVII. София, 1900, стр. 246—513 (исследование). Л. Милетич относит памятник (108 листов рукописи) к концу XVII в. (см. Л. Милетич. Коприщенски дамаскин... стр. XXI). В дальнейшем сокращенно — Любл.

⁸ Дамаскин, хранящийся в народной библиотеке в Белграде (№ 106), часть которого опубликована Ст. Новаковичем (см. St. Novaković. Bugarski zbornik, pisan prošloga vieka narodnim jezikom. — „Starine“, VI. Zagreb, 1874, стр. 24—59). Новакович относит памятник (150 листов рукописи) к началу XVIII в. В дальнейшем сокращенно — Белгр.

⁹ Л. Милетич. Свищовски дамаскин. Новобългарски памятник от XVIII век. — „Български старини“, кн. VII. София, 1923, стр. 5—74 — исследование, стр. 75—308 — полный текст. Рукопись (310 листов) датирована 1753 г. В дальнейшем сокращенно — Свищов.

¹⁰ „Сокровище“ (Θησαυρός) Дамаскина Студита (1538) — сборник проповедей на народном греческом языке, под влиянием которого, как полагают, болгарские книжники впервые обратились к живому народному языку. См. П. А. Лавров. Дамаскин Студит и сборники его имени „дамаскины“ в югославянской письменности. — „Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете“, т. VII. Одесса, 1899, стр. 305.

¹¹ С. Б. Бернштейн. Указ. соч., стр. 217.

¹² Отрывки из сборника Иосифа Брадатого (294 листа рукописи) опубликованы Д. Мариновым (Д. Маринов. Иеромонах Иосиф Брадати. Принос към историята на българската литература. — Сб. НУ, кн. XVIII. София, 1901, стр. 99—131). В дальнейшем сокращенно — Иосиф Брадати.

¹³ Й. Иванов. История славяноболгарская, собрана и нареждана Паисием иеромонахом в лето 1762. София, 1914, стр. V—LXVI — введение, стр. 1—85 — полный текст оригинала (черновика рукописи). В дальнейшем сокращенно — Паисий.

¹⁴ П. Н. Орешков. Автобиография на Софрония Врачански. — „Българска библиотека“, кн. 9. София, 1914, стр. 1—44 — введение, стр. 47—74 — полный текст. В дальнейшем сокращенно — Автобиогр.

¹⁵ Ст. Аргиров. Един български ръкопис от XVII век. — Псп на БКД, кн. XLIV. Средец, 1893 (стр. 169—187 — введение, стр. 188—200 — текст). Памятник (50 листов рукописи) датирован Аргировым. В дальнейшем сокращенно — Катехизис.

¹⁶ Л. Милетич. Повест за падението на Цариград в 1453 год. — Сб. НУ, XII. София, 1895, стр. 399—429 — введение, стр. 429—454 — полный текст. Милетич относит повесть, представляющую собой перевод с русского, ко второй половине XVIII в. Условное сокращение — Царигр.

¹⁷ „История вкратце о болгарословенском народе“ полностью опубликована Й. Ивановым („Български старини из Македония събрани и обяснени от проф. Й. Ива-

Новоболгарские тексты XVII—XVIII вв. как памятники живого народного языка издавна привлекали внимание славистов¹⁸.

Настоящая работа представляет собой опыт синхронного исследования системы значений прошедших времен глагола, зафиксированной памятниками болгарской письменности XVII—XVIII вв.¹⁹ Вопрос о системе значений и закономерностях употребления прошедших времен болгарского глагола до сих пор решался только на материале современного языка. Поэтому постановка его в плане исторической грамматики кажется вполне оправданной.

§ 2. Исследователи времен болгарского глагола лишь в последнее время стали исходить из необходимости, как нам представляется, предпосылки, а именно из четкого разграничения системы пересказывательных и системы пересказываемых времен. Дело в том, что в области глагола современный болгарский язык обладает особенностями, существенно отличающими его от других славянских языков. В одних славянских языках — русском, украинском, белорусском, чешском, польском, словенском и словацком — в процессе их исторического развития произошла утрата простых прошедших времен. В других, — современном сербохорватском, серболужицких — имеет место явная тенденция к их вытеснению. В современном же болгарском языке не только сохранены в живом употреблении аорист, имперфект, перфект и плюсквамперфект (причем не отмечается какой бы то ни было тенденции к их утрате)²⁰, но и возникла новая, неизвестная другим славянским языкам, система так называемых пересказывательных времен. В нее вошли формы типа *пишел съм, пишел; писал съм, писал* (омонимичная форме перфекта); *бил съм писал, бил писал; щял съм да пиша, щял да пише* (с вариантом *ще съм пишел, ще пишел*); *бил съм пишел, бил пишел; щял съм бил да пиша, щял бил да пише*, морфологически характеризующиеся обязательным отсутствием вспомогательного глагола *e, sa* в третьем лице обоих чисел и означающие, „что действие

нов“, изд. 2-е. София, 1931, стр. 628—642). Рукопись (61 лист) датирована 1785 г., когда она была переписана монахом Зографского монастыря Яковом. Оригинал, дата его написания и автор неизвестны. В дальнейшем сокращенно — Зогр.

¹⁸ Обзор истории изучения дамаскинов дан С. Б. Бернштейном в статье „К изучению турецких элементов в языке дамаскинов XVII—XVIII веков“. — „Труды Московского института истории, философии и литературы им. Чернышевского“, т. VII. М., 1941, стр. 31.

¹⁹ Нами учтен весь относящийся к теме материал названных выше изданий. Полностью была обследована также рукопись Тихонравовского дамаскина. В качестве дополнительного привлекался материал: 1) рассказа попа Методия о том, как приняли мусульманство цепенские болгары в 1657 г. (текст второй половины XVII в. — см. Б. Цонев. История на българский език, т. I. София, 1919, стр. 309, 310), в дальнейшем сокращенно — Поп-Методиевът разказ; 2) отрывков из сочинений Софрония Врачанского (см. В. Д. Стоянов. Исторически материали по нововъзраждането на българский народ. — Псп на БКД, VI. Средец, 1883. стр. 131—147); в дальнейшем сокращенно — Софроний. Кроме того, привлекались некоторые тексты начала XIX в. („Житие князя Лазаря“, „Апокриф о страшном суде“, „Самоковский дамаскин“, — см. А. М. Селищев. Отчет о занятиях за границу в летнее вакационное время 1914 года. Казань, 1915, стр. 34—43, 53—55, 66—72; в дальнейшем сокращенно — Селищев. Отчет; Ст. Стойков. Берон Петър. Рибен буквар. София, 1949; в дальнейшем сокращенно — Берон).

В памятниках, явившихся предметом нашего исследования, отражены черты различных болгарских говоров. Однако эти различия не касаются значения и употребления времен глагола, что позволяет нам в равной степени пользоваться материалом всех текстов.

²⁰ Исчезновение аориста и имперфекта в банатском говоре, отмеченное недавно Ст. Стойковым (Ст. Стойков. Изчезване на имперфект и аорист в банатския говор. — „Славистичен сборник“, т. I. София, 1958, стр. 185—207), объясняется спецификой исторических условий жизни банатских болгар.

не высказывается прямо, по наблюдению, а высказывается повторно — „пересказывается“ со слов другого лица“²¹. При помощи этих форм в различных контекстах могут быть переданы все основные типы временных значений, которые выражаются формами непересказывательных времен.

Выступая в качестве маркированного члена в корреляции с непересказывательными формами изъявительного наклонения, пересказывательные формы образуют „вторичное“ изъявительное наклонение. Оно отличается от „первичного“ изъявительного наклонения специфическим „пересказывательным“ значением, а именно указанием на то, что оценка говорящим лицом отношения действия к действительности основана на опосредствованном, „вторичном“ знании говорящего о данном факте²². Согласно другой точке зрения, пересказывательные формы выступают как формы особого „пересказывательного“ наклонения²³.

В связи с разграничением непересказывательных — пересказывательных форм (а внутри последних еще и форм неэмфатических и эмфатических) в болгарском языке возникает сложная система временных эквивалентов. Система времен оказывается представленной в трех вариантах: в системе непересказывательных форм, в системе неэмфатических пересказывательных форм и в системе эмфатических пересказывательных форм²⁴. Так, например, специфическое значение настоящего времени может быть передано тремя формами: формами типов *пиша*; *пишел съм*, *пишел* и *пишел съм бил*, *пишел* *бил*.

Наличие в болгарском языке параллельных форм глагола, имеющих одинаковые временные значения и употребляющихся для указания на то, сообщается ли о действии как о личном наблюдении говорящего или как о чужой мысли, было впервые отмечено еще в 1887 г. в статье А. Теодорова-Балана „Неуспеваемость по болгарскому языку в наших школах“²⁵ и несколько позднее — в 1905 г. — в статье Ю. Трифонова „Синтаксические замечания о соединении прошедшего действительного причастия с глаголом *съм* в новоболгарском языке“²⁶. Оба исследователя отграничивают употребление формы типа *писал съм*,

²¹ Л. Андрейчин, Ст. Стойков, К. Попов. *Български език. Учебник за VIII клас на общообразователните училища*. София, 1951, стр. 48.

²² Е. И. Демина. *Пересказывательные формы в современном болгарском литературном языке*. — „Вопросы грамматики болгарского литературного языка“. М., 1959, стр. 356—361.

²³ А. Теодоров-Балан. *Нова българска граматика*. София, 1940, стр. 164, 200—202; его же. *Състояние на българската граматика*. София, 1947, стр. 112, 113, 116—119, 128, 169—171; его же. Четвърто наклонение. — „Български език“, 1957, кн. 4. София, стр. 305—317; Л. Андрейчин. Въпросът за национална самобитност на езика. — „Известия на Института за български език“, кн. II. София, 1942, стр. 39—45; Л. Андрейчин, Н. Костов, К. Мирчев, Е. Николов, Ст. Стойков. *Български език за педагогически училища за начални учители*, стр. 212, 213; А. Андрейчин, М. Иванов, К. Попов. *Съвременен български език*, ч. II. Учебник за I и II курс на учителските институти. София, 1957, стр. 67 и след.; Ю. С. Маслов. К вопросу о системе форм пересказывательного наклонения. — „Сборник в чест на Александър Теодоров-Балан“. София, 1956, стр. 311—318; его же. *Очерк болгарской грамматики*. М., 1956, стр. 168, 169, 248—255.

²⁴ Л. Андрейчин. *Основна българска граматика*. София, 1944, стр. 268—270; Ю. С. Маслов. *Очерк болгарской грамматики*, стр. 254. Е. И. Демина. *Указ. соч.*, стр. 361—370.

²⁵ А. Теодоров-Балан. *Неуспехът по българския език в нашите училища*. — Псп на БКД, XXI—XXII. Средец, 1887, стр. 518—520.

²⁶ Ю. Трифонов. *Синтаксични бележки за съединението на минало действително причастие с глагола съм в новобългарския език*. — Псп на БКД, 66. София, 1905, стр. 155—192.

писал (е) в качестве одного из времен изъявительного наклонения (перфекта) от употребления омонимичной формы *писал съм*, *писал* при пересказывании со значением аориста, отмечая, что перфекту при пересказывании в свою очередь соответствует форма типа *бил съм писал*.

Ценная идея этих статей о необходимости не смешивать временные различия между отдельными формами болгарского глагола с различиями принципиально иного порядка не получила, однако, в то время признания. Авторы более поздних исследований по-прежнему выстраивают в один ряд непересказывательные и пересказывательные формы с целью найти временное различие между ними. Так, Ат. Илиев видит различие между формами *пишех* и *пишел съм* в том, что первая будто бы обозначает длительное действие, совершившееся недавно одновременно с другим и высказываемое как наше наблюдение, а вторая — длительное действие, совершившееся намного раньше настоящего времени и передаваемое с чужих слов²⁷.

Со смешением фактов временного и невременного порядка мы встречаемся и в работах сторонников выдвинутой М. Ивановым теории определенности-неопределенности болгарских прошедших времен. М. Иванов отмечает несостоятельность укоренившейся в грамматиках XIX в. точки зрения, согласно которой аорист в качестве определенного времени противопоставлялся перфекту как неопределенному времени на основании определенности или неопределенности времени совершения обозначенного ими действия²⁸. В противоположность этому М. Иванов выдвигает свое понимание определенности-неопределенности болгарских прошедших времен²⁹. Определенные и неопределенные времена, по его мнению, разграничиваются в зависимости от того, был ли говорящий очевидцем действия, о котором он сообщает, или нет. Определенными временами являются имперфект, аорист, плюсквамперфект; неопределенные представлены формами типа *писал съм*, *пишел съм*, *бил*

²⁷ Ат. Илиев. Синтаксис на българския език. Пловдив, 1888, стр. 58, 60.

²⁸ Определения значений времен глагола в грамматиках конца XIX в. приводятся в статье М. Иванова „По история на нашата граматическа терминология“ (Псп на БКД, 64. София, 1903, стр. 180—185). Следует отметить, что к понятию определенности или неопределенности времени действия прибегали впоследствии Ю. Трифонов (Указ. соч., стр. 162—173), Б. Цонев (Определени и неопределени форми в българския език. София, 1911, стр. 12—14), Л. Андрейчин (см., в частности, его недавно опубликованную статью „Към характеристиката на перфекта в българския език“. — „Езиковедски изследвания в чест на акад. Ст. Младенов“, стр. 58, 59). Однако нетрудно убедиться, что каждый из них вкладывает свой смысл в это понятие. Ю. Трифонов рассматривает неопределенное значение, приписываемое им перфекту, как значение действия, не связываемого говорящим с определенным моментом в прошлом, в отличие от значения определенных времен (аориста, имперфекта и плюсквамперфекта), которые связывают действие с данным прошедшим моментом. Б. Цонев разграничивает определенные и неопределенные времена в зависимости от того, является ли момент совершения действия известным, определенным или неизвестным, неопределенным для самого говорящего. Л. Андрейчин, считаящий неопределенное значение одним из „главных“ значений перфекта, пишет: „Неопределенность времени действия при прошедшем неопределенном времени следует понимать в том смысле, что при его употреблении действие не мыслится в процессе своего протекания в соответствующий момент, так как оно представлено со стороны своего результата. Однако, независимо от этого, действие и в этом случае может быть в речи уточнено с точки зрения времени своего осуществления с помощью соответствующих обстоятельственных пояснений каждый раз, когда это нужно для полноты мысли, лишь бы говорящий располагал необходимыми данными“.

²⁹ М. Иванов. За спрежението в новобългарския език. — Сб. НУ, X. София, 1894, стр. 367—368; его же. По история на нашата граматическа терминология, стр. 176—187.

съм писал, бил съм пишел. В теории М. Иванова наиболее слабыми местами являются, во-первых, безосновательное ограничение указанного противопоставления рамками прошедших времен, что позволяло рассматривать его как противопоставление внутри прошедшего времени и, во-вторых, отождествление двух омонимических форм — перфекта и пересказывательного аориста. М. Иванов с явной натяжкой подводит все случаи употребления перфекта под выражение действия, очевидцем которого говорящий не был³⁰. Это приводило к ошибочному, на наш взгляд, определению значения перфекта и искажало представление о системе болгарских прошедших времен в целом.

Теория М. Иванова, долгое время разделявшаяся болгарскими лингвистами и некоторыми учеными других стран (Ст. Младеновым, Л. Болье, Н. Костовым, П. Калканджиевым, Дм. Поповым)³¹, сыграла, как нам кажется, отрицательную роль в изучении времен болгарского глагола. В работах этих ученых мы находим внутренне противоречивые, во многом не соответствующие фактическому материалу определения значения отдельных прошедших времен и, в особенности, перфекта. Так, П. Калканджиев характеризует перфект как время, означающее действие, которое „совершилось или совершалось «когда-то» в момент, который нельзя точно определить“, и употребляющееся при передаче событий, фактов, о которых говорящий „слышал или читал, или, если и наблюдал и лично пережил их, то забыл о них и в момент речи не помнит их достаточно ясно“³². Он не замечает того, что это определение не охватывает весьма многочисленных и, кстати, отмеченных самим Калканджиевым случаев употребления формы типа *писал съм*, когда ею обозначается и определенное по времени и лично воспринятое говорящим действие. Не учитываются возможные случаи, когда говорящий сообщает об определенном по времени действии, о котором он слышал или читал, или, наоборот, о неопределенном по времени действии, о котором он узнал непосредственно. Дм. Попов к аналогичному с Калканджиевым определению перфекта добавляет, что аорист и перфект различаются к тому же еще и по степени отдаленности момента совершения действия, обозначенного ими, от момента речи³³.

С новой более плодотворной постановкой вопроса мы встречаемся в упомянутых работах А. Теодорова-Балана и Л. Андрейчина³⁴. Выделив пересказывательные времена в особое наклонение, они получили возможность выявить закономерности, свойственные системе времен

³⁰ Так, например, случаи употребления формы перфекта в 1 лице (т. е. случаи, когда отсутствие говорящего невозможно) типа *учил съм 12 години* он объясняет тем, что „отдельные моменты прошедшего повторявшегося действия, как исчезнувшие из памяти, рассматриваются отдельно от настоящего „я“, т. е. как такие, при которых это „я“ не присутствовало“ (М. Иванов. За спрежението в новобългарския език, стр. 376).

³¹ St. Mladenov. Geschichte der bulgarischen Sprache; Ст. Младенов и Ст. П. Василев. Граматика на българския език. София, 1939; L. Beaulieux. Grammaire de la langue bulgare, Paris, 1933; Н. Костов. Българска граматика. София, 1939; П. Калканджиев. Българска граматика. Изд. 2-е, София, 1938; Дм. Попов. Българска граматика. София, 1941.

³² П. Калканджиев. Указ. соч., стр. 154, 155.

³³ Так, Дм. Попов пишет: „Прошедшее глагольное время может означать действие, которое совершалось недавно перед настоящим моментом, не очень давно и давно. Есть три вида форм: прошедшее совершенное, прошедшее неопределенное и давнопрошедшее“ (Дм. Попов. Указ. соч., стр. 76).

³⁴ См. также L. Andrejczin. Kategorie znaczeniowe konjugacji bułgarskiej. Kraków, 1938; Л. Андрейчин. Същност и употреба на минало неопределено време в български език. — „Език и литература“, № 2, 1956, стр. 142—146.

изъявительного наклонения, и, в частности, поставить вопрос о критериях разграничения внутри системы прошедших непересказывательных времен. Особенно много в этом отношении сделано в работах Л. Андрейчина.

По мнению Андрейчина, „болгарский язык принадлежит к языкам, которые обладают особыми формами для обозначения взаимных соотношений по времени между действиями, взятыми вместе в каком-либо целостном по смыслу высказывании“³⁵. В нем представлены времена „с простой и со сложной ориентацией“, различающиеся в зависимости от того, „определяется ли темпоральная ориентация действия непосредственно с точки зрения момента речи или же через посредство какого-то другого момента“³⁶, прошедшего или будущего, отмеченного в речи прямо, через специальное выражение, или косвенно, через другое действие³⁷. При временах со сложной ориентацией (иногда Андрейчин называет их „соотносительными временами“)³⁸ выражаются два (а при „будущем предварительном в прошедшем“ времени — три) темпоральных отношения: одно между действием и посредствующим ориентационным моментом, а другое — между этим моментом и моментом речи. К временам с простой хронологической ориентацией относятся настоящее, аорист и будущее, к соотносительным временам — имперфект, перфект, плюсквамперфект, будущее предварительное, будущее в прошедшем и будущее предварительное в прошедшем. Для некоторых времен Андрейчин устанавливает, кроме того, наличие „более специальных“ оттенков значения. Так, в частности, перфект, по его мнению, выражает результативность по отношению к посредствующему ориентационному моменту³⁹.

Применительно к прошедшим непересказывательным временам болгарского глагола оригинальную теорию предложил Ю. С. Маслов⁴⁰. Выдвигая наряду с понятием вида в узком смысле термина (как грамматической категории совершенности-несовершенности глагольного действия) понятие вида в широком смысле, Маслов усматривает различие между аористом, имперфектом, перфектом и плюсквамперфектом не в их временном значении, а в том, что при помощи этих форм передается „видовое в широком смысле“ разграничение различных представлений о характере протекания глагольного действия. Так, внутри „простого прошедшего времени“, объединяющего тождественные по своему временному значению формы аориста и имперфекта, представлена следующая корреляция по виду в широком смысле: имперфект (маркированный член корреляции) обозначает действие как развертывающийся или неограниченно повторяющийся процесс, аорист (немаркированный член корреляции) характеризуется отрицательно тем, что ему не присуще процессное значение имперфекта. В свою очередь, простое прошедшее время выступает как немаркированный член в корреляции по виду в широком смысле с перфектом и плюсквамперфектом, для

³⁵ Л. Андрейчин. Основна българска граматика, стр. 206.

³⁶ Л. Андрейчин. Към характеристиката на перфекта в българския език, стр. 60.

³⁷ Л. Андрейчин. Основна българска граматика, стр. 234.

³⁸ Л. Андрейчин и др. Български език. Учебник за педагогическите училища за начални учители, стр. 183; Л. Андрейчин и др. Съвременен български език, ч. II, стр. 32.

³⁹ Л. Андрейчин и др. Съвременен български език, ч. II, стр. 32.

⁴⁰ Ю. С. Маслов. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке. — „Вопросы грамматики болгарского литературного языка“. М., 1959.

которых характерно видовое значение актуальности последствий действия для последующего временного плана.

Теории Л. Андрейчина о разграничении времен с простой и сложной ориентацией и Ю. С. Маслова о „видовом в широком смысле“ противопоставлении внутри системы прошедших времен представляют два основных направления, в которых ведется изучение пересказывательных времен болгарского глагола. Но в литературе последних лет можно встретиться и с развитием прежних взглядов. Так, В. В. Бородич, в общем как будто бы склонная выделить времена пересказывания в особую группу, в качестве критерия разграничения прошедших времен в остальных случаях их употребления вновь выдвигает понятие наблюдаемого и ненаблюдаемого действия, причем к „неопределенным“ временам, выражающим ненаблюдаемое действие, наряду с перфектом она относит также и плюсквамперфект⁴¹. Вл. Георгиев рассматривает пересказывательное значение как одно из частных значений перфекта, которое присуще ему наряду с результативным и бывшим аористным значениями⁴².

Таким образом, вопрос о системных связях времен болгарского глагола, особенно прошедших, до сих пор остается одним из наиболее спорных, хотя и намечены правильные пути для его решения.

§ 3. На памятниках XVII—XVIII вв. можно проследить процесс постепенного расширения сферы употребления пересказывательных форм. Если в дамаскинах начала XVII в. встречаются лишь единичные случаи употребления пересказывательных времен в прямой речи персонажей⁴³, то в дамаскинах начала XIX в. (в Самоковском дамаскине, в религиозных текстах, написанных Софронием Врачанским и Иоакимом Кырчевским) пересказывательные формы широко проникают не только в прямую речь, но и в изложение сюжетной линии, где они выступают в качестве основных повествовательных времен⁴⁴. При повествовании об исторических событиях в „Истории славяноболгарской“ Паисия Хилендарского последовательно употребляются пересказывательные формы⁴⁵, как это имеет место и в современном болгарском

⁴¹ В. В. Бородич. Выступление на совещании в Институте славяноведения 12—14 мая 1952 года. — КСИС, 1953, № 10, стр. 47—48; е е же. За функциите на минало предварително време в съвременния български език. — „Български език“, 1957, № 5, стр. 430—451.

⁴² Вл. Георгиев. Възникване на нови сложни глаголни форми със спомогателен глагол имам. — „Известия на Института за български език“, кн. V, 1957, стр. 46—49.

⁴³ Например: „Защо дѣтъ мой закхей, кога щѣлъ даумре, и казаль оцу моему сѣмонѣ. имои ѿць сѣмонѣ, каза мене и зарачами. ире. дазнаешъ чедо . . . ще дабѣде исканіе закрътъ, дѣто распеха наняго їсаха . . .“ (Тихонр., 22). „Ами мои ѿць ималь брата, зовалего стефане, архїдіаконъ былъ. и вѣроваль їсаха, ипочель да учи людіе давкрѣвать їсаха, а фарисее съ събрале, и побилего съскаменіе“ (Тихонр., 22). „Аимето мое велъзавѣль, . . . същи сатана идѣволь . . . Ирѣмѣ царъ. Катоси былъ мрачны сатана идѣволь. заклинамъ те . . . иди иникого данеповрѣдишь“ (Тихонр., 277).

⁴⁴ Например: „Хртос работилъ ги години древодѣль да ні научи насъ . . . пак кога станаль л години, собралъ стии аплы, ходаль три години, многу чуда сучинилъ, оумрени оживилъ, от петъ хлѣбови петъ хлѣди мужи насытилъ, а и жени и деца ѣле от тѣ хлѣбове“ (Й. Кырчевски. Повесть ради второго пришествия. 1814. См. В. Погорелов. Опис на старите печатани български книги (1802—1877). София, 1923, стр. 8).

⁴⁵ Например: „Въ то време ѣрствоваль Оуале(н)тъ црѣ въ Цариград(.) вни болгари имѣли намерение и съгласие да тръжѣтъ добра и питома земля и встали ѿ вна земля и река много народъ и приишли въ землю Мачарскѣ и Влашскѣ“ (Паисий, 12).

языке. Последовательное разграничение непересказывательных и пересказывательных форм характерно и для „Автобиографии“ Софония Врачанского.

Таким образом, можно констатировать, что сфера употребления непересказывательных времен на протяжении исследуемого периода постепенно сокращается за счет все большего проникновения в книжный язык пересказывательных форм. Но вместе с тем внутри самой системы непересказывательных времен существенных сдвигов не наблюдается, поскольку разграничение непересказывательных — пересказывательных форм, как это отмечалось выше, связано с изменениями в структуре грамматической категории наклонения. Поэтому, учитывая наличие в языке XVII—XVIII вв. корреляции непересказывательных — пересказывательных форм, можно вместе с тем отвлечься от этого обстоятельства и ограничить исследование выявлением смысловых связей внутри системы непересказывательных форм.

§ 4. Тема настоящей работы еще уже. Она ограничена формами тех непересказывательных времен, которые традиционно относятся к прошедшим, а именно формами имперфекта, аориста, перфекта, плюсквамперфекта. Всем этим формам присущ общий признак: все они указывают на то, что реализация обозначенного ими действия имела место до момента высказывания о нем. Этим прошедшие времена отличаются от непрошедших времен (настоящего, будущего, будущего в прошедшем, прошедшего в будущем). Последние не содержат в своем значении указания на отнесение реализации действия к периоду времени до момента речи, а поэтому могут обозначать как действия, объективно предшествовавшие моменту речи⁴⁶, так и действия периода времени, который не есть прошедший по отношению к моменту речи. Значение отнесенности реализации действия к периоду времени до момента речи в формах прошедших времен является чрезвычайно устойчивым в том смысле, что лишь при употреблении перфекта оказываются возможными случаи частичной нейтрализации этого значения контекстом (мы имеем в виду случаи употребления перфекта в значении прошедшего в будущем, см. ниже пример 178). Очевидно, однако, что значение прошедших времен лишь частично характеризуется указанным признаком. Если мы попытаемся выявить значение каждого из прошедших времен в системе времен в целом, то мы должны будем назвать всю совокупность признаков, определяющих место данного времени в этой системе. При этом окажется, что разделение времен на прошедшие и непрошедшие является односторонним в том смысле, что по другим своим признакам некоторые из прошедших времен будут объединяться с некоторыми непрошедшими временами, противостоя оставшимся прошедшим и непрошедшим временам. Таким признаком, например, является указание на двойственность временной характеристики действия, объединяющее перфект, плюсквамперфект, будущее в прошедшем и прошедшее в будущем, как формы времен, сигнализирующих о двойственности временной характеристики действия, в противоположность аористу, имперфекту, настоящему и будущему временам, не включающим в свое значение указание на этот признак.

⁴⁶ Ср., например, настоящее историческое, а также употребление будущего в прошедшем или прошедшего в будущем времени при обозначении действия, относительно которого на основании контекста можно заключить, что оно объективно реализовалось до момента речи, хотя и охарактеризовано как будущее по отношению к прошедшему периоду или как прошедшее по отношению к будущему периоду.

Вместе с тем следует сказать, что поскольку такие времена, как аорист, имперфект, перфект и плюсквамперфект, оказываются носителями общего признака, частично определяющего их место в системе других времен, вполне оправданным и целесообразным является выделение их в качестве самостоятельного объекта исследования с целью выявления системы взаимоотношений между ними и определения значения каждого из этих времен по отношению к другим прошедшим временам. Решение этого вопроса и составляет непосредственную задачу данной работы.

Таким образом, в задачу работы входит не определение общего значения каждой из форм прошедших времен, а определение тех сторон значения, которые характеризуют то или иное прошедшее время в его отношении к другим временам внутри частной системы прошедших времен.

С целью выявления признаков, дифференцирующих значение отдельных прошедших времен, мы проводим сопоставительный анализ частных случаев их употребления (исключая случаи модального употребления времен, в том числе употребление их в конструкции с модальной частицей *да*, поскольку это специальный вопрос). Выясняются мотивы, обусловившие в данном конкретном случае выбор именно этой формы времени в отличие от другой. При этом учитывается контекст высказывания, а также способность каждой формы времени вступать в сочетание с теми или иными обстоятельственными словами, поясняющими действие. Особое внимание обращается на выявление случаев нейтрализации различия в значении времен, так как это позволяет установить коррелятивные пары и служит критерием для выделения дифференциальных признаков.

В ходе анализа выявляются отдельные стороны значения прошедших времен, отдельные дифференциальные признаки. Определение же значения каждого времени в системе прошедших времен в целом дается лишь в заключительной части работы.

Вначале постараемся определить значение аориста и имперфекта в их взаимном соотношении, отвлекаясь пока от их корреляции с формами сложных прошедших времен. При этом мы исходим из мысли А. А. Потемни о том, что „аорист и так называемое прошедшее несовершенное в древнем языке взаимно дополняют друг друга и построены относительно значения на одной и той же мысли языка, подобно тому как они представляют сходство по форме“⁴⁷.

§ 5. Аорист глаголов совершенного вида употребляется как в повествовательных, так и в неповествовательных контекстах, в том числе при сообщении или вопросе об отдельном факте прошлого. В связанном повествовании аорист глаголов совершенного вида употребляется при изложении основной сюжетной линии рассказа как время развертывающегося повествования.

При отсутствии в контексте показателей, свидетельствующих об объективной множественности проявлений действия, аорист глаголов совершенного вида обозначает конкретное действие, проявившееся и завершённое в определенных условиях места и времени до момента речи. Например:

1. „Вл^тко стьи, иманіе мнѡго *найдо*^х на мето^х на^т...“ (Копр., 51)⁴⁸.

⁴⁷ А. А. Потемня. Из записок по русской грамматике, т. IV. М.—Л., 1941, стр. 157.

⁴⁸ Мы нумеруем примеры, поскольку это позволяет нам при необходимости сравнения лишь указать номер ранее приведенного примера, не давая отдельного но-

2. „Азь сега тебѣ испроводых, ѿ где пакъ тѣка се наиде“ (Копр., 2—3);
 3. „Аз... и вчера ви рекохъ, ала и днес пак туй ви думамъ“ (Свищов, 288);
 4. „прош'ка ищеме. защо нѣ понивола, ами ѿмниго жалости *издумах'ме* таквизи думы неприличны“ (Любл., 527). 5. „Ако бѣше хс бѣ истинскы. ами защо *се распе* и *ѿмрѣ* непочѣтена съмръть“ (Тихонр., 162).

Аорист детерминативных глаголов совершенного вида, а также глаголов, употребленных в функции детерминативных, может при этом сочетаться с обстоятельствами продолжительности действия. Например: 6. „...а царать сас слезі са облѣа и *помолча на голѣмъ час*, сетни отговори...“ (Царигр., 435—436); 7. „Ипрѣбы *цпананъ със'вѣжето заедна година*“ (Тихонр., 9); 8. „Така ивѣадъ *стори хс. лѣ, часоове*“ (Тихонр., 266).

В более редких случаях в предложении может быть обозначена продолжительность конкретного действия, наступление которого отмечено формой аориста глаголов совершенного вида. Например: 9. „И тозы час *даде* богъ дѣждъ за земѣта *четырдесят дине* *четырдесят ноци* толкози, колкото сички добытакъ се издавиха“ (Свищов, 102).

Следующие в речевом потоке одна за другой формы аориста глаголов совершенного вида, обозначающих конкретное, единичное действие, могут употребляться:

а) при сообщении о последовательных действиях развертывающегося повествования, причем с ними могут сочетаться обстоятельственные слова, указывающие на хронологическую приуроченность реализации действий к плану прошлого, о котором повествуется. Например:

10. „Ами доиде тази мисль ивѣшитъ с(ве)т(о)мѣ Николѣ, ис(ве)т(и)... *зе* ѿманѣто си нѣгово, т, жльтици, *исвезагы* в'крѣпа *истанъ* ноцесь ѿполунощъ, когасе сич'ко потаи, иѿиде прикыщата ономузи чл(овѣ)ку надъшеритъ. *ипристѣпи* напрозорець *ифрѣли* крѣпата съжльтицитъ насрѣд къщата. *ипобѣгна* ... Аон'зи баща надъшеритъ наѣтрѣ *станъ* ѿпостелѣта си. и гледа насрѣд къщата крѣпа свезана възель немалкъ *ипристѣпи* поскоро *иразвръзаго*. и гледа отиса жльтици. и *помисли* даневъ'сънува...“ (Любл., 535); 11. „Това реч(е) царь, таче станъ иѿиде въчер'квище аполоново дастори кор'банъ. Ето *тойзи час* *заоблачисе* тврѣдъ, игромове, имльнѣ великы *сторихасе*. иглас *чюсе* ѿн(е)-бето... *ипогласъть, изыѣнисе* н(е)бето. ието ис(ве)т(и) *тависе* ѿвезанъ ѿколедото... *Тогиа* момци *зеха* с(ве)т(а)го, изаведохаго въонова чер'квище, иоставихаго прѣд'цара“ (Любл., 510);

б) при перечислении ряда действий, реализация которых была связана с одним и тем же моментом прошлого с целью полнее показать события этого момента (ср. в приведенном выше примере 11 употребление форм аориста *заоблачи се, сториха се, чю се*);

в) при перечислении ряда действий, реализация которых имела место в различные периоды прошлого с целью установить их качественное разнообразие или назвать различные стороны деятельности какого-либо лица. Например:

12. „Седемъ съгрѣшеніе са Каиновы. Прѣво бога *прогнѣви*, и второ бѣщъ си *ускрѣби*, третѣи майка сы *обезчеди*, четверто убѣиство *створи*, пето земѣта *усмради*, шесто бога *слѣга* и *рече* не знам' де ѿ братъ мы. Седмо оти *са поучи* да са отфрѣли прѣд' бога“ (Свищов, 139);

вого. Указание на пример дается цифрой (номером примера) в скобках. В примерах сняты знаки придыханий и ударений.

13. „И доидат ониѣ дѣлове, ... и дѣмать, или въ кои часъ и кои днь и кои мѣсець *стори* таѣ дѣша то-ва и то-ва погрешеніе, или *ограде*, или блѣдъ *стори*... или *8би*, или малкию *сотвори*, или дрѣго некое сло *стори*...“ (Белгр., 56); 14. „Азь, Паисіа іеромонахъ и проигдмень Хиландаръски, *сѣвокдпихъ* и *написахъ*, ѿ рѣски речи прости ѿбратихъ на болгарски прости речи и словенски“ (Паисий, 84);

г) при сопоставлении или противопоставлении действий различных периодов прошлого. Например:

15. „Патерица мѡѡсеова *раз'цѣпи* чрѣмное море. *ипроидоха* еврее... Така ичтныи кртъ *раз'цѣпи* грѣхъ *ипрѣведе* дѣшите члѣцьскы...“ (Тихонр., 163); 16. „Азевы *направих* оуста и езыкъ дагѣте идаславите име мое..., авыегы *ѡтворихте* нальжа... Азевы *направих* рѣцѣ даги вди гате горѣ нам(о)лба инам(о)лкнїе. авыегы *омрѣсих'те* насила, или сѣскраденїе...“ (Любл., 501).

Действие, обозначенное аористом глаголов совершенного вида, воспринимается как обобщенное, объективно множественное в следующих контекстах.

Во-первых, в таком, из которого видно, что оно было направлено на несколько различных объектов и было осуществлено действующим лицом в течение какого-то периода в несколько приемов, отделенных друг от друга промежутками времени. Например:

17. „Атѣлото нѣгово с(ве)тоє зєго слѣгата с(ве)т(о)мѣ геѡргїю, ипрѣнесєго вѣпалестыню... Имнѡго чюдєса *стори*ха тамо моцїте нѣгови. наслѣпы *даде* дагледать. хромы *даходѣтъ*...“ (Любл., 519);

18. „... Они дєсєга вси чѣмавыи *погребѡша* ами тогѡ попа зацо да не погребѣт...“ (Автобиогр., 63); 19. „Ато барємъ работите му да вѣрувать, дєто *стори*: мрѣтвы *вѣскрѣси*, слѣпы *просѣти*, хромѣ *исцѣли* и другїи без' чєта чюдєса *стори*“ (Свищов, 101); 20. „Итогива онїа езыцы поганы, ношїѡ... нападнѣха на войскѣта хр(и)стїан'ска, иєдны ѡтѣхъ *сѣсѣкоха*, а другыє *распѣдїха*, и другы *свєзаха* и *поробїха*. а другыє подканюваха насила дасє ѡрекѣтъ ѡвѣратаси своа“ (Любл., 525).

Во-вторых, в таком контексте, из которого видно, что действие было осуществлено различными людьми в различные периоды прошлого. Например:

21. „... Оты великы мѣжїе и дєто бу ѡтѣк'мѣвахѣ сѣ тѡмѣ пїан'ство та си *загѣбѣха* сич'ко. цр'їе ѡ цр'тво *се раз'сипаха*, вл'ци вл'чѣство *погѣбѣха*, сїл'ны силѣ свою *из'дрѣваха*, юнаци на сабїа *се прѣдадѣха*, а болѣре *засиромаша*“ (Копр., 155).

В-третьих, в таком контексте, в котором наличествуют обстоятельственные слова, определяющие количество проявлений действия. Например:

22. „Единадєсєтъ *пѣты* *гависє* хс наѣченицитєси“ (Тихонр., 288);

23. „Азь са *обрєкох* вамъ и *веднощѣ* и *много пѣти*...“ (Цариград., 443, 444); 24. „... И никѡи те не познавашє, ами мой снѣ познавашє те. и кол'ко ти *пѣты рєчє* сѣ прич'та въ кѣк'во щєшѣ да *вѣпаднє*...“ (Копр., 193).

В-четвертых, в таком контексте, в котором имеются обстоятельственные слова или другие показатели, свидетельствующие о том, что действие никогда (или никогда больше) не проявилось в прошлом. При этом действие воспринимается как обобщенное постольку, поскольку отрицаются все возможные случаи его проявления в прошлом. Например:

25. „Иникога излѣзе Ѡтѣхъны ѡста празна дѣма или шега“ (Тихонр., 165); 26. „Не *останахъ* никога отъ правила дръковнаѣ. не *возвратихъ* страна, или нища или ѡбога отъ дома моего празними руками“ (Иосиф Брадати, 109); 27. „Авраа^х сѣкогы заведѣвше члка дома си, а той ни едномѡ ни что не *даде*...“ (Копр., 67); 28. „... И архггль михаи^а наедно със' пламень възиде на нѣто и *векк* се не *изви* прѣт^хѣ...“ (Копр., 39).

Из приведенных выше примеров видно, что объективно множественное действие, обозначенное аористом глаголов совершенного вида, происходило в более или менее длительный отрезок времени. Так, действия *съсѣкоха*, *распѣдиха*, *свезаха*, *поробиха* (20) осуществились, по-видимому, за ночь, действие *погребоша* (18) — за отрезок времени, окончание которому кладет момент речи (ср. *досега*), действия *въскрѣси*, *просвѣти*, *исцѣли*, *стори* (19) — за какой-то период жизни действующего лица, действие *не оставахъ*, *не возвратихъ* (26) не осуществились никогда до момента речи, действие *не изви* (28) не происходило никогда после определенного момента в прошлом и т. д.

В более редких случаях длительность отрезка времени, на который распространялось проявление множественного действия, обозначенного аористом глаголов совершенного вида, определяется вполне точно при помощи соответствующих обстоятельственных слов и выражений. Например:

29. „... И Ѡидоха вчеркова... *исичка ношь въздадоха* бл(а)годареніе с(ве)т(о)му и думаха...“ (Любл., 527); 30. „... И сабра сичките владици еврейски... И тоги-зи речи, да ги изъсекать. И жени и дѣца *изъсѣкоха* ги *дѣро припадна мракъ* на тѣхъ. И рече цара-ть: „Оставети са отъ сечь... Причетете ги““ (Белгр., 46).

Из этого, однако, вовсе не следует, что указание на распространенность действия на длительный отрезок времени в прошлом входит в функции аориста глаголов совершенного вида и в какой-то степени определяет выбор именно данной формы времени. Аорист глаголов совершенного вида лишь констатирует факт завершения обобщенного действия в прошлом.

Следующие в речевом потоке одна за другой формы аориста глаголов совершенного вида, обозначающих множественные действия, употребляются при перечислении отдельных действий данного периода или различных периодов прошлого (17, 19—21). Множественные действия, обозначенные формами аориста глаголов совершенного вида, могут восприниматься как последовательные только в том случае, если на следование одного действия за другим указывают специальные обстоятельственные слова или иные средства контекста. Нам такие примеры не встретились.

§ 6. Аорист глаголов несовершенного вида употребляется в контексте, в котором в принципе допустим и аорист глаголов совершенного вида, например, в повествовании при сообщении или вопросе о конкретном или множественном действии, связываемом с определенными условиями места и времени. Вместе с тем эти формы встречаются и в таком контексте, в котором употребление аориста глаголов совершенного вида оказывается невозможным, поскольку основа несовершенного вида приносит значение, никогда не свойственное основам совершенного вида. Такое употребление наблюдается при сообщении или вопросе о принципиальном наличии действия в прошлом.

При отсутствии в контексте показателей объективной множественности действия, если к тому же из контекста явствует, что имеется в виду конкретный случай прошлого, аорист глаголов несовершенного вида обозначает конкретное действие, проявившееся в определенных условиях места и времени до момента речи, взятое на всем его протяжении и представленное во всей его целостности как единый неделимый акт. О последнем со всей очевидностью свидетельствует тот факт, что конкретное действие, обозначенное аористом глаголов несовершенного вида, никогда не выступает как частично одновременное с другим конкретным действием и интересующее говорящего лишь в один из моментов своего протекания (ср. ниже, в примерах 63, 66—68, употребление несовершенного имперфекта, обозначающего конкретное действие). Об этом же свидетельствует и то характерное обстоятельство, что аорист глаголов несовершенного вида, обозначающих конкретное действие, в подавляющем большинстве случаев сочетается в высказывании с обстоятельствами продолжительности действия или меры, в которой оно проявилось. Обстоятельства продолжительности действия могут точно указывать на количество времени, в течение которого продолжалось данное действие, — *два часа, день и ночь, 7 дни, две години, тьс ночь*, но могут и приблизительно определять отрезок времени, занятый действием, — *много дни, толкова години, за голъм час, врѣме не мало* (31—35). Продолжительность действия, обозначенного аористом глаголов несовершенного вида в составе главного предложения, может быть ограничена придаточным предложением временного предела (36, 37). Выявление продолжительности конкретного действия может составить содержание вопросительного предложения, в качестве сказуемого которого употреблена форма аориста глаголов несовершенного вида (38). Определения меры, в которой проявилось действие, обозначенное аористом глаголов несовершенного вида, обычно представлены обстоятельными словами типа *много, толкос* (39—41). Например:

31. „...когитосе роди. *три час* *ве стоа* нанѡзѣте правь, и тогива легна“ (Любл., 533); 32. „Като чю това старецъ ѡженъта си... почюдисе *инедобѣвасе*, что дапродѡма наженътаси. ами *стоа заголъм час* ичюдисе“ (Любл., 548); 33. „Слѣдь накои день разболеса и пѣпадіа леже болна *шесть мѣци*, и престависа...“ (Автобиогр., 53); 34. „...*Ходихме колко два часа*, и ѡпекъ запрѣхме...“ (Автобиогр., 54); 35. „А Мохаметъ султанъ... нѣ *спа тьс ночь*, но собра сичките начелници свои...“ (Царигр., 443); 36. „Мнѡзина врачоове наеха се да го исцѣлѣть и негогоха ничто да мѡ стореть. и лежа до где мѡ *изгны тѣлото...*“ (Копр., 22); 37. „Какъ непознахъме тогива чее быль г(осподь) истѣвнъски, ами го *мъчихъме дори иѡмрѣв*“ (Любл., 495, 496); 38. „*Колко лежа* Авель непогребень?“ (Белгр., 50); 39. „Что *така мнѡго плака тѣка*“ (Тихонр., 129); 40. „И ѡнази романа... разгнева се и би ѡванна злѣ и *много ѡчува* го и напаконь мѡ рече“ (Копр., 173); 41. „Видѣмъ тейзи глаури, чѣ утѣкнаха верху нас, и *толкос са бихми* сас тахъ и не можихме да ги навѣмь...“ (Царигр., 439).

Действие, обозначенное аористом глаголов несовершенного вида, предстает не в процессе своего проявления, не в один из моментов своего проявления, а как готовый факт прошлого. Значение аориста глаголов несовершенного вида в таких случаях тесно сближается со значением аориста глаголов совершенного вида детерминативного способа действия (с приставкой *по-*, и, особенно, с приставкой *пре-*).

Не случайно аорист глаголов несовершенного вида и аорист детерминативных глаголов совершенного вида нередко выступают в роли однородных сказуемых при описании деятельности субъекта на протяжении одного и того же отрезка времени. Например:

42. „И заведоха го двама др'жещець до црквата стму архгглу ми-хаилъ. и прѣбы тамо единъ днь лежа и въз'равъ“ (Копр., 49); 43. „Ипойде в'черкова прѣс(ве)тѣи б(огороди)ци... и тамо припаде наикона... и слъзы Ѡочитѣси мнѠго изля. идѠмаше им(о)лѠшес(е) б(огороди)ци... Итовасе пом(о)ли, и плака Ѡсе ср(ъ)дце и излѣзе и тръгна даиде на своата си бащина“ (Любл., 552).

В приведенных примерах практически вообще не представляется возможным определить различие в значении таких форм как *прѣбы* и *лежа*, *пом(о)ли* и *плака*. В других контекстах различие в оттенках значения сводится к тому, что аористом глаголов несовершенного вида обозначается действие без указания на полноту его проявления, в то время как аорист детерминативного глагола с приставкой *по-* обозначает действие, ограниченное в своем проявлении. Ср. в этом отношении значение аориста *стоа* в примере 31 и значение аориста *постоа* в следующем примере:

44. „Чтоще да бѣде он'зи чл(овѣ)къ, детосе гледаше Ѡзлато, и Ѡсребро и Ѡмѣдь, инажелъзо стѣаше. и мал'ко нѣщо *постоа*, таче стань напаконь слабо като едно гръне“ (Любл., 472).

Различие в оттенках значения этих форм подчеркивается и характером сочетающихся с ними в контексте обстоятельственных слов: *стоа три часове*, но *постоа малко нѣщо*.

В целом во всех случаях при обозначении конкретного действия аорист глаголов несовершенного вида отличается от аориста глаголов совершенного вида отсутствием указания на завершенность данного действия, т. е. видовым в узком смысле слова значением, вносимым характером основы.

Следующие в речевом потоке одна за другой формы аориста глаголов несовершенного вида, обозначающих конкретное, единичное действие, употребляются при перечислении действий, реализация которых от начала до конца целиком связана с одним и тем же периодом прошлого (32, 40). При передаче последовательных действий развертывающегося повествования формы аориста глаголов несовершенного вида употребляются лишь в том случае, если предшествующее и последующее действия представлены формами аориста глаголов совершенного вида (33). Однако и при таких условиях не всегда оказывается возможным говорить о последовательной смене действий, обозначенных формами аориста глаголов совершенного и несовершенного вида (34, 35).

Действие, обозначенное аористом глаголов несовершенного вида, воспринимается как обобщенное, объективно множественное, если из контекста явствует, что оно осуществлялось действующим лицом в различные моменты какого-то отрезка времени в прошлом и было направлено на разные объекты (45, 46), если оно осуществлялось различными лицами в различные моменты какого-то отрезка времени в прошлом (47), если оно проявилось указанное количество раз (48, 49), если оно никогда не проявилось в прошлом (50, 51), т. е. в тех же условиях контекста, какие мы установили при описании аналогичных случаев употребления аориста глаголов совершенного вида. Например:

45. „Хс ходы поземля... лг. години. *проповѣдва* ибчи. Икоито вѣроваха дѣматамъ. тѣъ извади. Така и вѣады стори хс. лг, часове.

Итамо вѣадъ които вѣрѣваха, извадигы“ (Тихонр., 266); **46.** „Ахъ Хртїани, незнайтили колико *гориха* васъ они мучители сасъ разгорени желѣза, колико *пекоха* чада ваши на рожни предъ очи ваши, колики уграбиха и узеха стока и имѣнїе ваши, коликоли узеха синове и дщери ваши и изневѣриха ихъ, ами това нели и до днесъ учинѣть вамъ това мучителство...“ (Софроний, 143); **47.** „Нашите *се тѣрчиха* до Богородица (авгѣста). Които се не истѣрчиха, едни исклаха, дрѣзы бегаха по гора та...“ (Поп-Методиевѣтъ разказ, 309); **48:** „...И блше силенъ и *би са много кратъ* с' царемъ и землю свою взл...“ (Зогр., 633); **49.** „*Колико ма краты фатиха* и бїха ма и главома пробиша...“ (Автобиогр., 50); **50.** „Самѣонъ нели беши назорей... и *никоги* вино ни пи“ (Свищов, 238); **51.** „Не *счих* се ни граматика, ни политика никако, по простимъ болгаромъ просто и написахъ...“ (Паисий, 85).

Аорист глаголов несовершенного вида при этомъ констатируетъ фактъ наличия данного обобщенного действия до момента речи, не отмечая его завершенности. В последнемъ и проявляется различие в значении аориста глаголов несовершенного и совершенного видов при обозначении объективно множественного действия. К аористу глаголов совершенного вида прибегаютъ, когда почему-либо важно подчеркнуть завершенность данного действия, а к аористу глаголов несовершенного вида — когда важно установить сам фактъ его наличия в прошлом.

Ср. в этомъ отношении следующие примеры:

52. „И *видоха* вчеркова... *исичка ноцъ въздадоха* бл(а)годаренїе с(ве)т(о)му...“ (Любл., 527); **53.** „И *доведоха* врачове и *трудоиха* са над него *през сичкама ноцъ* и едвамъ го малко повоздигнаха“ (Царигр., 442).

Полагая, что аорист глаголов несовершенного вида представляетъ множественное действие в его итоге, как готовый фактъ, мы основываемся на следующихъ наблюденияхъ. Во-первыхъ, аорист глаголов несовершенного вида, обозначающихъ обобщенное действие, как правило, сочетается в контексте с определениями продолжительности отрезка времени, в течение которого проявлялось (не проявлялось) действие (*лѣ години, през сичкама ноцъ, никоги*), или с определениями количества проявлений действия (*колико краты, много кратъ*), что можетъ свидетельствовать о намерении представить действие в его итоге. Во-вторыхъ, аорист глаголов несовершенного вида, что очень важно, никогда не сочетается с определениями периодичности проявления действия (типа русск. „каждый день“), функцией которыхъ является „прикрепление“ отдельныхъ актовъ повторяющагося действия к различнымъ временнымъ отрезкамъ прошлого. Обозначенное имъ множественное действие „прикрепляется“ к какому-то неповторяющемуся отрезку времени в прошлом, например:

54. „Тогива патриархатъ и боларїте... пакъ *проводїха* за помощъ...а *ѣенкатъ* по-много налагаше на градъть и гражданите опираха им са и бїлха са *нощл* и динл, а другїе *нощл* излазлха изъ хиндеїте и на много млста подкопаваха лахьми и наполнлха садини сас серою и сас смола и поскони сас баруть. И тѣй ке дни *бїха са* непристанно“ (Царигр., 436).

Действие *бїлха са*, о которомъ сообщается как о регулярно повторявшемся в прошлом (сражались дни и ночи в смысле 'каждый день и каждую ночь'), обозначено формой имперфекта. При выражении действия, представленного в итоге, во всем его объеме (так они непрерывно сражались 25 дней), употреблена форма аориста *бїха са*.

И, наконец, в-третьих, действие, обозначенное аористом глаголов несовершенного вида, никогда не воспринимается как обычное, постоянное, типичное для данного субъекта, что также можно объяснить тем, что такое действие всегда предстает в его полном объеме, в его итоге. Интересно в этом отношении проанализировать приведенный выше пример 47. Известно, что Христос обычно, постоянно проповедовал и учил. Однако поскольку действия *проповѣдува*, *ѣчи* в данном примере обозначены формами аориста в сочетании с определением продолжительности *лѣ години*, они не воспринимаются как обычные, свойственные субъекту. В этом отношении значение форм аориста глаголов несовершенного вида *проповѣдува*, *ѣчи* не отличается от значения формы аориста глагола совершенного вида с определением продолжительности действия *стори лѣ часоове*, употребленной в том же отрывке текста.

Следующие в речевом потоке одна за другой формы аориста глаголов несовершенного вида, обозначающих множественное действие, употребляются при перечислении ряда действий, реализация которых была связана с одним и тем же периодом прошлого (45).

Аорист глаголов несовершенного вида может употребляться также при сообщении или вопросе об изолированном факте прошлого, не связываемом с конкретными, однажды сложившимися условиями места и времени, когда говорящий стремится лишь отметить сам факт наличия или отсутствия действия в прошлом, назвать это действие, не останавливая внимания на особенностях его реализации в прошлом. Например:

55. „Два разѣма има тѣка... Далие поистина что ѣде хс повѣскр ѣнѣ или неѣде. Иако ре^ѣмь неѣде. аные лѣже"... аколи ре^ѣмь. оти ѣде. ато дапитаме какъ ѣде изащо; ѣде, дапокаже какъ е истинъски облѣкль плть“ (Тихонр., 290); **56.** „іоуда ѣде хлѣбъ хѣвъ, іха прѣдаде“ (Тихонр., 291); **57.** „Кои плачи за таковаго не согрѣшѣва и ап^ѣли, ради грѣшни плакаха, и самъ Христось плака за грѣшни“ (Иосиф Брадати, 121); **58.** „Недохождалитѣ наѣмь геѡрѣги затова добро щото струвам азъ тебе“ (Любл., 517); **59.** „Не знаиш, чи е твой. А той му рече: Ами не знаи ли, чи не е твой?“ (Берон, 44).

Рассмотрим пример 55. В этом схоластическом рассуждении речь идет о том, имело ли место в прошлом действие *ѣде*, ел или не ел Христос после воскресения. Характер реализации действия не интересует говорящего. Безразлично, длительным или недлительным, однократным или многократным было данное действие, завершилось оно или нет. Значение аориста сводится к указанию на то, что данный факт вообще, в принципе имел место в прошлом, т. е. до момента речи. Так же мы интерпретируем и остальные примеры.

Обозначение действия, не связанного в своем проявлении с конкретными условиями места и времени, свойственно основам несовершенного вида вообще. Форма аориста позволяет представить такое действие как факт прошлого.

В итоге наблюдений над аористом глаголов совершенного и несовершенного видов можно сказать, что данной форме присуще значение действия, взятого „во всем его объеме, во всей продолжительности его протекания“⁴⁹, как целое, и отнесенного к прошедшему по отношению к моменту речи периоду. При этом аорист глаголов совершенного

⁴⁹ Л. Андрейчин. Основна българска граматика, стр. 228.

вида указывает на завершенность действия, аорист глаголов несовершенного вида констатирует сам факт наличия действия в прошлом, не отмечая его завершенности.

§ 7. Имперфект глаголов несовершенного вида употребляется как в связном повествовании, так и в неповествовательных контекстах, в том числе при сообщении или вопросе об отдельном факте прошлого. В связном повествовании он встречается главным образом во вступлениях к основному повествованию и в отступлениях от основной сюжетной линии при описании ситуаций, сложившихся к моменту, о котором идет речь; но он может употребляться также и при изложении основной сюжетной линии.

В отличие от аориста глаголов совершенного и несовершенного видов, представляющего действие как целое, во всей его продолжительности в прошлом, имперфект глаголов несовершенного вида сам по себе никогда не характеризует действие с точки зрения этого признака. Поэтому при наличии в контексте специальных показателей, ограничивающих протекание действия определенными пределами, имперфект глаголов несовершенного вида объективно может обозначать действие, взятое во всей его продолжительности в прошлом. Например:

60. „...изабахамъ нвсѣте ѿтамрукъ, инагрѣдитѣмъ оставиха камень великъ, тѣибѣше царь повелѣлъ. и така трѣпѣше с(ве)тѣй доѣтрѣ бл(а)годареше б(ог)а“ (Любл., 509); **61.** „Та пак ходеха на околу му от узуре дор'ду пладне и викаха сас голѣмъ глас и думаха...“ (Свищов, 299); **62.** „И оу тоизи монастырь бѣше нѣкои калоерь... и м'ого години постѣше се тамо ѿ монастырь...“ (Копр., 59)⁵⁰.

В то же время в других, более распространенных случаях употребления имперфект глаголов несовершенного вида представляет действие как уже начавшееся и еще незаконченное в прошлом в момент, о котором говорится. При этом действие фиксируется лишь в какой-то части своего протекания. Например:

63. „и пойдоха из'бодоха го сичкотомъ тѣло... И единъ слѣга стму димитрѣю... стоаше и гледаше стго като го збодоха ѿнѣа царевы воине и отидоха си. а той извады стму прѣстенъ ѿ десната рѣка...“ (Копр., 18).

Случаи нейтрализации различия в значении форм имперфекта глаголов несовершенного вида и форм аориста глаголов соответствующего вида позволяют выделить в качестве признака, дифференцирующего их значение, указание на то, что действие представлено говорящим как целое, взятое на всем своем протяжении.

В корреляции по данному признаку аорист выступает как маркированный член, как форма, сигнализирующая о наличии данного признака, имперфект — как немаркированный член, как форма, не характеризующая действие в этом отношении. Вместе с тем, поскольку аорист никогда не может обозначить действие, фиксируемое лишь в какой-то

⁵⁰ Следует отметить, что употребление имперфекта глаголов несовершенного вида в сочетании с обстоятельствами продолжительности действия встречается относительно редко. Значительно чаще конкретное действие, обозначенное имперфектом, предстает в контексте как распространявшееся в своем проявлении на неопределенно-длительный отрезок времени в прошлом. Например:

64. „Оты понапреть, до где не бѣ родила, и като роди и подирь рождество по истинна се дѣвица беша“ (Свищов, 170); **65.** „... защо той ... ѿпрѣвѣнь любѣше сич'ките людѣ, анаподирѣ сич'ките мразѣше“ (Любл., 480).

части его протекания, представленное как уже начавшееся и еще незаконченное в момент прошлого, с которым связана его реализация, указанное значение следует рассматривать как специфическое значение имперфекта.

При отсутствии в контексте показателей объективной множественности проявлений действия, имперфект глаголов несовершенного вида обозначает конкретное действие, имевшее место в прошлом, т. е. до момента речи. Имперфект глаголов несовершенного вида, обозначающих конкретное действие, употребляется в повествовательном контексте наряду с формами аориста глаголов совершенного вида, также обозначающих конкретное действие. При этом формами аориста глаголов совершенного вида обозначается действие, завершившееся в момент прошлого, о котором идет речь, формами имперфекта глаголов несовершенного вида — конкретное действие, уже осуществляющееся и еще не законченное в данный момент прошлого.

Так, в приведенном выше примере (63) действия *стоаше*, *гледаше* предстают как такие, которые фиксируются в один из отрезков своего протекания, определяемый как период осуществления действий *збодох* и *отидох*. Когда они начались, продолжались ли они после выделяемого отрезка времени, остается невыраженным, поскольку это и не интересует говорящего. Относительно действий *стоаше*, *гледаше* можно сказать также, что они предстают в процессе своего конкретного протекания в прошлом в отличие от действий *пойдох*, *избодох*, охарактеризованных лишь с точки зрения своей завершенности. Чтобы полнее представить себе различие в значении имперфекта глаголов несовершенного вида и аориста глаголов совершенного и несовершенного видов в подобных случаях их употребления в повествовательном контексте, сопоставим значение форм *стоа* (31), *стоаше* и *постоя* (44). Если, как мы уже говорили ранее, действия, обозначенные аористом, предстают на всем протяжении своего протекания в прошлом (*стоа три часъве*, *постоя мал'ко нещю*), то действие, обозначенное имперфектом, является незавершенным в момент, о котором идет речь. Способность концентрировать внимание лишь на одном из моментов развития действия, в который оно предстает как уже осуществляющееся и незавершенное, является характерной чертой имперфекта глаголов несовершенного вида, обозначающих конкретное действие.

Если содержанием высказывания является сообщение о занятиях одного из действующих лиц в момент, когда другим лицом было осуществлено и завершено какое-то действие (подобно тому, как мы это видели в примере 63), то действия, обозначенные имперфектом глаголов несовершенного вида, выступают как такие, о которых сообщается в связи с действиями основной сюжетной линии рассказа. Поэтому они воспринимаются как одновременные с действиями, обозначенными аористом глаголов совершенного вида. Значение одновременности выступает на первый план, если имперфект употреблен в высказывании, содержанием которого является сообщение о побочных занятиях действующего лица в тот момент прошлого, когда им же самим было завершено другое действие. Например:

66. „...И молъхъ сѣ на сѣлтанъ да ма пощади, а онъ сѣдше на конѣ своегѣ, викна на молоша са голъмь гнѣвъ и рече...“ (Автобиограф., 58, 59); 67. „И катог видѣ ѿнѣзи момкъ ѿдалече, и дрѣжаше гола сабла въ рѣката си, наче да бѣга...“ (Копр., 179); 68. „...Еденъ юноша белообразенъ доиде и дрѣжеше оу рѣка ферманъ и рече...“ (Селищев. Отчет, 54).

Имперфект глаголов несовершенного вида в таких случаях выступает в функции деепричастия глаголов несовершенного вида, выражая одновременность побочного действия с главным действием (обязательно в прошедшем времени — в этом отличие от деепричастия, употребление которого не ограничено временем главного действия). Рассмотренное употребление имперфекта связано с определенными условиями контекста. Так, если о побочных занятиях действующего лица в момент, когда им же самим было завершено другое действие, сообщается в составе определительного придаточного предложения, значение формы имперфекта глаголов несовершенного вида уже нельзя свести к значению деепричастия, ср.:

69. „И тогази ѡнова тѣло що бѣгаше, подѣма...“ (Тихонр., 167).

Если о конкретном действии, обозначенном имперфектом глаголов несовершенного вида, говорится в главном предложении в составе временного сложноподчиненного с союзом „когда“ (причем в качестве сказуемого придаточного предложения употреблена форма аориста глаголов совершенного вида) — оно всегда выступает как одновременное действию, выраженному аористом. Например:

70. „и кога бы преданіе хрѣтово сички апѣле бежа побѣгнале ѡ страхъ іудейскій, а той беше тамо и стоѣше при крѣть хрѣтовъ“ (Копр., 172).

Подобные примеры употребления имперфекта глаголов несовершенного вида как-будто подтверждают точку зрения тех исследователей, которые рассматривают имперфект как относительное время одновременности — „настоящее в прошедшем“⁵¹, как время, при помощи которого обозначается действие, „сопровождающее другой факт или другое действие“⁵², т. е. как время, указывающее на отношение одного действия к другому⁵³. Однако даже в повествовательном контексте специфику имперфекта далеко не всегда можно свести к выражению одновременности побочного действия действию главному, обозначенному формой аориста. Прежде всего имперфект глаголов несовершенного вида может обозначать действие, представляющее непосредственный интерес для воспроизведения последовательного развития событий, поскольку благодаря сообщению о нем раскрывается поведение действующего лица в период между моментами завершения двух последовательных действий, обозначенных аористом глаголов совершенного вида. Например:

71. „Подирь Пилата на осмиа-ть день излези царь Августъ на ловь. Сась божа-та волѣ дигна едного рогача сась загари-те негови. И бегаше рогача-ть, и отиде преть пештера-та, и стана...“ (Белгр., 47);

72. „...И влѣзе врѣхъ вѣдата иходѣше. иприблизисе прикраи“ (Тихонр., 175); 73. „И като чю онъзы гла онисифоръ, паднѣ на землѣ, и трепераше, и лежаше като мртѣвь, до где дойде сщеникъ... и вдигна го“ (Копр., 26).

О формах *бегаше*, *ходѣше*, *трепераше*, *лежаше* нельзя сказать, что ими обозначены побочные действия, параллельные другим, поскольку благодаря сообщению об этих действиях характеризуется определенный

⁵¹ Л. Андрейчин. Основна българска граматика, стр. 206—208, 233—234 и др.

⁵² B. Havránek. Aspect et temps du verbe en vieux slave. — „Mélanges de linguistique offerts à Charles Bally“. Genève, 1939, p. 227.

⁵³ N. S. Trubezkoy. Altkirchenslavische Grammatik. Wien, 1954, стр. 155—156.

этап в поступательном развитии событий. На то, что этот этап следует за этапом завершения действия, обозначенного аористом, могут специально указывать обстоятельственные слова. Например:

74. „Иповелѣ та донесоха ботуше желѣзны... и обуха в'тъхъ с(ве)т(а)го. *инапокон'го биаха и влачаха даго турѣтъ вътъмница...*“ (Любл., 512).

Действие, обозначенное имперфектом глаголов несовершенного вида, может относиться к периоду, хронологически предшествовавшему периоду завершения действия, обозначенного аористом глаголов совершенного вида. Например:

75. „Икато бѣха натрапезата, друго недумаха, ами тъкмо зас(и)на имь геѠргѣа. детосе минь годината какъ самси *прѣдстоаше* натрапезата, *ислугуваше*“ (Любл., 526).

В других случаях о действии, обозначенном имперфектом глаголов несовершенного вида, сообщают с целью конкретизировать, определить в какой-то мере момент осуществления действия, выраженного аористом. Например:

76. „Некои времена *ходеше* прѣподобни отъць наши Макариа по пѣстини. И доиде ангель господань при него и му рече...“ (Белгр., 55);

77. „Амы и въ алеѡзан'рѣи бѣше нѣкоа двѣца некр'тена... и въ единь днь *ходѣше* по градына своа из' овошѣето, и видѣ чѣка... и повика го онази мома и р'е мѣ...“ (Копр., 54).

В приведенных примерах сообщение о действии *ходеше* (и *ходѣше*) помогает уточнить, в какой именно момент прошлого, лишь весьма приблизительно определенный обстоятельственными словами *некои времена*, *въ единь днь*, произошли действия *доиде*, *видѣ*. Таким образом, об этих случаях употребления имперфекта неправомерно сказать, что действие, обозначенное им, фиксируется лишь в один из отрезков своего протекания, одновременный с моментом завершения действия, обозначенного аористом. Напротив, последнее приурочивается к одному из моментов в протекании неопределенно длительного действия, переданного имперфектом. С аналогичными отношениями между действиями мы встречаемся во временных сложноподчиненных предложениях, если в придаточном предложении употреблена форма имперфекта глаголов несовершенного вида, в главном — форма аориста глаголов совершенного вида, например:

78. „И като Ѡхож'аше при жьтварете ѡсрѣте го архггль михаиль...“ (Копр., 44).

Хронологические отношения между конкретными действиями, обозначенными формой имперфекта глаголов несовершенного вида и формой аориста глаголов совершенного вида, иногда вообще не могут быть установлены, например, если действие в имперфекте раскрывает, описывает конкретное протекание действия, выраженного формой аориста:

79. „Итогива нѣкои попове Еллин'сѣи, идругы Ѡнарѡд дръпнаха с(ве)т(а)го Ѡчер'ковата таго *биаха* итикаха ииспѣдихаго внь“ (Любл., 518).

Наконец, даже в повествовательном контексте конкретное действие, обозначенное формой имперфекта глагола несовершенного вида, может сопоставляться с действием, выраженным формой настоящего времени. Тем самым оно „отрывается“ от действий, обозначенных формами аориста, и не может рассматриваться как сопровождающее эти действия, как побочное по сравнению с ними. Например:

80. „И ные... пойдох'ме ... историх'ме тамс кол'ко бы води бж'а и цр'твото ти и затова се ные надвех'ме да сме почтены Ѡ цр'твото ты, а ные гледаме всѣ, че нѣс'ме почтени...“ (Копр., 97).

В неопределенном контексте имперфект глаголов несовершенного вида, обозначающих конкретное действие, также часто употребляется при сопоставлении с действиями, выраженными формами настоящего и будущего времени. Например:

81. „ами кого имама азъ Ѡ сега да ме утешы. тѣбе имахъ чедо мое надеж'а и на тебе са надѣвахъ, и ти ми бѣше чедо мое оцъ и майка... ами сега на место тебѣ кои да ме погледне... и пакъ чедо мое гдѣ е сега петръ, оученикъ твой, дето те любеше и думаше в'чера съ тебѣ наедно да ѡмре, а сега гдѣ е...“ (Копр., 192—193); **82.** „Подобрѣ ли ѣ да си със нас или със Христа твоего? А светый отговори: със Христа моего бѣхъ и пакъ ища да бѣде със него“ (Свищов, 132).

Мы согласны с Ю. С. Масловым, который в возможности такого употребления имперфекта видит один из веских аргументов против теории об относительном значении этого времени⁵⁴. В качестве еще одного из доводов против этой теории напомним, что имперфект наряду с конкретным действием может обозначать действие обычное, постоянное, периодически повторявшееся, а о таких действиях нельзя сказать, что они сопровождают действие в аористе и упоминаются как побочные одновременные с ним. Да и аористом может быть обозначено обобщенное, объективно множественное действие, об одновременности с которым другого действия вообще не представляется возможным говорить. Мы считаем, что обозначение имперфектом побочного действия, одновременного другим действиям того же временного плана, — это лишь одно из возможных употреблений данной формы времени.

В некоторых случаях, как мы пытались показать, с равным успехом можно говорить об одновременности действий, обозначенных аористом, действиям, обозначенным имперфектом глаголов конкретного действия.

Вызывает у нас возражение и само понимание значения относительного времени как значения соотносительности времени совершения действия не с моментом речи, а со временем другого действия. Выражение хронологических отношений между действиями — область деепричастий. Относительным временем, по нашему мнению, может быть названо лишь такое, которое в самом себе несет указание на двойственную темпоральную характеристику действия. При употреблении относительного времени мы получаем представление по крайней мере о двух временных планах, если даже действие, им обозначенное, является единственным, о котором сообщается. К таким временам из числа прошедших относятся перфект и плюсквамперфект.

Следующие в речевом потоке одна за другой формы имперфекта глаголов несовершенного вида употребляются как для обозначения конкретных действий, реализация которых связана с одним и тем же периодом прошлого (63, 81), так и для обозначения конкретных действий, приурочиваемых к различным периодам прошлого (65, 75).

Имперфект глаголов несовершенного вида широко употребляется также при обозначении действий обобщенных, объективно множественных, например:

83. „ѡще беше во анадолъ, ѡще беше рахатъ стый лазаръ правеше

⁵⁴ Ю. С. Маслов. Критические заметки по болгарской грамматике. — „Ученые записки Института славяноведения АН СССР“, вып. IV. М., 1951, стр. 363—370; его же. Глагольный вид в современном болгарском языке, стр. 161, 162.

многѡ хаирати, голи *облещеше*, спѣталѣе, сирѣчь кѣѣи за болни люди правеше и *пригледеше*... манастири *созыдѣваше*, калуѣери *поставѣше*, ѣгѣмене *на местѣваше*...“ (Селищев. Отчет, 39); **84.** „...И от много топови и пушки стреланиа... димѣть са згѣсти и покри градѣть и сичката воиска... и от тоизи димѣ многу *са задушѣваха* и *падаха* и *умираха* и *сечѣхаса* по калето и *ловѣхаса* за руети и тоизи претемний сечѣ беши сичка день дору притисна ноцнаа темниа, и раздели ги и престана сечѣ“ (Царигр., 432); **85.** „...и многоу кратѣ сотвори бранѣ, с кесаремѣ греческимѣ за землю, и за грады, *исперѣва побѣждаше*, а *послѣ побѣждаше* сѣ понеже Ѡскорбиша сѣ болгарскѣа болѣре на него и оубиша егѣ“ (Зогр., 633); **86.** „...а гѣ бѣ ...*многѣо пыты наказѣваше* родѣ чѣльскы със сѣтрахованѣе сѣкакѣвы и със болесты... давно би се чѣкъ ѡплашилѣ да остави зло свое. ами чѣкъ не може да омрази грѣѣ, ...ами тѣкъмо на своето си тѣло *ѡгажѣаше* и *чинѣше* воли вражѣбникѣ своимѣ дѣаволѣ...“ (Копр., 108); **87.** „Така чинѣше *сѣвогы*, догде иостарѣ...“ (Любл., 547); **88.** „Защо бѣ *неищеше* никога зло, ами *сѣвогы* добро *любѣше* и *ищѣше*“ (Тихонр., 234); **89.** „И нѣкои хрѣтѣанинѣ имаше отрочѣ гѣдѣо и нѣмо Ѡкакѣ се Ѡманка си така родило, и *оузѣмаше* го Ѡдѣ мѣ на сека година и *занесѣваше* го оу црѣвата стому арѣхггѣ и *мѣше* архггла Михаилѣ да мѣ исцѣли отрочето“ (Копр., 45, 46); **90.** „И бѣше на това врѣме на антѣѣхѣю флавѣанѣ патрѣархѣ... и *ходѣше* ѣ црѣква на *сѣкаа ноцѣ* и *дрѣжашѣ* бѣдѣнѣе и *мѣше* се бѣ. и кѣви мѣ се аггѣ гнѣ и рѣе мѣ“ (Копр., 61).

Сопоставляя эти примеры с примерами, приведенными выше на употребление форм аориста глаголов совершенного и несовершенного видов при обозначении множественного действия, можно сделать следующие наблюдения. Во-первых, действие, обозначенное имперфектом, воспринимается как множественное не только в случаях, аналогичных тем, которые были отмечены нами при анализе употребления аориста, но, кроме того, в тех случаях, когда из контекста явствует, что действие повторялось в прошлом регулярно с указанной периодичностью (89, 90). Поскольку в сочетании с определениями регулярной повторяемости действия, характеризующими действие со стороны особенностей его протекания, не может употребляться ни аорист глаголов совершенного вида, ни аорист глаголов несовершенного вида, можно думать, что невозможность такого употребления связана не с видовым в узком смысле слова значением основы, а с особенностями временного значения аориста. Поэтому примеры употребления имперфекта в сочетании с показателями периодичности регулярного повторения действия представляют особый интерес, показывая специфическое в значении этой формы времени.

Во-вторых, множественное действие, обозначенное формой имперфекта глаголов несовершенного вида, лишь в редких случаях связывается в своем проявлении с каким-то конкретным промежутком времени (84). Как правило, оно представляется как не приуроченное к определенному отрезку времени, обычное (83, 85, 86, 89, 90), свойственное данному действующему лицу. Например:

91. „Авраамѣ Ѡнѣзы гостѣлюбныи, дето го чѣюемѣ на писанѣе, и имаше женѣ, Сарра името кѣ бѣ, и бѣше безплоднаа и не ражѣаше“ (Копр., 34); **92.** „Хс *оучеше* да не любите иманѣе, ами защо го предаде на распѣтѣе или ти не даде дарѣ... и тебе. и ти исцѣлѣѣва болни...“ (Копр., 193, 194).

Следует отметить, что в сфере простых прошедших времен выражение действия как обычного, типичного для данного действующего лица свойственно лишь имперфекту, причем, как мы это увидим ниже, не только от основ несовершенного, но и от основ совершенного вида. Аорист глаголов несовершенного вида может передавать близкое значение лишь в сочетании с наречием *никогда* (50), причем возможность такого сочетания объясняется, по-видимому, тем, что наречие 'никогда' дает представление о целостном отрезке времени.

Таким образом, анализ примеров употребления имперфекта при обозначении множественного действия также показывает, что этой форме времени не свойственно указание на целостность действия, регистрируемого на всем его протяжении. Специфическим для имперфекта глаголов несовершенного вида, обозначающих множественное действие, по сравнению с аористом является выражение обычности, типичности действия. Именно потому, что имперфект в корреляции с аористом выступает как немаркированный член, сфера его употребления, как мы видели, оказывается более широкой.

Следующие в речевой потоке одна за другой формы имперфекта глаголов несовершенного вида, обозначающих множественное действие, так же как и формы имперфекта глаголов, обозначающих конкретное действие, употребляются при перечислении действий одного и того же периода прошлого или различных периодов прошлого с целью установить их качественное разнообразие (83—86). Кроме того, они употребляются при сообщении о ряде действий, образующих типичную ситуацию, единый цикл действий, отношения между которыми не изменяются в ходе повторения всего цикла (89, 93).

§ 8. Имперфект глаголов совершенного вида по сравнению с имперфектом глаголов несовершенного вида употребляется в более ограниченном круге контекстов. Так, нам не встретилось употребление этой формы в простом предложении с одним сказуемым. Имперфект глаголов совершенного вида не употребляется во всех типах контекста, содержанием которых является сообщение или вопрос о конкретных действиях в прошлом, поскольку им всегда обозначается обобщенное, множественное действие. Но и по сравнению с имперфектом глаголов несовершенного вида, обозначающих множественное действие, сфера употребления имперфекта глаголов совершенного вида оказывается более узкой.

Как правило, имперфект глаголов совершенного вида употребляется при сообщении по крайней мере о двух множественных действиях, если они образуют цикл совместно повторявшихся действий, составивших типичную для какого-то отрезка времени в прошлом ситуацию⁵⁵. При этом часть действий может быть обозначена имперфектом глаголов несовершенного вида. С таким употреблением имперфекта глаголов совершенного вида мы встречаемся в слитных, сложносочиненных и сложноподчиненных предложениях с придаточными временными, условными, дополнительными, подлежащими и с придаточными места. Формы имперфекта глаголов совершенного вида могут стоять и в главном и в придаточном предложении, или же в обоих предложениях сразу.

⁵⁵ Подробный анализ характера отношений между действиями, образующими типичную ситуацию, одно или несколько из которых представлены формами имперфекта глаголов совершенного вида, дан в работе Ю. С. Маслова (Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках — „Вопросы славянского языкознания“, вып. I. М., 1954, стр. 68—138).

Как мы уже отмечали, при описании типичных ситуаций, для которых характерна внутренняя соотнесенность между отдельными действиями повторявшегося в прошлом цикла, могут употребляться также формы имперфекта только глаголов несовершенного вида. Например:

93. „И кога бы прѣва не^хля напостите. *литѣрисѣваше* сѣщенникъ. и причещавашѣсе сичъки Ѡстое причещеніе хѣво. ималъко напаконь кѣтїе идѣха. ипакъсе събыраха Ѡ, црква, ичинѣха молкнїе... *ицѣлѣваха* игѣмена... *ипрощаваше*. итогази Ѡворюваха вратата монастиръскы ипѣваха на гла... *Исходѣха* навѣнъка сичъките. ато Ѡставѣха ѡмонастирь едного или двама“ (Тихонр., 166).

К употреблению имперфекта глаголов совершенного вида прибегают в тех случаях, когда почему-либо важно подчеркнуть завершенность того или иного действия цикла каждый раз при его проявлении.

В зависимости от синтаксического строя предложения и от реального значения союзных слов устанавливается тот или иной характер отношений между действиями в рамках типичной ситуации. Выбор между глаголами совершенного и несовершенного вида помогает уточнить характер этих отношений. Так, к употреблению имперфекта глаголов совершенного вида в качестве сказуемого придаточного предложения условия прибегают в том случае, если важно подчеркнуть, что множественное действие должно каждый раз при своем проявлении завершиться, чтобы составить предпосылку для проявления другого действия, повторявшегося в прошлом с той же периодичностью. Например:

94. „Вьонова мѣсто... бѣше Ѡпрѣвѣшно врѣме храмъ с(ве)т(о)му геургію. и тамо въ онъзи храм, ако *притечѣше* нѣкои съсичъка вѣра, атои *прїемнеше* щому ищѣше ср(ъ)дцето“ (Любл., 523, 524); **95.** „Когато щѣха нѣкоего да стореть цара. или архїереа. имахѣ мїро... и полѣхамѣ малъко наврѣхъ главѣта. и ако *поидѣше* онова мїро право наносѣтмѣ... а тїе тогази *поставѣха* цара или архїереа. аколи *поидѣше* мїрото настрану, *неоставѣха* тогози ни царь ни архїереа“ (Тихонр., 292); **96.** „... Бѣхме четворица оу една верига кратка неможохме да полегни^н ника, ами ако *полегнеше* Ѡ на двоица, а оныѣ двоица сѣдѣха“ (Автобиогр., 57).

К употреблению имперфекта глаголов совершенного вида в составе придаточного предложения временного предела прибегают в том случае, если важно указать, что в рамках типичной ситуации завершение одного из действий каждый раз полагает предел протеканию другого действия. Например:

97. „И заради тѣзи рѣчь не оставаше тогази диаволь ни една двѣца, до где ю не *съблазнѣше*. да не бы се нашла никоа чиста да е мти бжїа“ (Копр., 73); **98.** „Лежа^х на очите си. доде *додеше* пакъ Ѡнзи свѣтъ, *тапросѣвтеше* около мене, и *побѣгнеше* Ѡмене тази мысль“ (Тихонр., 173).

К употреблению имперфекта глаголов совершенного вида в качестве сказуемого придаточного предложения времени с союзом 'когда' обращаются в том случае, если важно установить хронологическую соотнесенность действий внутри повторявшегося в прошлом цикла действий. Например:

99. „И тоизи калоерь... кога се нѣкогы *разболѣше* врача не ищѣше никакъ... ами *пойдеше* и *припаднѣше* прѣвѣ иконата... и *оздравѣше*, и така чинѣше сѣкогы“ (Копр., 49); **100.** „Кога бѣше младъ. пасѣше Ѡвѣце своему оцѣ. Икога *додѣше* не^хля, а тои прикараше Ѡвѣцетеси,

ато вълъзъваше оу църквата. имлѣшесе бѣ“ (Тихонр., 8); **101.** „Ами и коги *засвирѣши* онзы змей, сичкоту село от страхъ трепѣреши“ (Свищов, 127).

Ср. также употребление имперфекта глаголов совершенного вида в придаточных дополнительных, подлежащих, места, когда с той или иной целью важно подчеркнуть завершенность одного из действий цикла каждый раз при его проявлении в прошлом:

102. „Имаха законъ игриаха тамо петь игри... Икои *навиѣше* на тѣа е игри. атѣго. вѣн'чаваха със' цвѣтоове“ (Тихонр., 252); **103.** „Иродисе вьнова езеро лукавы змей дѣвол'иката д(е)нь излазѣше изьезерото, имнѣго людѣ поидаше... И що *налѣрѣше* друго се влачѣше вьезерото“ (Любл., 520); **104.** „И тоизи валаамъ, кого проклѣнѣше бываше проклетъ“ (Тихонр., 243); **105.** „Прѣрк мѣси когато щѣше да иде на обѣтованію землю, сы ре въ ерѣлѣмъ, и где *проинѣше* а той плѣнѣваше граѣѣве и места...“ (Копр., 36); **106.** „... бѣше нѣкои царь... и где разберѣше или найдѣше хрѣтианина чѣка, и той *пѣстеше* да го ѣбѣють“ (Копр., 13).

Употребление имперфекта глаголов совершенного вида в главных предложениях в составе сложноподчиненных предложений или в ряду однородных сказуемых слитного предложения встречается значительно реже и носит более факультативный характер, хотя также определяется стремлением подчеркнуть завершенность того или другого действия в рамках типичной ситуации каждый раз при его проявлении в прошлом. См. примеры 94, 99, 106, а также следующие:

107. „Не ли знайте как съ коги падахми на бой, как' се не надѣвахме на сабѣте си, ... ами *призовѣхме* име Христову...“ (Свищов, 230); **108.** „Икога мнѣго плача и биах'се. тогази *доидеше* свѣтъ свѣтликавъ таме *ѡбиградѣше* хѣбость, итогазимисе *ѣтѣшаваше* срѣцето“ (Тихонр., 173); **109.** „... Ами женатамѣ ходѣше, ипросѣше *идонѣсешемѣ* хлѣбъ, и ѡдалечъ мѣ поѣрѣлѣше“ (Тихонр., 26); **110.** „Инавьсакыи празѣникъ, ѡдѣлѣваше ѡиманѣтоси два дѣла. иединъ дѣлъ, *раздадѣше* по сыромаси. а дрѣгыи дѣлъ даваше бѣ ѣчер'кова“ (Тихонр., 16).

Следует отметить, что имперфект глаголов совершенного вида может употребляться при сообщении о ряде множественных действий, не связанных между собой никакими иными отношениями, кроме отношений совместного проявления в прошлом в рамках типичной ситуации, т. е. вне так называемых соотносительных конструкций. Например:

111. „... Иродителѣ нѣговы прѣставихасе... ииманѣето бащинуму ... остана нѣкму врьѣте. Итоизи добродѣтелны мужь, неразсипаго... ами что струваше. бѣше сѣкы д(е)нь, *нахранѣше* гладны, напоѣваше жѣдны, облачѣше голы. пригледуваше сыромасы...“ (Любл., 534); **112.** „Ищото бѣха тѣмниціи... сич'ко бѣше плѣно със хр(и)стіаніи. иедны ѡтѣх наскорогы *прѣдадѣха* насьмрѣть тагы *посѣчѣха*. а другые мѣчаха инаказѣвахагы... Ето сѣкы д(е)нь бѣше ѣбѣство... Итова биваше поградѣве и помѣстахъ“ (Любл., 506).

Изредка встречается также употребление имперфекта глаголов совершенного вида при обозначении обычных действий вне рамок типичной ситуации вообще. Например:

113. „Раѣувай се... коз'ма, дето скоро *пойдеше* при бол'ны. Раѣувай се дамѣане что скоро помагаше на бол'ны... Раѣувай се коз'ма, дето весело и крот'ко *поглѣнѣше* скрѣбны и грижны чѣди и *ѣтѣшаваше* ги“ (Копр., 31).

В данном случае хотя и говорится о ряде характерных для субъекта действий, представления о типичной ситуации, об едином цикле действий не создается. Выбор основы совершенного вида и здесь диктуется необходимостью обозначить завершенность каждого акта множественного действия, распространявшегося в своем проявлении на какой-то отрезок времени в прошлом.

Таким образом, в отличие от имперфекта глаголов несовершенного вида имперфект глаголов совершенного вида всегда обозначает множественное действие, указывая на завершенность этого действия каждый раз при его проявлении. Как и имперфект глаголов несовершенного вида, имперфект глаголов совершенного вида обозначает действие, не характеризующее с точки зрения его завершенности в целом. Этим он отличается от аориста глаголов совершенного вида, всегда указывающего на завершенность действия в целом.

Следует подчеркнуть, что в выборе между возможностью подчеркнуть завершенность каждого отдельного акта в проявлении множественного обычного действия или оставить это невыраженным говорящий относительно свободен. Поэтому, как правильно отмечает Ю. С. Маслов, употребление имперфекта глаголов совершенного вида всегда является факультативным. В любом случае имперфект глаголов совершенного вида может быть заменен имперфектом глаголов несовершенного вида⁵⁶, в то время как обратная замена возможна лишь при наличии определенных условий. Этим, в частности, и объясняется относительно редкое употребление этой формы.

§ 9. Итак, рассматривая аорист и имперфект в их соотношении, мы приходим к выводу, что различие в значении этих времен можно называть, пользуясь термином, предложенным Ю. С. Масловым, „видовым в широком смысле слова“⁵⁷. Аорист всегда представляет действие как целое, взятое во всем его объеме, во всей продолжительности его протекания. Имперфект не включает в свое значение указание на признак целостности действия, а поэтому может обозначать и действие, взятое во всей продолжительности его протекания (если на последнее указывает контекст), и действие явно не целостное, представленное либо в процессе своего протекания, — причем, внимание концентрируется лишь на одном моменте этого процесса, — либо как обычное, типичное для действующего лица. В этих последних случаях имперфект выступает в своем специфическом значении, о чем свидетельствует, в частности, тот факт, что аорист, как мы видели, никогда не может обозначить ни действия, фиксируемого лишь в какой-то части своего протекания, уже начавшегося и еще не законченного в прошлом, ни обычного действия. Подчеркнем еще раз, что, говоря о видовом характере различий в значении аориста и имперфекта, мы отнюдь не отождествляем этого различия с различием совершенного и несовершенного видов. Независимо от того, от какой по виду основы образована форма аориста или имперфекта, она всегда сохраняет присущее ей значение и дает свою характеристику протекания глагольного действия. Наглядным примером этого может служить имперфект глаголов совершенного вида, сохраняющий свое специфическое значение

⁵⁶ Ю. С. Маслов. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке, стр. 274.

⁵⁷ В отличие от Ю. С. Маслова в качестве маркированного члена в указанной корреляции, мы рассматриваем аорист, а не имперфект, исходя, в частности, из того факта, что сфера употребления имперфекта оказывается более широкой. Последнее всегда характерно именно для немаркированного члена корреляции.

нецелостного действия, несмотря на совершенное видовое значение основы глагола.

Сопоставительный анализ аориста и имперфекта, естественно, позволил нам выявить лишь одну из сторон значения этих форм времени. Поэтому, переходя к анализу употребления форм перфекта, мы вместе с тем продолжим начатое исследование и постараемся выявить признаки, дифференцирующие значение перфекта и значение простых прошедших времен. Это позволит нам определить еще одну сторону значения простых прошедших времен. Учитывая характерную для болгарских текстов XVII—XVIII вв. возможность параллельного употребления в одном и том же контексте форм перфекта глаголов совершенного вида и аориста глаголов совершенного вида, а также форм перфекта глаголов несовершенного вида и имперфекта глаголов того же вида, — мы отдельно рассматриваем употребление форм от глаголов совершенного и от глаголов несовершенного вида.

§ 10. Перфект глаголов совершенного и несовершенного видов употребляется главным образом в повествовательных контекстах, в том числе при сообщении или вопросе об отдельном факте прошлого. В повествовательном контексте перфект обозначает действие, предшествующее основной сюжетной линии рассказа, изложенного с использованием настоящего исторического времени (133) или же форм аориста и имперфекта (173, 174, 179, 180). Он никогда не выступает в качестве времени разворачивающегося повествования, что сразу же отграничивает его от простых прошедших времен. Употребление перфекта значительно чаще встречается в различного рода придаточных предложениях, нежели в предложениях независимых.

В дамаскинах XVII в. еще встречаются примеры употребления перфекта глаголов совершенного вида, в которых каждый составной элемент данной формы — действительное причастие прошедшего времени на -лъ и вспомогательный глагол *съмъ* — сохраняет известную самостоятельность, имеет свое временное значение. Вспомогательный глагол указывает на отношение к моменту речи и имеет значение настоящего времени, причастие выражает определенное качество, возникшее в результате завершения прошедшего действия.

Так, морфологическая структура формы перфекта еще отчетливо воспринимается в следующих примерах, где легко проводится параллель между значением составного именного сказуемого и значением сочетания причастия на -лъ + *съмъ*:

114. „И като нѣкои кога е *ѡморень* Ѡ дльгъ пѣтъ и *прогорѣль* Ѡ пекъ и *ожднѣль* и найде кладенѣць стѣдень. или е *огладнѣль*, і найде ѡ некого на трапеза... и не пѣща го нѣкои сил'никъ да дойде на трапезата, ... така е и въ днь сѣдний“ (Копр., 68); **115.** „Като единъ члкъ що е *сториль* зло, и *осѣдень* засъмрьть... така ивые да Ѡждате своѣ съмрьть...“ (Тихонр., 160); **116.** „Какъ да въздышам милое мое чедо. Дали си Ѡвойскъ *загиналь*, или Ѡзвѣрѣе *извѣдень*, или Ѡсабіа *посвѣчень*. или Ѡглад'и Ѡжъдуваніе *заморень*. аколиси живъ драголюбне, ами какли сега животь свой проваждашь. Въкаквили чюжди рѣцѣ паднѣль еси“ (Любл., 525); **117.** „Съи великыи іѡаннь, что е *свѣтил'никъ*, и *оучитель* и *просвѣтилъ* е по сич'кыи свѣтъ. бѣше Ѡ антѣѠхїа гра“ (Копр., 58); **118.** „Ты си *неплодна* и нѣ си ед'накъ *родила*. ами щешъ Ѡ сега да ро'ишь снѣ...“ (Копр., 38); **119.** „Икои навиаше натѣа, е, игри. атѣего вѣн'чаваха със' цвѣтове, ... защо е юнакъ тае *навилъ* на сич'ки игрѣи“ (Тихонр., 253).

По поводу подобных случаев употребления сочетания причастия на -лъ + ксмь в древнерусском языке А. А. Потебня писал следующее: „По отношению к глаголу и за устранением времени причастия -лъ + ксмь равносильно с сочетанием имени с ксмь“. Оно изображает „событие прошедшее (прич.) по отношению к настоящему (глагол.)“, устанавливает, „каков кто есть в силу прежде совершенного действия“⁵⁸.

Следует, однако, заметить, что восприятие причастия на -лъ и формы смь как свободного сочетания двух форм возможно лишь при наличии способствующих такому пониманию синтаксических условий контекста (например, когда вспомогательный глагол смь, выступая в качестве глагола-связки в составе именного сказуемого, является общим для действительного и для страдательного причастий (114—116), или (117—119) когда к одному подлежащему относятся два сказуемых, одно из которых является составным именным с глаголом-связкой смь, а другое представлено сочетанием причастия на -лъ + смь). Причастие на -лъ в таких случаях всегда образовано от основы совершенного вида. Вне подобных условий сочетание причастия на -лъ + смь воспринимается как вполне установившаяся аналитическая форма времени даже в тех случаях, когда при помощи его „осуществляется приписывание в настоящем времени подлежащему готового признака, произведенного самим подлежащим в прошедшем времени“⁵⁹, т. е. когда оно выступает со значением, аналогичным описанному выше. Например:

120. „Гевргїа хр(и)стїанина, потьп'каль е наша дръжава. иѣсувалъе бѣговете наши истрошилъе идолыте. повелѣвамь даму Ѡсѣкъть главѣта...“ (Любл., 519); 121. „И метн'ха рѣе на нѣго, оти идешь и крѣтиль еси, и да не сѣдишь векѣ на прѣстоль зашо ти не поѣбае“ (Копр., 64, 65).

Анализируя употребление перфекта глаголов совершенного и несовершенного видов в текстах XVII—XVIII вв., мы пришли к выводу, что наиболее существенным в значении этой формы времени является то, что действие, обозначенное ею, получает двойственную временную характеристику. А именно — действие квалифицируется как прошедшее не непосредственно по отношению к моменту речи, а по отношению к какому-либо посредствующему моменту (чаще всего настоящему). Двойственность временной характеристики действия, передаваемая формами перфекта, генетически, бесспорно, обусловлена значением сочетания причастия на -лъ + смь. При этом можно выделить два основных случая: первый, объясняемый генетически и наиболее характерный для перфекта, — когда в качестве посредствующего момента, на который указывает сама форма перфекта, рассматривается настоящий момент, т. е. период времени, осмысляемый и квалифицируемый как частично совпадающий с моментом речи; и второй случай — когда посредствующий момент, как об этом можно судить на основании контекста, ни в коей мере не совпадает с моментом речи, находясь либо в прошлом, либо в будущем.

Рассмотрим случаи первого рода. Наш анализ начнем с употребления перфекта глаголов совершенного вида. Во-первых, остановимся на тех случаях, когда к употреблению перфекта глаголов совершенного вида, т. е. к двойственной временной характеристике действия, прибегают с целью указать на то, что факт совершения действия в прошлом характеризует деятеля в настоящем, является в настоящем его отличи-

⁵⁸ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958, стр. 256.

⁵⁹ Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи. — ИОРЯС АН, т. 24. кн. 2. Пг., 1923, стр. 115.

тельным признаком, поскольку в них значение формы перфекта наиболее близко к значению сочетания причастия *на-лъ-†-сѣмъ*. Примеры (120, 121) такого употребления перфекта мы уже дали; рассмотрим теперь подробнее один из них (120). Приведенный отрывок текста представляет собой прямую речь одного из действующих лиц. Стремясь обосновать свое решение о казни одного из христиан (*Повелѣвамь даму Ѡсѣкътъ гавѣта*), говорящий дает характеристику этого лица, указывает на присущие ему в настоящем качества. С этой целью он сообщает о ряде действий, совершенных этим лицом в прошлом: *потыпъ-каль е, Ѡуваль е, строшилъ е*. В значении этих форм четко воспринимается двойственность временной характеристики действия. Относя это действие в прошлое, форма перфекта в то же время позволяет указать на то, что сообщение о действии дается в связи с ситуацией настоящего, сложившейся как прямое следствие этого действия. Таким образом, функцией форм перфекта в данном случае является установление причинной связи между фактом наличия у данного лица в настоящем определенного качества и действием, в силу которого возникло это качество. Такое понимание значения форм перфекта в анализируемом примере подтверждается и самой структурой предложения: формы перфекта употреблены здесь в составе обособленного определения.

Указанное значение формы перфекта глаголов совершенного вида имеют в составе определительных придаточных предложений. Например:

122. „Ѡ прѣтаа дво влѣще, що си родила ба...“ (Тихонр., 171);

123. „Азь и твоето црѣтво почита . ами ба, що е сторилъ нбо и землю и сичѣки свѣтъ, него по тврѣдѣ почита“ (Копр., 15).

В составе такого же рода придаточных определительных предложений могут употребляться и формы аориста глаголов совершенного вида. Например:

124. „Господине Пуплѣе, аз смь онзи, щоту *изгорых*’ капищиту Рейно...“ (Свищов, 130); **125.** „Каин... чи светъ ли беши той, дето закла брата си Авела?“ (Свищов, 114); **126.** „Иреч(е) старецать наженътаси... койти донесе нащрапата... иреч(е) жената, старь бѣ чл(овѣ)къ ипочътень, дето *донесе* нащрапата наша“ (Любл., 548).

При употреблении аориста говорящий, характеризуя какое-то лицо путем сообщения или напоминания о совершенном им примечательном поступке, не указывает на наличие или отсутствие связи этого поступка с ситуацией последующего момента, в частности настоящего. Употребление аориста в придаточных определительных предложениях возможно и в тех случаях, когда в главном предложении речь идет о настоящем моменте (124), и в тех случаях, когда в главном предложении речь идет о прошлом (125, 126). Форма же перфекта в этих предложениях позволяет указать на связь действия с ситуацией настоящего, на то, что факт совершения действия в прошлом рассматривается как качество, присущее деятелю в настоящем. Необходимо, однако, отметить, что поскольку „определяющая“ функция принадлежит уже самому придаточному определительному предложению, основания для выбора в качестве сказуемого такого предложения именно формы перфекта в противоположность форме аориста в тех случаях, когда речь идет о признаке, присущем субъекту в настоящем и возникшем в результате прошедшего действия, максимально сокращаются, в силу чего оказывается иногда возможным параллельное употребление обеих форм. Различие в их значении при этом отступает на задний план. Например:

127. „И слушаи азъ есмь хс̄ дето са^х сътвори^л и́бо и зе́мля и раз-
лѣчи^х тьмѣ и показа^х свѣтъ. азъ ес'мь, что с'мь сътвори^ль слнце да свѣти
днемъ“ (Копр., 160); 128. „И рѣемѣгъ Ѡ невидимо. блженъ еси еистатіе
що си прѣель стое крщеніе и грѣхове те си очисти, и облѣче се въ стое
и просвѣти се дшата твоа и тѣлото“ (Копр., 161).

Уже данный случай нейтрализации различия в значении форм аориста и перфекта позволяет выделить в качестве признака, дифференцирующего их значение, указание на связь прошедшего действия с ситуацией последующего момента. Перфект выступает как форма, включающая в свое значение указание на этот признак, аорист — как форма, не сигнализирующая о данном признаке.

Во-вторых, разберем случаи, когда к употреблению перфекта глаголов совершенного вида прибегают с целью указать на то, что факт совершения действия в прошлом рассматривается с точки зрения настоящего момента, как определивший состояние (в широком смысле этого слова) деятеля в настоящий момент. Для выражения мысли о состоянии деятеля в настоящем как результате ранее осуществленного им действия оказывается необходимым не только выбор формы перфекта, но и выбор определенных по своему лексическому значению глаголов, а именно непереходных глаголов совершенного вида, означающих изменения в состоянии деятеля, в его облике или местоположении. Перфект этих глаголов в контексте, содержанием которого является сообщение о состоянии субъекта в настоящий момент, „означает состояние, последовавшее за действием как его результат и существующее в настоящее время“⁶⁰. Например:

129. „Живь ли е твои баща. и Ѡнзи момакъ рече. нѣ е, ами е ѡмрѣль“ (Копр., 176); 130. „На свад'ба си зовань, що се нера'увашь ами си посрѣн'ль“ (Копр. 2); 131. „Очи мой, ни прилича ти да идишь... оти пѣть дѣлькъ ети и ти си устарѣль и ни можишь толкошь да идишь“ (Свищов, 159); 132. „Иди на пристанище и дош'ль е единь корабь и има голѣми и чюдны мраморе...“ (Копр., 20); 133. „А Ѡнѣа аваре не Ѡст'па^х Ѡ солѣнь, ами го съ Ѡбыградиле и злѣ и^х досажать“ (Копр., 24).

Рассмотрим подробнее пример 129 как наиболее показательный. Диалог посвящен выяснению того, в каком состоянии пребывает в настоящее время отец одного из собеседников. На вопрос, жив ли его отец, этот участник разговора отвечает отрицательно, сообщая затем о том, что отец умер. Ответ может быть интерпретирован так: 'он не жив, а умер, т. е. мертв'.

В остальных примерах внимание также обращено не на действие в прошлом, а на ситуацию, сложившуюся в настоящий момент. Формы *си посрѣн'ль*, *си устарѣль*, *дош'ль е*, *съѠбыградиле*, обозначая прошедшее действие, вместе с тем указывают на то, что сейчас, в настоящий момент, налицо состояние, возникшее в результате этих действий.

Описанное значение форм перфекта, безусловно, связано с лексическим значением глаголов, но определяется не только последним. Об этом свидетельствует то, что аорист аналогичных глаголов, констатируя факт изменения в состоянии, местоположении, облике субъекта, т. е. само действие в прошлом, не указывает на сохранение достигнутого состояния в дальнейшем, в частности в настоящий момент. Доказатель-

⁶⁰ С. И. Соболевский. Грамматика латинского языка. М., 1939, стр. 199.

3 Ученые записки, т. XIX

ством правильности такого понимания значения аориста рассматриваемых глаголов служит возможность употребления его в повествовательном контексте при сообщении о ряде последовательных действий в прошлом. Например:

134. ... „ѡнь зе да бѣе іѡанна и исѣхна мѣ рѣката тоѡ ча“ (Копр., 177); 135. „Ипрѣбы тамо прѣвратата, г, дни исцѣль“ (Тихонр., 13); 136. „Азь іѡаннь като чюхь това безакон'ство. тогази моата д(ѣ)ша ѣмалъ намене, икосмите мои исправихасе наглавьтами“ (Любл., 558).

При этом отсутствие связи обозначенных аористом действий с ситуацией последующего момента и, в частности, настоящего подчеркивается иногда специальными обстоятельственными словами типа *тогази*, *тоѡ час*, приурочивающими переход в новое состояние к определенному моменту в прошлом (134, 136). Употребление перфекта в указанных условиях исключено.

Вне рамок повествования о прошлом, где одинаково возможно употребление и форм перфекта, и форм аориста глаголов совершенного вида с рассматриваемым лексическим значением, выбор между ними зависит от общего задания высказывания. В случаях, аналогичных приведенным выше (129—133), когда важно остановить внимание на состоянии в настоящем, являющемся результатом осуществленного данным лицом в прошлом действия, при отсутствии других средств выражения этой мысли, обязателен выбор формы перфекта. Если же мысль о состоянии в настоящем не важна, если важно отметить лишь сам факт изменения в состоянии, облике, местоположении субъекта, не указывая специально на сохранение достигнутого состояния в последующий период, говорящий изберет форму аориста. Например:

137. „И тоѡ ча възврати мѣ се дшата въ телото. и стань и р е где брат'ми... и пойдоха и казаха му... оживѣ брат ты, чиститы царѣ, и вика тебе“ (Копр., 6).

Здесь форму аориста *оживѣ* нельзя было бы интерпретировать по типу примера 129 с перфектом *ѣмриаль*. (*Оживѣ* и *вика* не значит 'он живой и зовет', а значит 'он стал живым, ожил и зовет'.)

Указание на то, что для говорящего прежде всего важно донести мысль о ситуации в настоящий момент, может быть дано также при помощи включения в состав высказывания обстоятельственных слов типа *сега* в значении 'сейчас', 'в настоящий момент'. В таких случаях в качестве сказуемого высказывания о настоящем может быть употреблена и форма перфекта, и форма аориста глаголов совершенного вида. Например:

138. „Врѣме *сегае* дошло, щототысе обреко^х дамиси Ѡ сега начеть помощница“ (Тихонр., 172); 139. „Ако бѣдемесе постиле досега със' вражда. ано *сегае* дошла велика нѣ^ама... ипо^обное сега дасе исправи“...“ (Тихонр., 256); 140. „Защо ако ипотеглих'ме постны пѣть що минѣваме идоднеска, ами *сега* доде день дапочинемси“ (Тихонр., 158).

Значение сочетаний *сега* + *дойде* и *сега* + *е дошло* практически тождественно или очень близко. Поэтому иногда в составе слитного предложения, включающего в свой состав обстоятельство времени *сега*, в качестве однородных сказуемых могут употребляться и формы перфекта, и формы аориста. Например:

141. „...р е емѣ гъ Ѡ невидимо. блженъ еси еистатѣ що си прѣель стое крщенѣ... *сега* си навиль на лѣкаваго дѣавола и *присмѣ* мѣ се... *сега* си пот'п'каль негова сила“ (Копр., 161).

И в данном случае нейтрализация различия в значении форм аориста и перфекта оказывается возможной потому, что в корреляции по признаку двойственности временной характеристики действия аорист выступает в качестве немаркированного члена.

В-третьих, остановимся на случаях, когда к употреблению перфекта глаголов совершенного вида прибегают, чтобы специально указать на то, что о факте совершения действия в прошлом сообщается с целью осветить положение дел в настоящий момент. Если о рассмотренных выше случаях употребления перфекта, пользуясь образным сравнением В. В. Виноградова, можно сказать, что там мысль о качестве или состоянии деятеля в настоящем „перевешивает мысль об исполнении действия в прошлом“⁶¹, то здесь на первый план выступает само прошедшее действие, сообщение о котором способствует пониманию создавшейся в настоящий момент ситуации. Например:

142. „Ела да пойдѣме ѿ цркъвата да се поклонимъ... и жената мѡ рѣе, като си рекль, да пойдѣмо...“ (Копр., 29); 143. „И ре имь агль. не бойте се дума^м вамь, оти ще радост' голъма да баде днеска на тойзи свѣтъ, защо се е родиль хс въ грѣа' двдвъ...“ (Копр., 111); 144. „Азь чедо... тебе ѿпуша... кога си надмилъ, иди...“ (Тихонр., 125); 145. „И нѣкои еп кпъ акакіе анорскы рѣе. стаа црца тѣка е повелѣла да се стори съборъ ради іѡанново прѣпираніе“ (Копр., 65); 146. „И рече іѡаннь. не е менѣ пѡстиль хс мрътвы да воскрѣшавамъ, ами да ѡчу прельстени людіе на законь бжій“ (Копр., 176).

Определяя таким образом значение форм перфекта в подобных случаях, мы основываемся не только на конкретном содержании высказываний и контекста в целом, но и на некоторых общих для употребления перфекта моментах. В частности, мы учитываем значение форм перфекта в рассмотренных выше случаях, а также тот особенно важный факт, что формы перфекта не могут употребляться в качестве времени повествования при изложении цепи последовательных, сменяющихся одно другим действий в плане прошлого. Это было бы возможным, если бы определение действия как прошедшего в перфекте не сочеталось с указанием на связь данного действия с последующим (настоящим) моментом. Учитываем мы и наличие аналогичного значения форм перфекта в современном болгарском литературном языке⁶².

Следует заметить, что в случаях, о которых здесь идет речь, выбор между формами перфекта и формами аориста глаголов совершенного вида особенно зависит от субъективного намерения говорящего подчеркнуть связь прошедшего действия с ситуацией в настоящем или оставить эту мысль невыраженной. В условиях одного и того же контекста при сообщении об одном и том же факте прошлого могут быть

⁶¹ В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947, стр. 565.

⁶² Ср. следующее замечание Л. Андрейчина: „Характерным для болгарского прошедшего неопределенного времени (перфекта) является то, что оно может обозначать и действие, не приведшее к материальному, наличному и в момент речи результату, например, *Мислил съм по този въпрос. Чел съм тази книга*. В таких случаях действие также выражается в известной связи с моментом речи, а именно факт совершения действия в прошлом сообщается для характеристики данного „состояния“, существующего в момент речи, на которое почему-либо делается упор в тот момент“. При таком употреблении, по мнению Л. Андрейчина, „можно говорить о результативном значении в абстрактном, грамматическом смысле“ (Л. Андрейчин. Съвременен български език, ч. II, стр. 51).

употреблены и формы перфекта и формы аориста глаголов совершенного вида. Например:

147. „Рече му пакъ Елисей: да баде добрината от бога дето ѿ имаш'ти, да доде на мене. Отговори Илїа: голѣмъ даръ *поискалъ си*...“ (Свищов, 304); 148. „Каже му Елисей: тазы дарба дето ѿ ты имашъ, дваждъ толкози да доде у менѣ. Каже му Илїа: нѣщо твѣрдѣ голѣма дарба поиска“ (Свищов, 99).

Из этого, однако, не следует, что перфект и аорист не различаются по значению. Как мы отмечали выше, значение, аналогичное значению форм перфекта глаголов совершенного вида, может передаваться формами аориста в сочетании с соответствующими обстоятельственными словами, указывающими на связь прошедшего действия с настоящим. В примерах же 147, 148, контекст которых сам по себе не свидетельствует о связи прошедшего действия с настоящим, общее содержание высказываний *голѣмъ даръ поискалъ си* и *нѣщо твѣрдѣ голѣма дарба поиска* нельзя признать одинаковым. В первом случае подчеркивается мысль о том, что прошедшее действие рассматривается как факт настоящего, во втором эта мысль остается невыраженной⁶³. Таким образом, самим выбором формы перфекта при сообщении об отдельном факте прошлого говорящий может отметить, что его интересует прежде всего настоящий момент.

Иногда при сообщении о ряде действий (или если дважды сообщается об одном и том же действии), по-видимому, оказывается возможным переход от одного аспекта рассмотрения действия к другому, чем и объясняются следующие примеры кажущегося „смещения“ форм:

149. „И заради тебѣ *прѣтели*^x вдовищ'ка неволѣ. и что ми е нѣчто мнѣго трѣбѣвало, азе с'мь *прѣтрьпѣла* и *впазила* сич'кото бащино ты иманїе цѣло...“ (Копр., 59); 150. „Г(оспод)и, оти ты нас не познавашъ. че ты нас *направи съствоата рѣка*, тасме ные твои. тыси нас *направи* ѿчетыри силы и(е)б(е)сных...“ (Любл., 502); 151. „Да погрѣбете стго дамїана близѣ при стго коз'ма, защо не ѡзе *лицата* заради цѣна, ами ты е *взел* заради име бжїе“ (Копр., 28); 152. „Никога не самъ *шова*лъ некого, ни самъ *ружилъ*, ни ти *разнѣвахъ се*, не самъ *усудилъ*, не самъ *завиделъ*, ни мало никого не *шбедихъ*, и никому заваръ не учинихъ, ни *шкорбихъ* некого“ (Иосиф Брадати, 109).

В-четвертых, к употреблению форм перфекта глаголов совершенного вида прибегают с целью указать на то, что время совершения действия определяется как прошедшее по отношению к периоду настоящего, о котором идет речь, и с которым связано осуществление других действий, обозначенных формами настоящего времени. Это позволяет вести изложение фактов в одном временном плане — в плане настоящего, т. е. как бы свести все факты к одному временному плану, в то время как при изложении при помощи форм настоящего времени и форм аориста выделяются план настоящего и план прошлого. Таким образом, употребление форм перфекта в этих случаях диктуется скорее стилистическими целями, чем стремлением подчеркнуть какую-то особую сторону мысли о действии.

⁶³ Различие в значении высказываний типа *Аз приготвих доклада си* и *Аз съм приготвил доклада си* отмечает и Л. Андрейчин применительно к современному болгарскому литературному языку. В первом случае, по его мнению, действие выражается как закончившийся в прошлом процесс, во втором — как общий факт, распространяющийся в своем результате и на момент речи (Л. Андрейчин. Към характеристиката на перфекта в българския език, стр. 61).

Такое употребление перфекта обычно наблюдается в придаточных предложениях, если в главном предложении стоит форма настоящего времени или повелительного наклонения. Например:

153. „Царѣ мнѣ голѣтныи, азъ ху моему поклонь чинѣ, защо ѿ него имамъ животь и тои ми е даль сила и навиль са^х на мойте врагове“ (Копр., 170); **154.** „Прости ми ѡнова зло що ти смѣ сториль...“ (Тихонр., 172); **155.** „... оты възходы, ѡгдетое слѣзаль“ (Тихонр., 287); **156.** „... И да приме^х съкы кои що е сториль и зработиль...“ (Копр., 188).

Есть такие случаи, когда в придаточном предложении в качестве однородных сказуемых употребляются и формы перфекта и формы аориста глаголов совершенного вида. Сказуемые придаточного предложения при этом представлены формами настоящего времени. Характерно, что в придаточном предложении первой стоит форма перфекта, соотносящая прошедшее действие с планом настоящего, а затем форма аориста, не указывающая на это (как бы потому, что данная мысль уже выражена благодаря употреблению формы перфекта). Например:

157. „И рече. бе благодарю те, че си пѣстиль угодниците твои коз'ма и дам'ань, и избави ме ѿ крвника дѣвола“ (Копр., 30); **158.** „Прѣпрославленъ еси г(осподи) б(ож)е мой. оти нѣси прѣдаль мене врьѣ детоме ищѣха. ами ма избави като птица ѡприм'ка...“ (Любл., 519).

По-видимому, и в этих случаях мы имеем дело с нейтрализацией различия в значении аориста и перфекта.

Наконец, к случаям, когда возможность употребления формы перфекта объясняется, по-видимому, генетически (тем, что первоначально это было сочетание, включавшее в свой состав форму настоящего времени), следует отнести и употребление перфекта глаголов совершенного вида наряду с формой настоящего времени, которой обозначается потенциальное действие, в предложениях вневременного характера. Например:

159. „Коги пристапишь заповедь, та си престапиль и законо... тогива та нарича стѣ писаніе законо престѣпникъ...“ (Катехизис, 199).

160. „Аще же разлотиши се и въздадешъ по више зло грѣшившему тебе. биваеши совершенно отречень евангеліи и поклониль се еси на арча идола“ (Иосиф Брадати, 117); **161.** „Щеше ли да сотворишь добро на душа сродника своего, собери нищіе и убоги... гости ги и напои ги и три пати да речеть бог да прости душу сродника твоего: тогда му си помогналь, тогда му си сотвориль на душу добро, тогда любиши сродника своего“ (Иосиф Брадати, 122); **162.** „Итовасе зове чюв'ствено. защо зсѣтишь съсплътьси чтоси похватиль, или зкѣсиль“ (Тихонр., 284).

Употребление аориста глаголов совершенного вида в такого рода высказываниях исключено.

Рассмотрим употребление форм перфекта глаголов несовершенного вида.

В составе придаточных определительных предложений формы перфекта глаголов несовершенного вида позволяют подчеркнуть то, что о прошедшем действии сообщается в интересах последующего (настоящего) момента как о действии, определившем качество деятеля в этот момент. Например:

163. „Ами блжени рѣѣ твои ѡ иѡсифе, детось пофащале так'вози тѣло“ (Тихонр., 261); **164.** „Които сте са постиле и които нѣ сте са постили, възвеселѣте са днесъ“ (Свищов, 270).

При этом перфект глаголов несовершенного вида вступает в коррелятивные отношения с имперфектом глаголов того же вида, о чем сви-

детельствует возможность их параллельного употребления в одинаковых условиях контекста. Например:

165. „Елате ивые мои чл(овъ)ци, коитосте давале насыроты инапросъди врыцътеим, анехвалех'теса“ (Любл., 498).

Если в случаях, подобных только что приведенному, трудно установить какое-либо различие в значении сказуемых *сте давале* и *не хвалех'те са*, то в других случаях употребления этих времен в составе придаточных определительных предложений различие в их значении воспринимается вполне отчетливо. Форма перфекта глаголов несовершенного вида соотносит прошедшее действие с ситуацией настоящего, форма имперфекта фиксирует действие, проявляющееся в тот момент прошлого, о котором говорится, не указывая на его связь с последующим моментом (в частности, с настоящим). При этом действующее лицо выделяется, выделяется из числа других именно благодаря тому, что указывается на действие, выполняемое им в данный момент прошлого (69).

Кроме рассмотренных случаев формы перфекта глаголов несовершенного вида употребляются либо для указания на то, что о прошедшем действии сообщается с целью осветить положение дел в настоящий момент (166), либо с целью „свести“ прошедшее действие к плану настоящего тогда, когда нет оснований специально противопоставить план прошлого и план настоящего (167, 168)⁶⁴; причем провести какую-либо четкую грань между обоими случаями затруднительно. Например:

166. „Пр'ркъ двъд каже. дасе поклони“, намъстото детось стоале нъвъ нъговъ“ (Тихонр., 162); **167.** „Пъщанъ ли си некоги Ѡ него да ѡзимашъ дши члчскыи и да мѡ ги занесешъ. рече бѡсь. пѡщаль ма е много и ѡбиваль самъ, ала дша не самъ занесаль“ (Копр., 175); **168.** „Доста нѣ е било времето, дето сме утешавали тѡлото си да утишши сеги пак дустите си“ (Свищов, 238).

При этом встречаются случаи „смешения“ форм перфекта глаголов несовершенного вида и имперфекта тех же по виду глаголов, объясняемые, по-видимому, возможностью перехода от одного аспекта рассмотрения действия к другому. Например:

169. „Такъвзи бѡше и петр апль детого распеха стръмоглавь... Такъвзи е биль и пр'ркъ двъд дето думаше...“ (Тихонр., 16); **170.** „Тогива щъть давъскр(ь)сньть хайдуте да дадъть рѣчь б(ог)ѡ катоса Ѡнемале на сила със'неправда, атоим'се нестоеше даземать чуждо Ѡсыромаси...“ (Любл., 490, 491); **171.** „Охъ тешко тебе дѡше моѡ и ти си била каиль на лютина да биемъ свои братѣ и ты помагала и си била каиль ѡ бес тебе нечинехъ нищо лошо, оба заедно грехъ сторѣхме“ (Селищев. Отчет, 75).

Как и имперфект, перфект глаголов несовершенного вида употребляется при обозначении обычных действий, но только если при этом о таком действии сообщается в связи с ситуацией в настоящем. Например:

172. „Товаса павлѣ имена направедны людѣе, щотоса сдѡдвале бѡ сьсичко срѣце. голы на землѣта дѡгале, ипостиле, инамлба стоале, скыталеса погорѣето, ... и пѡле днь иношь гѡ своемѡ... имилѡвале сыромасы“ (Тихонр., 227, 228).

Возможны случаи параллельного употребления перфекта и имперфекта глаголов несовершенного вида при обозначении обычных действий (165).

⁶⁴ Ср. противопоставление плана прошлого и плана настоящего при употреблении в качестве сказуемых сложного предложения форм имперфекта и настоящего времени в приведенном выше примере 81.

Характерным является то обстоятельство, что при перфекте глаголов несовершенного вида, обозначающем обычное действие, не употребляются определения периодичности регулярных повторений действия, столь часто сочетающиеся с имперфектом (89, 90). Этот факт легко объяснить, если учесть, что при употреблении перфекта указывается на связь действия с ситуацией в настоящем и поэтому нет необходимости (и возможности) характеризовать действие со стороны особенностей его протекания в прошлом.

Рассмотрим теперь второй из выделенных нами выше случаев, когда форма перфекта выражает действие, характеризуемое как прошедшее по отношению к последующему моменту, который является настоящим не по отношению к моменту речи, а по отношению либо к прошедшему, либо к будущему моментам, т. е. объективно для говорящего находится либо в прошедшем, либо в будущем. На последнее обстоятельство указывает контекст. Выбор формы перфекта глаголов совершенного вида (в отличие от форм аориста глаголов того же вида) и здесь определяется необходимостью дать действию двойственную временную характеристику либо с целью указать на качество или состояние деятеля в момент, следующий за действием (174, 177), либо с целью осветить сложившуюся после осуществления действия ситуацию (173, 175, 176). Например, из контекста следует, что посредствующий ориентационный момент, хотя он и представлен как настоящий по отношению к моменту, о котором говорится, объективно является по отношению к моменту речи а) прошедшим:

173. „И ѿнѣа слѣгы цареѿ катѡ затвориха стго и ѿтидоха си весели при цра, защо са сториле волѣ црева. и сти димитрие оста затворень ѡ онази бана...“ (Копр., 16); 174. „Ибѣше тѣлото аплово, катѡ чее заспало“ (Тихонр., 280); 175. „И намѣрих ѡедна риба ѿклуче, и почюдих'се. инемогох дагы познаѣ катѡса минале толкози годинѣ“ (Любл., 558); 176. „И поради тоизи законѣ посрѣѣнаха и ха със' цвѣтѡве млади, и дръжаше сѣкы на рѣка цвѣтъ ѿ вр'ба или ѿ финыкъ, защо е и хс навиль на сѣмртѣ и двиignalъ лазара“ (Копр., 184); 177. „Икога ѿкрыха трапаты, и намѣриха с(ве)т(а)го, честѡи правѣ, иридѣтеси *вдигналъ* нагорѣ нан(е)бо, и бл(а)годаре б(ог)а“ (Любл., 511); б) б у д у щ и м:

178. „... Да не буде никѡему Хрѣстѣанину да упадне у такѡвѣй тѣшкѣй грѣхѣ, почтѡ казненѣ хоче да буде... понеже вѣру свою Хрѣстѣанскую *предаль естѣ* на врата Хрѣстѣанскаго“ (Софроний, 144).

Употребление перфекта для выражения объективно предпрошедшего действия особенно часто встречается в дополнительных придаточных предложениях, относящихся к сказуемому главного предложения, обозначенному глаголами *dicendi et sentiendi* типа *усещам, мисля, казвам* в прошедшем времени. Например:

179. „Ибиахсе полицето, исъмыслѣ пакѣ стра^х бжѣи, как'сес'мѣ *покаала* иѿбрѣкла стѣи бжѣи“ (Тихонр., 183); 180. „Казаха цру... какѣ е довели авванѣ кѣпѣцѣ хытра маистора. обрадѣва се царѣ, и повелѣ да влѣзе ѡма...“ (Копр., 3).

Это объясняется, по-видимому, семантикой самих глаголов, позволяющих дать временную характеристику действия с точки зрения не говорящего, а действующего лица.

В исследуемых памятниках встретились и такие случаи, где контекст не дает достаточно ясных указаний на то, является ли для говорящего

посредствующий момент, по отношению к которому форма перфекта определяет действие как предшествующее, объективно настоящим или будущим. Например:

181. „Ще да стане праведникъ със' голѣмо дръзновеніе наспореть оногозы дето го е оскръбиль“ (Копр. 68); 182. „Тогиващѣть давѣскр(ь)-снать итіа които нѣсь почитале с(ве)тыте праздници инѣгиса празнду-вале, амигиса потьп'кале и работиле...“ (Любл., 491).

Следующие в речевом потоке одна за другой формы перфекта глаголов совершенного и несовершенного видов употребляются при указании на соотношенность перечисляемых прошедших действий с одним и тем же последующим периодом, который сам по себе не есть момент речи. Судить о характере отношений между моментами реализации этих действий не представляется возможным (120, 153, 162, 164, 172, 176, 182).

§ 11. Итак, существо значения перфекта заключается в том, что обозначенное им действие получает двойственную временную характеристику. При употреблении формы перфекта мы всегда получаем представление о двух разновременных периодах: о периоде, с которым связана реализация обозначенного перфектом действия, и о последующем периоде, когда возникла необходимость судить о данном действии, причем период реализации действия хронологически определяется по отношению к периоду, о котором идет речь, как предшествующий ему. Что касается посредствующего периода, то он выступает как настоящий или по отношению к моменту речи, или по отношению к какому-либо прошедшему или будущему с точки зрения говорящего моменту.

Важно отметить, что внимание говорящего всегда сосредоточено на периоде, в интересах которого сообщается о действии, а не на периоде реализации действия. Об этом свидетельствует и характер обстоятельственных слов, сочетающихся с перфектом, а именно наречий типа *сега* в значении 'сейчас', 'в настоящий момент'. Показательным является и тот факт, что с перфектом никогда не сочетаются обстоятельства, указывающие на продолжительность действия, или на периодичность регулярного действия. Не встретились нам также примеры на употребление форм перфекта в сочетании с обстоятельственными словами, приурочивающими реализацию обозначенного перфектом действия к определенному моменту в прошлом, хотя в принципе они, по-видимому, возможны⁶⁵. Такого рода примеры из современного болгарского языка приводит Л. Андрейчин⁶⁶.

Поскольку перфект обозначает действие, упоминаемое в связи с ситуацией последующего момента, он не может употребляться в качестве времени развертывающегося повествования, т. е. для обозначения действий того периода прошлого, о котором повествуется.

В отличие от перфекта простые прошедшие времена не содержат в своем значении указание на признак двойственности временной характеристики действия. Поэтому, хотя в конкретном употреблении при наличии нейтрализующих условий контекста они и могут обозначать действие, о котором сообщается в связи с ситуацией последующего

⁶⁵ Обстоятельственные слова, приурочивающие реализацию действия к определенному моменту в прошлом, не употребительны при перфекте именно потому, что, давая действию двойственную временную характеристику, он останавливает внимание на моменте, следующем за действием. Выступая как закономерная особенность употребления, хронологическая „неопределенность“ действия отнюдь не составляет одну из сторон значения формы перфекта (См. в этой связи сноску 28 на стр. 7).

⁶⁶ Л. А н д р е й ч и н. Основна българска граматика, стр. 239—240.

периода, их специфическим по сравнению с перфектом значением является обозначение действия, представленного непосредственно в период его реализации вне связи с ситуацией какого бы то ни было последующего периода. Обозначенное ими действие получает в этом случае однозначную временную характеристику, выступая как прошедшее непосредственно по отношению к моменту речи. Именно благодаря этому простым прошедшие времена широко употребляются в развертываемом повествовании для обозначения действий того периода прошлого, о котором повествуется, т. е. в условиях, где исключено употребление перфекта. При этом они свободно вступают в сочетание с обстоятельными словами, приурочивающими действие к определенному моменту в прошлом.

§ 12. Плюсквамперфект глаголов совершенного и несовершенного видов употребляется главным образом в повествовательных контекстах, обозначая действие, предшествующее основной сюжетной линии рассказа, ведущегося с использованием форм аориста и имперфекта. Плюсквамперфект никогда не выступает в качестве времени развертываемого повествования, что объединяет его с перфектом и ограничивает от простых прошедших времен.

В повествовательном контексте плюсквамперфект встречается редко — обычно при противопоставлении ситуации, сложившейся в определенный момент прошлого, положению дел в настоящем (198). Следует заметить, что употребление плюсквамперфекта так же, как и употребление перфекта, значительно чаще встречается в различных придаточных предложениях, нежели в предложениях независимых. Плюсквамперфект от глаголов несовершенного вида употребляется крайне редко.

Как и при рассмотрении форм перфекта глаголов совершенного вида, мы выделяем случаи употребления плюсквамперфекта, когда каждый составной элемент данной формы еще сохраняет известную самостоятельность. Например:

183. „...И видѣхъ аггелы немилостиви...и страшни тврѣде, и лица-та имь *бѣха сръдите* и зьби-те имь *бѣха приминьле* оуста-та имь, а очи-те имь свѣтиха като свѣзди“ (Григор., 155); 184. „И оу тоизи монастырь бѣше нѣкои калоерь, иметомѣ исихїа, Ѡ мѣсто сирийско и тврѣе остарѣль. и мѣного години постѣше се тамо Ѡ монастырь и *приель бѣше* Ѡ ба дарь та *бѣше прозорливь* и разѣмеваше сѣкымѣ на срѣцето что е“ (Копр., 59); 185. „...А калето цароградское, макарь да *беши толкось хубаву*, що *беши славно* и *хвално* по сичкѣль светь, ала от греческите, господарско и начелническо нетачени и немукалтликь та *беши са разсѣпало* на много и *запустало* и *увехтало*“ (Царигр., 431).

Вспомогательный глагол, входящий в состав сочетаний *бѣха приминьле*, *приель бѣше*, *беши са разсѣпало* и *запустало* и *увехтало*, как нам кажется, сохраняет свое временное значение и, по сути дела, выполняет ту же функцию, что и глагол-связка в составе именных сказуемых *бѣха сръдите*, *бѣше прозорливь*, *беши хубаву*, *беши славно* и *хвално*. Но если сочетания типа *бѣха сръдите* говорят о признаке статичном, то сочетания типа *бѣха приминьле* сообщают, что признак, приписываемый подлежащему в данный момент прошлого, возник в результате ранее осуществленного действия.

Наличие подобных примеров свидетельствует о генетической близости плюсквамперфекта с перфектом. Если сочетание причастия на -лъ+сѣмъ указывало на то, „каков кто есть в силу прежде совер-

шенного действия⁶⁷, то сочетание причастия на -лъ + *бѣхъ* сообщало о том, каков кто был в прошлом в силу еще ранее осуществленного действия.

Примечание. В текстах XVII—XVIII вв. в единичных случаях встречается употребление сочетаний, включающих в свой состав два причастия на -лъ, а именно сочетаний перфекта или плюсквамперфекта вспомогательного глагола *сѣмъ* с действительным причастием на -лъ спрягаемого глагола типа *сѣмъ билъ -лъ*, *бѣхъ билъ -лъ*. Оба сочетания могут употребляться без каких-либо модальных оттенков значения. О значении сочетания *сѣмъ билъ -лъ* особенно наглядно позволяет судить следующий пример:

186. „... Плачи за грѣшнаго. нищо не би предобиль грѣхъ. ако не е ходиль по заповѣди божии и да е билъ много зло *сатвориль* и да е билъ немилостивъ и да е оумрель без поканиѣ“ (Иосиф Братати, 121).

Нетрудно провести параллель между значением составного именного сказуемого *е билъ немилостивъ*, в составе которого форма перфекта *е билъ* употреблена как и формы перфекта *е ходиль*, *е оумрель* с целью соотнесения прошедших действий с планом настоящего, и значением сочетания *е билъ сатвориль*. Различие в их значении сводится к тому, что прилагательное *немилостивъ* приписывает действующему лицу признак статичный, причастие *сатвориль* — признак, возникший в результате прошедшего действия. Значение сочетания *сѣмъ билъ + -лъ*, таким образом, сводится к тому, что действующему лицу в прошлом приписывается наличие определенного признака, возникшего в результате еще ранее осуществленного действия, и в то же время указывается на связь этого факта с ситуацией настоящего момента. Ближайшее значение данное сочетание, очевидно, имеет и в следующих из встретившихся нам примеров его употребления:

187. „Благодарюте бе че *си ты* *быль създалъ историль* сичъки свѣтъ, ... имене *нѣси* *быль* *шпѣдиль* *штвоа* *мать*“ (Тихонр., 24); 188. „Като има чакъ рудѣ инозѣ исичка пать, та бѣхмѣ иные рекле оти *е* и бѣ *быль* *ималь* *шпрѣвѣнь* *члѣскыи* *образъ*“ (Тихонр., 282); 189. „Тогизи кнезо му речи: прости ма, чловѣче, оти видѣхъ, чи ни си усъдиль и ни *си* *билъ* *сырѣшилъ* нищо, ала азъ та неправедно осьдильхъ“ (Свищов, 154).

В других случаях значение сочетания *сѣмъ билъ -лъ* напоминает значение плюсквамперфекта:

190. „И шесто да ремь, по что разѣмѣхѣ онѣ хытрѣци и занесоше такъ визы даршве ху. Също е това отѣ *е* *ш* дѣшмѣ валаамовы, това тѣе познаше и разѣмѣше. като *е* *быль* *реклъ* като лъвь ще да легне и да ѣснѣ, ... ба его разѣмѣше дето бѣше рекль. бѣвещи нѣго бѣвены съ... А па го разѣмѣхѣ, че ще да е сѣмрѣтнь като бѣше рекль ще да легне и да ѣсне“ (Копр., 118); 191. „А вые несторихѣ моата волѣ шотосъм *быль* *оставиль* законъ идумы. ами идѣте намѣсто то детое наготвено за дѣвола“ (Люб., 501).

С аналогичным плюсквамперфекту значением употребляется и сочетание типа *бѣхъ билъ -лъ*, дважды встретившееся нам в текстах.

192. „И *ш* тамо поиде иваннь въ агрикю и исцѣлѣ чѣка слѣпа и тѣка пакъ поидѣ въ ефесь, и тамо сѣдѣха съсѣ прохора. И бѣ ше *шпрѣвѣнь* *быль* *доходилъ* *сты* *иваннь* *ѣ* *ефесь* и оставиль одного момъка у вѣлка ефесъкого. и не найде го“ (Копр., 178); 193. „Ицарица фулѣвана посрѣдѣнь апѣла съсына сы полѣфрадона, и съснахъси невра. что *бѣху* *были* *имале* *бѣсъ* *дѣкавъ*. и исцѣлѣльгы билъ *сты* *маѣфеи*. итогази онзи бѣсъ доиде Шневидимо, иподѣма страшнѣ“ (Тихонр., 275).

Мы не располагаем достаточным материалом для того, чтобы решить вопрос, имеем ли мы здесь дело со свободным сочетанием форм (по крайней мере, двух: *сѣмъ билъ + лъ*, *бѣхъ билъ + лъ*) или с особыми анаэнтическими формами, вышедшими затем из употребления, а поэтому не находим возможным включить их в систему прошедших времен.

Существо значения форм плюсквамперфекта, как и форм перфекта, заключается в том, что они наделяют действие двойственной временной характеристикой.

⁶⁷ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 256.

При употреблении плюсквамперфекта действие предстает как прошедшее не по отношению к моменту речи, а по отношению к посредствующему ориентационному моменту. Однако, если форма перфекта сама по себе не указывает на отношение посредствующего момента к моменту речи, то формы плюсквамперфекта всегда указывают на то, что посредствующий ориентационный момент является прошедшим по отношению к моменту речи.

Выбор формы плюсквамперфекта глаголов совершенного и несовершенного видов определяется, в общем, теми же мотивами, что и выбор формы перфекта. Так, к употреблению плюсквамперфекта глаголов совершенного вида прибегают с целью сообщить о качестве (194) или о состоянии действующего лица в фиксируемый момент прошлого, на который указывает форма плюсквамперфекта (195, 196), или о ситуации, создавшейся к данному моменту (197, 198). Например:

194. "... Тамъ имаше блату голѣму и дльбоку, коету от стуть многу дето стана в'унезы дине, *беши* сичкоту съвсѣмъ *замръзвало*" (Свищов, 232); **195.** "Итече при чѣка бжѣа иповика го инеозовасе зацѣсе *бѣше прѣставиль*" (Тихонр., 324); **196.** "Ами иединъ нѣкои чѣкъ *бѣше* штоизи свѣтъ *ѡмръль*, инѣго със име ісово повикаго, иоживе..." (Тихонр., 269); **197.** "... И довтасаха до мѣстото, дето седѣши бѣють... Тамъ *беши са събрало* множество народ чловѣци..." (Свищов, 230); **198.** "Ирече. Докога ты ѡцарѡ, итвоите болѣре икадѣ, та струвате гонкѣне итѣизи войскы на хр(и)стѣане. та вие *бѣх'те навикнале* даимате мир'ба илюбовь посич'кѣать свѣтъ, асега обичѣте тѣизи войскы"... (Любл., 508).

Для выражения мысли о состоянии в прошлом как результате еще ранее осуществленного действия используются определенные по своему лексическому значению глаголы, а именно непереходные глаголы совершенного вида, обозначающие изменения в состоянии, облике, местоположении действующего лица. Эти глаголы, безусловно, накладывают свой отпечаток на значение формы плюсквамперфекта. Однако возможность указания на состояние действующего лица в момент прошлого, следующий за действием, связана прежде всего с выбором формы плюсквамперфекта, поскольку аорист тех же глаголов может употребляться и в случаях, когда объективно речь идет об уже достигнутом в фиксируемый момент прошлого состоянии⁶⁸, и в случаях, когда важно остановить внимание на самом действии перехода в новое состояние (ср. приведенные выше примеры 134—136), т. е. не включает в свое значение указания на сохранение в дальнейшем достигнутого состояния.

В повествовательном контексте о прошлом, где аорист выступает в своем специфическом по сравнению с перфектом и плюсквамперфектом значении действия, представленного непосредственно в период его реализации в прошлом, значения аориста и плюсквамперфекта указанных глаголов четко разграничиваются. Употребление формы плюсквамперфекта прерывает изложение цепи последовательных действий развертывающегося повествования, обозначаемых формами

⁶⁸ Ср., например, употребление форм аориста *порасте* и *стори* в следующем примере:

199. "И майкамѡ нѣгова ѡзего и ѡиде впапалестиню... Икога *порасте* с(ве)тны Геургѣ истори до, иѣ годинь. атой стан'ь спашѣа ѡцара дѣклитѣана..." (Любл., 507).

аориста, и сообщает о прошедшем действии как об уже наличествовавшем в данный момент прошлого состоянии. Например:

200. „И тѣй турците отидоха в градъть ф табораць свой и оставиха си мертвѣте, а гражданите от голѣмъ трудъ *оутродили бѣха са* и паднаха на землѣта като мертви...“ (Царигр., 432); **201.** „Един пѣтъ бѣха *отишли* техни посланници (елчи) на Атина и отидоха на театрото. Там дойде един стар человек...“ (Берон, 57).

Выбор между возможностью представить действие как достигнутое в прошлом состояние или оставить эту мысль невыраженной, и, в частности, остановить внимание на самом действии перехода в новое состояние, естественно, зависит от субъективного намерения говорящего. Так, желая остановить наше внимание на самом действии перехода в новое состояние, говорящий мог бы употребить вместо формы плюсквамперфекта *оутродили бѣха са* (200) форму аориста *оутродиха са*. Но, говоря словами А. А. Потебни, „мог, да не употребил, потому что не мог“⁶⁹, потому что ему по каким-то соображениям важно было передать именно идею об уже достигнутом в фиксируемый момент прошлого состоянии действующего лица.

В условиях нейтрализации значение, аналогичное описанному выше значению плюсквамперфекта, может передавать перфект (173—177, 179, 180). Такое сближение объясняется наличием общего признака в значении перфекта и плюсквамперфекта, а именно указания на двойственность временной характеристики действия. Однако специфическим значением перфекта по сравнению с плюсквамперфектом (и, кстати, с прошедшим в будущем времени) остается указание на связь прошедшего действия с ситуацией настоящего момента, поскольку в этом значении никогда не может быть употреблен ни плюсквамперфект, ни прошедшее в будущем. Случаи нейтрализации различия в значении форм перфекта и плюсквамперфекта позволяют выделить в качестве дифференциального признака указание на отношение посредствующего ориентационного момента к моменту речи. В корреляции по данному признаку форма плюсквамперфекта выступает как отмеченный член, форма перфекта — как неотмеченный.

Следует отметить, что в описанных выше случаях употребления плюсквамперфекта, так же, как мы это наблюдали и при употреблении перфекта, внимание говорящего сосредоточено на моменте, в который уже наличествует данное состояние действующего лица, а не на моменте реализации самого действия. Поэтому с формой плюсквамперфекта часто сочетаются обстоятельственные слова типа *тогази*, уточняющие хронологическую приуроченность момента, в который имело место данное состояние. Например:

202. „Ионзи раслань... се наговори дапроводи с(и)на своего геѡргѣа на войска. Агеѡргѣе *бѣше сториль тогива*, к, годин. Идойде д(е)нь даиде навойска“ (Любл., 524); **203.** „А дѣаволь *тогази бѣше Ѡпадналь Ѡ слава и Ѡ хѣбость бжѣа* и помисли и завидѣ адамѣ да го извади из' рай“ (Копр., 203); **204.** „Въ тѡѡ време даѣше Хиландар дань тѡркомя три хилѣди гроша и *задолжил са бѣше* двадесет и сед'мь хилѣди гроша, и бе много смѣщенїе и несогласїе братско“ (Паисий, 85).

Кроме того, с формой плюсквамперфекта в рассматриваемых случаях могут также сочетаться обстоятельственные слова, определяющие

⁶⁹ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. IV. М. — Л., 1941, стр. 94.

длительность периода, на который распространялось данное состояние действующего лица. Например:

205. „Бѣше нѣкои члкъ наединѣ монастырь... Ѡмлада бѣше прѣель калоерство...“ (Тихонр., 165); 206. „Ирадовашесе тврѣдѣ. зашо мнѣго, дни имаше какъ не бѣше видѣль члчѣскыи образѣ“ (Тихонр., 167).

К употреблению плюсквамперфекта глаголов совершенного и не-совершенного видов прибегают также, когда хотят представить действие предшествующим какому-либо прошедшему моменту, о котором идет речь. Например:

207. (В житии святой рассказывается об ее встрече с Зосимой, передается их разговор. После этого разговора они не встречались. В момент, о котором идет речь, святая умерла, тело ее лежит в пустыне, на земле рядом с ней надпись о том, когда это случилось.) „И чудисе зосима, катопрочете писанїето коигое писалъ. тиаму бѣше казала оти кнїга нѣе ѡчила“ (Тихонр., 176); 208. „И единѣ безѣмень Ѡ слѣгыте що слѣжахѣ оудари ѡма една плесница... И тоа час тойзи слѣга Ѡтиде на кладенѣць... и слѣчи се звѣрь на Ѡнѣзы кладенѣць. и хваты оногози момѣка и ѡдави го и раскаса го, и ѡзе мѡ ѡе Ѡнѣзы рѡка що бѣше ѡдарила аѣпла. и донесе ю на трапезата...“ (Копр., 2); 209. „И тогазы стыи димитрїе блѣвыи нестора... и рѣе мѡ, лїю да навѣшь и за ха да бѣдешъ мѣникъ... и така се конѣча сты несторъ като мѡ бѣше рекль стыи димитрїе“ (Копр., 17); 210. „И въведе го вътрѣ гдето си спи. и сѣдна на ѡдръ гдето бѣше го родила и расплака се...“ (Копр., 59); 211. „...зашо тугись силата грѣческа бѣше тврѣдѣ малко и смирена от тежки и звѣролични царїе, дето бѣха по-напрѣдѣ царствувале“ (Свищов, 182).

Рассмотрим, чем обусловлен выбор форм плюсквамперфекта *бѣше казала*, *бѣше ѡдарила* в примерах 207, 208. Поскольку плюсквамперфект позволяет определить действие как прошедшее не по отношению к моменту речи, а по отношению к последующему, также прошедшему с точки зрения говорящего периоду, прошедшее действие воспринимается как факт, способствующий пониманию действий этого момента. Это, в конечном счете, позволяет донести до собеседника идею логической соотнесенности содержания высказываний о двух различных периодах прошлого. Так, благодаря выбору формы плюсквамперфекта *бѣше казала* (207) подчеркивается то, что о данном действии сообщается с целью разъяснить причины, вызвавшие действие *се чюди* (удивлялся, потому что она раньше сказала иное)⁷⁰. Точно так же действие *бѣше ѡдарила* (108) воспринимается как факт, помогающий понять события момента, о котором идет речь.

Идея логической соотнесенности, причинной связи содержания высказываний о различных периодах прошлого может объективно наличествовать и в тех случаях, когда сказуемые этих высказываний представлены формами простых прошедших времен. Например:

212. „Тогива великы геѡргїе Ѡговори. Непомислѣи цару. азеса неѡпазих съсчл(овѣ)чѣскаа хитрость Ѡтази сѣмрѣть, ами сѣс'... сила х(рист)а моего, той нас така надчи“ (Любл., 514).

⁷⁰ По наблюдению Л. П. Размусена, в прошедшем совершенном с плюсквамперфектным значением «всегда есть легкий причинный оттенок, например: „Птица упала на землю, охотник прострелил (hatte durchgeschlossen) правое крыло“» (Л. П. Размусен. О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках. — ЖМНП, 1891, ноябрь, стр. 185).

Однако в данном случае эта мысль передается лишь средствами контекста. Она не выражается здесь грамматически. Форма аориста *набчи*, дающая действию однозначную временную характеристику (определяющая его как прошедшее по отношению к моменту речи), не способствует сама по себе выражению мысли о связи содержания высказываний относительно двух периодов прошлого. Поэтому в других случаях употребления простых прошедших времен при обозначении действий двух различных периодов прошлого средствами контекста может, наоборот, подчеркиваться отсутствие логической преемственности в содержании двух высказываний. Содержание высказывания об одном периоде прошлого при этом противопоставляется содержанию высказывания о последующем периоде прошлого (16, 65).

Употребление плюсквамперфекта в таких условиях контекста исключено.

В примерах 209—211 употребление форм плюсквамперфекта *бѣше рекль*, *бѣше родила*, *бѣха царствовале* позволяет представить эти действия предшествующими основной линии повествования и тем самым „свести“ все повествование к одной временной плоскости, по отношению к которой по-разному расцениваются события: реализация действий, обозначенных формами аориста и имперфекта, связывается с этим периодом прошлого, а реализация действий, обозначенных формами плюсквамперфекта, приписывается предшествующему периоду. Выбор формы плюсквамперфекта здесь во многом определяется соображениями стилистического порядка, поскольку в принципе, — если говорящему не важно дать единую линию повествования, — при обозначении действий, объективно предшествующих основной линии повествования, могут употребляться формы простых прошедших времен (75, 212). В таких случаях мысль о предшествовании действия основной линии повествования остается не выраженной грамматически и становится ясной лишь из контекста.

Следующие в речевом потоке одна за другой формы плюсквамперфекта глаголов совершенного и несовершенного вида употребляются при перечислении ряда действий, соотношенных с одним и тем же последующим периодом прошлого. Отношения между моментами реализации самих этих действий остаются неясными. Например:

213. „А ѿпрѣвѣнь оти неслѣзе. зацо прѣрци еднакъ *небѣхѣ* приише сич'кыте. инатоизы свѣтъ *небѣхусе избѣрали* члци, да се избѣрѣтъ идасе изъветь коеи зль и кои добрь. Истыи іѡаннь крѣтъ еднакъ *небѣ* рожѣнь. воинь *небѣ* прѣишь, ... проповѣдникъ, еще *небѣ* проповѣдалъ. прѣвѣстникъ. еще не *бѣ* прѣвѣзвѣстилъ. яко гредеть хс“ (Тихонр., 247).

Следует отметить, что при употреблении плюсквамперфекта глаголов совершенного и несовершенного видов для выражения предпрошедшего действия с ним могут сочетаться в высказывании обстоятельственные слова, приблизительно определяющие хронологическую приуроченность периода реализации этого действия. Например:

214. „... Феѡфиль патріар'хъ доведе сидора постника, дето *бѣше* мѡ се нѣкогы *обѣщаль* да мѡ даде прѣстолю царогра'скый“ (Копр., 62).

215. „И въ ѡнова врѣме бѣше нѣкои члкъ добрь и мѣлтивъ, дето чюваше гро' стму, що *бѣше билъ* ѿ прѣвѣнь протоспафаръ цревъ, а сега бѣше калоерь на црквата стмѡ“ (Копр., 24). Ср. также пример 211.

§ 13. Итак, сопоставительный анализ употребления плюсквамперфекта, перфекта и простых прошедших времен позволяет нам прийти

к следующим выводам. Наряду с перфектом плюсквамперфект в болгарском языке XVII—XVIII вв. выступает как форма двойственной временной характеристики действия. При его употреблении мы также получаем представление о двух одновременных периодах: о периоде реализации действия и о периоде, в интересах которого сообщается о действии, причем независимо от условий контекста период реализации действия определяется как прошедший по отношению к посредствующему моменту, а этот последний в свою очередь как прошедший по отношению к моменту речи. Именно с этим обстоятельством связано распространенное определение плюсквамперфекта как „предпрошедшего“ времени. Поскольку при употреблении плюсквамперфекта посредствующий момент всегда охарактеризован как прошедший по отношению к моменту речи, плюсквамперфект выступает как маркированный член в корреляции с перфектом. Последний, свидетельствуя о том, что момент реализации действия предшествует моменту, в интересах которого сообщается о действии, может указывать на отношение посредствующего момента к моменту речи (посредствующий момент определяется как настоящий по отношению к моменту речи), а может и не указывать на это (посредствующий момент определяется как настоящий по отношению либо к прошедшему, либо к будущему, с точки зрения говорящего, моментам, о которых идет речь, т. е. объективно для говорящего является или прошедшим, или будущим). Поэтому оказывается возможным употребление перфекта в контексте, в котором в принципе могут быть употреблены такие времена предшества, как плюсквамперфект или прошедшее в будущем. Специфическим для перфекта по сравнению с плюсквамперфектом и прошедшим в будущем значением, т. е. значением, которое может передать только эта форма относительного времени, является выражение действия как предшествующего настоящему моменту, в интересах которого сообщается о действии.

Поскольку плюсквамперфект выступает как время двойственной временной характеристики действия, постольку с ним, как и с перфектом, не сочетаются обстоятельственные слова, поясняющие особенности протекания самого действия. По той же причине плюсквамперфект, как и перфект, не употребляется в повествовательном контексте при обозначении действий развертывающегося повествования, представленных как такие, непосредственная реализация которых связана с данным периодом прошлого. Все это свидетельствует об общности значений плюсквамперфекта и перфекта и позволяет объединить их в группу сложных прошедших времен как форм двойственной временной характеристики действия.

Если сопоставительный анализ употребления плюсквамперфекта и перфекта позволяет отметить еще одну сторону значения последнего, то в значение простых прошедших времен их сопоставление с плюсквамперфектом (учитывая предшествующее сопоставление их с перфектом) ничего нового не вносит. Плюсквамперфект как форма двойственной временной характеристики действия отличается от простых прошедших времен по тем же признакам, что и перфект. А именно, плюсквамперфект всегда указывает на то, что о прошедшем действии сообщается в связи с последующим моментом, о котором идет речь. Простые прошедшие времена не характеризуют действия с этой точки зрения, а поэтому могут обозначать и действия, о которых сообщается в той или иной связи с событиями последующего периода, и действия, о которых сообщается вне всякой связи с последующим периодом как о представляющих интерес непосредственно в момент их

реализации. В этом последнем случае простые прошедшие времена выступают в своем специфическом, по сравнению со сложными временами, значении. Общим в значении аориста и имперфекта, тем, что позволяет объединить их в группу простых прошедших времен, является, следовательно, отсутствие сигнализации о признаке двойственности временной характеристики действия.

Между собой аорист и имперфект различаются по „видовому в широком смысле слова“ признаку. Аорист в качестве маркированного члена указывает на то, что действие представлено в его целом как взятое на всем его протяжении, имперфект в качестве немаркированного члена не характеризует действие с точки зрения данного признака.

Учитывая роль каждого времени в названных здесь корреляциях, можно определить его значение в системе прошедших времен. Плюсquamперфект может быть определен как такое время предшества, которое выступает в качестве маркированного члена и в корреляции по признаку двойственности временной характеристики действия, и в корреляции по признаку соотнесенности посредствующего ориентационного момента с моментом речи (посредствующий момент охарактеризован как прошедший по отношению к моменту речи). Перфект является таким временем предшества, которое выступает в качестве маркированного члена в корреляции по признаку двойственности временной характеристики действия и в качестве немаркированного члена в корреляции по признаку соотнесенности посредствующего момента с моментом речи. Аорист определяется как такая форма прошедшего времени, которая выступает в качестве немаркированного члена в корреляции по признаку двойственности временной характеристики действия и в качестве маркированного члена в корреляции по видовому в широком смысле слова признаку. И, наконец, имперфект есть такая форма прошедшего времени, которая выступает в качестве немаркированного члена и в корреляции по признаку двойственности временной характеристики действия, и в корреляции по видовому признаку.

В соответствии с этим распределяется и сфера употребления каждого из прошедших времен. Сфера употребления плюсquamперфекта как дважды маркированного члена системы оказывается наиболее ограниченной, а выбор этой формы времени — наиболее факультативным, поскольку те оттенки мысли о действии, на которые указывает эта форма времени, при наличии определенных условий контекста могут передать, с одной стороны, перфект, а с другой — аорист и имперфект. Сфера употребления имперфекта как немаркированного члена системы является наименее ограниченной, а выбор этой формы времени — наиболее обязательным, поскольку те специфические оттенки мысли о действии, на которые указывает имперфект, не могут быть переданы никакой другой формой времени.

Таким образом, в основе системы прошедших времен в болгарском языке XVII—XVIII вв. лежит разграничение по признаку двойственности временной характеристики действия. Перфект и плюсquamперфект — „относительные“ времена — являются носителями данного признака и выступают как маркированные формы в корреляции с аористом и имперфектом, не характеризующими действие с точки зрения данного признака. Последние, если учесть их специфическое значение, могут быть названы „неотносительными“ временами.

И. Е. Можеева

ЗНАЧЕНИЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОШЕДШИХ ВРЕМЕН В ЯЗЫКЕ ДУБРОВНИКА XVI в.

§ 1. В современном сербохорватском языке происходит процесс утраты простых прошедших времен — аориста и имперфекта — и замены их перфектом, процесс, который в восточнославянских и западнославянских (кроме серболужицкого) языках давно закончился. В свете этого особую ценность представляет изучение сербохорватского языка, и современного состояния и его истории. Оно может дать богатый материал для уяснения процесса утраты указанных времен в славянских языках.

Настоящая работа посвящена исследованию значений и употребления форм прошедшего времени в языке Дубровника XVI в.

Язык Дубровника, его литература занимают особое место в истории сербохорватского языка.

Дубровник XVI в. представлен большим количеством памятников, тем более интересных, что они являются почти единственными памятниками штокавского диалекта того времени и, в частности, герцеговинского говора, положенного Караджичем в основу современного литературного сербского языка. Именно наличие богатой дубровницкой литературы сыграло немаловажную роль при решении вопроса о диалектной основе литературного сербского языка в пользу южного (штокавского) диалекта.

Особое внимание исследователей привлекает проза Дубровника и, в частности, комедии Марина Држича, наиболее верно передающие особенности дубровницкого говора¹. Прозаические комедии М. Држича являются богатым источником для изучения ранних эпох развития сербохорватского языка². Основным материалом для наблюдений и послужила одна из комедий Марина Држича — „Дундо Марое“ (издание второе под редакцией М. Решетара)³.

Кроме того, были использованы лекционар Н. Ранины (1508 г.)⁴ и прозаическое произведение писателя-чакавца П. Зоранича „Горы“, язык которого отражает задарский диалект начала XVI в.⁵

¹ M. Rešetar. Jezik Marina Držica. — „Rad JAZU“, knj. 248. Zagreb, 1933.

² А. Стојићевич. Значење аориста и имперфекта у српскохрватском језику. Ljubljana, 1951, стр. 79.

³ M. Držić. Djela. — „Stari pisci hrvatski“, knj. VII. Zagreb, 1930. (В дальнейшем в примерах из данной комедии цифры в скобках указывают страницы этого издания.)

⁴ M. Rešetar. Zadarski i Račinin lekcionar. Zagreb, 1894.

⁵ P. Zoranić. Djela. — „Stari pisci hrvatski“, knj. XVI. Zagreb, 1888.

Язык Дубровника в плане значений и употребления глагольных времен специально не изучался. В имеющихся по языку Дубровника исследованиях основное внимание уделяется обычно выяснению диалектной принадлежности дубровницкого говора, а интересующий нас вопрос освещается в самых общих чертах в разделах синтаксиса.

В статье, посвященной языку Држича, М. Решетар отмечает, что простые прошедшие времена употребляются обычно, особенно в комедиях, указывает на отдельные специфические значения (например, значение нереальной гипотезы у имперфекта), но наряду с этим говорит и о возможности употребления перфекта несовершенного вида вместо имперфекта, а перфекта совершенного вида — вместо аориста. „По тому, как Држич употребляет перфект в своих произведениях, — пишет М. Решетар, — я нахожу, что он делает строгое различие между ним (перфектом. — И. М.), с одной стороны, и имперфектом и аористом, с другой; что же касается прозы, то хотя можно сказать, что перфект часто стоит в значении истинного (греческого) перфекта, то есть выражает действие, совершенное в прошлом, но последствия которого продолжают до настоящего (говорящего), — все же мы часто находим у Држича и аорист, где был бы нужен перфект (совершенного вида) и, наоборот, перфект (совершенного вида), где был бы нужен аорист, или перфект (несовершенного вида), где был бы нужен имперфект“⁶. М. Решетар ограничивается тем, что приводит несколько примеров на аорист в значении перфекта. Он не раскрывает, в каких условиях происходит замена одних форм другими и насколько она распространена. Решетар не ставил своей целью показать систему прошедших времен, соотношение форм прошедших времен в языке Дубровника.

Задачей данной работы является синхронное описание значений и употребления прошедших времен в языке Дубровника XVI в. В работе устанавливается круг значений и сфера употребления каждой временной формы. В центре нашего исследования стоит перфект и его соотношение с другими формами прошедших времен, так как он является формой, сфера употребления которой расширяется.

§ 2. Држич употребляет аорист, как правило, от глаголов совершенного вида, аорист несовершенного вида встречается у него от таких глаголов, как *говорити*, *терати*, *мнити*, *моћи*, *ићи*, *имати*, *хтети*. Это характерно и для лекционара Ранины, в котором аорист несовершенного вида — редко употребляемая форма: здесь он встречается только от глаголов *говорити* и *моћи*.

В языке Дубровника XVI в. аорист совершенного вида мог обозначать действие, совершившееся непосредственно перед моментом речи. Например:

„Gdje si, Dundo Maroje? (Jaoh, ovdı sam za veliko zlo moje). Njetko se ozva s voštarije!“ (276)⁶;

„Bože, djevico, jeda ga zakole oni haramija ki ga je onamo zaveo?... — Pet tisuć dukata! ajme, ajme, Bokčilo, pomaga! — *Rekoh* ja er ga će ona haramija zaklat“ (265); „Jaohi meni, ajme meni! — *Brižna*, što ovomu djetıću bi? — Jeda ti što bi? Jaohi, i sad mi *zavi* srce. To se si nahladio“ (345).

Отнесенность действия, выраженного аористом, к моменту прошлого, непосредственно предшествующему моменту речи, ясна из приведенного контекста. В первом примере *se ozva* 'отозвался' является реакцией на предыдущую реплику, констатацией только что произошедшего события.

⁶ М. Rešetar. Jezik Marina Držića, стр. 204—205.

Во втором примере аорист *rekoh* 'сказал' указывает на сказанное ранее самим говорящим, означает действие, отделенное от момента речи небольшим промежутком времени, а именно тем отрезком, которое заняли слова его собеседника. В третьем примере на совершение действия перед самым моментом речи указывает наречие *sad* 'сейчас'.

Значение непосредственного предшества действия моменту речи является для аориста значением контекстуальным. В другом контексте он может означать действие, совершившееся в определенный момент прошлого, но не непосредственно предшествующее моменту речи. Например:

„Jesu tri godišta, vjerivši ga, ja lud *dah* mu, *dah* mu u ruke pe [t] tisuća, ajme!“ (264).

Определенность момента совершения действия, обозначенного формой аориста, подсказывается контекстом. Форма аориста сама по себе этого значения не имеет. Часто контекст не дает возможности определить, в какой момент прошлого совершилось действие, выраженное формой аориста. Например:

„Jeste li se vi tamo našaptali? Šaptom Bosna *poginu*, šaptom mi oni nije drag“ (269); „Tata, bijedan Grubiša, gdje si se jošte *stanih*, gdje ljudi svi „šu“ parlaju, „šu-pšu“, da im se vraguto slovo ne razumije“ (370); „Jaoh, si ve meni, u koji ve ti čas *pođoh* iz grada“ (261).

В этих случаях аорист означает прошедшее действие, не предшествующее моменту речи непосредственно, не приуроченное к определенному моменту прошлого; он имеет здесь значение законченного в прошлом действия, не связанного с настоящим. Этим значением определяется широкое употребление аориста в повествовании. То же значение в большинстве случаев имеет и аорист несовершенного вида. Например:

„Govori li [s] žudjelom? — Govorih“ (337); „Ter je Popiva to učinio? — Zač'ne? — Imao je najprvo k meni doć... Ča je on kriv? on *mni* dobro učinit; a zač' na vjeru ti je dobro učinio“ (322); Ja bogme ugonenuh er ovdi dođoh, nađoh što *htjeh*“ (331).

В отличие от аориста совершенного вида аорист несовершенного вида не выражает завершенности, внутренней исчерпанности действия; не выражает он и длительности или повторяемости действия, но представляет действие как целостный акт прошлого.

Удаленность действия от момента речи или отнесенность действия к определенному времени прошлого, обозначенного аористом несовершенного вида, определяется только из контекста. Например:

„I drugu je neslaniju našao, s kojom će prida te doć — da je oni mah-nitac ki ga *maloprije tjera* s nožem, da je njegov otac“ (335).

На момент совершения действия, его удаленность от момента речи здесь указывает наречие *maloprije* 'недавно'.

Таким образом, значения действия, совершившегося непосредственно перед моментом речи, или действия, произошедшего в определенный момент прошлого, являются частными значениями аориста⁷ и не могут рассматриваться как разграничивающие аорист и перфект, тем более, что перфект, как увидим ниже, тоже может иметь указанные значения.

⁷ То же самое утверждает об аористе в современном сербохорватском языке Сладоевич, который пишет: „... по нашему мнению, удаленность действия от момента речи говорящего не выражается“; „аорист в синтаксическом индикативе употребляется для обозначения прошлого вообще, несмотря на степень его удаленности от момента речи говорящего“. (П. Сладоевич. О значенью аориста у српскохрватском језику. — ЈФ, књ. XXI. Београд, 1955—1956, стр. 131, 135.)

Аорист как совершенного, так и несовершенного вида может обозначать как действие, лично воспринятое говорящим, так и действие, участником или свидетелем которого говорящий не был. Об этом значении аориста мы будем говорить ниже в связи с рассмотрением перфекта.

Аорист совершенного вида может обозначать действие, которое произойдет после момента речи, то есть выражать объективное будущее время. Это значение свойственно обычно глаголам движения; в нашем тексте, кроме глаголов движения, с таким значением выступают глаголы *узети, остати, умрети*. Например:

„Zbogom! *otidoh*. — Šeka'! kudije bježiš?“ (293—294). 'Прощай, я пойду (пошел). — Подожди, куда бежишь?'⁸

Аорист *otidoh* означает намерение, готовность говорящего совершить действие, а не его совершение. Говорящий настолько уверен в совершении действия, что упоминает о нем, как об уже совершившемся. Следующая фраза свидетельствует о том, что действие произошло. Аорист выражает действие, следующее непосредственно за моментом речи, ближайшее будущее.

Аорист с таким значением часто употребляется в контексте форм будущего времени. Например:

„Kad im Dundo Maroje u kuću uljeze to prve će fačende trijeske, bune bit, konti se će iskat, — dinari su spengani! Tot ja i moj Tudešak *ostasmo*... *Poletjeh* ovi posao opravit“ (316). 'Когда дядюшка Марое войдет к ним в дом, будет требовать счета, — динары истрачены. Я и мой немец останемся тут. Полечу (полетел) обделать это дельце'; „A ja mu ću dvijesti dat. — Vogme ih *uze*... Ako ne remedijam, sve će s vragom roć“ (279), 'А я ему дам двести (динаров). — Ей-богу, он их возьмет (взял). Если я не найду какого-нибудь средства, все пойдет к черту'.

В последнем примере аорист означает уверенность в совершении действия.

В таком употреблении аорист имеет ярко выраженный модальный оттенок, что, однако, не означает потерю им временного значения⁹, не переводит его в чисто модальную категорию. Временное значение формы аориста изменяется, но не исчезает.

Наличием модального оттенка уверенности в совершении действия обусловлено употребление формы прошедшего времени. То обстоятельство, что из ряда прошедших времен для обозначения такого действия выбираются формы аориста, объясняется, по-видимому, частым употреблением перфекта для обозначения действия с противоположным модальным оттенком — с оттенком неуверенности в совершении действия.

Ряд форм аориста может обозначать прошедшие действия, последовательно совершившиеся друг за другом. Например:

„Da vam ne intraveña kako će i Dundo Maroju večeras intraveñat, koji, *davši* sinu Maru pet tisuć dukata u ruke, *odpravi* ga put Jakina, a on iz Jakina *ne otide* u Fjerenču neg u Rim s dukatmi i tu *spenğa* dukate. A Dundo Maroje *čuvši* toj, kako mahnit *otide* starac u Rim s Bokčilom“ (260); „Znate er *kad se*, jes tri godine, od vas *odijelih*, *onča(s) se uputih* put Indija Velicijeh ... *Otole obrnuh* put malijeh Indija ... *Otole otegnuh* noga k Novijem Indijami ... U Stare Indije

⁸ Здесь и в дальнейшем переводы примеров даются в случаях специфического употребления глагольных форм.

⁹ В трактовке этого вопроса мы присоединяемся к точке зрения М. Стевановича, выраженной в статье „Питање значења глаголских времена у релативној употреби њиховој“ (ЈФ, књ. XVII. Београд, 1938—1939).

otole htjeh naprijeda proć ... *Rekoše* mi da su tamo Stare Indije, i da u Stare Indije nitko ne more poć ... I rekoše mi: „Po negromanciji samo u te strane može se proć“. *Kako* ja to *čuh, otvorih* moja libra od negromancije ... u hip, u čas ugledah se u Indijah Starijih! Tuj *nadoh* pravi život...“ (256). Последовательность совершения действий подчеркивается здесь лексически (деепричастиями и наречиями). Дополнительные средства для выражения последовательности действий редко привлекаются в предложениях с однородными сказуемыми, здесь обычно достаточно самих форм аориста. Например:

„Tako istom Tudešak moj i *uzdahnu, uzdahnu* drugu votu a mene *dozva*: „Pomet!“ Ja *se osvijestih* ... *Reče* mi „Ajme, Pomet, mi star mall“ ... *Ubi* me kad mi to *reče*. U meni *rekoh*: mahnitos, mahnitos s namuranijem ljudi družii! mahnitos nîmi vlada!—Ne mogoh mu ne ugodit tu galantariju.—... Ma ne mogoh srcu odoljet: *odkinuh* krilo od onoga kapuna, *stavih* ga prida ņ, drugo *odkinuh, stavih* ga prida me. *Napîh* mu: „Trink, misser Ugo“... *Interteñah* ga s galantarijom, *založih* se i trijema kosovići, *okusih*“ i jarebičice ... Bogme i toga *pouzeh*... *Napîh se; otidoh* iz raja zemałskoga, *dviže* me iz onjezijeh delicija gdje se ima što se žudi“ (291).

Представлению о непосредственной смене одного события другим, о временной последовательности действий способствует и то, что каждое действие воспринимается как законченное, внутренне исчерпанное. Необходимо подчеркнуть тесную связь между временной последовательностью и совершенным видом. Но в то же время нельзя считать выражение временной последовательности свойством совершенного вида: перфект совершенного вида последовательности действий не обозначает. Аорист несовершенного вида, будучи употреблен с аористом совершенного вида, может обозначать один из этапов в последовательном развитии событий. Например:

„I ti ljudi nahvao od ruke im ide učinit jednu konjuru, da iz gospoçtva izagnu ljudi nazbił. Ljudi nazbił to uzaznavši skočiše, uzeše oružje, izagnaše sve te ljudi nahvao i *ne ktješe* da jedan cigloviti za lijek u tjezieh stranah ostane. Ljudi nahvao, zajedno s negromanti, priđoše u ove naše strane“ (258). ‘Хвастуны решили построить коня, чтобы выгнать людей почтенных. Люди те, узнав об этом, вскочили, взяли оружие, выгнали всех хвастунов и не захотели, чтобы хоть один из хвастунов остался в стране. Хвастуны пришли в нашу страну’. „Negromanti, za lakomos od zlata, daše duh žviratom, barbaçepom, čovuļicom, obrazom od papagala, od mojemuća, od žaba, oslastijem, kozijem i o[d] tezijeh načina. Ti ljudici, kako *imaše* duh, počeše hodit, govorit i smiješnice činit po taki način, er se nigdje gozba ni pir ne činaše gdje oni ne bi dozvani bili“ (257).

В этих примерах аорист глаголов несовершенного вида приближается по значению к аористу совершенного вида. Это не значит, что данные глаголы становятся глаголами совершенного вида, во всех других временных формах — это глаголы несовершенного вида, да и в аористе они только в данном употреблении получают это значение. В современном сербском языке есть глаголы, которые, будучи в настоящем времени глаголами несовершенного вида, в прошедшем времени получают синтаксическое значение совершенного вида¹⁰. Нам кажется, что при употреблении, которое мы отметили в этих примерах, можно также говорить о синтаксическом значении совершенного вида.

¹⁰ Такое значение Белич называет окказиональным (А. Белић. О глаголима са два вида. — ЈФ, књ. XXI. Београд, 1955—1956, стр. 1—13).

Употребление аориста для обозначения последовательно совершавшихся прошедших действий — специфическая черта этой временной формы. Другие формы прошедшего времени для обозначения таких действий не употребляются.

Однако аорист совершенного вида может употребляться и в таких случаях, когда речь идет о простой констатации наличия нескольких действий в прошлом. Например:

„Nesrječo, veoma ti me *ubi*, veoma ti me *ucivili!*“ (316); „Ponta mu *dođe*, *ubodoše* ga, — *rekoše* mu istinu“ (262). „Koliko nišera *srjetosmo*, a nikto *ne pristupi* k nam neg sam našjenac, — svoj a k svojijem“ (263); „Onako tvoje srce *jauka*, *Pomete*, a jezik ti *zamuknu*“ (277).

§ 3. Имперфект в языке Дубровника XVI в. образовывался, как правило, от глаголов несовершенного вида, примеры имперфекта совершенного вида встречаются редко (у Држича всего 4 примера). Сфера употребления имперфекта — повествование, где он встречается наряду с аористом, в диалоге имперфект употребляется значительно реже.

Имперфект несовершенного вида у Држича обозначает действие или состояние, длившееся в прошлом, причем эта длительность неограниченная — начало и конец действия не фиксируются. Например:

„Quae par est? cuius generis? ostajah in delitto š nîmi! ubojica, po svetoga Tripuna! Vrag ti me *vodāše* per farmi scavezzar in collo“ (308). „Nije, bogme, ta mala riječ pe[t] tisuć dukata! To je što *se boļāše?*“ (264).

Имперфект может выражать действие, повторявшееся в прошлом, без определения того, сколько раз оно повторялось. Например:

„A tu mi sperancu dava narav od fortune, koja je kako i njeka koju dunižah: sad mi dobru čijeru *čiñāše* a sad zlu; sad mi *ciñāše* plakat opet učas smijejat“ (358).

Имперфектом может обозначаться постоянное, обычное прошедшее действие, т. е. такое действие, которое неоднократно совершалось в прошлом и в силу этого рассматривается говорящим как обычное или постоянное. Например:

„Rekoše mi da negromanti u stara brjemenā ... po negromanciji dohodeći u njih strane i donoseći diverse trgovine za otuda zlata odnosit, er se u rijekah tamo veliko zlato nahodi, *donošahu* među ine žvirata, čovuļica, barbačepa o[d] drva, obraza od paragala, mujemuča, od žaba... i na svaki način“ (257) „...обычно приносили“; „Rekla je doć, ma je noć; ne ima cokula crjevje je izula; bosa hode drača bode; nijesam tvoja, sva sam moja; kako došao, tako pošao. — Ovu molitvicu *govoraše* pokojna moja tetka“ (293); „Ma ne umijem na primijeru igrat, er tko gubi, *veļāše* moja pokojna tetka, boli ga glava i zubi“ (297).

Означая неограниченно длительное прошедшее действие или действие обычное, постоянное, имперфект никогда не употребляется с определениями длительности, так как это означало бы ее ограничение. Этим имперфект отличается от аориста несовершенного вида, который может употребляться с определениями длительности, обозначая длившееся в прошлом действие, но ограниченное в своей длительности временем, на которое указывает контекст. Правда, у Држича аорист несовершенного вида с таким значением не встречается, но возможность такого употребления можно подтвердить примерами из грамот и летописей¹¹.

¹¹ Пише *цртво* ми ве свѣдинѣ *всакомѣ* како *пѣде* к *цртвѣ* ми *мароѣ* *гочети* ѣ по *смрти* *протовистицѣ* *речи* и *стом* § *кѣки* *цртва* ми *въ* *покладѣ* до *николѣ* *дне*“

Так же, как и аорист, имперфект может употребляться для обозначения действия, которое произошло непосредственно перед моментом речи.

„Che far? Ferito! Maltar puttana.—Ko je trjeska ono?—Siñora Laura, što oni Tudešak *bravaše*?—Ne znam! mnim da se je pomamil“ (334).

Реплика, в которой употреблен имперфект, является непосредственным откликом на предыдущую фразу, принадлежащую другому персонажу пьесы. Таким образом, действие, выраженное имперфектом, имело место непосредственно перед моментом речи.

Такое значение проявляется в определенном контексте, оно не обязательно для имперфекта. Например:

„Tripko, ovo li je što *veľaše*? (274).

Здесь нельзя говорить о приуроченности действия к моменту, непосредственно предшествующему моменту речи. Из контекста вообще неясно, когда имело место действие, выраженное имперфектом. Значение отнесенности действия к моменту, непосредственно предшествующему моменту речи, — значение контекстуальное, оно не принадлежит самой форме имперфекта.

Выше было рассмотрено значение и употребление одиночных форм имперфекта. В исследуемом тексте они встречаются сравнительно редко.

Чаще всего формы имперфекта употребляются здесь наряду с формами аориста совершенного вида. Например:

„Minu vreme od zlata, za gvozdje se svak uhiti, počeše ljudi nahvao bit boj s ljudmi nazbił za gospoство. Njegda ljudi nahvao *dobivahu* a njegda nazbił“ (258); „Negromanti, za lakomos od zlata, daše duh žviratom, barbašerom, čovulicom, obrazom od papagala ... Ti ljudici, kako imaše duh, počeše hodit, govorit i smiješnice činit po taki način, er se nigdje gozba ni pir *ne činaše* gdje oni ne bi dozvani bili“ (257).

Имперфект в этих примерах обозначает действия, повторявшиеся неоднократно в прошлом, в противоположность единичным, законченным действиям, выраженным аористом. Употребление имперфекта вызвано необходимостью выразить повторяемость действий. Одновременности действиям аориста имперфект здесь не обозначает. Противопоставление аориста и имперфекта носит видовой характер.

В следующем примере мы имеем дело с противопоставлением двух действий, временные отношения которых не важны говорящему. Действия могли совершаться в разное время, могли происходить одновременно, но выражение временных отношений отходит на второй план. Например:

„Rekoše mi da su tamo Stare Indije, i da u Stare Indije nitko ne more poć, govoreći: „Upriječilo se je ledeno more, koje se ne more brodit, i vrlo vječna zima, koja galatinu od živijeh ljudi čini“; a s drugu stranu *veľahu* da gorušte sunce i paľevito ljeto dan bez noći ne netneiam da živu čovjeku pristupit, ma zemļi od vrućine plod plodit“ (256).

Вместе с тем имперфект может употребляться и для обозначения прошедших действий, происходивших одновременно с другими прошед-

(серб. гр. 1355 г. Л. Стојановић. Старе српске повеље и писма, књ. 1. Дубровник и суседи његови, део 1. Београд — Ср. Карловци, 1929, стр. 67). „Сего оубивь Александръ Макѣдонскыи, разори царство Перское, държавшевъ вьсѣхъ лѣтъ .Т. И царствова лѣтъ .vi. и .s. месець. Сконча се въ Вавлонѣ лѣтъ .lv.“ (Л. Стојановић. Стари српски родослови и летописи. Ср. Карловци, 1927, стр. 132. Пример взят из Цетинской и Студеничской летописей XVI в.).

шими действиями, выраженными аористом совершенного вида. Приводим примеры из лекционара, так как у Држича таких примеров нет.

„U onoj brijeme ustavši Jezus od borišta i *uljeze* u kuću Šimuna. Puonicu *tadaž* Šimunovu *držaše* velika trešnja; i moliše *nega* za *nu*. I tutako svrhu *ne* zapovidje trešnji; i pusti *nu*. I *ončas* ustavši *služaše* *nim*. Kada ve suonce *tadaž isteče*, svi, koji *imahu* nemoći razlike boljež-nive, *privodaahu* *nih* ki Isusu. A on na njekolicijeh ruku postavivši *izliječi* *nih*. *Ishodaahu* *tadaž* nepodobе iz mnozijeh...“ (149); „U onoj brijeme *pođe* Isus na goru Maslinsku; i s jutра opет dođe u crkvu, i vas puok *dohodaše* k *neму* i sjedeći *učaše* *nih*. *Privedoše* *tadaž* pisci i farizei ženu uhićenu u bludu, i *staviše* *nu* na srijedu i *rekoše* *neму* ... Ovoj *tadaž* *govorahu* iskušajući *nega*, da bi mogli osvaditi *nega*. Jezus priklo-nivše (se) doli prstom *pišaše* na zemlji. *Tadaž* kada *ne pristajahu* pitajući *nega*, *uzdvignu* *se* i *reče* *nim*: koji bez grijehа jest od vas, prvi na *nu* kamenom *se* vrzi. I opет priklo-nivše *se* *pisa* na zemlji. Čuvše oni, jedan za družijem *odhodaše* počamše od starijih, i *osta* Jezus sam i žena na sriedi *staše*“ (154); „U onoj brijeme *reče* Jezus narodu židovskomu: ja pođu, i ištete mene, i u grijehu vašemu umrijeti budete. I kudije ja idu, vi ne možete. I *odgovarahu* *tadaž* Židove: jeda mniš ubiti sam sebe, jere govoriš: kamo je gredu, ne morete doći? I *odgovori* *nim*: vi izdala jeste, a ja zgorа jesam ... *Govorahu* *neму*: ti tko si? *Reče* *nim* Jezus: početak, i ki *govorah* vam“ (138).

Временные отношения одновременности действий, обозначенных аористом и имперфектом, выражаются не самими формами времен, а лексически — наречиями *tadaž* ‘тогда’, и *onoj brijeme* ‘в то время’, которые указывают на отнесенность действий и аориста и имперфекта к одному отрезку времени.

Употребление формы имперфекта или аориста определяется тем, нужно ли выразить действие длившееся, повторявшееся, незаконченное или действие законченное, целостное. Различие между этими временами — видовое. Это становится особенно ясным при сопоставлении таких форм, как *govorahu* и *reče*, *odgovarahu* и *odgovori* из первого примера, *dođe* и *dohodaše*, *rekoše* и *govorahu* из третьего примера. Во втором примере глагол *pisati* в имперфекте означает длительное действие, начало и конец которого не фиксируются. Аорист этого глагола означает здесь начало действия, т. е. действие ограниченное. На это указывает наречие *opet*.

Все это говорит о том, что одновременность не является основным значением имперфекта и имперфект в языке Дубровника не может рассматриваться как относительное время одновременности. Он употребляется и в изолированных высказываниях, где никакой одновременности не выражает. В повествовании, представляющем основную сферу его употребления, имперфект выражает одновременность другому прошедшему действию, обозначенному аористом, только в определенных контекстах при наличии соответствующих наречий времени.

Ряд форм имперфекта несовершенного вида обозначает обычно действия, одновременно происходившие в прошлом. Например:

„Sjedeći za trpezom s mojijem Tudeškom, a pečeno bijehu donijeli — pјat, u *neму* kapun. Gledam ali je guska, ali što drugo: onoliko velika kapuna moje oči nigda nijesu prije vidjele. Ispečen? gledah ali je isprigan ali je ispečen: *imaše* njeku hrustu na sebi koja mi oči *zanošaše*, srce mi *vese-laše*, apetit mi *otvoraše*. Oko *nega* dvije jarebice oblahne, a sok iz *nih* rosi. Pјat *urešavahu* [s] strana peča viteļa mesa od mlijeka, koja para da *govoraše*: «jed me, jed me», i polovica zadna od zečića, lardica

okolo nazadijevana, a garofalići neistučeni nakicéna, koja para na trepi mirisom da *stvaraše* veselo, drago prolitje; a na krajijeh od plitice uokolo nakitili bijehu kosovića, dražijeh kosovića,... koji paraše da se uokolo uhitili bijehu i da u veras pojući *govorahu*: «blaženi, uzmite!» (290—291).

§ 4. Имперфект глаголов совершенного вида в дубровницкой прозе XVI в. мог обозначать повторявшееся в прошлом действие.

На такое значение указывает Решетар в книге „Древнейшая проза Дубровника“. Он приводит такие примеры:

„и када се ганијеху ноге моје, сврху мене говорили јесу“ (Ватиканский молитвенник XIV в.); „И који први слјезијеше у локву... здрав будијеше“ (лекционар Н. Ранины); „И свакога доведијеху до плаце (Лиbro од мнозијех разлога); ако рецијех... милосрдје твоје помагаше мене“ (псалтырь)¹².

У Држича имперфекта совершенного вида в таком значении нет. Држич употребляет эту форму для обозначения действия, которое могло произойти, если бы было условие, на самом деле отсутствующее и являющееся для говорящего желательным или предполагаемым (сербские лингвисты называют такое значение — нереальной гипотезой). Например:

„Drago mi je er se ne ukazah iz voštarije da mi ne bi siñor Marin za zlo imao... još da budah š' nim ter ga *ubodijaše* siñora Mara“ (308). ‘Хорошо, что я не оказался из остерии, это рассердило бы синьора Марина... Если бы еще я был с ним, он заколол бы его, синьора Мара’. „Ah, siñora, da maloprije ovako *učiñase*, tvoje tri tisuće *ne utoñahu*“ (382). ‘Ах, синьора, если бы ты прежде так сделала, твои три тысячи не пропали бы’.

Имперфект совершенного вида имеет в этих примерах модальное значение, что не означает потерю им временного значения. Действие, выраженное имперфектом, относится к плану прошлого.

Имперфекта совершенного вида в современном литературном сербохорватском языке нет, он сохраняется только в говорах Далмации и Черногории, где имеет то же значение, которое мы отметили у Држича.

Такое же значение — действия, которое могло совершиться в прошлом, но не совершилось, — может иметь и имперфект несовершенного вида. Например:

„Ah, Popiva, da tebe slušah, tri tisuće dukat naše *bijehu*. Ah, Popiva, da tvoj konseļ *ne slijedah*“ (374). ‘Ах, Попива, если бы я тебя (по)слушал, три тысячи дукатов были бы наши. Ах, Попива, если бы я следовал твоему совету’.

§ 5. Држич употребляет перфект от глаголов обоих видов, но перфект несовершенного вида встречается реже перфекта совершенного вида. Перфект редко встречается в контексте других форм прошедшего времени. Сфера его употребления — изолированные высказывания, контекст настоящего и будущего времени, повелительного наклонения. Употребляется перфект в диалогической речи, в монологической речи, в повествовании.

Прошедшее действие, выраженное перфектом, актуально для говорящего в момент речи, так как говорящий ощущает результат этого действия в тот момент, когда говорит о нем. Например: „Jaohi, gospodar je Maroje *došao!*“ (290). ‘Господин Марое приехал’, т. е. он сейчас находится здесь; „Најме, svi se *su obješeñaci oko ñega skupili!*“ (278).

¹² М. Решетар. Најстарија дубровачка проза. Београд, 1952, стр. 93.

‘Все озорники собрались вокруг него’, т. е. сейчас в момент речи они стоят; „E latineski ti naučila?“ (372). ‘Ты выучила латинский язык?’, т. е. ты его сейчас знаешь; „Signor Marin, učinićeš što se pristoji tvomu paru, a ja ti sam sluga; a Tudešak svoj posao čini, a svak svoj. — *Razumio me si*“ (278). ‘Ты меня понял’, т. е. теперь ты меня понимаешь; „Ajme, Popiva, ja *sam se izgubio!*“ (379). „Сацо, како си? — *Koliko te sam žudio vidjet*“ (354). ‘...Как я стремился увидеть тебя, и вот теперь я тебя вижу’; „O, ben trovato, signor Marin! — *Koliko te smo žudjeli!*“ (302).

Значением сохранения и в настоящем связи субъекта с прошедшим действием объясняется употребление перфекта в контексте настоящего и будущего времени.

Действие, происходящее в настоящем, оказывается так или иначе связанным с прошедшим действием, выраженным перфектом. Связь прошедшего действия, выраженного перфектом, с действием, которое совершается в момент речи, говорит об актуальности прошедшего действия для настоящего. Например:

„Ali da svi čine kako je Marov otac učinio: *dao mu je pe[t] tisuć dukata*; tako ih on i *trafega* ovdje u Rimu s galantinami siñorami“ (297); „Poplavio je sve dinare moje; pet tisuć dukata *utonule su* u morsku pučinu, bogme *utonule!* *Nije* veće remedija, ma ću provat jeda se što *može* skapulat i iskat ću *repozano*“ (348—349); „Ajme, ajme, moja starosti, na što mi *si dovela*, da se po svijetu *tučem* za dezvijanjem sinom, za *haramijom*“ (261); „Ja sada *razgrizam* grijeh koji *sam učinila*“ (286); „Pera, ti si smiješna: ti *se desperavaš*, er u tri dni *nijesmo* sve *opravili*“ (286). Действия, выраженные перфектом, являются здесь причиной сложившейся в настоящем ситуации, которая является предметом разговора и стоит в центре внимания говорящего. Отец дал Маро пять тысяч дукатов, и сейчас он тратит их в Риме (первый пример). Истратил эти деньги, и нет больше средств (второй пример).

В контексте будущего времени перфект означает прошедшее действие, от которого зависит действие в будущем, актуальное для будущего. Например:

„On je! štogodi će novo bit; fortuna me *je počela* s nekijem novijem personami stavlat naprijed“ (367); „U kući *si* onoga neoca *ostavio*; provrć mi će sve moje bagatele, *pacijencija!*“ (329). ‘...судьба начала сталкивать меня с новыми людьми’ (первый пример) — для говорящего это действие актуально в момент речи, и он предполагает, что оно будет иметь последствия в будущем: случится что-то новое. ‘В доме ты оставил отца...’ (второй пример) — этот факт важен для говорящего, так как повлияет на будущее: ‘отец разбрасает все безделушки’.

В контексте с повелительным наклоном перфект означает прошедшее действие, связанное с тем распоряжением, которое отдает говорящий; действие, совершенное в прошлом, является причиной распоряжения. Например:

„Petre, kraļa me *si* danas *učinila!* Odsela pitaj što ćeš od mene“ (363). ‘Петра, ты сегодня сделала меня королем. Теперь проси у меня, что хочешь’; „Žao mi je dukata, a om mi ne bude veće na oči: živi i umri, *hodi* *zlo kao je i počeo*“ (268).

Выражение перфектом действия, актуального для говорящего в момент речи или связанного с другим, настоящим или будущим, действием, не зависит ни от синтаксических условий употребления (это значение проявляется и в сложносочиненных и сложноподчиненных предложениях), ни от видового значения глагола.

Благодаря значению результативности, связи с настоящим, перфект редко употребляется в повествовании, где речь идет о фактах прошлого, связь которых с настоящим не подчеркивается. Ему более свойственно употребление в диалоге, а также в отступлениях от повествования, в комментариях персонажа по поводу происходящего. Например: „Trijeba je bit pacijent i ugodit zlu bremenu, da se pak dobro uživa. Svakijem kami! Maro mi prijeti, a ja mu se s baretom u ruci klaňam; Tudešak me, moj idol, dvize s trpeze, s delicija! srcem mučno idem — čijerom volentijero. I tko k meni dođe: „Pomete, opravi mi“, — opravlam; „Pod’ za mene“, — idem; konseļ mi pita, — umijem mu ga dat; psuj[e] me, — podnosim; ruga se mnom, — za dobro uzimļem. Ovaki ļudi reňaju! A merita moj profumani trbuh da mu vjerno služim. Sve sam ove galantarije za neĝa naučio, er me nigda ne izdava na dobru obroku; vazda je bio pripravljen, dispos ponijet. Ma *sam zaljezao* u veliku konsideracijon, a imam danaska fačende velike činit, fačende dostojne od Pometa“ (292); „Uh, brižne ve one dubrovačke potištenice štono se čersaju bulom i usta na suhvicu čine u koretu od abe; kad optoku koja od žetenina ima na koretu, para joj da je njeka gospođa velika, — u cokulicah! A, sjetna, ako dvaš na nedjeļu vare, i još da im može to bit? A ove? Odre od svile; što nose po kući, od svile; kamare im su odstrte svilom; sve u srebru ijedu, ijedu vazda letušte; svaka hoće dvije kamarijere, koje ini posao ne imaju neg nu oblačit i kamaru načiňat, — a kako to! Ja ne smijem joj ni u kamaru uljesti; ja kuham i perem, i jošte s drugom. Brižna se ja *zagovorila sama*; govorim kao da komu spovijedam ovo“ (329).

Повествование ведется в историческом настоящем, в конце повествования — форма перфекта.

Перфект глаголов несовершенного вида также может обозначать прошедшее действие, актуальное для другого, настоящего или будущего, действия. Например: „Bokčilo, ono je Dalmatinka, ono je dalmatinsko mlijeko *sisalo*“ (318); „...hoću vam odkrit jedan sekret koji dosle od ovizijeh strana nijedan čovjek ni mudar ni triš mudar *nije znao*, od šta se su skule od mudaraca vazda veoma *čudile* i veoma *napastovale*, — sekret dostojan da ga vi znate, plemeniti i vrijedni Dubrovčani“ (256); „Našao je, iznašao je s kijem će plakat! Naplačite se, *plakali vazda*“ (264).

Прошедшие действия, выраженные формами перфекта, являются причиной происходящего в настоящем действия (‘хочу открыть вам секрет’), ситуации, которая имеет место в момент речи (‘она — далматинка’) или по предположению говорящего сложится в будущем (‘наплачетесь’).

Перфект здесь обозначает действия, неограниченно длившиеся в прошлом, которые могут рассматриваться как постоянные.

Перфект может обозначать повторявшееся в прошлом действие (причем число крат не определяется). Например:

„Moje slatko nespanje, Petrunjelice, kolikrat me *si činila* ne spat“ (312).

Но и здесь действие, обозначенное перфектом, является актуальным в момент речи: она столько раз не давала ему спать, и теперь не дает; но и сейчас, как и тогда, это бодрствование ему приятно.

Таким образом, актуальность прошедшего действия для момента речи выражается перфектом несовершенного вида независимо от того, было ли оно длительным, повторявшимся, или дается безотносительно к длительности.

В отличие от перфекта аорист, употребленный в контексте настоящего (правда, таких примеров немного), обычно не обозначает прошед-

шего действия, актуального для действия, происходящего в момент речи. Например:

„Givo, lijep ti je ovi grad i vele ti je veličak; ja se umorih ovom ulicom hodeći“ (284). ‘...город очень велик, я устала, ходя по этой улице’. Здесь представлена обратная связь. Аорист может обозначать факт прошедшего действия, который просто сопоставляется с другим фактом — настоящим. Например: „Sin mi dukate uze, a ovi mi život uzimlje“ (262); „Gospara za kose odvukoše tamo, a bijedan ne znam hoće li i mene vodit“ (309); „Srjetoše me neki putem; a ja sam ovako kako me vidiš“ (288).

Во всех приведенных выше примерах не говорится о приуроченности выраженного перфектом действия к определенному моменту прошлого. Но значение неопределенности действия во времени нельзя считать специфическим для перфекта. Перфект так же, как и любая другая форма прошедшего времени, может обозначать действие, совершившееся в определенное время. Например:

„Petre, kraja me si danas učinila“ (363); „Maloprije mi si skapulao, drugovja mi nečeš skapulat“ (380). „Misser mio, sad sam učinio alle curtellade“ (288); „Je li što novo? — Jes, mavasija je bila ovoga godišta po peset“ (368).

Здесь на время совершения действия указывают соответствующие обстоятельства времени: *danas, maloprije, sad, ovoga godišta*. В других случаях приуроченность действия, выраженного перфектом, к определенному моменту прошлого выясняется из более широкого контекста. Например:

„(Tik, tok!) — Chi batte giuso? — Petrunjelice, ma grličice! — Što si došao, traditiru jedan?.. — Petrunjela, s kije govoriš? — Siñora, donio sam rubin i dijamant; ovake se dvije peče nijesu odavna u Rim donijele“ (375).

Ремарка ‘стук-стук’ свидетельствует о том, что действие, обозначенное перфектом *si došao*, произошло только что, непосредственно перед тем, как был задан вопрос о причине прихода данного действующего лица.

„Gospar je stari došao na proštenje... I donio je gambjelota tabula... — A, Bokčilo, dobru nam si novu donio!... — Siñora, čula si? — Čula sam“ (315—316).

Из контекста очевидно, что действие, выраженное перфектом *si donio*, произошло в момент произнесения предыдущей фразы.

Перфект может означать также действия, время совершения которых в прошлом остается неясным. Например:

„Pera, hoć da ti ukažem crkvu od Svetoga Petra? — Nemo’ me, Givo, Perom zvat, da nas tko ne čuje i da me ne pozna jer sam djevojka. — Neću veće, zarekoh se nehote. — Petro[m] me zovi, kako smo rekli. — Ноću“ (285).

Аорист *zarekoh se* означает действие, непосредственно предшествующее моменту речи, о чем говорится в предыдущей фразе данного персонажа; перфект *smo rekli* — действие, происшедшее за рамками упомянутого разговора, но когда именно, не указывается.

Разграничение простых прошедших времен и перфекта по линии определенности и неопределенности во времени для языка Дубровника XVI в. не является существенным. Значение определенного по времени прошедшего действия у перфекта зависит от контекста так же, как и у аориста и имперфекта. Значение действия, непосредственно предшествующего времени высказывания, также устанавливается у этих

форм из контекста. Но значение актуальности прошедшего действия для настоящего является значением самой формы перфекта.

§ 6. Перфект обоих видов часто выражает различные модальные значения.

Перфект может обозначать действие, в совершении которого у говорящего нет полной уверенности. Например:

1. „Misser, ne bih ja tako učinio, — našao bih ga; tko zna *je* li sve *splavio*“ (268);

2. „Ne znam! mnim da *se je pomamili!*“ (334).

3. „Ah, Popiva, gdi te *ću* nać? Ima bit da *je* u Ćanpjetra zlatara *otišao* rubin i dijamant uzet“ (374).

Сомнение в совершении действия выражает перфект в вопросительных предложениях с частицей *ли*. Например:

4. „O, Vlaho, bevegna... *Jesi li* ki dukat *donio*? Ovo mjesta za penĝat ih. — Nebore, još me nijeste ni upitali odkle idem. — Odkle ideš, ako s'dukata donio? — S Livorna, donio sam dosta“ (297).

5. „*Jeste li* se vi tamo *našaptali*?“ (269).

6. „*Je li* se kad i jednoj djevojci ovako nevoļa *zgodila* da je iz grada ovako izišla za iskat svoga vjerenika? koga mñim da sam tako izgubila, jaoh, da ga veće neću nać“ (285).

7. „Bokčilo, *jesam li* ti *rekaó*: ne davaj mi fastidija, ne pristaj mi tuzi! Ti se, pjanico, rugaš mnom... *Nijesam li* ti danaska *dao* po kutla vina popit? — Jesi, sita me si napojio. Ovo, odkle sam iz grada nijesam se usrao, niesam imao čim s tvojom hranom“ (261).

8. „Dobro, čačo, zdravo sam, zdravo sam. A ti *jesi li* sveder zdravo *bio*? Nijesi ni ti zle čijere“ (354).

Аорист в противоположность перфекту неуверенности в совершении действия не выражает. Исключение составляют только глаголы *peћu*, *чути* и *бити*, употребляющиеся в вопросительных предложениях с частицей *ли*.

„Bokčilo, *ču li*? — Čuh, gosparu. (275). — *Rekoh li* ti, Pijero, er je mjedeničar ter nije dukata?“ (298); „*Bi li* u Ćanpjetra zlatara? — Bih“ (328).

Такие случаи употребления аориста редки, обычно аорист употребляется в вопросительных предложениях, в которых сомнения в совершении действия не выражается; вопрос касается объекта действия.

„Bokčilo, što to učini?! — Učinih! pridira' se ti, ako ti je trijeba; ja se hoću zdrav vratit, zahvale djevu, k mojoj domačo“ (350); „Što *učiniste* tamo? — Sve dobro“ (375—376).

Вне вопросительных предложений с частицей *ли* аорист для выражения сомнения в совершении действия не употребляется.

Перфект может обозначать действие, о котором говорящий знает с чужих слов, не был его очевидцем. Например:

9. „Oto vele da mu *je* otac *došao* da mu hoće konte gledat“ (294).

10. „Govore da *je došao* na proštenje i da *je donio* čudne prateži i trgovine“ (324).

Аорист в таких случаях не употребляется. Для него характерно обратное — обозначение прошедших действий, которые были совершены самим говорящим или непосредственно его касались, происходили в его присутствии. Поэтому аорист часто встречается в форме 1-го лица единственного и множественного числа или в формах 3-го лица с личными местоимениями 1-го лица в косвенных падежах. Приведем некоторые цифры: на 10 страницах текста встретилось 25 примеров аориста и 30 примеров перфекта. Из 25 примеров аориста приходится

21 пример на аорист в форме 1-го лица или с местоимением 1-го лица и 4 примера в формах 2 и 3 лица. Из 30 примеров перфекта 12 имеют форму 1-го лица, или форму 3-го лица, употребленную с местоимением 1-го лица, и 18 — формы 2-го и 3-го лица.

В обоих приведенных выше примерах перфект имеет модальный оттенок, который как бы наслаивается на временной и не исключает последнего; действия, обозначенные перфектом, всегда относятся к прошлому.

Наряду с этим имеются такие случаи, где форма перфекта (без вспомогательного глагола) не имеет временного значения, выступает в качестве наклонения. В таких случаях перфект обозначает желательность действия, призыв к его осуществлению. Например:

„Mir božiji s tobom, sveta te Nedeļa pomogla!“ (281). ‘Мир божий с тобой, да поможет тебе (чтобы помогло тебе) святое воскресенье’. Ср. „Ah, da te bog pomože“ (263), где на первый план также выступает модальное, а не временное значение.

„Oni reče: „Vrag uzeo oca i tko ima oca!“, i para da sad svi mladi ovu molitvu kantaju mješte letanija!“ (297). ‘Тот сказал: „Чорт бы побрал отца и того, кто имеет отца!“ и, кажется, что все молодые люди теперь поют эту молитву вместо литаний’.

„Tako mi boga, da t’služim un boccal de vin s dobre voļe, brate. — Ah, djevica te pomogla; cvijetkom ti i ružicom puti porasli, kotorska slatka krvi“ (284). ‘Ей богу, я охотно поставлю тебе бокал вина, брат. — Ах, да поможет тебе богородица, да покروются твои дороги цветами и розами...’.

„Bogo, Bokčilo, postrpi se malo; sad smo tvoji. — Vožiji bili“ (269). ‘Бокчило, потерпи немного, сейчас будем твоими (к твоим услугам). — Будьте милостивы’.

Мы видим, что выражение определенности во времени, придаваемое перфекту контекстом, совмещалось с собственным значением перфекта — со значением результативности, актуальности. При выражении модальности, зависящем от контекста (глаголов *мниту*, *говорити*, *не знати*, *има бити*, частицы *ли*), значение результативности, актуальности также может сохраняться (см. приведенные выше примеры 1—4 и 9 на стр. 61). ‘Кто знает, все ли он растратил’ (1 пример), т. е., может быть, у него и сейчас остались деньги; ‘я думаю, что он сошел с ума’ (2 пример), т. е. я думаю он (сейчас) сумасшедший; ‘должно быть он пошел к ювелиру’ (3 пример), т. е. его здесь нет, должно быть он сейчас у ювелира; ‘привез ли ты дукаты?’ (4 пример), т. е. есть ли у тебя сейчас деньги; ‘говорят, что он приехал’ (9 пример), т. е. он здесь. В вопросительных предложениях с частицей *ли* значение результативности может не сохраняться (см. примеры 6 и 7).

При выражении перфектом желательности действия модальность выступает на первый план, затемняя другие оттенки значения.

Наконец, перфект может и не иметь значения прошедшего действия, результат которого сохраняется в момент речи, или действия, актуального для другого действия, настоящего или будущего. Он может обозначать факт прошлого действия, не связанного с настоящим. Например:

„Plače, er mu je sin spenġao od svoga. Za česa su dukati neg da se pije i ije i trunpa? — Od svoga, pjanče, veliš, od svoga spenġao? Ajme! ubode me, ajme“ (262).

Первая форма перфекта *je spenġao* имеет значение результативности: ‘он плачет потому, что его сын промотал деньги’ вторая форма перфекта *spenġao* — сообщение о факте прошлого.

„Nu, čeka', mariolu jedan! na ti način, ribaode jedan! — Signor Marin, ja ne znam što *sam* tebi učinio. — Uteče ribalad jedan! nu stignu[t] te ću, ne boj se“ (340); „Nije, bogme, ta mala riječ pe[t] tisuć dukata! To je što se bojaše? — Sin, dezvijan sin pe[t] tisuć dukat mi je splavio! — Bogme je to gore neg ponta, ta je velika nemoć. Uzmi mi dukate, uzmi mi čast i život. — M[isser] mio, život mi *je uzeo*“ (264); „Od mene tajiš?! — Što, siñora? — Da ti je otac prišal ovdi. Što mučiš? jeda ti nije drago er ja znam?! — Tko ti je *rekao*? — Junak ñegov *bil je* ovdi, veli: na proštenje je došal. Vele da je velje trgovine donil. — Zbił li govoriš? — S Popivom je taj junak otišal na oštariju... — Ter *je* Popiva to *učinio*! — Zač ne? — Imao je najprvo k meni doć“ (322); „Vjeren je, jesu tri godišta. — Maro je vjeren?! Je li, draga? Nut traditura, a mojoj[*j*] je gospodi *govorio* da ju će uzet svakako za ženu. — Za ženu?! To se ne more trpijet!“ (346); „Ovo je Givulin Lopuđanin; *navegao sam* š ñime. — Givuline, adio!“ (287).

Такое употребление возможно и для форм перфекта несовершенного вида и для аориста. Ср.:

„Gdje dosle bi? — U Ganpjetra zlatara“ (277); „Gdje *si* dosle *bio*? — Gospodaru, otac *si* došao“ (324).

И аорист, и перфект обозначают здесь факт прошлого действия, безотносительного к настоящему.

Надо отметить, что примеров перфекта и совершенного, и несовершенного вида с таким значением немного. Как правило, перфект обозначает прошедшее действие, результат которого сохраняется в настоящем.

Наряду с рассмотренными примерами, иллюстрирующими употребление перфекта в значении аориста, у Држича имеются и такие (правда, тоже в небольшом количестве), где формы аориста имеют перфектное значение. Например:

„Koje te *su* u Rim *dovele*? — Došao sam, jedno na proštenje i drugo za vidjet tebe“ (354); „Bokčilo, pjanico, ti li si? Koje te u Rim *dovedoše* na ova vina na ogrestiju? — Moja nesrjeća! S gospodarom sam Marojem došao, da ga ubije bog!“ (314).

Перфект *dovele su* и аорист *dovedoše* употреблены в контексте одного и того же типа и имеют идентичное значение прошедшего действия, результаты которого налицо в момент речи.

Аналогичное положение наблюдается и в следующих примерах: „Tata, bijedan Grubiša, gdje *si se* jošte *stanih*, gdje ljudi svi „šu“ parlaju, „šu—pšu“, da im se vraguto slovo ne razumije“ (370); „Bijedan se Grubiša u latinsku zemļu *doskitao*, gdje se žabe i spuzi ijedu, gdje se ogrestija pije i gdje se na ure oni bijedan obrok jede, gdje se u zdravjice ne pije, a voda se u vino lijeva. Tata, mili bože, gdje *si me* moja srjeća, huda srjeća *dovede*?“ (371); „...jaohi meni, gdje *mi se je* skitna *doskitao*“ (278).

Аорист *se stanih* и первая форма перфекта *se doskitao* употребляются в сходных контекстах (в сочетании с формами настоящего времени), в одинаковых условиях выступают аорист *dovede* и перфект последнего примера *se je doskitao*. Первые две формы означают прошедшее действие, результат которого наличествует в настоящем — 'где я поселился', т. е. где я нахожусь сейчас; 'бедный Грубиша забрел в латинскую землю', т. е. сейчас он находится здесь. То же самое можно сказать и о вторых двух формах.

Перфект и аорист имеют идентичное значение и в следующих примерах:

„Našijenče, dobar ti dan!..— Po svetoga Tripuna, ovo što htijah! Da si čestita i da je čestita srjeća koja me na tebe *namjeri*, našjenico lijepa i pjaževola“ (331); „Ah, da si čestit! na dobra ti *se smo* čovjeka *namjerili*!“ (270). Таким образом, противопоставление аориста, выражающего факт прошлого, безотносительного к настоящему, и перфекта, который обозначает наличие в настоящем результата прошлого действия, в ряде случаев может стираться. Тогда перфект и аорист могут выступать в идентичных значениях; перфект в значении аориста или аорист в значении перфекта. Однако такие случаи у Држича встречаются сравнительно редко. Для него старое различие между аористом и перфектом, вопреки утверждению Решетара, несомненно, сохраняется, стираясь лишь в некоторых случаях. Правда, имеется ряд примеров, в которых перфект и аорист, обозначая факт прошлого, безотносительного к настоящему, различаются по другому принципу. Аорист здесь означает действие, совершенное говорящим, перфект — действие, происходившее с третьим лицом. Например:

„...bi li ti ono, koga najprvo vidijeh? Paraše mi puki ti...—...Nebore, što mi to govoriš? Ma ne čudi se, čačko, i druzi *se su privarili* tako... —Basta, pokli je tako, ja *se privarih*. — Ah, kolici *se su privarili*!“ (355); „Ma gdje Bokcilo *osta* s prateži? da si *je zašao*? Ah, santa Maria, Bokcilo! U tovijernu *je* gdje godi š nom *upao*“ (349).

Аорист *osta* обозначает действие, в совершении которого говорящий не сомневается, формы перфекта — действия предполагаемые.

§ 7. При употреблении нескольких форм перфекта совершенного вида последовательность действий, как правило, не выражается (в противоположность аористу, который обозначает последовательность ряда действий).

Формами перфекта обозначаются прошедшие действия, результаты которых налицо в момент речи. Например:

„Odkle ideš ti? — Gospar *je* stari *došao* na proštenje... I *donio je* gambjelota tabula veće stotinu, i vrjeća papra i čafrana drugu stotinu“ (315).

Перфектом могут выражаться также действия, с которыми связь субъекта в настоящем сохраняется. Например:

„Ah, Pomete, Maro *je* veje dinara u nu *spengao* i današni dan penğa; a ona ga *je obľubila*, mahnita je za nim“ (294).

Формами перфекта может выражаться ряд действий в прошлом без установления последовательности их совершения и отношения к настоящему. Такое значение мы наблюдаем в различных типах предложений. Например:

„Jaoh meni, da budem znao da je ta doktrina u Kotoru, u Kotor bih sina na studijo poslao, — sina koji me *je ruinao*, koji me *je rasčinio*, sina koji *je* zlu skulu *naičio*“ (264); „Pošla sam da nadem vjerenika, a, jaoh, moj *se* je vjerenik *izgubio*, tako da ga već nije moć nać“ (342).

„Ajmeh, babe, jes' li čula od moga nevjerenika? Ma ovo Ćiva! Ćivo, *uzaznali smo* i *čuli smo* i *naslušali se smo*“ (346); „O[d] toga Mara *izela je* što je mogla, i on *je spengao* što je mogao“ (294).]

В этих примерах последовательность действий не устанавливается, неясно, были ли они одновременными или следовали одно за другим.

Когда перфект употребляется в сложноподчиненных предложениях с придаточным дополнительным, он может выражать действия, происходившие в прошлом одно за другим. Например:

„Došao je skapulavat što *je* u morske pućine *utonulo*“ (317); „Rekli mi su da *je* u zle žene *poplavio*, ter sam *došao*, jeda bih što mogao ska-

pulat“ (268); „Maru je otac došao, lakom je čovjek; uzaznao je er je Maro dinare spengao, hoće mu dvignut fačende i hoće ga povesti [s] sobom u Dubrovnik“ (335).

Значение последовательности принадлежит здесь не перфекту, оно определяется спецификой предложения, выражающего предшествование действия придаточного действию главного.

Несколько форм перфекта несовершенного вида могут означать действия, временные отношения между которыми не устанавливаются, т. е. действия, которые могли следовать друг за другом, могли быть и одновременны.

„А od vjerenice si imao knigu, a meni si govorio da nijesi vjeren!“ (385); „I ovi isti Tudešak, Pometov gospodar, davao je sto i osamdeset dukat za ne, i nije mu ih ktio dat“ (279).

Два действия противопоставлены друг другу без уточнения их хронологии.

При наличии лексических средств для указания хронологических отношений между действиями перфект несовершенного вида может означать (с перфектом совершенного вида) действия, совершившиеся одно за другим. Например:

„Gospodin Ondardo u početak je veoma iskao tu divojku, pak, kad se je u svoj dom u Augustu vrnuo i oženil se i (i) mal djecu, veće nije mario za devojku Mandalijenu“ (360). ‘...сначала искал девушку... а потом больше и не заботился о ней’.

При употреблении в сочетании с аористом совершенного вида перфект совершенного вида может обозначать один из этапов в последовательном развитии событий.

„Žena mu umri, djeca mu pomriše, imanje veliko ima. Spomenul se je o[d] divojke Mandaline; mene je poslao da išćem, da pitam, da gledam, da obećam tko bi ju iznašao“ (360).

Приводим примеры из лекционара Ранины, так как у Држича подобных примеров мало.

„Človjek njeкои imaše dva sina, i reče mladi od njih otcu: otče, daj meni dio imanja, što me dostoji. I razdijeli nim imanje. I ne po mnogo dni, skupivši se svi, mladi sin spravio se putovati jest u kraljevstvo na daleko, i ondje istrati dio svoj živući bludno“ (143); „Dviže se tadaž Helizeo i nasljedovao jest nu. A Ćeci bješe pošao prid nimi i postavio bješe štap svrhu obraza djetića, i ne bješe glas ni čuvenje... i [odgovori] Ćeci i reče nemu: zovi Sunamitu tuj. Koja zvana budući, uljezla jest k nemu. Koji reče: uzmi sina tvoga. Dođe tadaž ona i pade na noge negove i pokloni nfu se svrhu zemlje, [i] uze ona sina svoga i izišla jest. Helizeo istinom vratio se jest u Galgalu“ (160).

Перфект выступает здесь в значении, идентичном значению аориста, о чем в особенности свидетельствует употребление этих форм в однородных членах предложения. Но это значение не всегда свойственно перфекту, употребленному в ряду форм аориста. Перфект может также обозначать наличие результата действия в момент совершения действия, обозначенного аористом. Например:

„Ja maloprije otidoh za ispitat o[d] došastja Dunda Maroga; oto t'... vuku Dunda Maroja u tamnicu! Gledam ali ja snim ali bi! vidim — Dunda Maroja među Irudi i Pilati gdje ga vode kao Barabu! A neki tri iz Dubrovnika, amanti od Prijekoga, došli su s malom gracijom g bariželu, govoreći: „Capetano, el è un di nostri, lasciatelo — è suo padre“. A bariž[e]o im odgovara: „Che padre, che di nostri, che lasciar! Ognun largo!“ Istom se čovjek, pravi čovjek sunu: Pomet dođe — [s] strane,

dijeti! S reverencijom, *se poklonih* Dundu Maroju, a kapetana s reverencijom *salutah*; a barizeo je vas moj; a tko Pometu nije prijatelj u Rimu? Barizelu *rekoh* dvije riječi na uho“ (311).

Перфект несовершенного вида у Држича может употребляться с перфектом совершенного вида в рассказе о последовательно развивающихся в прошлом действиях, означая один из этапов в последовательном развитии событий. Например:

„Ti ne znaš kako me je prid siñorom našao i kako *je* za mnom *trčao* s kordom; i ja sam ... *fengao* ne znat ga i *tratao* ga sam mahnica“ (324).

Действие, обозначенное перфектом несовершенного вида *je trčao*, протекало в период между двумя завершенными действиями *je našao i sam fengao, tratao*. В этом случае соотношение перфекта несовершенного и совершенного вида то же самое, что и при употреблении аориста несовершенного и совершенного вида.

§ 8. Плюсквамперфект — редко встречающаяся форма времени у Држича (всего 13 примеров, и только от глаголов совершенного вида), что объясняется, по-видимому, тем небольшим, сравнительно, местом, которое в комедии занимает повествование — обычная сфера употребления плюсквамперфекта.

Употребляется плюсквамперфект в контексте с аористом и означает действие, совершившееся в период, предшествующий тому, о котором рассказывают. Например:

„Ma ne mogoh srcu odoljet: odkinuh krilo od onoga kapuna, stavih ga prida ņ; drugo odkinuh, stavih ga prida me. Napih mu: „Trink, misser Ugo“ ... *založih* se i *trijema* kosovići, *okusih* i *jarebčice*. Bogme tjih i rukom *igrat* u parti *sekrete* od onoga *slavnoga* kapuna (*kurvina* kuhača koje [*ga*] *lantarije* od onoga kapuna *biješe učinio!*) ... Bogme i toga *pouzeh!*“ (291); „Pometa ne htjeste čut, *rugahote* se Pometom, *mahnitice!* S istinom Pomet *biješe došao*, a vi *ašišine* htjeste slušat, — tot vam!“ (361).

Плюсквамперфект обозначает действие, совершившееся раньше целого ряда действий, выраженных аористом, а не одного из действий. Здесь мы имеем дело не с простым предшествованием одного действия другому в последовательной цепи событий, но с предшествованием целому периоду прошлого.

То же самое значение имеют формы плюсквамперфекта *bijehu donijeli, nakitili bijehu, se uhitili bijehu* в следующем примере:

„Sjedeci za trpezom s mojijem Tudeškom, a rečeno *bijehu donijeli* rjat, u ņemu kapun... *gledah* ali je *isprigan* ali je *ispečen*... Pjat *ureševahu* [*s*] strana *peča* *viteļa* mesa od *mlijeka*, koja para da *govoraše*: „*jeđ* me, *jeđ* me“; ...na *krajijeh* od *plitice* uokolo *nakitili bijehu* *kosovića*, *drazijeh* *kosovića*, koji *paraše* da *se* uokolo *uhitili bijehu* ... I u *tjezijeh* *delicijah* *stojeći* u *kontemplacijoni*, *bijeh otišao* in *estasis*“ (290—291).

Плюсквамперфект *bijeh otišao* не означает действия, предшествующего периоду рассказа, но стоящее в одном ряду с действием, выраженным настоящим историческим *gledam* и аористом *gledah*; „...я посмотрел, гусыня это или что-нибудь другое, изжарено или запечено... И, созерцая это (блюдо), пришел в восторг“.

„Da ti siñor, *vethi* siñor Marin, *biješe* li tu kad mu otac *odnije* te svite? — Ne, *odaslao* ga *njegdi* *biješe*“ (362); „*Sijetna* ve, Petre, ne *hodila!* s *čijem* *bijese* *manigodo* oni *došao*, da nam od Mara *zlo govori*, od Mara, ah!“ (343).

Прошедшее действие (или ряд действий), которому предшествовало выраженное плюсквамперфектом действие, может быть обозначено любой формой прошедшего времени, но чаще всего оно обозначается аористом.

Надо отметить, что у Држича в большинстве случаев плюсквамперфект употребляется не в придаточных (что было характерно для этой формы в старославянском и древнесербском языках), а в самостоятельных предложениях.

Плюсквамперфект может употребляться в придаточном предложении с формами других прошедших времен, когда в главном стоит настоящее время глагола *znati*. Например:

„Tugo moja, znaš ka[d] te kašicom pitah, a morinčela te *ubila* *bije* še? Koje te su u Rim dovele?“ (287).

Здесь он обозначает факт прошлого действия, совершившегося до момента речи, происшедшего одновременно с другим прошедшим действием (одновременность выражается не формой плюсквамперфекта, а временным придаточным).

Есть и такие примеры, где плюсквамперфект, не означая действия, совершившегося раньше других прошедших действий, выраженных перфектом, вместе с ними служит для перечисления фактов прошлого, происходивших друг за другом, в один и тот же момент прошлого. Например:

„Ti ne znaš kako me je prid siñorom našao i kako je za mnom trčao s kordom; i ja sam ...tratao ga mahnica, i barižeo ga *je bio odveo* u tamnicu za oružje“ (324).

Следует заметить, что здесь плюсквамперфект выступает также в новой функции, свойственной обычно аористу.

Таким образом, употребление плюсквамперфекта в контексте любых форм прошедшего времени, в самостоятельных, а не придаточных предложениях, в контексте настоящего времени, возможность обозначения им одного из ряда других прошедших действий, относящихся к одному периоду прошлого, все это свидетельствует об изменениях, происшедших в значении плюсквамперфекта, об употреблении его в значениях других форм прошедшего времени.

* * *

Анализ значения и употребления форм прошедшего времени в языке Дубровника XVI в, на материале комедии Држича „Дундо Марое“ позволяет сделать следующие выводы.

Форма перфекта имеет самый широкий круг значений по сравнению с формами других прошедших времен. Форма перфекта может означать: 1) прошедшее действие, результат которого сохраняется в момент речи; 2) прошедшее действие, актуальное для другого, настоящего или будущего, действия; 3) факт прошедшего действия сам по себе, вне его связи с моментом речи или другим действием; 4) действие, совершившееся в определенный момент прошлого, и 5) действие, не приуроченное к определенному моменту прошлого; 6) прошедшее действие, совершенное в присутствии говорящего или им самим, и 7) прошедшее действие, очевидцем которого говорящий не был; 8) прошедшее действие, в совершении которого говорящий сомневается; 9) действие, совершение которого желательно говорящему.

Наиболее характерными для перфекта являются первые два значения, большинство случаев употребления форм перфекта приходится именно

на них. Эти значения перфект может сохранять при выражении определенности, наблюдаемости действия. Но тем не менее значение результативности, актуальности не может служить критерием отграничения перфекта от других форм прошедшего времени, так как, во-первых, перфект в ряде случаев может и не иметь этого значения (см. 3-е значение) и, во-вторых, значение результативности, актуальности может быть выражено и аористом, хотя и крайне редко. Значения, указанные нами в пункте 5, 6, 7 и 8, зависят от контекста и могут быть выражены также формами простых прошедших времен. Последнее же значение, хотя и не выражается другими формами прошедших времен, выступает слишком редко, чтобы можно было считать его разграничивающим.

В исследованиях по современному сербохорватскому языку значения определенности-неопределенности и наблюдаемости-ненаблюдаемости выдвигаются в качестве критерия разграничения форм простых прошедших времен и перфекта¹³. Для языка Дубровника такое противопоставление не является существенным. У простых прошедших времен нет значений, которые не могли бы быть выражены перфектом, а простые прошедшие времена могут употребляться в значении, характерном для перфекта, причем перфект в значении аориста употребляется гораздо чаще, чем аорист в значении перфекта.

Однако наличие общего круга значений у форм простых прошедших времен и форм перфекта, т. е. возможность выражения каждого из отмеченных значений несколькими формами прошедшего времени, еще не ведет здесь к механическому взаимозамещению рассматриваемых форм. Здесь все еще сказывается влияние традиции, что находит себе отражение в следующем. При выражении того или иного значения наблюдается преимущественное употребление одной, при этом старой, формы прошедшего времени. Вторая, новая, форма, употребляющаяся для выражения этого же значения, обычно встречается несравненно реже, а иногда и представлена единичными примерами. Например, для обозначения прошедшего действия, связанного с настоящим, в подавляющем большинстве случаев употребляются формы перфекта и в единичных случаях — форма аориста; для обозначения ряда безотносительных к настоящему прошедших действий широко употребляются формы аориста и лишь в единичных случаях — формы перфекта.

Вместе с этим наблюдается также определенное распределение сфер употребления форм прошедших времен.

Основной сферой употребления простых прошедших времен и плюсквамперфекта является повествование, сферой употребления перфекта — неповествование (диалог, отдельные реплики, комментарии). Это можно проиллюстрировать такими цифрами: на семи страницах текста комедии, содержащего диалог, форм перфекта встретилось в три раза больше, чем аориста: 37 форм перфекта, 12 — аориста, 4 — имперфекта и 1 — плюсквамперфекта (причем перфект употребляется со значением результативности, актуальности, а аорист со значением безотносительного к настоящему прошедшего действия). В повествовании формы перфекта встречаются гораздо реже, особенно в рассказе о ряде последовательно

¹³ См., например, А. Мусић. Прилози науци о употреби времена у српско-хрватском језику. — „Глас српске краљевске академије“, СХХI, СХХIII, СХХVI, Београд, 1926—1927; А. Белић. О употреби времена у српско-хрватском језику. — Јф, књ. VI, 1926—1927; А. Стојићев ић. Значење аориста и имперфекта у српско-хрватском језику. Ljubljana, 1951; Ј. Вуковић. Говор Пиве и Дробњака. — „Српски дијалектолошки зборник“, књ. 3. Београд, 1910.

происходивших в прошлом действий. Подобное разграничение сфер употребления простых прошедших времен и перфекта характерно не только для Држича. В прозаических посвящениях книжного характера, содержащих повествование о каких-либо исторических деяниях, с которыми сравниваются дела того, кому посвящаются произведения, или с тем, что сделал сам поэт, мы находим простые прошедшие времена (см., например, посвящение Златарича, адресованное князю Зринскому)¹⁴; в посвящениях-письмах, где отсутствует повествование, простых прошедших времен нет (см., например, посвящение Златарича Цвете Зурорич, или посвящение Марина Држича)¹⁵, у Зоранича в повествовании также нет перфекта, он употребляется в прямой речи, в то время как в авторской речи, вводящей прямую речь, употребляются формы простых прошедших времен.

Такое разграничение сфер употребления является традиционным, мы находим его в евангелии, житиях, летописях, грамотах. Но в языке Дубровника имеются случаи, правда немногочисленные, проникновения перфекта в сферу употребления, ему несвойственную, а именно в повествование о ряде прошедших действий, следовавших друг за другом. Такие случаи, например, мы находим в лекционаре, составленном Раниной и состоящем из отрывков священного писания; перфект употребляется в функции аориста и вместо него, что устанавливается сравнением текста с евангельским текстом. Изменения канонического текста очень показательны. Они свидетельствуют о широком распространении форм перфекта в живом языке Дубровника XVI в. В этом плане показательны употребление в письмах, дружеских посланиях дубровницких поэтов только форм перфекта в противоположность употреблению их наряду с формами других прошедших времен в художественных произведениях.

Возможность употребления перфекта во всех значениях форм прошедших времен, распространение форм перфекта за счет других форм прошедшего времени в языке комедий и писем, т. е. жанрах, хорошо отражающих разговорную речь, с одной стороны, и проникновение перфекта в сферу употребления простых прошедших времен даже в каноническом тексте, с другой, — все это свидетельствует о наметившейся в языке Дубровника тенденции к вытеснению перфектом других форм прошедшего времени. В современном говоре Дубровника перфект является единственной формой прошедшего времени.

¹⁴ D. Zlatarić. Djela. — „Stari pisci hrvatski“, knj. XXI. Zagreb, 1899, стр. 3—5.

¹⁵ Там же, knj. XXI, стр. 143, 144; M. Držić. Djela, стр. 3—4.

Л. Н. Смирнов

СООТНОСИТЕЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В СЛОВАЦКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

ВВЕДЕНИЕ

Проблематика изучения грамматической категории времени является весьма широкой и разносторонней. Одним из важнейших вопросов этой сложной проблемы можно считать вопрос об употреблении временных форм глагола. К его изучению также можно подходить с разных точек зрения. Обычно при исследовании употребления форм времени основное внимание обращается на характеристику собственно временных значений этих форм, как таковых, на анализ их модального значения, на взаимодействие временных и видовых значений и т. п. При этом, как правило, устанавливаются значения временных форм, независимые и зависимые от контекста, от условий их употребления. Однако до сих пор остается недостаточно разработанным вопрос о синтаксических функциях форм времени в строе предложения и прежде всего вопрос о их роли как средства выражения соотносительной хронологии глагольных действий. Речь идет о тех случаях, когда формы времени обозначают ряд связанных друг с другом действий¹.

В последнее время вопросы, связанные с соотносительным употреблением временных форм, привлекают к себе серьезное внимание ряда исследователей. Проблема соотносительного употребления глагольных форм времени особенно интенсивно изучается на материале русского языка².

Однако следует отметить, что до сих пор в литературе нет единой точки зрения на сущность соотносительного употребления форм времени. Иногда смешиваются понятия соотносительного и относительного (реля-

¹ Отмечая возможность использования форм времени для выражения хронологической связи действий, Л. Андрейчин говорит о „совместном употреблении глагольных времен“ (Л. Андрейчин. Грамматика болгарского языка. М., 1949, стр. 194).

² Е. А. Иванчикова. Соотносительное употребление форм будущего времени глагола в современном русском языке. Канд. дисс. М., 1954; е е же. Соотносительное употребление форм будущего времени глагола в составе бессоюзного сложного предложения. — Сб. „Исследования по синтаксису русского литературного языка“. М., 1956, стр. 78—131; П. М. Криворучко. Соотносительное употребление временных форм глагола-сказуемого придаточного определительного к форме настоящего времени глагола-сказуемого главного предложения. — „Филологічний збірник“. Київ, 1958, стр. 169—185; W. Воеск. Zum Tempusgebrauch des Russischen in Objekt- und Subjektsätzen, — ZfSl, 1957, Bd. II, Hf. 2, 206—218.

тивного) употребления их. Иногда один и тот же термин „соотносительное употребление“ понимается неодинаково. Так, например, Н. С. Поспелов считает, что „соотносительное употребление“ является частным случаем „относительного употребления“³.

Иначе характеризует соотносительное употребление Е. А. Иванчикова. К соотносительному употреблению форм будущего времени она относит сочетания нескольких форм будущего времени, выражающие различные временные соотношения действий, а также сочетания этих форм с формами других времен и наклонений в разных синтаксических контекстах⁴.

По нашему мнению, можно говорить о соотносительном употреблении в широком и узком смысле этого термина. Примером широкого понимания является только что отмеченный взгляд Е. А. Иванчиковой. Сходное истолкование находим и в указанной статье П. М. Криво-ручко.

Представляется целесообразным трактовать этот термин в более узком смысле. В таком случае под соотносительным употреблением временных форм глагола понимается использование сочетаний этих форм в строе предложения для выражения соотносительной хронологии ряда глагольных действий, принадлежащих к одному и тому же временному плану. Дело в том, что временные соотношения между действиями выражаются неодинаково в зависимости от того, к какому временному плану относятся эти действия. Если соотносятся действия, принадлежащие к разным временным планам (например, действие прошедшее и будущее), то в этом случае соотносительная хронология действий естественно проявляется в отнесенности этих действий к различным временным планам и выражается различием временных форм. Так, например, если из двух действий, связанных друг с другом в своем проявлении во времени, одно является прошедшим, а другое настоящим или будущим, то первое уже в силу того, что оно прошедшее, выступает как предшествующее второму. Таким образом, соотношение этих действий ясно уже из того, что они расположены в разных временных планах.

Если же соотносятся действия, принадлежащие к одному и тому же временному плану, то соотносительная хронология действий выражается другими средствами, поскольку в этом случае временные формы сами по себе не выражают соотношения действий во времени. Например: *Он встал, оделся и пошел на работу*. Временные формы, выступающие здесь в роли сказуемых, обозначают прошедшие действия. Однако сочетание этих форм передает соотносительную последовательность данных действий. Другой пример: *Когда я вошел в комнату, он сидел за столом и читал*. Временные формы, выступающие в роли сказуемых главного предложения, также обозначают прошедшие действия. Но в отличие от первого примера сочетанием этих форм передается соотносительная одновременность, так как указанные действия во временном плане прошлого не следовали одно за другим, а происходили одновременно. Соотношение действий друг с другом в одном и том же временном плане мы называем соотносительно-хронологической связью. Обычно используемый термин „временное соотношение“ (Н. С. Поспелов, Е. А. Иванчикова и др.), по нашему мнению, следует применять лишь

³ Н. С. Поспелов. Прямое и относительное употребление форм настоящего и будущего времени глагола в современном русском языке. — Сб. „Исследования по грамматике русского литературного языка“. М., 1955, стр. 214, 215.

⁴ См. Е. А. Иванчикова. Указ. соч., стр. 6.

в тех случаях, когда речь идет о соотношении действий, принадлежащих к разным временным планам.

В предлагаемой статье ставится задача на материале словацкого литературного языка описать виды соотносительно-хронологических связей глагольных действий, отнесенных во временной план прошлого, и различные типы сочетаний временных форм, служащих для выражения этих соотносительно-хронологических связей прошедших действий.

I. СООТНОСИТЕЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В СЛИТНОМ И СЛОЖНОСОЧИНЕННОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

§ 1. Вводные замечания

Простое предложение с однородными сказуемыми обычно называется слитным предложением⁵. Мы будем пользоваться этим термином, хотя он и не совсем удачен⁶.

Мы считаем сказуемые однородными, если „все они относятся к одному подлежащему или к группе однородных подлежащих и связаны друг с другом сочинительными союзами или соединительными паузами“⁷. Иначе этот вопрос решают чешские и словацкие лингвисты. Следует отметить, что в чешских и словацких грамматиках не применяются термины „слитное предложение“, „однородные члены предложения“. Ряд однородных членов предложения (согласно русской терминологии) обычно определяется как особого типа член предложения (чешск. *rozšířený*). В новейших чешских и словацких грамматиках используется более четкий термин: чешск. „několikanásobný větný člen“ и соответственно словацк. „viacnásobný vetný člen“. Но дело, конечно, не в различии терминов, а в расхождении по существу понимания грамматической однородности и, в частности, однородности сказуемых. Например, предложения типа „Ученик сидит и читает“ в русских грамматиках рассматриваются как простые с однородными сказуемыми. Иначе трактует предложения подобного рода академик Ф. Травничек. Он полагает, что эти конструкции лучше считать сложным предложением⁸. Как сложные предложения рассматривает их также И. Грбачек, который считает, что об однородных сказуемых можно говорить лишь в тех случаях, „когда действия находятся в тесной семантической зависимости, т. е. дополняют друг друга или противостоят друг другу (выражены синонимами или антонимами)“⁹. Если же сказуемые выражают разные действия, то, по мнению И. Грбачка, мы имеем дело со сложным предложением. На семантическую близость глагольных действий при определении однородности сказуемых обращает внимание и словацкий лингвист И. Ружичка¹⁰. Предлагаемый семантический критерий разграничения

⁵ Иной смысл в этот термин вкладывал А. М. Пешковский, который считал слитным любое предложение, имеющее однородные члены („Русский синтаксис в научном освещении“. М., 1934, стр. 189).

⁶ См. критику этого термина в статье М. Г. Руднева „Однородные члены предложения“. — „Bulletin Vysoké školy ruského jazyka a literatury“, I. Praha, 1956, стр. 19—47.

⁷ „Грамматика русского языка“, т. II, ч. I. М., 1954, стр. 607.

⁸ Fr. Trávníček. *Mluvnice spisovné češtiny*, ч. II. Praha, 1951, стр. 801.

⁹ Jozef Hrbáček. O několikanásobných větných členoch, zvláště o několikanásobném přísudku. — „Bulletin Vysoké školy ruského jazyka a literatury“, I. Praha, 1956, стр. 52.

¹⁰ Jozef Ružička. Viacnásobný vetný člen. — „Jazykovedné štúdie“, I, SAV, Bratislava, 1956, стр. 154.

однородных сказуемых и сказуемых сложного предложения, по нашему мнению, является недостаточно строгим. При таком подходе нередко бывает очень трудно отграничить простое предложение с однородными сказуемыми от сложного предложения.

Полагаем, что об однородных сказуемых можно говорить независимо от того, близки или далеки по своей семантике действия, обозначенные данными сказуемыми.

Как показал предварительный анализ, в словацком языке с точки зрения соотносительного употребления временных форм глагола слитные и сложносочиненные предложения обнаруживают ряд сходных черт, что дает основание рассматривать их в одном разделе.

§ 2. Соотношение форм прошедшего времени от глаголов совершенного вида

1. Ряд форм прошедшего времени совершенного вида, выступая в роли однородных сказуемых, обычно передает соотносительную последовательность действий во временном плане прошлого. Например:

„Elenka zavrela knihu a vyšla do záhrady“ (Jes. Nov., 57)¹¹, „Malenec vopchal si do úst posledný kus chleba, olízal nôž od slaniny a vstal“ (Jil. Kc., 13); „Bát'a t'ažko vzdychol a vyšiel z izby“ (Hor. Sh., 134); „Pán horár sa prikročil — bol už blízko riečky, urobil krok — dva, zdvihol pušku k lícu...“ (Ond. Zm., 21).

В этих примерах сочетанием форм прошедшего времени совершенного вида выражается сменяемость одного действия другим. Причем все соотносящиеся действия являются прошедшими.

Протяженность отрезка времени, отделяющего одно действие от другого, может быть различной. Этот отрезок времени может быть очень коротким, когда одно действие непосредственно следует за другим, и может быть достаточно длительным. Протяженность временного интервала выявляется из содержания высказывания и условий контекста. Сами формы прошедшего времени ни на наличие интервала между действиями, ни на его протяженность не указывают. Для этого служат различные лексические средства, прежде всего обстоятельства времени. Например:

„...Vošla s kartičkou a o chvíľ'u ho vpustila do prijímacej izby s červenými kobercami a fotel'mi...“ (Jes. Dem., 158); „Bát'a stíchol. Zamyslel sa a len po chvíli dadal...“ (Hor. Sh., 60).

Обстоятельства времени о *chvíľ'u*, *len po chvíli* указывают на отрыв одного действия от другого на какой-то отрезок времени и таким образом подчеркивают наступление второго действия вслед за первым.

Приуроченность действия к различным временным ориентирам также служит указанием на наличие известного временного интервала между осуществлением первого и второго действий. Например:

„Stefan Zát'ko, otec piatich detí, cez Vianoce pochoval ženu a na Tri krále prišiel o ohlášky“ (Podjav., 25); „V noci z 29. na 30. augusta partizáni za spolupráce s vojakmi vtiahli do Banskej Bystrice a po pouličných bojoch... ju v ranných hodinách obsadili“ (Hys. Snr., 29).

Дополнительные средства, подчеркивающие последовательность действий, могут быть иного характера. Например:

„Suchý šafár dopil víno a potom vstal a vzdialil sa“ (Hor. Sh., 15); „Zaváhal a po krátkej pomlčke doložil: — Ale i to by som dal do poriadku“ (Jes. Dem., 147).

¹¹ Список сокращений см. в конце статьи.

В первом примере наречие *potom*, во втором — обстоятельственный оборот *po krátkej pomlčke* указывают на то, что второе действие наступило после осуществления первого. Четко выражается последовательность двух прошедших действий, если их разделяет еще одно действие, обозначенное деепричастием. Например:

„Vit'azstvo je vaše, — šepol som. — Aj vaše! — povedala a *odtrhnúť sa* odo mňa, vbehla do brány“ (Jes. Nov., 51).

Таким образом, присутствие в слитном предложении различных дополнительных средств, прямо или косвенно указывающих на наличие какого-то интервала между соотносящимися действиями, делает более очевидным и отношение последовательности, имеющиеся между этими действиями. Аналогичную картину наблюдаем и в сложносочиненном предложении. Например:

„Sprev *stíchol* a o *krátku chvíľu objavila sa* vo dverách zvädnutá, obstarožná žena, špinavá, strapatá“ (Hruš., 56); „A *jedného dňa do dvora priletela zvest'*: pán sa v Monte Carle zastrelil. Ako sa neskoršie *povrávalo*, prehral báječnú sumu peňazí, podľ'a iných *padol* v súboji s Kas-saym... Hrdú *zemianku tento úder podľ'al* jedným razom, od žiaľu *umrela onedlho*“ (Podjav., 130); „V *noci* na druhý vianočný sviatok *udrel mráz a pred svitaním začal poletovať* sneh“ (Laz. Oh., 9).

Последовательность действий в плане прошлого, как правило, очень четко выражается при союзном соединении однородных сказуемых. Например:

„*Sirický odklonil sa a odstúpil* neistým krokom od okna“ (Timr., 142); „*Sadol som si* k uprázdnenému stolu *ned'aleko vchodu a objednal* šálku mokky“ (Hruš., 46); „*Pekná Carmelína priniesla* víno a *naliala* nám do pohárov“ (Hruš., 61); „Ale *vtedy som to nevedel*,... *Sadol som si* doprostred *znivočenej role a zaplakal som*“ (Min. Nr., 81); „*Obidvaja chlapi ušli z domu a stretli sa* u Pacíka“ (Laz. Oh., 55).

В этих примерах однородные сказуемые соединены сочинительным союзом *a* (русск. *и*). Последовательность действий отчетливо выражается и при соединении однородных сказуемых союзом *i* (русск. *и*), синонимичным союзу *a*. Например:

„*Uspokojil sa* teda *trošku Jonáš i zasadol* pri stole s priateľom svojim“ (Kalinč. 0., 44); „*Usmial sa* ľahko *predtým* *hovorivší i povedal*:...“ (Kalinč. 0., 60); „*Michna sa poklonil* docela *odmerane* po vojensky,... *i odišiel*“ (Kalinč. 0., 73).

Обычно четко выражается последовательность действий и в тех сочетаниях форм прошедшего времени совершенного вида, в которых при помощи союза присоединяется лишь последнее сказуемое.

Например: „*Ona pokrútila* smutne *hlavou, vymkla sa* zpod tej *teplej ruky a poodstúpila* stranou“ (Kuk. D., 97); „*Mara vyšla* naprostred *dvora, tam zastala a začala* *spevavým vysokým hlasom volať*“ (Jégé., 35); „*Devy skrútily* *hlavy, pozrely a zasmialy sa*, hoci *neboli* na *smiech nalažené*“ (Timr., 67); „*Trošku hrmotne vstal* *uhliar od stola, pristúpil* po *prstoch* ku *kolíske a naklonil sa* *opatrne nad ňu*“ (Hruš., 144).

Бессоюзные сочетания форм прошедшего времени также могут выражать последовательность действий в плане прошлого. Например:

„*Jano zašuchotal* *slamou, vymotal sa* z *hniezda, prebudil* *Jerguša*“ (Ond. Zm., 112); „*Jerguš sadol* na *lavičku, ovesil* *hlavu, prevälil sa, zaspal*“ (Ond. Zm., 230); „*Holubová (sišla* na *dvor, podala* *Holubovi prášok a vodu*“ (Kar., 75); „*Marka dodojila*, *bezmocne spustila* *ruky do lona*“ (Min., Nr., 166).

Таким образом, можно заключить, что в составе слитного предложения сочетания форм прошедшего времени совершенного вида как союзные, так и бессоюзные, служат достаточно выразительным средством для передачи соотносительно-хронологической последовательности действий во временном плане прошлого. Это весьма характерная черта данных сочетаний.

Таким же свойством характеризуются рассматриваемые сочетания в составе сложносочиненного предложения. Например:

„...Naši otcovia *pustili* si ich do rukáva, a oni ako hadi *vplazili* sa im do pazuchy“ (Kuk., XI, 42); „Oči mimovol'ne potom *padly* jej na Širického a oba *sa* akosi *zasmialy*“ (Timr., 81); „To ma *namrzelo*, i *prihovril* som sa k Važťanovi hlasne, tak, aby každý počul“ (Čaj., 30); „V dome *vrzli* dvere, do pitvora *vošla* mladá žena“ (Tom. Ndc., 12); „V mestečku *zabrechal* pes, *odpovedalo* mu zavýjanie celého krdl'a“ (Hruš., 34); „*Zapískal* Jerguš na palcoch, psi *vybehli*, *pozdravili* sa: Haf! haf!“ (Ond. Zm., 32).

Значение соотносительной последовательности, передаваемое сочетанием форм прошедшего времени совершенного вида, может быть осложнено значением многократности данного соотношения действий. Речь идет о таких сочетаниях, в которых формы прошедшего времени совершенного вида выступают в особой функции: они служат для передачи многократного прошедшего действия. Например:

„Marek nepoznal jari ani leta. Preňho byly rovnako šedivé všetky dni. To len tajne, proti vôli a v najtajnejšom záhybe vedomia sa mu čosi zachvelo, keď videl Jožinu bežať cez dvor, ...a keď sa naň usmievala dôverčivými očami. Niekedy sa s ňou *zastavil* a *pohovoril*. Niekedy sa za ňou len díval, ako sa dívame do dial'av s neurčitou túžbou“ (Jil. Kc., 275).

В данном случае на многократность действий, выраженных формами совершенного вида *zastavil sa* и *pohovoril*, ясно указывает наречие *niekedy* 'иногда'. Однако в следующем предложении с тем же наречием сочетается глагол несовершенного вида *díval sa*. В русском языке в подобных случаях возможно употребление формы прошедшего времени только несовершенного вида. Сравните хотя бы перевод интересующих нас предложений на русский язык: „...Иногда он останавливался, разговаривал с ней. Иногда только смотрел ей вслед...“¹²

Из приведенного примера видно, что в словацком языке прошедшее многократное действие может быть выражено как формой несовершенного вида, так и формой совершенного вида. Однако это значение передается формой совершенного вида лишь в определенных условиях контекста.

а) Как показывает собранный нами материал, в большинстве случаев для передачи повторяемости действия форма прошедшего времени совершенного вида используется в сочетании с наречием или обстоятельственным оборотом, указывающим на многократность действия. В роли таких показателей многократности могут выступать, например, наречия *často*, *neraz*, *niekedy*, *inokedy*, *zavše*, *vždy* и др. Выступая в сочетании с этими наречиями, соотносящиеся формы прошедшего времени совершенного вида передают последовательность прошедших действий. Но в этом случае акцентируется не последовательность действий, а то, что данные действия неоднократно повторялись в определенной последовательности. Например:

¹² П. Илемницкий. Кусок сахара. М., 1950, стр. 241.

„V zime, v dlhých smutných nociach, nemohol často oka zažmúriť'. *Neraz vyskočil* z postele, trápený dýchavicou, a *pristúpil* k sbloku“ (Kuk. D., 108).

Здесь ясно, что действия *vyskočil* и *pristúpil*, следуя одно за другим, неоднократно повторялись в прошлом. Повторяемость чередующихся прошедших действий выражается также в следующих примерах:

„Zročiatku sedel celkom riadne, ako praobyčajný smrteľník. Hlavu mal opretú o lakte, palce rúk za ušami. Len *zavše* si *oslobodil* pravú ruku od ucha a *prešiel* ukazovákou po klepanom hárkú, aby sa presvedčil, či dobre chápe. *Inokedy* *ivol'nil* ľavé ucho od ruky a *siahol* ňou do dnukejšieho vrecka na kabáte...“ (Jes. Dem., 173); „Ked' išiel z úradu domov, stretol sa na polotemných schodoch s pani náčelníčkou. *Inokedy* shovorčivá, vl'údna, príjemná, v tvári pekná panička ho *vždy* *pristavila* na päť, desať minút, *podala* mu ruku, *pohovorila*...“ (Jes. Dem., 58); „Na koni z dobrého plemena niesol sa od Lazrivej muž vysokej postavy... *Často* *zastal* i *vztýčil* sa na bujarom koni v myšlienky pohrúžený“ (Kalinč. O., 47).

То же самое наблюдается в том случае, когда формы прошедшего времени совершенного вида употребляются с обстоятельственными сочетаниями, указывающими на повторяемость действия. Например:

„Kým som ešte býval v Kráľovej Lehote, tak *som takmer každý štvrtok* *zabehol* po železnici do Mikuláša. Tam *som si* v kaviarni *vypil* čiernu kávu, *prečítal* niekoľko novín, *zahral* *som sa* karambol a o piatej *som sa zase vrátil* domov“ (Čaj., 28); „Pomaly sa začali páni bratia schádzat', že ich tam naostatok bolo ako myši. Pán Adam *pri príchode každého* *vstal*, *objal* a *bozkal* ho na obe strany...“ (Kalinč. R., 103).

б) На повторяемость действия в некоторых случаях достаточно ясно указывает сам контекст. Например:

„Hostinec *otvárali* o siedmej ráno. Najprv v ňom *vymietli*, potom *oprášili* stoly a stoličky, *umyli* obloky a *vyvetrali* miestnosti“ (Hruš., 125).

2. В некоторых характерных случаях сочетания форм прошедшего времени совершенного вида, выступающих в роли сказуемых слитного или сложносочиненного предложения, не выражают соотносительной последовательности прошедших действий.

Прежде всего можно указать такие случаи, когда рассматриваемые сочетания выступают со значением соотносительной одновременности глагольных действий.

а) Последовательность не выражается, если соотносящиеся формы прошедшего времени совершенного вида обозначают прошедшие действия, связанные в своих результатах с настоящим, актуальное для настоящего. Это значение в специальной литературе обычно определяется как перфектное. Рассмотрим некоторые примеры:

„Lúbil ju nad všetko — ľúbil... už viac nie. V jeho očiach ona *klesla* a *umerla*“ (Timr., 93); „Sú vážni všetci. Oduševnenie za vojnu už *ochladlo* trochu v ich srdciach, i oheň očí *sa zmiernil*“ (Timr., 77).

В подобных случаях формы прошедшего времени совершенного вида могут выступать со значением состояния. Например:

„Dóci chodil, robil ako bez duše. *Zbledol*, *schudol*, *postava sa prihrbla*, oči *zapadli* hlboko“ (Hor. Sh., 27); „Toto bol ukrutný úder, ktorý mu život o desať rokov skrátil; tvár mu *zvráskavela*, vlasy *ošedively*, lysina *sa zväčšila*“ (Kuk., XI, 194); „Krupár *sa začervenal* a jazva na sluche mu *sfialovala*“ (F. Král'. Cz., 20); „Tvár pod pol hodinou ostarela mu. Bezpečný výraz očí *zmizol*, sebavedomá črta okolo úst *stratila sa* a na čele *usalašila sa úzkosť*“ (Timr., 95).

б) Последовательность не выражается, если соотносящиеся формы прошедшего времени обозначают наступление нескольких действий, совершаемых одновременно одним субъектом. Например:

„*Vietor zavýskol v komíne, zahúčal v korune jasena*“ (Min. Nr., 49); „*Z pitvora vykukla pani majstrová a povedala Jergušovi: — Zachovaj si: panskému dievčat'u nesmieš tykať! Jerguš sa začervenal, zahanbil: či sú azda páni nie ľudia?*“ (Ond. Zm., 226); „*Nie, nie, nie, ja tomu nepri- volím! — vyvolá Anul'ka, — ja chcem raz byť vicišpánkou — a koniec reči. Pritom dupla nohou a hodila rukou*“ (Kalinč. R., 64); „*Ked' sa zveri prebudili, — tu vidia zabitého pána. Od veľkého žialu zrevali a žavíjali strašne*“ (Sl. pov., 5).

Естественно, что рассмотренный случай характерен лишь для слитных предложений.

Вторую группу примеров, в которых сочетания форм прошедшего времени совершенного вида не выражают соотносительной последовательности прошедших действий, составляют такие примеры, где данные сочетания вообще не выражают какой-либо соотносительно-хронологической связи прошедших действий, в силу самого содержания высказывания. Например:

„*II. celoštátna konferencia čs. výtvarných umelcov... priniesla mnoho obrodných zlepšení ako v smysle ideovom, tak aj v smysle organizačnom. Položila dôraz na kritiku a sebakritiku, správne vyzdvihla význam národných klasikov... , načrtla konkrétne úlohy pre výtvarnú teóriu a kritiku, zdôraznila individuálne, pritom však vysoko ideové hľadisko pri hodnotení diela ktoréhokolvek výtvarníka, odmietla vulgarizovanie historického materializmu a marxistickej estetiky, dala jasnú úlohu pre reorganizovaní dovtedajšieho sväzu a nastolila požiadavku utvoriť osobitný Sväz maliarov, sochárov a grafikov...*“ (Vár., 16).

Соотносительно-хронологическая связь действий, обозначенных выделенными формами, в данном случае не выражается. Все эти действия лишь перечисляются, но никакой хронологической последовательности между ними не устанавливается. Сходное положение наблюдаем в следующих примерах:

„*Pomoc Sovietskeho sväzu Slovenskému národnému povstaniu prehlbila a naveky upevnila bratstvo a družbu medzi slovenským a sovietskym ľuďom a utvorila v dejinách Slovenského národného povstania jednu z najkrajších jeho kapitol*“ (Hys. Snp., 44); „*Konferencia závodných výborov upevnila vedúcu úlohu robotníckej triedy v národnooslobodzovacom boji a zvýšila autoritu KSS v masách robotníkov a celého ľudu*“ (Hys. Snp., 53). „*A len vojna ohlušila všetky jeho city, zahнала ich do dial'ky a odtisla jeho dušu od nej*“ (Timr., 85).

В подобных случаях внимание, обычно, акцентируется на констатации сообщаемых действий. Поэтому формами прошедшего времени совершенного вида характеризуется не развертывание цепи действий, а лишь отмечается сам факт осуществления действий во временном плане прошлого.

По нашим наблюдениям такое употребление форм прошедшего времени особенно характерно для сложносочиненных предложений. Это, по нашему мнению, в значительной степени объясняется самой структурой сложносочиненного предложения. В нем сопоставляемые сказуемые связаны с разными субъектами, что определяет их большую независимость, синтаксическую самостоятельность по сравнению с однородными сказуемыми слитного предложения. Отмеченное свойство сказуемых сложносочиненного предложения проявляется и в ослаблении

соотносительно-хронологической связи действий, обозначенных этими сказуемыми. Ср. следующие примеры:

„Pál'te! Mramorovými sochami *myklo*, čosi *cvaklo*, čosi *vzbíкло*, čosi *zatreš'alo*, čosi *zvýsklo*, čosi *zajačalo*, čosi *zabedákalo*“ (F. Král'. Cz., 137); „Mamka, mamička, čo vy pre nás musíte vytrpiet'... — *vydral sa* zrazu trhaný vzlykot z hrude Janíka a z očí mu *vystrekli* horúce slzy“ (F. Král'. Cz., 247); „Nerozmyslím! Kompan to takmer skríkol. V zlosti mu *navrela* na čele hrubá, krivolaká žila, *potriasol* prudko hlavou s pochlpnými šedivými vlasmi“ (Min. Nr., 9); „V priebehu roku 1940 *vypukli* štrajkové boje v Sirku, v Liptovskej Osade, v Muráni, v Slovinkách a Krompachoch a *uskutočnili sa* aj iné úspešné akcie robotníctva v Považskej Bystrici, Podbrezovej, Žarnovici a inde“ (Hys. Snp., 12).

К рассмотренной группе можно отнести также такие примеры, в которых сочетающимися формами прошедшего времени совершенного вида обозначаются действия, характеризующие с разных сторон одно и то же явление. Соотносительно-хронологическая связь прошедших действий в них тоже не выражается. Например:

„Okolo štvrtej *rozlaholily sa* zvony a *urobili koniec* tejto trme—vrme“ (Kuk. D., 52); „Len raz sa mu tvár *rozžiarila, zmäkla*. To bolo vtedy, keď dva roky po sobáší Ul'ka porodila“ (Min. Nr., 20).

Проведенный анализ показывает, что сочетания форм прошедшего времени совершенного вида чаще всего передают соотносительную последовательность прошедших действий. Однако в зависимости от семантики соотносящихся форм, а также от реального содержания высказывания эти сочетания могут передавать соотносительную одновременность прошедших действий или результатов прошедших действий, или же быть индифферентными к выражению соотносительно-хронологической связи прошедших действий.

§ 3. Соотношение форм прошедшего времени совершенного и несовершенного вида

Сочетание разновидных форм прошедшего времени, выступающих в роли сказуемых слитного или сложносочиненного предложения, также может выражать определенный тип соотносительно-хронологической связи прошедших действий, а именно их соотносительную последовательность. В зависимости от того, в каком порядке располагаются сказуемые, можно выделить две основные разновидности этих сочетаний: а) формы совершенного вида предшествуют формам несовершенного вида, б) формы совершенного вида следуют за формами несовершенного вида.

Рассмотрим первую разновидность.

Проанализируем следующий пример:

„Miško *odtrhol* zopri cesty králik a *trhal* z neho lístočky jeden po druhom...“ (Kuk., XI, 147). Первое действие *odtrhol*, выраженное формой совершенного вида, является законченным, исчерпанным в своем проявлении. Соотносящееся с ним действие *trhal*, выраженное формой несовершенного вида, является незаконченным, неопределенно-длительным. Благодаря своему видовому значению первое действие воспринимается как предшествующее второму. Таким образом, союзное сочетание *odtrhol a trhal* передает соотносительную последовательность двух прошедших действий. Большую роль в этом играет то, что форма совершенного вида предшествует форме несовершенного вида. Ср. также:

„Potom *vytiahol* Holec zo skrine fl'ášu koňaku a *nalieval* do pohárikov“ (F. Král'. Cz., 24); „*Polfúzatý si oprel* hlavu o stôl a *rozmýšľal*“ (Hor. Sh., 147); „A Čurín *vzal* fotografiu so stola a *díval sa* na ňu neúprimným, posmešným pohľadom“ (Jes. Nov., 84).

Аналогичное положение наблюдается и в таких примерах, в которых употребляются бессоюзные сочетания рассматриваемых форм прошедшего времени, а также в тех примерах, в которых из ряда однородных сказуемых только последнее, выраженное формой прошедшего времени несовершенного вида, присоединяется при помощи сочинительного союза. Ср. например:

„*Odrezal* kúsok syra, *ponúkol* na dlani:— Tu máš, ty *bitkár!* *Ďateľ slietol*, *sadol* na dľaň, *jedol*, *čurikal*, *črkal* trhavo. *Ďateľ* je vták *jachtavý*...“ (Ond. Zm., 126); „*Julka obrátila* k nemu vážnu tvár, *pristúpila* celkom blízko, dlho a *skúmavo si ho prezerala* v prítmi“ (Laz. Oh., 51); „*Zachytil sa* Jerguš brehu, *vyliezol* z vody, *makké bruško* nepustil. *Položil* malého chlapčeka na trávnu, *sadol si a oddychoval*. *Hľadel* naň, *chytal* ho za noštek. *Chlapček* bol teplý, *ale nedýchal*“ (Ond. Zm., 55); „*Vykrikla*, ..., *zakryla* si tvár rukami, *na stôl klesla*, ku truhličke, k Ondrejčkovej svetlej hlávke, *pokojej a peknej* v smrti, *a plakala, plakala*“ (Min. Nr., 58).

В двух последних примерах форма прошедшего времени несовершенного вида, замыкая ряд форм прошедшего времени совершенного вида, обозначает действие, которое произошло влעד за действиями, выраженными формами прошедшего времени совершенного вида.

Соотносительная последовательность выражается также тогда, когда одно сказуемое в форме прошедшего времени совершенного вида соотносится с рядом сказуемых в форме прошедшего времени несовершенного вида. Например:

„A Duda *zmĺkol*, *pot'ahoval sa* zas nevdojak za nos a *čakal*“ (Jil. Kc., 35).

Все это показывает, что сочетания форм прошедшего времени совершенного и несовершенного вида, выступающих в роли сказуемых слитного предложения, являются четким средством для выражения определенного типа соотносительно-хронологической связи прошедших действий, а именно, последовательности этих действий.

В меньшей степени это может быть отнесено к однотипным сочетаниям сказуемых в составе сложносочиненного предложения. В них, по нашим наблюдениям, сочетание форм прошедшего времени совершенного и несовершенного вида не всегда передает последовательность прошедших действий по отношению друг к другу. Например:

„*Žofy sa zmočňovala* šialenosť. *Hlava sa jej zakrútila*, *poňu podlamovali*“ (F. Král'. Cz., 86). Соотносительная хронология действий *zakrútila sa* и *podlamovali* здесь неясна. Однако и в сложносочиненном предложении рассматриваемый тип сочетаний может служить для передачи соотносительной последовательности прошедших действий. Ср. например:

„*Vybehla* z izby a on *sa uškieral* a bol rád, že jej to povedal“ (Laz. Om., 134); „*Vinco rozkrútil* ruku a bez slova *udrel*. *Imre vykrikol*, z nosa mu *tiekla* prúdom krv“ (Min. Nr., 91).

Сочетания форм прошедшего времени второй разновидности, как правило, тоже выражают соотносительную последовательность прошедших действий. Особенно четко это значение проявляется при наличии в предложении лексических показателей последовательности. Они могут быть различными по своему характеру. Например:

„*V noci dlho nemohol som zaspat' a ráno prebudil som sa náramne rozčúlený*“ (Alm., 138). Последовательность действий здесь подчеркивается средствами контекста: первое действие произошло *v noci*, второе — *ráno*.

„*I plakal a kričal. Pavo sa chvíl'u naň díval a napokon mu riekol: ...*“ (Jégé., 31); „*Za chvíl'u stála pri dverách, potom ticho spýtala sa: — Slobodno?*“ (Jes. Nov., 96); „*Jednako... Počkaj, — zahútal sa bát'a. Chvil'očku premýšľ'al, uvažoval, potom odrazu povedal: ...*“ (Hor. Sh., 143).

В этих примерах наречия *napokon* 'наконец', *potom* 'затем, потом' ясно показывают, что действия, выраженные формой совершенного вида, произошли после действий, обозначенных формой несовершенного вида. Этому способствует также наличие при глаголе несовершенного вида временного обстоятельства, ограничивающего протяженность данного действия во времени *díval sa chvíl'u, stála za chvíl'u, premýšľ'al, uvažoval chvíl'očku*.

Вместе с тем необходимо отметить, что в слитном предложении рассматриваемые сочетания и без специальных лексических показателей довольно четко выражают последовательность прошедших действий. Например:

„*Bol chudý, biedný, ošklbaný... Díval sa na Jerguša ponad plese, odhadoval jeho silu a zavolal: — Hej, ty, čo sa žaby bojiš, pod' sa rasovat'*“ (Ond. Zm., 54). В этом случае передается более сложное хронологическое соотношение прошедших действий, чем соотношение, которое мы обычно наблюдаем при рассмотрении сочетаний форм прошедшего времени совершенного вида. Здесь действие, выраженное формой совершенного вида, не просто следует за действиями, выраженными формами несовершенного вида, оно тесно связано с этими действиями и возникает на фоне этих действий.

Обычно весьма четко выражается последовательность действий в том случае, когда ряд форм прошедшего времени несовершенного вида сочетается с некоторыми формами прошедшего времени совершенного вида. Например:

„*Domnelý Špork pozeral, pozeral, hl'adel na mŕtve diet'a svoje, zaplakal, vytiahol pištol'u, zastrelil sa a padol na mŕtvoly Eleka Kubíniho, Ladislava Mešku a diet'at'a svojho Žofie*“ (Kalinč. O., 164).

В сложносочиненном предложении сочетания разнородных форм прошедшего времени, в которых форма несовершенного вида предшествует форме совершенного вида, также могут выражать соотносительную последовательность прошедших действий. Например:

„*Zažmurkal na Marku posmešne, vyzývavo. Potom sa zvrtol, odchádzal. Marka sa za ním dívala a hlavou jej prebehla smelá myšlienka*“ (Min. Nr., 167); „*Došli pred obrovskú budovu gymnázia; školník práve otváral bránu a pestrý dav mládeže, hučiac a peniac sa, vpadol do nej z ulice a stratil sa ako ponorná rieka*“ (Jil. Kc., 30); „*Triaslo ju na celom tele a naprosila Mаса, aby zažal kahanec*“ (Taj., 58).

Специфический оттенок значения последовательности, выражаемой в подобных предложениях, заключается в том, что действие, обозначенное формой совершенного вида, возникает на фоне неопределенно-длительного действия, обозначенного формой несовершенного вида, которое в этот момент еще продолжается. Поскольку наступление действия, выраженного формой совершенного вида, происходит после того, как действие, выраженное формой несовершенного вида, уже началось и какое-то время продолжалось, постольку

здесь можно говорить об отношении последовательности, но с особым оттенком.

Без указанного дополнительного оттенка значение соотносительной последовательности четко передается рассматриваемыми сочетаниями сказуемых сложносочиненного предложения в том случае, когда период протекания действия, выраженного формой несовершенного вида, ограничен соответствующим обстоятельством времени, и в предложении наличествует лексическое указание на последовательность соотносящихся действий. Например:

„Páni sa za chvíľu zhovárali, potom starý... zadriemal...“ (Podjav., 144).

Теперь рассмотрим сочетания форм прошедшего времени разного вида, которыми обозначаются повторявшиеся действия. Например:

„Potom Marek už celkom zapadol v meste... Inokedy sa vrátil pred večerom, pojedol napochytre, ..., a potom zas odchádzal nazpäť do mesta“ (Jil. Кс., 130); „Neraz ho našla žena, ako balil písma a knihy, a opytovala sa ho:—A ty kam cestuješ s takým ohromným kufrom?“ (Jes. Dem., 153); „Zato každú druhú, najviac ak len tretiu noc spíchal hustý, tichý dážď, ..., a trvával do predsvitu“ (Vaj. К., 160).

В этих примерах сочетание разнovidных форм прошедшего времени выражает неоднократную повторяемость соотносящихся друг с другом прошедших действий, причем каждый раз эти действия совершались в определенной последовательности, а именно: сначала действие, обозначенное формой совершенного вида, затем действие, обозначенное формой несовершенного вида.

Приведем пример с обратным расположением соотносящихся форм прошедшего времени:

„Ned'aleko nich pol'nou cestou vracal sa Jeřábek k domovu. Obzeral sa chvíľkami okolo seba, zužoval štrbiny očí proti slnku, niekedy sa aj zastavil a potom zas rezko vykročil vpred“ (Jil. Кс., 225).

Здесь выражается несколько иное значение. Формы *zastavil sa* и *vykročil* передают прошедшие действия, которые неоднократно повторялись на фоне действий, обозначенных формами несовершенного вида.

§ 4. Соотношение форм прошедшего времени несовершенного вида

Сочетание форм прошедшего времени несовершенного вида, выступающих в роли сказуемых слитного или сложносочиненного предложения, как правило, четко и недвусмысленно выражают соотносительную одновременность прошедших действий. При этом одновременность действий по отношению друг к другу выражается как союзным, так и бессоюзным сочетанием форм прошедшего времени несовершенного вида. Например:

а) союзные сочетания форм прошедшего времени несовершенного вида. В слитных предложениях:

„Pán Elek stál za stolom a hladil si fúzy, vidiac energický protest svojej familie“ (Kuk., XI, 42); „Zrazu sa aj Vavro zastavil. Oproti nim bežali dvaja robotníci a medzi sebou vliekli tretieho“ (Jil. Кс., 110); „Brigitu šlo zadusiť od hnevného rozčúlenia: trhala šaty na sebe od zlosti, kričala a dupkala“ (Jégé., 252); „Pán Zobiczky dával len nalievat' a zas nalievat'. Sám tiež ponúkal, potl'apkával voličov a showáral sa s nimi o bežných veciach a úrodách“ (Kuk., XI, 58).

В сложносочиненных предложениях:

„Na podstienke sa hralo dvoje úspinených, tmavovlasých chlapčekov a znútra zaznieval tichý spev a hrčanie praslice“ (Hruš., 55); „Utekal krížom cez polia k mestu, v sluchách mu šumelo a pred zrakom doširoka otvoreným robily sa mu čierne kruhy“ (Jil. Kc., 240).

б) бессоюзные сочетания форм прошедшего времени несовершенного вида. В слитных предложениях:

„Otec ležal na posteli, robil sa, že spí...“ (Taj., 69); „Červený v tvári a celý zapotený lietal hore-dolu, hrešil všetkých svätých...“ (Jes. Nov., 79); „Elenôčka stála, dívala sa, usmievala“ (Ond. Zm. 225); „Vince sa nepokojne prehadzoval na posteli, vzdychal“ (Min. Nr., 89).

В сложносочиненных предложениях:

„Vlnky štebotali, s lístkami krovia hral sa vánok“ (F. Král'. Cz., 287); „Furman hijókal, kolesá hrkotali, spieže cvepdžali“ (F. Král'. Cz., 183).

Во всех приведенных примерах сочетания форм прошедшего времени несовершенного вида выражают соотносительную одновременность прошедших действий. Эту одновременность не следует понимать как полное, точное совпадение отрезков времени, в которые осуществлялись соотносящиеся действия, что вполне понятно, так как формы прошедшего времени несовершенного вида обычно обозначают прошедшее действие, не ограниченное определенными временными рамками.

Из рассмотрения союзных и бессоюзных сочетаний сказуемых слитного и сложносочиненного предложения, выраженных формами прошедшего времени несовершенного вида, вытекает, что видовое значение несовершенности сочетающихся глаголов является весьма существенным фактором для передачи соотносительной одновременности действий.

Вместе с тем следует отметить, что иногда указанные сочетания не выражают соотносительной одновременности прошедших действий. Например:

„Na zdravie! — volali rozjareným hlasom, vstávali a štrngali pohárikmi, objímali sa a smiali“ (Jil. Kc., 253). Действия *volali*, *vstávali*, *štrngali*, *objímali sa*, *smiali sa* во временном периоде прошлого не имели строгого хронологического порядка, они чередовались, частично совпадали, перекрещивались. Хронология действий здесь не актуальна. В этом случае сочетание форм прошедшего времени несовершенного вида индифферентно к выражению соотносительно-хронологической связи действия, оно не выражает ни одновременности, ни последовательности данных действий. Подобная индифферентность обуславливается обычно реальным содержанием высказывания и вытекает из семантики глаголов, выступающих в роли сказуемых (имеются в виду действия, которые по своему характеру не могут осуществляться одним субъектом сразу, одновременно). Например:

„Apolónia Dóciová práve raňajkovala. Chlipkala varené víno a zajedala medovým koláčom“ (Hor. Sh., 21).

В некоторых случаях из содержания высказывания может быть ясно, что действия, выраженные формами прошедшего времени несовершенного вида, происходили не одновременно, а следовали одно за другим. Например:

„Hned' nato začala sa valit' lesom i cestou mrákava červenoarmejcov. Naši vyskakovali zo zákopov a utekali ozlomkrky vítat' armádu“ (Tom. Ndc., 294).

Сравните аналогичное явление в сложносочиненном предложении: „Po jedle sa pilo, po pití rástla vybičovaná nálada, nálada *durkala* chut' na zábavu“ (F. Král'. Cz., 191).

Однако отмеченное значение рассматриваемых сочетаний не характерно для них, оно является контекстуально обусловленным.

§ 5. Соотношение форм прошедшего времени с формой плюсквамперфекта

Плюсквамперфект в словацком литературном языке встречается значительно реже, чем форма прошедшего времени. Форма плюсквамперфекта, как и форма прошедшего времени, служит для выражения действия, отнесенного во временной план прошлого. Вместе с тем форма плюсквамперфекта по своему значению существенно отличается от формы прошедшего времени. Функции плюсквамперфекта в словацком языке до последнего времени были мало изучены. После появления статьи Г. Горака¹³ в этом отношении многое стало ясным, так как автор дал четкую характеристику значений плюсквамперфекта. Эта форма, как указывает Г. Горак, может обозначать: а) действие, осуществившееся раньше другого прошедшего действия; б) так называемое давно прошедшее действие без указания временного отношения к другим прошедшим действиям¹⁴. Второе значение Г. Горак рассматривает как стилистическую функцию данной формы.

Рассмотрим слитные и сложносочиненные предложения, в которых форма прошедшего времени совершенного вида соотносится с плюсквамперфектом. Например:

„Zuzka už *bola priniesla* šechtáre a *sadla* pod kravu“ (Taj., 72).

Форма плюсквамперфекта *bola priniesla* обозначает здесь прошедшее действие, которое предшествовало другому прошедшему действию *sadla*. Таким образом, в этом случае союзным сочетанием однородных сказуемых *bola priniesla a sadla* четко выражается соотносительная последовательность прошедших действий. Ср. аналогичные примеры:

„Rátkai sa *bol zatúlal* do Francúzska a *stal sa kalvínom*“ (Jégé., 268); „Jakub už *bol vyťahol* husličky a *prešiel* slákom po strunách“ (Hor. Sh., 44); „Janovi *bola umrela* žena a o nejaký čas po nej *pobrala sa* mu i mat'“ (Heč. Drd., 110).

Рассмотренные сочетания выступают как синонимичные сочетания форм прошедшего времени, выражающим последовательность прошедших действий, однако они представляют собой более выразительное средство для передачи соотносительной последовательности прошедших действий.

В приведенных примерах форма плюсквамперфекта образована от глагола совершенного вида. В словацком литературном языке употребляется главным образом плюсквамперфект совершенного вида. Значительно реже встречается плюсквамперфект от глаголов несовершенного вида. Например:

„Starý otec im *bol rozprával* o Tellovi a pri tej príležitosti *vymodlikali* od neho kuše“ (Jégé. Mn., 23).

¹³ G. H o r á k. K problému predminulého času v slovenčine. — SIR, 1957, roč. XXII, čís. 6, стр. 342—352.

¹⁴ Там же, стр. 351.

В этом случае действие, выраженное формой прошедшего времени совершенного вида, воспринимается как происходившее на фоне действия, выраженного плюсквамперфектом.

Сочетания форм прошедшего времени несовершенного вида с формой плюсквамперфекта также выражают соотносительную последовательность прошедших действий. Например:

„Martán si bol sadol čo najpohodnejšie a popíjal čaj a s precítením požíval cigaretu“ (Jege. Mn., 96); „Protestantizmus bol zaplavil Horné Uhorsko a teraz účinkovaním Petra Pázmána ustupoval na celej čiare“ (Jégé., 151); „Kedy ste ho Jurovi podhodili? Bol odtrúbil jedenástu — driemal pod stenou“ (Kuk., XI, 121).

§ 6. Соотношение форм прошедшего времени с настоящим историческим

В повествовательном контексте нередко встретить такие сочетания сказуемых, когда одно из них выражено формой прошедшего времени, а другое, соотносящееся с ним, формой настоящего времени в функции настоящего исторического. Подобные сочетания широко распространены как в слитных, так и в сложносочиненных предложениях. Рассмотрим некоторые примеры:

„Ale vtedy som to nevedel, hoci som to už vtedy tušil... Sadol som si doprostred zničenej role a zaplakal som. Potom ma pochytala strašná zlosť. Schytil som kosu a bežim, bežim rovno k pánu Mišinkovi“ (Min. Nr., 81).

Здесь форма настоящего времени *bežim* обозначает объективно прошедшее действие. Она употребляется для оживления изложения о прошедших событиях. Формами *schytil som* и *bežim*, соединенными союзом *a*, в данном случае выражается соотносительно-хронологическая связь двух прошедших действий, а именно — их соотносительная последовательность (рассказывающий сначала схватил косу, а потом побежал). Таким образом, союзное сочетание формы прошедшего времени совершенного вида с настоящим историческим выступает как средство, синонимичное в плане выражения соотносительно-хронологической связи действий сочетанию форм прошедшего времени, из которых хотя бы одна образована от глагола совершенного вида, т. е. сочетаний, рассмотренных в параграфах 2 и 3. Это хорошо видно на следующих примерах, которые мы встретили в рассказе о прошлом:

Mama prišla z dediny a vraví. — Tej noci umrel biedny chlapec...“ (Ond. Zm. 198).

На этой же самой странице находим:

„Na poludnie prišiel Nácko a povedal...“

Сопоставив сочетания *prišla a vraví* и *prišiel a povedal*, обнаруживаем определенное сходство в положении форм *vraví* и *povedal*. Обе эти формы выступают в роли однородных сказуемых и сочетаются с формами прошедшего времени посредством союза *a*. Обе формы обозначают объективно прошедшее действие. Как в первом, так и во втором примере указанные сочетания выражают соотносительную последовательность двух прошедших действий. Таким образом, оказывается, что различие в употреблении формы настоящего или прошедшего времени в данном случае прежде всего стилистическое. Это подтверждается возможностью взаимной подстановки: вместо формы настоящего времени в первом предложении можно без ущерба для смысла поставить форму прошедшего времени и наоборот.

Итак, сочетания формы прошедшего времени с настоящим историческим выражают соотносительную последовательность прошедших действий. Например:

„Pod'te dnu — nebojte sa: ja vás prevediem... *Chytil* Katicu za ruku bez okolkov a už ju *t'ahá* za sebou, hore schodmi. Svet sa rozstúpil pred ním ochotne...“ (Kuk. D., 66); „Richtár mesta *vytiahol* z koženého obalu žltastý pergamen s kráľovskou pečaťou a *dáva* mestskému notárovi, aby obsah prečítal pánom senátorom“ (Hor. Sh., 17); „Po obede Mate *sadol si* na murik pred domom, do chládku, a oči mu *blúdia* po okolí“ (Kuk. D., 15); „Niko Dubčič... *zvtol* kormidlo, a barka v peknom oblúku *šinie sa* pred dom Rogačovský“ (Kuk. D., 90).

Реже встречаются бессоюзные сочетания данного типа. Например:

„Ešte raz mi *podal* ruku, *pozerá sa* mi priamo do očí, akoby ma chcel svojim pohľadom preskúmať...“ (Tom. Ndc., 24); „Červeně mu *skečila* do tvári, hlas sa mu *trasie* rozochvením, lebo citi, že je rozhodnutie blízko“ (Kuk. D., 165).

В рассмотренных нами примерах формы прошедшего времени сочетались с формами настоящего времени в функции настоящего исторического, образованными от глаголов несовершенного вида. Подобные сочетания широко представлены и в русском языке. Однако в словацком языке, в отличие от русского, в функции настоящего исторического часто употребляется и форма настоящего времени совершенного вида. Эта форма может выступать и в сочетании с формой прошедшего времени. Например:

„Liza *strhla* s hrudi červenú ružu, čo ju mala pripätú a *hodí* cez otvorené okno. Ruža preletela a padla na stôl, práve pred neho“ (Timr., 139); „Tej krásne oči *zablyšly sa*, no *povie* hneď...“ (Timr., 135).

В этом случае сочетанием формы прошедшего времени с настоящим историческим также выражается соотносительная последовательность прошедших действий.

Мы рассмотрели примеры, в которых форма настоящего времени находится после формы прошедшего времени. Изредка встречаются примеры с обратным расположением форм. Так, в рассказе о прошлом находим:

„Va povedzte, že sme si súdení — nuž to! — smelo *vravi* ona a *zasmiála sa* veselo“ (Podjav., 25).

Здесь тоже передается последовательность двух соотносящихся друг с другом прошедших действий.

Таким образом, сочетания форм прошедшего времени с настоящим историческим (несовершенного и совершенного вида) в отношении выражения соотносительно-хронологической связи прошедших действий выступают как синонимичные сочетания форм прошедшего времени совершенного вида или сочетания форм прошедшего времени, из которых хотя бы одна образована от глагола совершенного вида.

§ 7. Выводы

1. В слитном и сложносочиненном предложениях формы прошедшего времени, выступая в роли сказуемых, обозначают действия, зафиксированные во временном плане прошлого. Вместе с тем эти формы, сочетаясь друг с другом, могут выражать соотносительно-хронологическую связь прошедших действий. Причем в этом отношении между

слитными и сложносочиненными предложениями наблюдаются определенные черты сходства.

2. Сочетания форм прошедшего времени как одного и того же вида, так и разного вида в составе слитного и сложносочиненного предложений могут выражать два основных типа соотносительно-хронологической связи прошедших действий: а) соотносительную последовательность и б) соотносительную одновременность.

3. Сочетания форм прошедшего времени совершенного вида чаще всего выражают соотносительную последовательность прошедших действий. Это наиболее характерная черта их употребления. Правда, данные сочетания могут обозначать также соотносительную одновременность, но это значение выявляется лишь в особых условиях контекста. В некоторых случаях при употреблении этих сочетаний соотносительно-хронологическая связь действий может остаться невыраженной.

4. Сочетания разнородных форм прошедшего времени также, как правило, употребляются для выражения соотносительной последовательности прошедших действий.

5. Сочетания форм прошедшего времени несовершенного вида и в слитном, и в сложносочиненном предложении выражают соотносительную одновременность прошедших действий. Очень редки случаи употребления данных сочетаний для обозначения соотносительной последовательности. Это значение выявляется лишь в особых условиях контекста.

6. Для выражения соотносительной последовательности прошедших действий в словацком языке употребляются также сочетания форм прошедшего времени с плюсквамперфектом или настоящим историческим (несовершенного и совершенного вида).

7. Специфической чертой словацкого языка по сравнению с русским является употребление формы прошедшего времени от глагола совершенного вида для обозначения многократного прошедшего действия.

8. Для выявления соотносительной последовательности или одновременности прошедших действий большую роль играют различные лексико-синтаксические средства временной характеристики действий, употребляющиеся в сочетании с рассмотренными формами времени.

II. СООТНОСИТЕЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ВРЕМЕННЫМ ПРИДАТОЧНЫМ

§ 1. Вводные замечания.

Употребление временных форм глагола в сложноподчиненном предложении отличается некоторыми характерными чертами по сравнению с употреблением этих форм в слитном и сложносочиненном предложениях. Это в значительной степени объясняется структурными особенностями сложноподчиненного предложения. На употреблении форм времени сказывается, например, позиция, занимаемая ими в составе сложноподчиненного предложения. Временная форма, выступающая в роли сказуемого главной части сложноподчиненного предложения, как правило, находится в независимой позиции. Временная характеристика действия, выраженного этой формой, определяется отношением данного действия ко времени высказывания. Временная форма, высту-

пающая в качестве сказуемого придаточной части сложного предложения, находится в зависимой позиции, так как она относится к подчиненной части единого целого. Поэтому временная характеристика действия, выраженного глаголом-сказуемым придаточной части, определяется не только по отношению этого действия ко времени высказывания, но и по отношению ко времени действия главного предложения.

В связи с этим представляется важным и актуальным изучение употребления временной формы в придаточной части в ее соотношении с формой времени главной части сложного предложения. Такой подход имеет принципиальное значение, так как соотношение временных форм, выступающих в роли сказуемых сложного предложения, является одним из факторов, посредством которых осуществляется связь главной и придаточной частей единого целого¹⁵.

Существуют различные взгляды относительно того, какое значение имеют временные формы глагола в придаточных предложениях. Можно выделить три основные точки зрения по этому вопросу.

Ряд исследователей полагает, что временные формы в составе придаточного теряют свое собственно временное значение и выражают лишь соотношение действий главного и придаточного. Так, например, Н. С. Поспелов, говоря о значении форм прошедшего времени, отмечал, что в придаточных предложениях формы прошедшего времени несовершенного вида „начинают выражать только (Разрядка наша. — Л. С.) соотношение одновременности“¹⁶.

Сходных взглядов придерживается также Б. Илек¹⁷ и некоторые другие лингвисты.

Иную трактовку данного вопроса находим в работах известного чешского синтаксиста В. Шмилауера. Развивая концепцию „первичных“ и „вторичных“ временных ступеней, В. Шмилауер дифференцированно подходит к различным типам придаточных предложений. Он полагает, что со „вторичными временными ступенями“ мы имеем дело в придаточных дополнительных и подлежащих. В этих придаточных форма времени обозначает одновременность, предшествование или следование действия придаточного по отношению к действию главного¹⁸. С другой стороны, в придаточных временных, условных, а также относительных, по мнению В. Шмилауера, мы имеем дело с „первичными ступенями“, т. е. значение временной формы в придаточном определяется реальным временем действия, а не его отношением к действию главного¹⁹.

Наиболее правильными представляются нам взгляды тех исследователей, которые считают, что временные формы в придаточном предложении, как правило, сохраняют свое собственно временное значение и наряду с этим могут обозначать временное соотношение действий придаточного и главного. Лишь в отдельных случаях эти формы обозначают только временное отношение действия придаточного к действию главного. Подобных взглядов придерживается, например, академик Ф. Травничек. По его мнению, глагольные временные формы выражают

¹⁵ В. В. Виноградов. Основные вопросы синтаксиса предложения, — „Вопросы грамматического строя“. М., 1955, стр. 428—433.

¹⁶ Н. С. Поспелов. Категория времени в грамматическом строе современного русского языка. Докт. дисс. М., 1953, стр. 385.

¹⁷ В. Илек. Vyujaďování současných dějů v ruštině a češtině. — ČMF, 1951, roč. XXXIV, čís. 3, стр. 102—108.

¹⁸ V. Šmilauer. Slovesný čas. — „Druhé hovory o českém jazyce“. Praha, 1947, стр. 159.

¹⁹ V. Šmilauer. Указ. соч., стр. 160.

три типа времени: а) основное время (*základní čas*), б) относительное время (*poměrný čas*) и в) вневременность (*mimočasovost*)²⁰.

Ф. Травничек отмечает, что в большинстве случаев относительное время (т. е. одновременность, предшествование или следование действий) совпадает с основным временем (т. е. с настоящим, прошедшим или будущим). Например, в предложении: „*Zdá se mi, že někdo jde*“ временная форма придаточного *jde* выражает одновременность действия придаточного с действием главного и вместе с тем обозначает действие, которое по отношению ко времени высказывания является настоящим. Ф. Травничек указывает также отдельные случаи, когда относительное время в придаточном не совпадает с основным временем²¹.

О совмещении прямого и соотносительного употребления временных форм в придаточной части сложноподчиненного предложения говорится в своей кандидатской диссертации Е. А. Иванчикова²².

Рассматривая соотносительное употребление форм прошедшего времени в составе сложноподчиненного предложения, мы остановимся в данной статье на сложноподчиненных предложениях с временным придаточным, так как в них особенно четко и рельефно выражается соотносительно-хронологическая связь действий главной и придаточной частей сложного целого²³.

В словацкой лингвистической литературе нет специальных исследований, посвященных придаточным предложениям времени. Некоторые интересные замечания о временных придаточных с союзом *ked'* 'когда' находим в статье И. Ружички²⁴.

В последние годы наблюдается большой интерес к вопросу о сложноподчиненных предложениях с придаточным времени в работах советских лингвистов. Подробно разработаны временные придаточные на материале русского языка²⁵. Однако и на этом материале еще мало изучен вопрос о роли сочетаний видо-временных форм глаголов-сказуемых как средства выражения соотносительной хронологии действий главного и придаточного.

Значительное внимание этому вопросу уделяется в статьях Л. И. Ройзензона, посвященных исследованию временных придаточных в чешском языке²⁶.

²⁰ F. Trávníček. *Mluvnice spisovné češtiny*, č. II. Praha, 1951, стр. 1374.

²¹ Там же, стр. 1381.

²² Е. А. Иванчикова. Соотносительное употребление форм будущего времени глагола в современном русском языке, стр. 198.

²³ Ср. Н. С. Поспелов. Указ. соч., стр. 482.

²⁴ J. Ružička. *Podrad'ovacia spojka ked'*. — *SIR*, 1956, roč. XXI, čís. 6, стр. 339—351.

²⁵ В. А. Белашапкова. К изучению структурных типов сложного предложения в современном русском языке (Временные предложения с союзом *как*). Канд. дисс. М., 1950; М. М. Михайлов. Сложные предложения с временным придаточным в современном русском языке. Канд. дисс. М., 1952; О. Н. Варварова. Придаточные предложения времени в древнерусском языке. Канд. дисс. Днепропетровск, 1952; В. И. Борковский. Придаточные предложения времени в древнерусских грамотах. — *ИАН ОЛЯ*, 1957, т. XVI, вып. 6; С. А. Бах. Некоторые наблюдения над видо-временными соотношениями глаголов-сказуемых в структуре сложноподчиненных предложений с временным значением. — *Научный ежегодник за 1954 г. Саратов*, 1955, стр. 222—224.

²⁶ Л. И. Ройзензон. Придаточные предложения времени в современном чешском языке (Предложения одновременности). — *Труды Узб. Гос. ун-та им. А. Навои*, новая серия. Самарканд, 1956, № 62, стр. 3—44; Его же. Придаточные предложения времени в современном чешском языке (Предложения следования). — *Труды Узб. Гос. ун-та им. А. Навои*, новая серия. Самарканд, 1957, вып. 79, стр. 41—89.

Сравнительному анализу сложноподчиненных предложений с временным придаточным в русском и чешском языках посвящена статья чешского лингвиста Ярослава Бауэра²⁷. Основное внимание автор уделяет сопоставлению типов временных придаточных и выяснению различий в употреблении средств подчинения. Одной из задач дальнейшего исследования данного типа сложноподчиненного предложения, по мнению Я. Бауэра, может стать подробнейший анализ видовых и временных отношений в сочетающихся предложениях²⁸.

При изучении соотносительного употребления форм прошедшего времени во временных придаточных основное внимание мы будем уделять именно этим моментам.

§ 2. Соотношение форм прошедшего времени совершенного вида

1. Сложноподчиненные предложения с временным придаточным, в главной и в придаточной части которых в роли сказуемого выступают формы прошедшего времени совершенного вида, в подавляющем большинстве случаев характеризуются одним и тем же типом соотносительной хронологии действий придаточного и главного. В них обычно выражается соотносительная последовательность прошедших действий. Это значение выступает в двух разновидностях: действие придаточного предшествует действию главного и действие главного предшествует действию придаточного.

а. Как правило, действие придаточного предшествует действию главного. Например:

„Ked' slová tieto neistým hlasom predniesol, obrátil sa k diet'at'u svojmu...“ (Kalinč. O., 126); „Ked' vyšli z dediny, zazreli pred sebou širokú, rovnú lúku“ (Jégé., 215); „Ked' sme sa už povyspytovali jeden druhého,..., prešli sme na rozpomienky nášho spoluzítia v Liptove“ (Čaj., 40); „Ked' poliala, l'ahla si na pohovku“ (Hruš., 128); „Ked' sa pominulo turecké nebezpečenstvo, ešte jasnejšie vynikol feudálny útlak, pod ktorým trpel slovenský ľud“ (Čapl., 57).

Во всех приведенных примерах придаточная часть присоединяется к главной при помощи союза *ked'* 'когда'.

Этот союз в словацком литературном языке является основным временным союзом²⁹. Однако этот союз сам по себе не указывает на хронологию действий главного и придаточного. В приведенных примерах действие придаточного предшествовало действию главного, но это хронологическое соотношение выражается не союзом *ked'*, а при помощи сочетания двух глаголов совершенного вида. Как будет показано ниже, союз *ked'* может соединять части сложноподчиненного предложения и в том случае, если действия придаточного являются одновременными с действием главного или если действие главного предшествует во времени действию придаточного. Все это позволяет считать союз *ked'* общевременным союзом³⁰, так как он служит не для обозначения

²⁷ J. Bauer. Časové souvětí v ruštině a v češtině. — „Sovětská jazykověda“, Praha, roč. V, seš. 5—6, 1955, стр. 321—339.

²⁸ J. Bauer. Указ. соч., стр. 339.

²⁹ J. Ružička. Podrad'ovacia spojka ked', — SIR, 1956, roč. XXI, čís. 6, стр. 339.

³⁰ Термин „общевременной союз“ применяет Л. И. Ройзензон, говоря о чешских союзах *když, jak, co, kdyžtě* (См. „Придаточные предложения времени в современном чешском языке“, стр. 42).

какого-то определенного временного соотношения действий, а для обозначения связи данных действий во времени.

Приведенные выше примеры отражают еще одну черту — они характеризуются препозитивным положением придаточной части. Полагаем, что этим подчеркивается значение предшествования действия придаточного. Правда, такое расположение в предложениях данного типа, где выражается предшествование действия придаточного, не является обязательным. Вместе с тем предложения с иным расположением главной и придаточной частей встречаются в словацком языке значительно реже. Так, например, придаточное предложение может находиться после главного:

„Tristo bohov sa im do psej matere!... — *zahromžil* starý Tomášik, ked' Miško *dočítal* list“ (F. Král'. Cz., 108); „Ticho *zaplakala*, ked' rodné mesto *ostalo* za ňou“ (Kuk. D., 102).

Оно может также вклиниваться в главное предложение:

„Zuzka, ked' ju Samko *odprevadil*, *vošla* do komôrky, oprela si hlavu o truhlu a bolo jej *všelijak*“ (Taj., 71); „Baláň, ked' *došli* k nemu, *pochválil* ich pre spev“ (Timr., 59).

И в том, и в другом случае сочетание форм прошедшего времени совершенного вида выражает соотносительную последовательность прошедших действий, причем такую последовательность, когда сначала осуществляется действие придаточного предложения, а затем действие главного.

Указанное соотношение действий придаточного и главного четко выражается также в предложениях с другими временными союзами. Например, с союзом *ako*:

„Ako ho kráľ'ová dcéra *zazrela*, *naradovaná skočila* mu v ústrety“ (Sl. pov., 7); „Pán Jozef Niczky z Nitiek *sostúpil* so svojho voza, ako *zastal* pred hostincom železničným v Brehoviciach“ (Kuk. XI, 21).

Примеры с временным союзом *ako* встречаются значительно реже, чем с союзом *ked'*.

Союз *ako* подобно союзу *ked'* сам по себе не указывает на то, что действие придаточного произошло раньше действия главного. Это выражается сочетанием форм прошедшего времени совершенного вида.

Однако в словацком языке имеются и такие временные союзы, которые уточняют хронологическое соотношение действий главного и придаточного. Рассмотрим примеры с союзом *len čo* 'как только'.

„*Len čo som vkročil* do vozňa, tu *som sa zarazil* od prekvapenia“ (Čaj., 33);

„Ale *len čo stroje prišli* a *vyložily sa* z vagónov, *rozlialo sa* po kraji povstanie“ (Heč. Drd., 106); „Mat' *odišla*, *len čo sa začalo brieždiť*“ (Jil. Kc., 298).

Благодаря употреблению союза *len čo* в этих предложениях передается определенный оттенок хронологического соотношения сопоставляемых действий, а именно: действие главного наступает сразу же, непосредственно после осуществления действия придаточного.

Подобный оттенок хронологического соотношения действий придаточного и главного можно наблюдать и в предложениях с союзами *ledva*, *sotva* 'как только', 'лишь только'. Например:

„*Ledva prišiel* dom pod krov, náš Mate *sa oženil*“ (Kuk. D., 10); „No *ledva odznelo* posledné jeho slovo, *zrútil sa* Baláň na zem“ (Timr., 94); „*Sotva odišiel* od pána Eleka, *porobil* prípravy na cestu po volebnom okrese“ (Kuk., XI, 49); „*Sotva ale pán Mikuláš Michna* z Bysterca *pomenoval sa kapitánom* cisárskeho vojska, tu *začali* prichodzí páni jeden na druhého *pozerat'* a *hlavami krútiť*'...“ (Kalinč. O., 51).

Более сложный случай представляет собой следующий пример:

„Vyletníci došli na Stodôlku, keď sa zotmelo“ (F. Král'. Cz., 188).

Здесь форма прошедшего времени совершенного вида, выступающая в роли сказуемого придаточного предложения, имеет перфектное значение. Это накладывает особый оттенок на соотносительную хронологию действий придаточного и главного. Действие придаточного фактически предшествовало действию главного. Вместе с тем результат действия придаточного наличествовал в момент осуществления действия главного. Поэтому в подобных случаях можно говорить о соотносительной последовательности действий, осложненной оттенком одновременности действия главного с наличным результатом действия придаточного.

б. Вторая разновидность соотносительной последовательности прошедших действий, которая может выражаться рассматриваемым типом сочетаний форм прошедшего времени, состоит в том, что предшествующим оказывается действие главного, а не придаточного. Например:

„Sloboda — Ľudmila, prv než som vás poznal, zaujali ste celé moje srdce, ...“ (Chal., 90); „Ešte prv, ako sa otvorily dvere, ako sa v nich zjavila vysoká Pal'ova postava, preniklo Marku jediné vedomie, jediná myšlienka ju ovládla celú, celučickú: ako je krásne žiť na svete“ (Min. Nr., 188).

Здесь на предшествование действия главного ясно указывают союзы *prv...než*, *prv...ako* 'прежде чем'. Предшествование действия главного может выражаться также при помощи лексических средств. Например:

„Školské deti už dávno vstúpili do tesných uličiek, keď skupina šory Andrijany sa ešte len pohla zpred kostola“ (Kuk. D., 55).

Временное обстоятельство *už dávno* при действии главного показывает, что действие главного произошло раньше действия придаточного.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что вторая разновидность соотносительной последовательности действий придаточного и главного выражается сочетанием форм прошедшего времени совершенного вида обычно при наличии в предложении дополнительных синтаксических или лексических средств.

Соотносительная последовательность действий в данной разновидности также может быть осложнена оттенком одновременности. Ср., например:

„Keď nasadli znovu do auta, už sa zotmelo“ (Laz. Om., 155); „Keď sišla znova na nábrežie, tône sa značne predĺžily“ (Kuk. D., 93).

Формы прошедшего времени совершенного вида *zotmelo sa* и *predĺžily sa* имеют в приведенных примерах перфектное значение. Поэтому несмотря на то, что действие главного в данных предложениях фактически предшествовало действию придаточного, здесь выражается совпадение во времени наличного в прошлом результата действия главного с действием придаточного.

2. Сочетание форм прошедшего времени совершенного вида, выступающих в роли сказуемых сложноподчиненного предложения с временным придаточным, может выражать другой тип соотносительной хронологии действий придаточного и главного, а именно их одновременность.

а. В ряде случаев значение одновременности выявляется из реального содержания сложного целого. Придаточная часть присоединяется к главной обычно посредством союза *keď*. Например:

„Čo aj tú“, kým Anna hlayou, ale čosi ju *bodlo* v srdci, keď *počula* to meno...“ (Taj., 52); „Čierna siňava lesov ho zajala. — *Strhol* sa, keď *si pomyslel*, že tu dakde v tomto vyhnanisku zostane ako stavebný robotník“ (Tat. Dl., 56, 57).

Сочетанием форм совершенного вида здесь выражается единичность совпадения названных действий.

б. Особый оттенок одновременности возникает в том случае, если придаточное времени присоединяется союзом *kým* 'пока'. Например:

„Samko *zdržal* sa tam von, *kým* si Zuzka *neporiadila*, *nepodojila*“ (Taj., 81); „*Kým* som *prišiel* na stanicu, veru som dost' hodne *zmokol*, lebo sa *lialo*“ (Čaj., 33).

В этих примерах действие главного предложения ограничено в своем проявлении временем осуществления действия придаточного: в подобных случаях можно говорить об ограниченной одновременности, так как с завершением действия придаточного оказывается заверренным и действие главного.

в. Наконец, следует отметить еще один случай, когда сочетанием форм прошедшего времени совершенного вида передается одновременность с оттенком повторяемости. Например:

„Neraz, pamätám sa, večerom, sadli sme si na lavičku, chytali si ruky a *tieskali* si po nich. *Zakaždým* *zvýskla*, keď som ju *udrel* a potom sme sa *smiali* spolu“ (Jes. Nov., 108).

Формы прошедшего времени совершенного вида *zvýskla* и *udrel som* служат в приведенном примере для выражения действий, неоднократно повторяющихся в прошлом. На повторяемость этих действий здесь ясно указывает слово *zakaždým* 'всякий раз' и предшествующий контекст. Сочетание форм прошедшего времени совершенного вида, соединенных союзом *keď*, выражает в данном случае многократное совпадение соотносящихся действий во временном плане прошлого. Таким образом, здесь можно говорить об одновременности повторяющихся действий.

3. В особую группу следует выделить те предложения, в которых временное придаточное служит для уточнения обстоятельства времени главного предложения. В качестве обстоятельства времени обычно выступают различные обороты с именами существительными *chvil'a*, *čas*, *ráno*, *deň*, *večer*, *noc*, *nedel'a* и т. п. или наречия. Например:

„Z dial'ky, po ceste od dediny *zjavila* sa dievka *práve* v *tej chvíli*, keď si Malenec *zaclonil* rukou zrak a *pozeral* v tú stranu“ (Jil. Kc., 10); „Bá-lentka sa *obrátila* od plotu a *pozrela* na ulicu *práve* v *tej chvíli*, keď sa pred bránkou *zastavil* Kováč“ (Jil. Kc., 55); „V čase, keď „Pešť'bu-dínske vedomosti“ *prišli* do Martina, *prišiel* do Martina zo Skalice i Svetozár Hurban“ (Krc., 187); „Večerom, keď *popustila* horúčava akotak..., *vybrala* sa i elita mesta pod šiatre“ (Kuk. D., 31); „Malenec *pozrel* za ním. *Potom*, keď sa *stretli* na medzi, *povedal* Ratajovi: ...“ (Jil. Kc. 9); „Keď sa Janko Verný *stal* tovaryšom, Julka *práve vtedy* *vychodila* školu“ (Kuk., XI, 193).

В этих предложениях, характеризующихся четкой одночленной структурой, относительно-хронологическая связь действий главного и придаточного предложений оказывается неактуальной. В них выражается лишь приуроченность действия придаточной части к отрезку времени действия главной части, обозначенному обстоятельством времени³¹.

³¹ Н. С. Поспелов. О различиях в структуре сложноподчиненного предложения. — Сб. „Исследования по синтаксису русского литературного языка“. М., 1956, стр. 62.

§ 3. Соотношение форм прошедшего времени совершенного и несовершенного вида

I. В сложноподчиненных предложениях с временным придаточным, в главной части которых выступает форма прошедшего времени совершенного вида, а в придаточной — форма прошедшего времени несовершенного вида, как правило, выражается соотносительная одновременность прошедших действий придаточной и главной части. Однако это общее значение может иметь различные оттенки.

Если действие главного совпадает лишь с одним из моментов протекания действия придаточного, то такое соотношение во времени действий придаточного и главного можно назвать частичной одновременностью. Например:

„Petrovič si šuchal boky od radosti. *Ked'* odnášal fl'ašu koňaku do skrinky, *vypil* si ešte i cestou rovno z fl'ašky“ (Jes. Dem., 228); „*Ked'* som sedel o hodinku neskoršie za svojim stolom v búde, *zazrel* som dobrého Kajetána Lorda za d'alekohľ'adom“ (Hruš., 90); „*Ked'* sa Jozina pred večerom *vracala* do majera, *stretla* zas Emila“ (Jil. Kc., 92); „*Ked'* už *ležala* na posteli, *prišlo* jej na um, ...“ (Jil. Kc., 297); „*Ked'* sa Sovietska armáda *prebijala* v t'ážkych bojoch od Popradu na západ, *partizáni očistili* od hitlerovcov Liptovský Hrádok a Porúbku...“ (Hys. Snp., 66).

Значение частичной одновременности уточняется, если при глаголе-сказуемом главного предложения имеется обстоятельство времени. Например:

„*Ráno*, *ked'* sa rozvidnievalo, *prišli* Rusi“ (Heč. Drd., 50); „*Večer*, *ked'* už *líhali* spat', *vrátil* sa z mesta Marek“ (Jil. Kc., 127); „*Klátová*, *vychudnutá* a *bledá*, *v ošúchanom kabátiku dávneho strihu*, *úctivo* sa *pozdravila* a *vyšla* na ulicu *v tej chvíli*, *ked'* *Bálentka* *prežívala* nové *prekvapenie*“ (Jil. Kc., 53); „*A práve v tom čase*, *ked'* sa *blížili* *výletníci* *k prvým stromom tmavejúceho lesa*, *vyšla* z *húštiny akási zhrbená žena*“ (F. Král'. Cz., 185). В последнем примере обстоятельственный оборот *práve v tom čase* подчеркивает совпадение во времени двух действий — длительного действия *blížili* *sa* и однократного *vyšla*. Естественно, что второе действие охватывает лишь часть времени, в которое совершалось первое действие. Можно сказать, что действие главного предложения происходит на фоне действия, о котором говорится в придаточном.

Частичная одновременность выражается также, если придаточное времени присоединяется к главному союзами *kým* 'пока, в то время как' и *zakiaľ* 'пока'. Например:

„*Ale mládenec mal rozum; kým* ju tí *hl'adali*, *za ten čas zmizol*“ (Kuk., XI, 85); „*Kým* *Liecha prijímal* nového *kováča do roboty*, *Ďuro Okánik vtrhol* do *vyhne*“ (Tat. Dl., 90); „*Kým* *povstalci odrážali* *okupantov* a *útočili* *na ich pozície pri Strečne*, *2. partizánska brigáda... zaujala* *postavenie južne od Žiliny* a *bránila prístup do Rajeckej doliny*“ (Hys. Snp., 36); „*Zakiaľ* *sa Ondriš podpisoval*, *vrátil* *sa s druhého konca pol'a Malenec*“ (Jil. Kc., 119).

К рассмотренной группе примеров примыкают также предложения с составным союзом *medzitým* *čo*. Правда, в подобных предложениях значение одновременности сопровождается значением противопоставления соотносящихся действий. Ср., например:

„*A medzitým*, *čo* *gazda takto pykal* *za svoje pl'uhavstvo*, *odpratala* *gazdiná do Chrchútky všetko*, *o čom si myslela*, *že mladí manžel'ia budú potrebovať*“ (Heč. Drd., 96); „*Kým* *popolvár pribehne do Stodolišt'a*,

večer je predô dverami. *Medzitým, čo blúdil svetom, vrátil sa z Hruština aj Pavo od Šechnára s ťažko naloženým vozom...* (Heč. Drd., 67).

Если форма прошедшего времени совершенного вида, выступающая в роли сказуемого главного предложения, передает неоднократно повторявшееся в прошлом действие, то в этом случае сочетание форм прошедшего времени совершенного и несовершенного вида выражает многократную одновременность прошлых действий. Например:

„Marek sa *nikdy nezobudil, keď* ráno ostatní *vstávali*“ (Jil. Kc., 127); „S veľkým záujmom a nadšením sme počúvali, keď rozprávala o Moskve. *Keď* si tak *spomínala, často si vzdychla*: „Ešte aspoň raz uvidiet' Moskvu v takej kráse, aka bola...“ (Tom. Ndc., 239).

II. При обратном расположении форм прошедшего времени разного вида в сложноподчиненном предложении с придаточным времени, а именно, когда в главной части стоит форма несовершенного вида, а в придаточном — форма совершенного вида, — сочетанием этих форм могут выражаться различные виды соотносительно-хронологической связи.

1. Прежде всего сочетание форм прошедшего времени несовершенного и совершенного вида выражает соотносительную последовательность действий придаточного и главного. При этом можно наблюдать двоякий порядок следования действий.

а. Действие придаточного предшествует действию главного. В этом случае придаточное предложение чаще всего присоединяется общевременным союзом *keď*. Например:

„*Keď* vyprávač takto skončil, všetci sme najprv v dojatí *mlčali*“ (Hruš., 109); „*Keď* zastali na brehu, hodnú chvíľu *hl'adeli* bezo slova na vodu“ (Hor. Sh. 60); „Rozprávala det'om, ako v meste slúžila a ako potom s Hreščom *žila, keď* sa *pobrali*“ (Tat. Dl., 12).

Значение соотносительной последовательности действий придаточного и главного может сопровождаться оттенком повторяемости данного соотношения. Обычно в этих случаях и форма прошедшего времени совершенного вида и форма несовершенного вида обозначают действие, неоднократно повторявшееся в прошлом. Повторяемость этих действий очевидна из широкого контекста. Например:

„Baša si veľmi obl'úbil bát'u... Volával ho k sebe, usádzal ho a ne-raz dával mu *naliat' vína*... *Keď* si bát'a *upil* a *nadišla* ho dobrá vôľa, *uspieval* bašovi turecké pesničky. A baša sa len *usmieval, usmieval* a dával bát'ovi ešte *naliat'*“ (Hor. Sh., 105).

Иногда в главном предложении имеется лексическое указание на повторяемость. В роли такого указания выступает наречие *vždy* 'всегда, всякий раз', которое соотносится с союзом *keď*, присоединяющим придаточное предложение. Например:

„Ale oneskorenci, čo sa v predostatných dňoch vliekli dolu cestou so zakrvavenými obväzmi na rukách a nohách, boli už shovorčivejší. *Vždy, keď* za horami hrubšie *zadunelo, obracali* hlavy samočinne na severovýchod, a pridávajú do kroku, trúsili pomedzi zuby: „Hitla' kaput! Kommt Iwan...“ (Heč. Dr., 11); „*Usmievala* sa len *vždy* ironicky, *keď* jej muž pravidelne dva razy za týždeň na mrkaní do salónu *zavolal*:—Róži... nedovol' nikomu ma vyrušovať...“ (F. Král'. Cz., 174).

В этих примерах действие главного следовало за действием придаточного, при этом такая последовательность повторялась каждый раз, когда совершались эти действия. Здесь можно говорить о многократной последовательности.

б. Действие главного предшествует действию придаточного. Такое соотношение передается в том случае, если придаточная часть присо-

единяется к главной союзом *kým* в значении 'пока... не', 'прежде чем'. Например:

„Divali sa jeden druhému do očí a hodnú chvíľu *trvalo, kým sa spaťmätali*“ (Jégé., 200); „Samotná ako palec *putovala d'alej, kým sa nezatárala* i ona do tých hôr, kde jej bratia bývali“ (Sl. pov., 70); „Žofa dlho *premýšľala, kým prišla* na myšlienku zo sár svojich a mužových zodratých kapcov poprešíváť kapčeky pre deti“ (F. Král'. Cz., 49); „Holubová. Mój neštudoval na to, aby robil čakanom. Šest' rokov *čakal, kým ho povýšili* na hlavného oficiála...“ (Kar., 81).

Здесь действие главного воспринимается как ограниченное в своем протекании моментом наступления действия придаточного.

2. Сочетание форм прошедшего времени несовершенного (в главном) и совершенного (в придаточном) может выражать также соотносительную одновременность прошедших действий придаточного и главного. В этом случае обычно выражается частичная одновременность действий придаточного и главного. Например:

„V dome ešte všetci *spali* spánkom spravodlivých, *keď* Zuzka ukradomky do záhradky *kukla*“ (Kuk., XI, 158); „Ale *keď* sa vdovec podvečer rozjarený *vrátil* z krčmy, deti vysmiaté *sedeli* v riadku“ (Podjav., 29); „*Keď* vošla do školy, deti už *užívali* štvrt' hodinovú prestávku“ (F. Král'. Cz., 51); „U Jonášov *sadali* k obedu, *keď* *pribehol* Bartolen so zvest'ou“ (Laz. Oh., 135).

В приведенных примерах действие придаточного произошло в один из моментов протекания действия главного.

Момент совпадения действия придаточного с более продолжительным действием главного, в которое как бы включается действие придаточного, подчеркивается употреблением наречия *práve* 'именно, как раз'. Например:

„*Práve* som *písal* situačnú zprávu veliteľ'stvu úseku, *keď* sa rozleteli dvere a dnu vrazil Lord so zúfalým krikom. — Zrada!“ (Hruš., 96); „Vy-niesol si batôžtek a ujedal si sediačky na debne... *Práve* *dojedal, keď* z dial'ky *zahučal* motor“ (Laz. Om., 17).

§ 4. Соотношение форм прошедшего времени несовершенного вида

Сочетание форм прошедшего времени несовершенного вида, выступающих в роли сказуемых главной и придаточной части сложноподчиненного предложения с временным придаточным, как правило, выражает соотносительную одновременность прошедших действий. При этом могут обозначаться различные оттенки соотношения совпадающих друг с другом прошедших действий.

Чаще всего рассматриваемые сочетания выражают совпадение во временном плане прошлого действий главного и придаточного. Придаточная часть в этом случае обычно присоединяется к главной посредством союза *keď*'. Например:

„Na túto historku *myslel* Dr. Landik, *keď* *vsťupoval* do predizby, susediacej s kanceláriou náčelníka“ (Jes. Dem., 49); „Vy *ste* vtedy ešte v Turecku pašove mačene v klobúku *hojdali, keď* som ja už po Žarnovici *chodil*“ (Hor. Sh., 52); „V rokoch 1870, *keď* *padala* veľká generácia, *ozývala* sa Maróthyho patriotická lýra“ (Krč., 191); „*Keď* ma *niesli* na nosidlách, Tat'jana *kráčala* pri mne“ (Tom. Ndc., 297).

Рассматриваемые сочетания могут выражать также многократную

одновременность. При этом в главном предложении нередко имеется лексическое указание на повторяемость действия. Например:

„Prievozník sa zasmial a zvláštym spôsobom zakýval fúzmi. *Vždy* tak robil, keď sa mu dačo páčilo“ (Hor. Sh., 63); „A *inokedy*, keď odchádzal pred večerou, ... odpovedal zas na jej zvedavú otázku: Idem na schôdzu“ (Jil. Kc., 130); „To robieval často, keď ho trápily hemoroidy“ (Jes. Dem., 243).

Особый оттенок одновременности создается, когда придаточная часть соединяется с главной союзом *kým* 'пока, в то время как'. Например:

“*Kým* išli, mlčal“ (Hruš., 165); „*Kým* si oni dvaja prezerali obrázky a nápisky... ostatní ich sledovali pohľadom“ (Tat. Dl., 135).

В подобных сочетаниях период осуществления действия главного ограничен периодом осуществления действия придаточного.

Если союз *kým* употребляется в значении 'в то время как', то значение соотносительной одновременности действий придаточного и главного может сопровождаться значением противопоставления этих действий. Например:

„Výdavky na vojnu musel znášať pracujúci ľud. *Kým* vláda robila daňové úľavy kapitalistom, *zvyšovala* dane pracujúcim vrstvám“ (Hys. Snr., 14).

§ 5. Соотношение формы прошедшего времени с формой плюсквамперфекта

Если в главной части сложноподчиненного предложения с временным придаточным в роли сказуемого выступает плюсквамперфект, а в придаточной части — форма прошедшего времени, то обычно весьма четко выражается предшествование действия главной части по отношению к действию придаточной. Например:

„*Keď* prišla už s miskou, Ondrej práve *bol skončil* holenie“ (Kuk, XI, 75); „Soňa, pani Haviarová, bola dcérou podhorianskeho mestského lekára Stálika. *Bola skončila* šesť semestrov na medicínskej fakulte v Prahe, *keď* sa v Starom Smokovci *oboznámila* s dr. Haviarom“ (Jégé. Mn., 11); „Po ľavej strane sa vliekol dlhý ostrov... Tu i tam sa zjavila dedinka rozložená na brehu. *Dobre sa už bolo rozvidnelo, keď* pri jednej *zastali*“ (Hor. Sh., 37).

Если плюсквамперфект выступает в роли сказуемого придаточной части, то в таких предложениях выражается обратное соотношение прошедших действий, а именно действие придаточного предшествует действию главного. Например:

„Holomok bez reči vybehol hore rebríkom, ... a odrezal mŕtvolu, ... Mŕtvola padla s tupým úderom na zem... Mara s Adamom pribehli a sniesli ju do voza, kde ju *položili* na otep slamy a *prikryli* haňami a plachtou, *keď* jej najprv *boli rozviazali* povraz a vechte, ktorými *boli* zakrútené skatované ruky“ (Jégé., 54).

Действие, обозначенное формой *boli rozviazali*, произошло раньше действий *položili* и *prikryli*. На это, кроме формы плюсквамперфекта, указывает и наречие *najprv* 'сначала', употребленное при глаголе-сказуемом временного придаточного. Правда, и без дополнительного указания плюсквамперфект четко выражает прошедшее действие, предшествовавшее другому, прошедшему действию. Например:

„Amice, priateľ, dovedol som vám tu prosebníkov, za ktorých sa i ja čím najvrelšie prihováram, — *začal* starý pán farár, *keď* *bol* celú spoločnosť *pozdravil*“ (Jégé., 168); „Slovo dalo slovo, koniec *bol*, že Stálik, *keď* mu *bol vyčítal* všetky hriechy, *vyzval* zat'a, aby opustil jeho dom“ (Jégé. Mn., 75).

§ 6. Соотношение форм прошедшего времени с настоящим историческим

В предшествующих параграфах мы рассмотрели соотношение форм прошедшего времени, выступающих в качестве сказуемых придаточной и главной части сложноподчиненного предложения с временным придаточным. В подобных предложениях выражаются различные типы соотносительно-хронологической связи действий придаточного и главного в плане прошлого, так как соотносящиеся действия являются предшествующими по отношению к моменту речи. Таким образом, в рассмотренных нами предложениях формы прошедшего времени и в придаточной, и в главной части обозначают действия, отнесенные к одному и тому же временному плану. Это вполне согласуется с утверждением И. Ружички о том, что „в сложноподчиненном предложении с временным придаточным действие придаточного всегда находится на той же основной временной ступени, что и действие главного предложения“³².

Действительно, в нашем распоряжении нет примеров, которые противоречили бы этому „основному правилу“³³. Нам встретились лишь такие предложения, в которых в главной части употребляется форма настоящего времени, но она выступает в функции настоящего исторического. Например:

„Prešlo družstvo nemeckých vojakov, ozbrojené samopalmi a puškami... *Ked' prešli, pokračujete v rozhovore.* Tému o priateľ'stve a nepriateľ'stve bolo treba rozobrať“ (Tom. Ndc., 42, 43); „*Ked' mu to tak dakol'ko razy opakovala, — on sa nahnevá a zahucká svoje zvieratá do nej...*“ (Sl. pov., 9).

Во втором примере в функции исторического настоящего выступает форма глагола совершенного вида. В обоих случаях выражается предшествование действия придаточного по отношению к действию главного. Таким образом, поскольку здесь форма настоящего времени обозначает прошедшее действие, то можно считать, что в данном случае перед нами лишь формальное отклонение от отмеченного выше основного правила. В сущности и здесь мы имеем дело с объективно прошедшими действиями. И. Ружичка в подобных случаях говорит о „стилистическом переосмыслении грамматического времени“³⁴.

Форма прошедшего времени (в придаточном) может сочетаться с формой будущего времени (в главном) только в том случае, если форма прошедшего времени (во временном придаточном) обозначает объективно будущее действие.

Предложений, в которых бы в главной части выступала форма будущего времени, а в придаточном — форма прошедшего времени (в значении будущего) — нам не встретилось. В связи с этим можно упомянуть замечание В. Шмилауера о подобных предложениях в чешском языке. В. Шмилауер считает неправильным, если во временных придаточных формой прошедшего времени обозначается предшествование действию главного, выраженному формой будущего времени. Придаточное в таком предложении, как „*Vrátíme se k těmto otázkám na konec, když jsme podali přehled vši filozofie*“ было бы правильнее, по мнению В. Шмилауера, заменить придаточным: „... až podáme přehled...“³⁵. На неправильность употребления в подобных предложениях

³² J. Ružička. Podrad'ovacia spojka *ked'*. — SĽR, 1956, roč. XXI, čís. 6, стр. 339.

³³ Там же, стр. 339.

³⁴ Там же.

³⁵ V. Šmilauer. Slovesný čas. — „Druhé hovory o českém jazyce“. Praha, 1947, стр. 162.

формы прошедшего времени для обозначения будущего действия, предшествующего другому будущему действию, указывает также Ф. Травничек³⁶.

§ 7. Выводы

1. Сочетания форм прошедшего времени совершенного вида, выступающих в роли сказуемых сложноподчиненного предложения с временным придаточным, как правило, выражают соотносительную последовательность данных прошедших действий. При этом наблюдаются два случая: а) действие придаточного предшествует действию главного, б) действие главного предшествует действию придаточного. Порядок следования действий первого рода является наиболее типичным для рассматриваемых сочетаний. В этом случае употребляются общевременные союзы *ked'* и *ako* или же союзы *len čo*, *ledva*, *sotva*, вносящие дополнительное значение: быстро, непосредственного следования действия главного предложения за действием придаточного.

Порядок следования действий второго рода встречается значительно реже, лишь при наличии в предложении союзов *prv než*, *prv ako* 'прежде чем' или специальных лексических указаний на то, что действие главного произошло раньше действия придаточного.

В определенных контекстах и в зависимости от содержания высказывания рассматриваемые сочетания могут передавать соотносительную одновременность действий главного и придаточного. Эти сочетания могут выражать и многократную одновременность.

В некоторых случаях соотносительно-хронологическая связь действий главного и придаточного не выражается, так как действие придаточного лишь приурочивается к определенному отрезку времени действия главного.

2. Сочетания разнovidных форм прошедшего времени в рассматриваемом типе предложений могут выражать различные виды соотносительно-хронологической связи действий.

Если форма совершенного вида выступает в роли сказуемого придаточной части, то в этом случае, как правило, выражается соотносительная последовательность действий. При этом чаще встречается порядок следования первого рода, т. е. действие придаточного предшествует действию главного. Предшествование действия главного предложения выражается рассматриваемыми сочетаниями реже, обычно при наличии придаточного с союзом *kým* в значении 'прежде чем', 'пока не'. Сочетание разнovidных форм прошедшего времени при положении формы совершенного вида в придаточной части может вместе с тем выражать частичную одновременность действий главного и придаточного.

Если в роли сказуемого придаточной части выступает форма несовершенного вида, то в этом случае сочетанием разнovidных форм прошедшего времени обозначается соотносительная одновременность действий главного и придаточного, а именно частичная одновременность и многократная одновременность. Последнее значение имеет место лишь в том случае, когда форма прошедшего времени совершенного вида, выступающая в роли сказуемого главного предложения, служит для обозначения действия, неоднократно повторявшегося в прошлом.

Таким образом, можно отметить, что существенным фактором для выражения соотносительной последовательности действий в рассматри-

³⁶ F. Trávníček. Mluvnice spisovné češtiny, č. II. Praha, 1951, стр. 1385.

ваемом типе предложений является наличие формы совершенного вида в придаточном времени.

3. Сочетания форм прошедшего времени несовершенного вида, выступающих в роли сказуемых сложноподчиненного предложения с придаточным времени, обычно выражают соотносительную одновременность действий главной и придаточной части. При этом указанные сочетания могут выражать различные оттенки одновременности:

а) простое совпадение действий главного и придаточного, когда временные отрезки соотносящихся действий являются неопределенно-длительными (в этом случае придаточное предложение соединяется с главным союзом *ked'*);

б) полное совпадение действий главного и придаточного, так как время осуществления действия главного ограничено временем осуществления действия придаточного (при передаче этого оттенка большую роль играет союз *kým*);

в) многократное совпадение действий главного и придаточного (в этом случае в предложении обычно имеются лексические указания на повторяемость соотносящихся действий).

4. Сочетания форм прошедшего времени с формой плюсквамперфекта, а также с настоящим историческим в рассматриваемом типе предложений выражают определенный вид соотносительно-хронологической связи действий главного и придаточного, а именно последовательность этих действий. В сочетаниях с плюсквамперфектом предшествующим всегда оказывается действие, обозначенное формой плюсквамперфекта.

5. В сложноподчиненных предложениях с временным придаточным в отличие от слитных и сложносочиненных предложений значительную роль в плане выражения соотносительной хронологии действий главного и придаточного играют различные временные союзы, особенно те, которые уточняют, конкретизируют значение соотносительной одновременности или последовательности. В этом проявляется специфическая черта выражения соотносительно-хронологических связей глагольных действий в данном типе предложений.

Список сокращений

- Alm. — Almanach mládeže slovenskej. Turč. Sv. Martin. 1885. .
 Čaj. — Ján Čajak. Poyiedky, Bratislava. 1954.
 Čapl. — Ján Čaplovič. O štúdiu staršej literatúry slovenskej. Slovenský spisovateľ, 1953.
 Heč. Drd. — František Hečko. Drevená dedina. „Slovenský spisovateľ“, 1953.
 Hor. Sh. — Jozef Horák. Sebechlebskí hudci. Bratislava, 1954.
 Hruš. — Ján Hrušovský. Pompíliova Madona. Slovenský spisovateľ, 1956.
 Hys. Snp. — Miroslav Hysko. Slovenské národné povstanie. Bratislava, SAV, 1954.
 Chal. — Ján Chalupka. Kocúrko alebo len aby sme v hanbe neostali. Martin, 1952.
 Jégé. — Jégé. Adam Šangala, Martin, 1952.
 Jégé. Mn. — Jégé. Medzi nimi. Matica slovenská, 1934.
 Jes. Dem. — Janko Jesenský. Demokrati. Bratislava, 1953.
 Jes. Nov. — Janko Jesenský. Novely. Tranosciscus v Liptovskom Sv. Mikuláši, 1944.
 Jil. Kc. — Peter Jilemnický. Kus cukru. Bratislava, 1952.
 Kalinč. O. — Ján Kalinčiak. Orava, Martin, 1952.
 Kalinč. R. — Ján Kalinčiak. Reštavrácia, T. Sv. Martin, 1950.
 Kar. — P. Karvaš. Ľudia z našej ulice. Martin, 1951.
 F. Král'. Cz. — Fraňo Král'. Cesta zarúbaná. Slovenský spisovateľ, 1954.
 Krč. — Štefan Krčméry. Výber z diela, III, (Stopät'desiat rokov slovenskej literatúry). Bratislava, 1954.

- Kuk. D. — Martin Kukučín. Dom v stráni. Turč. Sv. Martin' Matica slovenská, 1947.
Kuk., XI — Sobrané spisy Martina Kukučina, sv. XI. Turč. Sv. Martin' Matica slovenská, 1934.
Laz. Oh. — Katarína Lazarová. Osie hniezdo. Slovenský spisovateľ', 1954.
Laz. Om. — Katarína Lazarová. Omyly. Slovenský spisovateľ', 1957.
Min. Nr. — Vladimír Mináč. Na rozhraní. Slovenský spisovateľ', 1954.
Ond. Zm. — Ľudo Ondrejov. Zbojnícka mladost'. Slovenský spisovateľ', 1951.
Podjav. — Ľ. Podjavorinská. V otroctve. Bratislava, 1954.
Sl. pov. — Slovenské povesti. Vydávajú A. H. Škultéty a Pavel Dobšinský v Rožňave, 1858.
Taj. — Jozef Gregor-Tajovský. Dielo v šiestich sväzkoch, sv. I. Bratislava, 1953.
Tat. Dl. — Dominik Tatarka. Družné letá. Slovenský spisovateľ', 1954.
Timr. — Timrava. Hrdinovia. Bratislava, 1953.
Tom. Ndc. — Karol Tomaščík. Na dobrej ceste. Slovenský spisovateľ', 1954.
Vaj. K. — S. H. Vajanský. Kotlín, Turč. Sv. Martin, 1949.
Var. — Marian Városov. Slovenská výtvarná prítomnosť, Tvar, 1953.

К. И. Ходова

ЗНАЧЕНИЯ ТВОРИТЕЛЬНОГО БЕСПРЕДЛОЖНОГО В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В настоящей статье делается попытка разграничить значения творительного беспредложного падежа в старославянском языке. При этом под термином „падежное значение“ разумеется два ряда понятий: семантические и грамматические (синтаксические) значения.

Эти две разные группы падежных значений выделяются различными способами. Если для выделения семантических значений падежа необходимо учитывать лексические значения имен и глаголов, входящих в конструкцию, а иногда и лексические значения имен прилагательных, местоимений, или даже общий смысл, создаваемый контекстом, то грамматическое значение падежа может рассматриваться в отвлечении от лексических значений составных частей падежной конструкции. Здесь падеж выполняет чисто синтаксические функции, здесь он свободен от семантической нагрузки слов, образующих конструкции.

Как считает А. В. Исаченко, об отвлеченном значении падежных форм как раз и можно говорить только в тех случаях, когда речь идет лишь о грамматических значениях. „В тех случаях, однако, где падежные формы использованы для передачи конкретных значений, уже не приходится говорить об общем значении падежа, как таковом. Здесь уже налицо элементы в какой-то степени внеграмматические“¹. Мы считаем возможным пользоваться термином „значение“ уточняемым при помощи определений конкретное (семантическое, обстоятельственное) и грамматическое (синтаксическое).

В современных славянских языках ряд приглагольных падежных форм сочетает в себе семантические значения с грамматическими. По мнению проф. Ю. Куриловича, для каждой из падежных форм одна из этих групп значений является первичной, другая — вторичной. Вторичная функция есть та, которая проявляется в специальных условиях и определяется позитивным способом. Первичной функцией творительного падежа признается функция адвербиальная или семантическая. Творительный падеж на этом основании определяется как конкретный падеж, т. е. как падеж с первичной адвербиальной функцией².

¹ А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, т. I. Братислава, 1954, стр. 140—141.

² J. Kuryłowicz. Le problème du classement des cas. — ВРТJ, 1949, t. IX. См. также А. В. Исаченко. Указ. соч. стр. 140.

Ю. Курилович указывает, что когда конкретный падеж входит в отношении управления и когда его окончание освобождается от семантического содержания, сфера его употребления расширяется, т. е. число основ, способных к восприятию окончания, увеличивается.

Получая грамматическое значение, конкретный падеж переходит из маргинальной позиции по отношению к глаголу в позицию центральную. Приняв вторичную, грамматическую функцию, он становится комбинаторным вариантом того или иного грамматического падежа. Грамматические значения падежей формируют основу, скелет системы падежей.

При установлении значений каждого падежа мы считали необходимым перейти пределы его конструкций и выйти в область языковых категорий, лежащих в одной плоскости с изучаемым падежом, т. е. рассматривать отношения между формами всей системы в целом. Каждый падеж есть категория, которая находится в определенном соотношении, с одной стороны, с другими беспредложными падежами, а, с другой, — с предложно-падежными образованиями.

Вот почему в настоящей работе уделяется большее внимание изучению синонимичных конструкций творительного беспредложного. Именно наличие таких конструкций и их характер являются основным критерием при выявлении круга значений изучаемого падежа.

Независимо от того, первична или вторична грамматическая функция того или иного косвенного падежа в системе отдельного языка, исторически она производна от семантических функций.

А. В. де Грот считает подобную эволюцию характерной для всех индо-европейских падежей. Он пишет:

„Вообще развитие таких элементов, как падежи, таково, что они имеют в начале только семантическую функцию, потом функцию семантическую и синтаксическую, наконец, функцию исключительно синтаксическую“³.

Что касается творительного падежа, то в старославянском языке он находится на таком этапе развития, когда его семантические значения еще разнообразны и широко употребительны. Здесь он сохраняет древний тип выражения отношений между предметами, занятыми в действии.

Вместе с тем, наряду с семантическими значениями творительного, мы находим в старославянском и грамматические значения с широкой сферой употребления. Следуя схеме эволюции падежных значений, предложенной А. В. де Гротом, можно констатировать, что творительный имеет в старославянском и семантическую, и синтаксическую функции.

Наблюдается заметное своеобразие в употреблении старославянских форм творительного по сравнению с современными славянскими языками. Специфика творительного падежа в старославянском заключается в том, что его вторичные функции в большинстве случаев несут на себе ясный отпечаток тесной связи с первичными — семантическими — функциями. В старославянском наблюдается самое начало продвижения творительного падежа беспредложного к категории синтаксических падежей.

При всей широте употребления творительного в его первичной, семантической функции некоторые отдельные его семантические значения встречаются в текстах очень редко. Выявление этих значений потребовало исчерпывающего обследования широкого круга старославянских памятников X—XI вв.⁴

³ A. W. de Groot. Les oppositions dans les systèmes de la syntaxe et des cas. — „Mélanges de linguistique offerts à Charles Bally“. Genève, 1939, стр. 126.

⁴ См. список изученных текстов в конце статьи.

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПРИГЛАГОЛЬНЫЙ

Рассматривая конструкции с творительным приглагольным в синтаксическом аспекте, мы пришли к необходимости различать их по характеру и степени связи между именем и глаголом. Различия в характере и силе этой связи и совпадают с важнейшими группировками конструкций в структуре творительного приглагольного.

ГЛАВА I

КОНСТРУКЦИИ С ТВОРИТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ В СЕМАНТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЯХ

Творительный приглагольный в наибольшем числе примеров наблюдается в старославянском в слабой зависимости от управляющего глагола и выступает в функции обстоятельного слова. При этом форма творительного выступает в конкретных значениях, определяющих обстановку действия. Именно к этому типу конструкций удобно отнести характеристику, данную проф. Р. О. Якобсоном творительному падежу в русском языке. По мнению Р. О. Якобсона, форма творительного представляет собой указание на предмет как условие совершения действия⁵.

Слабой зависимостью падежной формы от подчиняющего глагола мы называем такую зависимость, при которой нет необходимой внутренней связи между падежной формой существительного и подчиняющим глаголом. Рассматривая словосочетание *умер 22 февраля*, Пешковский писал: „Есть ли здесь необходимая, внутренняя связь между род. пад. выделенного существительного и значением глагола (вещественным и формальным)? Конечно, нет. Это сказывается в том, что на место *умер* можно подставить любой русский глагол, потому что все решительно можно проделать 22 февраля. Точно так же сочетание предлога *с* с твор. пад. хотя и может в известных случаях вступать во внутреннюю связь с глаголом (*спору с кем, ссорюсь с кем, мирюсь с кем*), но может и не вступать (*стою с кем, чишаю с кем, умираю с кем* и т. д.), потому что нельзя себе представить такого действия, которое нельзя было бы проделывать, или состояния, которое нельзя было бы переживать совместно с кем-нибудь другим. Поскольку сочетание это выражает не внутреннюю связь, а простое сопровождение действия или состояния одного субъекта таким же действием или состоянием другого, ясно, что оно всеобщее, что оно приложимо к любому глаголу“⁶.

В некоторых современных трудах, посвященных проблеме падежей, позиция падежной приглагольной формы, находящейся в слабой зависимости от глагола, определяется как маргинальная в отличие от позиции формы, находящейся в сильной зависимости, которая определяется как позиция центральная⁷.

⁵ R. Jakobson. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. — „Travaux du cercle linguistique de Prague“, 1936, № 6.

⁶ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 286.

⁷ См. J. Kuryłowicz. Указ. соч., стр. 11. Ср. точку зрения А. В. де Грота, который в применении к латыни отводит разным падежам такие места по отношению к глаголу: „В предложении, которое включает имена в различных падежах, управ-

Маргинальная позиция падежа отводит ему промежуточное место между наречиями и грамматическими падежами. По мнению Ю. Куриловича, конкретные падежи есть особая разновидность наречий. Они отличаются от последних только тем, что могут приобретать в известных условиях грамматические значения, что невозможно для истинных наречий⁸.

Систематизацию конкретных падежей следует осуществлять, отправляясь от их наречного смысла, при этом конкретные падежи следует рассматривать как подгруппы категории наречий.

Наречные образования, по Ю. Куриловичу, могут быть или синтетическими (конкретные падежи), или аналитическими (предложно-падежные образования). Синтаксические позиции тех и других тождественны, поэтому в известных условиях падежная форма с обстоятельно-определятельным значением, будучи особой разновидностью наречия, может ассоциироваться и взаимодействовать с другой разновидностью наречия — предложно-падежным образованием. Таким образом, взаимодействие творительного беспредложного с предложно-падежными формами, широко известное и в старославянском, и в современных славянских языках, может быть истолковано с этой точки зрения как взаимодействие разных структурных типов наречных образований.

Таковы синтаксические признаки падежной формы, находящейся в маргинальной позиции по отношению к глаголу.

Как уже отмечалось, падежная форма, находящаяся в такой позиции по отношению к глаголу, указывает на различные детали обстановки, в которой совершается действие. Возникает вопрос, как отделить одно семантическое значение падежа от другого.

В статье „Заметки о значении слова“⁹ проф. Ю. Курилович, касаясь вопроса о разграничении значений полисемантического слова, обращает внимание на следующий важный принцип языковедения: из того факта, что данное слово отражает две или несколько разных физических или психических действительностей, не всегда следует делать заключение о его многозначности (полисемии). Изменение смысла слова внутри контекста бывает заметно тогда, когда оно совпадает со значением другого, существующего в языке слова или оборота, т. е. когда образуется семантическое взаимодействие между данным словом и другим словом. Итак, существование нескольких синонимов для данного слова указывает на полисемантность его и способствует разграничению его отдельных значений. В применении к падежным формам с семантическими или адвербиальными значениями таким показателем, способствующим разграничению отдельных семантических значений падежной формы, следует считать синонимическую конструкцию, включающую в свой состав какую-либо другую падежную форму или предложно-падежное образование.

Иногда для разграничения значений приходится искать критерии внутри самого изучаемого падежа, обращаясь к его производным, синтаксическим функциям. Так, семантическое значение средства-лица мы

ляемый винительный падеж есть первое определяющее по отношению к глаголу, управляемый дательный — второе, неуправляемый аблатив — третье, наречие — четвертое или пятое“ (A. W. de Grot. *Les oppositions dans les systèmes de la syntaxe et des cas.* — „Melanges de linguistique offerts à Charles Bally“. Genève, 1939, стр. 123, 124).

⁸ О близости падежных форм, которые не необходимы для конструкции предложения, к наречию, см. также V. Skalička. *Poznámky k teorii páďů.* — Sas, 1950, roč. XII, č. 3—4, str. 139.

⁹ „Вопросы языкознания“, 1955, № 3, стр. 73—81.

выделяем на том основании, что лексические показатели его конструкций совпадают с лексическими показателями конструкций творительного логического субъекта страдательных конструкций.

* * *

Как уже указывалось, отдельные семантические значения творительного отличаются друг от друга в зависимости от разницы в характере окружающего их контекста. В связи с этим возникает вопрос об установлении контекстов падежной формы, что предполагает необходимость определения их объема и синтагматической структуры, а также выяснения лексических признаков элементов контекста. Носителем падежного значения может быть контекст разного объема. Минимальный ограниченный контекст, несущий то или иное падежное значение, мы называем падежной конструкцией. Среди конструкций с творительным известны двучленные, трехчленные и четырехчленные. Двучленная конструкция представляет собой сочетание слов, выражающее атрибутивное отношение (типа: *терзаться сердцем*) и таким образом соответствует простой атрибутивной синтаксической группе¹⁰. Трехчленная конструкция может быть двух разных типов. Так, она может состоять из двух атрибутивных синтаксических групп, из которых вторая образуется у формы творительного падежа и состоит из этой формы вместе с определением (например, конструкция *придет вашими молитвами* состоит из синтаксических групп *придет молитвами* и *вашими молитвами*). Трехчленная конструкция может быть представлена также соединением атрибутивной и объектной групп (*писать письмо пером* состоит из *писать пером* и *писать письмо*).

Четырехчленная конструкция включает две атрибутивные синтаксические группы, вторая из которых образуется у формы творительного падежа имени существительного, и одну объектную (*создать церковь тремя днями* состоит из групп *создать днями*, *тримя днями*, *создать церковь*).

Лексическая характеристика конструкции включает определение лексических значений глагола и зависящего от него имени.

I. КОНТЕКСТЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕСЯ ОТСУТСТВИЕМ ОГРАНИЧЕНИЙ КАК В ЛЕКСИКЕ ГЛАГОЛА, ТАК И В ЛЕКСИКЕ ИМЕНИ

1. Форма творительного указывает на совместное участие в действии или состоянии равноправных предметов

Для выявления этого значения необходим широкий контекст, выходящий за рамки сочетания имени с глаголом.

Хотя мы располагаем всего двумя примерами контекстов с этим значением (из них бесспорен, собственно, только один), однако можно полагать, что в них мог быть использован любой из глаголов. То же самое можно сказать, вероятно, и о лексике имен существительных, хотя в наших примерах она представлена только названиями лиц:

¹⁰ О синтаксических группах см. И. И. Мещанинов. „Синтаксические группы“ — ВЯ, 1958, № 3, стр. 24—27.

...ѣдинъ же нѣкъи стѣнимъ мѣченикомъ василеемъ быкъи по съкончании юго прѣшъдъ въ елисонъскыа страны. Супр. 538₇.

Кроме того, в Саввиной книге есть пример подобной конструкции с поставленным над строкой и, следовательно, добавленным предлогом съ:

...что се яко мытары и грѣшъники ясть и пиетъ. Марк II, 79. Савв. 66₃₀.

Ср. в других кодексах:

...по чкъто съ мытари и грѣшъники ѣсте и пьете. Лука V, 30. Мар. 213₂₀, Асеем. 73₁₁.

Рассматриваемое значение имеет в старославянском языке специальную форму выражения — творительный с предлогом съ. Ср.: ...і ты съ назарѣниномъ ислъмъ бѣ... Марк XIV, 67. Мар. 178₉; ...ѣды съ мѣножъ хлѣбъ въздвиге на ма прѣльциение свѣе. Ио. XIII, 18. Мар. 372₂₀.

А. А. Потехня обращал внимание на то, что творительный беспредложный с основным значением совместности принадлежит в славянских языках к числу форм, наиболее устаревших и в наибольшей мере вытесненных другими, преимущественно творительным с предлогом съ:

„В общем, — писал он, — отношение съ с творительным к беспредложному социативному должно быть сходно с отношением позднейших предложных падежей — винительного, родительного (с аблативом), дательного, местного к замененным ими беспредложным. То есть как, например, местный без предлога не выражает в точности именно тех отношений, какие заключены для нас в нашем предложном с въ, на (например, жрътка же юго облацехъ са каснетъ. Бусл. Гр. II, 301), так социативность нашего съ с творительным не равна социативности древнего беспредложного творительного социативного, несмотря на то, что эта разница иной раз может быть для нас неощутима“¹¹.

2. Форма творительного указывает на самостоятельный предмет, находящийся вне субъекта и способствующий выполнению действия

Для выяснения значения формы необходим широкий контекст. Ограничения в семантике имени и глагола не выявляются. Преобладают сочетания с непереходными глаголами.

Например:

...женож възрасте зълонѣ и женож истѣкажтъ лочъшана. Супр. 251₇. ...слыша бо еуаггелиста съповѣдажшта еже въ книани быша христосомъ дѣлеса. Супр. 343₁₄; ...и прилежно прославикъше ба. ии же съ оусрьднемъ. приати стоумоу василею мѣчениа вѣнць. Супр. 538₁₃. дрѣвомъ же крижънкъмъ развзникъ и въ ран къседан са. Праж. глаг. отр., II об. 10, стр. 22; ...къси бо приемъши ножъ пожежь погынижтъ. Мат. XXVI, 52. Мар. 102₁₀, Зогр. 41, Асеем. 120₄, Савв. 86; Какъ бо вѣ вѣда словомъ исъхити смѣкки. Супр. 345₂₁.

Указанное значение может быть выражено в старославянском языке также локативом с предлогом о. Например:

¹¹ А. А. Потехня. Из записок по русской грамматике, т. I—II. Харьков, 1888, стр. 447.

...въздрадѣса са дѣхъ мои о вѣѣхъ снѣхъ моѣхъ. Лука I, 47. Мар. 193₂₄; Фарисей же слышаше рѣша. съ не изгнитъ вѣсъ. тѣкмо о вѣльѣхъ кнѣзи вѣсъ. Мат. XII, 24. Мар. 39₆.

Локатив с предлогом о в причинном значении был равноценным винительному с предлогом за, что видно из следующего примера:

...открѣшита имъ ис мѣнѣ дѣла добра вѣнхъ(въ) васъ отъ отца моего. за кое ихъ дѣла каменнѣ на ма метете. открѣшита емоу юдѣи гаште. о дѣврѣ дѣлѣ не метемъ каменнѣ на тѣ. Ио. X, 32, 33. Мар. 359₂₂₋₂₄ (см. также Ио. IV, 39; Мар. 328₂₅; Мат. XXIV, 22; Мар. 89₁). Бѣдетъ во тогда скръбь велиѣ... за избѣраннѣ же прѣкрататъ са днѣ ти... Мат. XXIV, 22. Мар. 88_{23-89₁}.

Винительный с предлогом за в причинном значении был в свою очередь равноценным родительному с предлогом ради. Ср. с последним примером следующий:

нъ избѣраннѣхъ ради ѣже избѣра прѣкратитъ днѣи... Марк. XIII, 20. Мар. 170₂ (См. также Мат. XXIV, 9; Мар. 87₂₇; Савв. 74₃₁; Лука VI, 22; Мар. 217₂).

Ср. также пример, из которого видно, что винительный с предлогом за был синонимичен родительному с предлогом дѣлама:

...позже за змиа овлѣхуомъ са хѣ дѣлама съвлѣцѣмъ са... Супр. 90₂₃.

Значение внешней причины, способствующей выполнению действия, могло быть передано в старославянском дательным с предлогом по:

... і кнѣидѣ по обычаю скремю. въ дѣнь советъны къ снѣмнѣшѣ. Лука IV, 16. Мар. 207₅; ... по приключю же изрен единъ съхуждаше пѣтемъ тѣмъ. Лука X, 31. Мар. 244₉.

Обращает на себя внимание обилие конструкций с падежно-предложными образованиями в значении внешней причины. По своему происхождению они являются пространственно-временными. Многообразие конструкций со значением внешней причины свидетельствует, по видимому, о том, что это значение находилось в старославянском в процессе формирования, а причинная связь еще не отделилась окончательно от пространственных связей^{11а}.

3. Форма творительного указывает

на самостоятельный предмет, находящийся вне субъекта и препятствующий выполнению действия

Для выявления значения необходим широкий контекст. Хотя мы располагаем лишь несколькими однотипными примерами, можно полагать, что ограничения в семантике имени и глагола при выражении этого значения отсутствовали.

Обязательным признаком контекста является сложное сказуемое, состоящее из модального глагола мошти с отрицанием не и инфинитива. Например:

... и не могшѣ пристѣпнѣ къ нему нардомъ открѣшѣша покрѣкъ. Марк. II, 12. Ассем. 102₁₂. Ср. Савв. 62.

В Мариинском евангелии в соответствующем месте наблюдаем винительный с предлогом за:

... и не могшѣ пристѣпнѣ къ нему за народъ... Марк. II, 4. Мар. 120₁₁. ... и не обрѣтѣше кждѣ вѣнести [и] народомъ. възлѣ-

^{11а} Ср. замечания об эволюции значения причины в русском языке в книге Л. П. Якубинского „История древнерусского языка“. М., 1953, стр. 254—265.

зыше на храмъ, сквозѣ скѣдель низкѣсиша и съ одромъ... Лука V, 19. Мар. 212₁₅.

В Ассеманиевом евангелии соответственно — родительный падеж с предлогом ради:

...и не обрѣтше къдоу вънесті народа раді вълѣзыше на храмъ сквозѣ скѣдельи низкѣсиша и съ ложею его... Лука V. 17—26. Ассем. 71₂₅.

Одним из способов выражения этого значения являлся также родительный с предлогом отъ:

... не можадохъ привлѣшти ея отъ множества рыбъ... Ио. XXI, 6. Мар. 400₂₂.

Так как важным критерием при разграничении значений падежной формы мы считаем синонимические конструкции, то представляется целесообразным разделить причинные значения творительного на значение способствующей причины и значение препятствующей причины. Среди падежно-предложных конструкций со значением причины есть соотносящиеся с обоими значениями творительного беспредложного и есть соотносящиеся с каким-нибудь одним из них. Так, если родительный с предлогом ради, винительный с предлогом за, соотносятся с тем и с другим причинными значениями творительного, то дательный с предлогом о соответствует только творительному способствующей причины: он не употребляется для выражения причины препятствующей.

II. КОНТЕКСТЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕСЯ ОТСУТСТВИЕМ ОГРАНИЧЕНИЙ В ЛЕКСИКЕ ГЛАГОЛА И ОГРАНИЧЕНИЯМИ В ЛЕКСИКЕ ИМЕНИ

1. Форма творительного указывает на предмет, пребывающий во время действия в сфере субъекта и характеризующий как субъект, так и действие (творительный образа действия)

Глаголы, входящие в конструкцию, могут быть как переходными, так и непереходными, они весьма разнообразны по лексике. Лексика имени ограничивается названиями неодушевленных предметов. Среди них преобладают имена существительные с неведущим значением. Для выявления значения достаточен контекст в объеме двучленной (с непереходным глаголом) или трехчленной (с переходным глаголом и дополнением) конструкций.

Например:

...вес прѣстани напѣи садъи своа брате. сѣззани мола сѣ. Макед. глаг. лист., 5; Грядѣште же прѣдѣтъ радостѣжъ въземажште рѣкзвати своа. Син. пс. 170^b₁₇; ...възигра сѣ мадѣнцѣ радостами въ жтрѣжѣ моен. Лука I, 44. Мар. 193₁₉, Зогр. 82, Ассем. 189₂₉, Савв. 118.

Из этих примеров видно, что предмет, находящийся в момент действия в сфере субъекта, не принимает участия в действии, что отличает значение данных конструкций от некоторых других.

Старославянский литературный язык в силу жанровых и стилистических особенностей написанных на нем произведений очень богат примерами, в которых предмет, находящийся в сфере субъекта в момент действия, представляет собой имя существительное неведущего значения.

Здесь мы находим целую гамму ощущений, эмоций, психических свойств, которые характеризуют субъект в момент действия. Например:

Язъ же правѣдож акаж сѣа лицю твѣрмоу. Син. пс., 17¹⁸; ...и възвѣрѣтъ на на гнѣвомъ скръба о окаменении сръдцьа ихъ. Марк II, 23—28, Ассем. 101₆; ...ицѣли раба твоего сего. ...посѣти милостиж и щедротами. Син. евх., 57₃; ...книгъ оуправанимъ дръзиж ...прощенѣа прѣсити дръзиж... Супр. 528₄; ...рече къ цѣсарюу дръзестыж ты оубо ш цѣсарюу оуморити ма хътѣаше. Супр. 194₈; ...и оужасомъ възвнѣ прѣси. възпи къ въсѣмъ съпантинимъ отъ вѣка. Супр. 468₁₄; ...онъ же властыж повелѣ рекъ имъ. никомоуже отъ чловѣкъ да не творите пакости. Супр. 37₁₁; Яще бо къ истинѣ по немъ изволилъ еси ити и не лъжеж наречеша са оученикъ его. Син. евх. 279₁; ...и съвѣтъ сътвориша да исса льстиж иижтъ и оубиждтъ... Мат. XXVI, 3, 4. Мар. 97₁₂, Ассем. 116₈, ср. Мат. XXV, Савв. 81; И колеж нѣжрж тебѣ... Син. евх. 233₃ и многие другие.

От характеристики субъекта в момент совершения действия всего один шаг до внутренней характеристики самого действия. Действительно, если рассуждать, отвлекаясь от языковых фактов, особенности состояния субъекта в момент действия отражаются самым непосредственным образом на признаках самого действия. Не случайно в современном русском языке конструкции, включающие предложно-падежные образования „с радостью“, „с гневом“, „со слезами“ и т. п., воспринимаются как конструкции, несущие характеристику действия, подобно конструкциям с наречиями „радостно“, „гневно“ или с деепричастиями „плача“, „радуясь“, „гневаясь“. Можно полагать, что и в старославянском языке в конструкциях с беспредложным творительным совместности с субъектом создавались условия для образования у падежной формы имени существительного семантики наречия, т. е. понятие, выраженное творительным падежом, лишалось предметного значения, отрывалось от субъекта и прикреплялось к действию, становясь его характеристикой.

Творительный беспредложный, употребляемый в этом типе конструкций, семантически взаимодействует с падежно-предложным образованием, включающим творительный и предлог съ. Например:

и молаше бога съ слъзами. Супр. 282₂₀; иже егда оусышати съ радостиж приелажтъ словз. Лука VIII, 13. Мар. 227₁₄; къ зигра са младыницъ съ радостями въ чръкѣ моемъ. Лука I, 39—49. Ассем. 190₃.

Однако значение предмета, пребывающего во время действия в сфере субъекта, не является типичным, главным значением творительного с предлогом съ. Творительный с предлогом съ в подобных конструкциях взаимодействует в свою очередь, с наречиями образа действия. Об этом говорят, например, такие случаи, когда творительный с предлогом находится в сочинительной связи с наречием:

...арѣ и съ страхомъ и съ въсѣмъ гонѣнимъ стоа въ пѣтти. Супр. 285₁₂.

Значение образа действия, главное и типичное для наречия, для творительного с предлогом съ является вторичным, возникающим лишь в определенном контексте. Значение творительного беспредложного в такого рода контекстах можно определить как значение образа действия.

Рассматриваемое значение передается в старославянском также сочетанием винительного падежа имени существительного с предлогом въ:

...ѣко грядетъ сѣдитъ земли. Сѣдити въселеніи въ правдѣ. I людемъ рѣснотожъ своеж. Син. пс., ХСV, 12, стр. 126³; ...въ истинѣ же глѣжъ камъ... Лука IV, 25. Мар. 208⁷.

Однако эта форма выражения значения известна только в применении к словам правда и истина и, по-видимому, не может быть распространена на все случаи данной категории. Весьма характерно чередование данной формы с однокоренными наречиями образа действия локативного происхождения правдѣ и истинѣ: это чередование указывает на то, что формы въ правдѣ, въ истинѣ имели значение образа действия.

Есть основания для семантического сближения творительного образа действия и локатива с предлогом въ. Например:

...ѣже ѣвѣша сѣ въ славѣ гласете исходъ его. Лука IX, 31. Мар. 236¹⁰; егде крѣпкы сооржы сѣ хранитъ свои дворъ. въ мирѣ сѣтъ имѣитъ его. Лука XI, 21. Мар. 24¹².

Но в этих последних конструкциях сильно ощущим локальный оттенок и их невозможно распространять на весь семантический тип со значением образа действия.

2. Форма творительного имени обозначает часть предмета, характеризующую через указание на ее признак

Лексика глаголов, выступающих в качестве опоры этих конструкций, по-видимому, может быть самой разнообразной.

Именем существительным в форме творительного падежа обычно обозначаются части человеческого тела.

Для выявления значения необходим контекст, совпадающий с трехчленной конструкцией, состоящей из двух атрибутивных синтаксических групп, или с четырехчленной конструкцией, состоящей из двух атрибутивных и одной объектной синтаксической группы. Конструкция имеет характерное для нее значение только в том случае, если имя существительное, выступающее в форме творительного, определено согласованным с ним именем прилагательным, числительным или причастием.

Количество примеров этого типа невелико. Все имеющиеся примеры мы приводим:

... и лики изъѣзе мрътвыи сѣвзанама рѣкама и ногама сукрон. Супр. 317⁵; ... рѣврѣвди же такѣки трѣдѣ творѣ зи лѣтъ дѣло сѣврѣша въдрѣж дшеж ношть и днь. Супр. 550¹⁹; ... стѣи же нисѣ рѣврѣлѣ о добрѣмъ исповѣданнѣ христосѣвѣ крѣткѣ во и ве зѣлсѣ вѣшѣ и рѣчиж престѣж. Супр. 46²⁷; ... сѣрѣте и отъ гровѣ чѣкѣ дхѣмъ нечистомъ. Марк V, 2. Зопр. 53; ... прѣстѣръ же рѣжж писни сѣвѣломъ лицѣмъ отъвѣштавъ рече. Супр. 126³; ... и прорѣкъ даудѣ прорѣча глаголаше, окаветаштаагѣ таи ближнагѣ своегѣ сего изгнахъ. грьдомъ сѣкомъ и несытомъ срьдцею. Супр. 305²⁷.

В пределах лексических ограничений, характерных для данного типа конструкций, форма творительного падежа взаимодействует с другими способами выражения рассматриваемого значения.

а) творительным с предлогом съ:

... добрѣа ти естъ съ единѣмъ окомъ въ животъ въити... Мат. XVIII, 9. Мар. 62⁸;

б) оборотом, включающим причастие от глагола имѣти и дополнение, выраженное именем существительным с определяющим его прилагательным:

... дсѣрѣѣ ти естъ маломошѣиѣ въ животѣ вънѣти, нежѣ ове рѣцѣ имѣшю ити в ѣснѣ. Марк IX, 43. Мар. 153₆.

Кроме того, можно отметить параллелизм с приименной формой творительного, несущей значение локализации.

Так, параллельно приглагольному творительному излѣзе... съва- занама н.гама, отмеченному в Супр., в евангельских кодексах находим творительный приименной: ... изиде оумеры. овананъ ногама. Ио. XI, 44. Мар. 364₁₃, Ассем. 103₂₂, Савв. 71.

3. Форма творительного указывает на промежуток времени, в один из моментов которого происходит действие

Для выявления значения достаточен контекст, совпадающий с двучленной (с непереходным глаголом) или трехчленной (с переходным глаголом и дополнением) конструкцией.

Форма творительного образуется от имени существительного с темпоральным значением. Она отмечена в конструкциях с глаголами, не имеющими семантических ограничений. Например:

Приде же і никодимъ пришъды къ ісви ношѣиѣ. Ио. XIX, 39. Зогр. 172, Мар. 369, Ассем. 173, Ср. Клоц. 96, Супр. 453₂₅; ... ношѣиѣ хъ въ вѣгълѣомъ раждаеть сѣ ношѣиѣ пакы въ сѣнѣ из мръ(т)вухъ пораждаетъ сѣ Клоц. 92; снѣ же вѣставъ поатъ отроча и матеръ его ношѣиѣ. Мат. II, 13—23. Ассем. 174₂₀, Мат. II. 143, Савв. 139; Бѣ день сльнице не ожезетъ тебе. Ни луна ношѣиѣ. Син. пс., СХХ, 6.168₁; носить стѣи стѣ ефрата рѣкы ношѣиѣ вѣдѣ. Супр. 551₂₃.

В качестве форм, синонимичных творительному в определенных выше контекстах, выступало несколько разных предложно-падежных образований.

а) винительный с предлогом **въ**:

Бѣ день замѣеть гѣ милость своѣ. І ношѣиѣ пѣснѣ его отъ мене. Син. пс., 55₉; Бѣ день сльнице не ожезетъ тебе. Ни луна ношѣиѣ. Син. пс., 168₁; Бѣ мой вѣзвѣж въ день і не оуслѣиши. и ношѣиѣ і не въ безумѣе мѣнѣ. Син. пс., 24₂₂;

б) винительный с предлогом **на**:

Вѣзвратятъ сѣ на вѣчеръ и вѣзлачжтъ ѣко пѣсѣ. Син. пс., 72₁₄;

в) винительный без предлога:

... і мимо ходаште ютро видѣша سموковниѣ оусъхъшѣ ис корениѣ. Марк XI, 20. Мар. 161₆;

г) местный падеж с предлогом **въ**:

... аште кто ходитъ въ дѣне не потъкнетъ сѣ. ѣко свѣтъ мира сего видитъ. аште ли кто ходитъ ношѣиѣ потъкнетъ сѣ. Ио. XI, 9—10. Мар. 361₁, Зогр. 157, Ассем. 107₂₈, Савв. 68/69; вѣдите оубо не вѣсте во когда гѣ домоу придетъ. вѣчеръ ли въ полѣуношти. ли въ кокто- глашеніе ли ютро. Марк XIII, 35. Мар. 171₁₄;

д) местный падеж без предлога:

Полоуношти вѣстахъ испѣдати сѣ тебѣ... Син. пс. 158₁₂.

4. Форма творительного указывает на промежуток времени, полностью охваченный действием

Носителем данного значения является трехчленная или четырехчленная конструкция с определением формы творительного имени при помощи количественного числительного, уточняющего длительность

времени выполнения действия. При отсутствии числительного последнее подразумевается.

Имя существительное в форме творительного имеет темпоральное значение. Глаголы разнообразны по семантике. Например:

... мало дождѣмъ. и доно авраама патриарха покрыетъ ны. кднож ноштижъ въсь вѣкъъ измѣнимъ. Супр. 91₈. рѣша же иудеи четырьми десаты и шестиж лѣтъъ създана въ цркы си. Ио. II, 20. Мар. 321₇, Зопр. 139, Ассем. 7₁₁;

Четырми десаты дньми постомъ. илиа га изискавъ га видѣлъ... Супр. 92₉; и аште седморицеж дньемъ съгрѣшитъ. Лука XVII, 4, Мар. 275.

5. Форма творительного указывает на совокупность действующих предметов

Сюда относятся такие случаи, где творительный обозначает вид совокупности действующих предметов, как одну из деталей обстановки, в которой происходит действие.

Имя существительное в конструкциях с этим значением может быть только собирательным по значению и употребляется в единственном числе. Так, слово *домъ* в примерах, сообщаемых ниже, употребляется в особом смысле „жители дома“. Глаголы, по-видимому, могут быть разнообразными по семантике.

При форме единственного числа имени существительного, выраженного творительным, глагол выступает в форме множественного числа, что составляет характерную грамматическую черту рассматриваемых конструкций.

В нашем распоряжении есть только три примера со значением совокупности:

Миромъ го помолимъ са. Син. евх. 306; ... *радоваша са въсьмъ домою вѣровавшѣ гви.* Супр. 537₁₃; ... *и веселѣхъ са въсьмъ домою.* Супр. 541₁₆¹².

Важной особенностью семантики этих конструкций с творительным совокупности является подразумеваемое совпадение между количеством единиц, составляющих субъект действия, и количеством единиц, составляющих собирательный предмет, выраженный формой творительного падежа. Так, пример *веселѣхъ са въсьмъ домою* мы квалифицируем как конструкцию со значением совокупности именно потому, что число веселившихся мыслится совпадающим с числом людей, находящихся в доме¹³.

Все три примера со значением совокупности представляют собой конструкции с непереходными глаголами. Однако мы допускаем, что в разговорном древнем славянском языке, который лег в основу письменного старославянского, могли существовать и конструкции с переходными глаголами, имевшие значение совокупности, т. е. конструкции

¹² Ср. пример из древнерусского языка, сообщаемый Л. П. Якубинским: ... *тоу бо бяху вышли суждальци пълкомъ.* Новг. I, под. 1180 г. (Л. Якубинский. История древнерусского языка, стр. 180).

¹³ Не так понял эту форму В. Вондрак. Он по-видимому счел, что некто веселился вместе с людьми, находящимися в доме (и что, следовательно, число веселившихся было больше, чем число людей, находившихся в доме) и заключил, что это пример творительного совместности. (См. В. Вондрак. Древнецерковнославянский синтаксис. Казань, 1915, стр. 19. См. также А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 376.)

типа: миром молить кого-либо, миром делать что-либо и т. п. Наше предположение базируется на данных других древних славянских языков. Ср. древнерусский пример: „А боронити игумена и всех старчев всим Великимъ Новымъгородомъ“. Гр. Нов. Пск. 153¹⁴.

6. Форма творительного указывает на внутреннюю причину состояния или действия

Значение создается контекстом в объеме двучленной (с непереходным глаголом) или трехчленной (с переходным глаголом и дополнением) конструкций. Определение, согласованное с творительным, не играет существенной роли и может отсутствовать.

Примеры этого типа довольно многочисленны; среди них заметно преобладают конструкции с непереходными глаголами состояния. Лексика имени ограничивается именами существительными с не вещественным значением. Например:

...и въсь миръ трасхштъ са страхомъ. Супр. 426₂₁; Изнеможе ништетоъ крѣпостъ мѡв. Син. пс., XXX, II, 36₁₇; ... азъ же гладомъ гылаж. Лука XV, 17. Мар. 269₅, Зопр. 115, Ассем. 95₂₁, Савв. 53; Вънемаѣте же сеѡвѣ еда когда отжажатъ срѣца ваша овѣданимъ и пѣвнствомъ і печалми житенскими. і наидетъ на вы вънезапоуднь ть... Лука XXI, 34. Мар. 296₇. Ср. Ассем. 97₉, Савв. 55; тоже они равностниж задъхнѣти са хотѣахъ. Супр. 398₂₈; и матеремъ срѣдъца болѣзний сьвнѣаахъ са. Супр. 397₂₀; личеса отъца плачемъ прѣмѣнила са вѣахъ. Супр. 397₁₉; страхомъ же клоня са ... сьпаде коумиръ съ мѣста своего. Супр. 33₁₄; ...ни оуклони са гнѣвомъ отъ раба твоего. Син. евх. 234₃. Прѣзъри безаконіѣ наша. цѣдротами твоими. Син. евх. 163₈; Не отъврати вѣко лица твоего гнѣвомъ отъ насъ. Син. евх. 266₁.

Во всех этих примерах творительный указывает на причину, заключенную в субъекте, которая вызывает у последнего то или иное состояние или направляет его действие на внешний объект.

В рамках контекстов с тождественными лексическими признаками творительный чаще всего семантически взаимодействует с формой родительного падежа + предлог отъ:

отъ страха же его сътраса са стрѣгшити. Мат. XXVIII, 4. Мар. 112₂, ...uchi моі изнеможете отъ ништеты. Син. пс., 116₁₃; Скъмѣте сьа отъ вѣрости око мѡв. Син. пс., 5^b₁₀, 36₁₂; ... шко отъ желаниа къ шолитни тѣчаахъ народи въси. Супр. 3₈.

Другие формы выражения этого значения более редки.

К ним относятся:

а) родительный с предлогом ради:

... вѣдѣаше бѡ вѣко зависти ради прѣдаша и архіереи. Марк XV, 10, Мар. 179₂₃;

б) винительный падеж с предлогом за:

егда же родитъ острѣча къ томуу не полънитъ скръби за радость. Ио. XVI, 21. Мар. 383₄;

в) дательный падеж с предлогом по:

... і оужасъ са въси. і сътазахъ са къ сеѡвѣ глѣшите. чьто оубо естъ се. чьто оучение новѡе се. вѣко по области дхмъ нечистымъ велитъ и послушаитъ его. Марк I, 27. Мар. 118₁₀;

¹⁴ См. сб. „Творительный падеж в славянских языках“ под ред. С. Б. Бернштейна. М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 196.

7. Форма творительного указывает на источник состояния или действия, заключенный в сфере предмета, постороннего по отношению к субъекту

Для выявления значения необходим контекст в объеме трехчленной (с непереходным глаголом) или четырехчленной (с переходным глаголом) конструкцией. Обязательным членом конструкции является грамматически выраженное определение имени существительного, в сфере которого заключен источник действия или состояния субъекта. Это определение может быть выражено притяжательным местоимением или прилагательным, или же родительным падежом принадлежности.

Ограничения в лексике глагола отсутствуют. Лексика имени ограничивается именами существительными отвлеченного значения. Среди них много отглагольных образований. Например:

... і мо́літвамі іхъ і заповѣдѣмі твоімі прісіці намъ помоць твоѣ. Киев. мисс., VI в₁₄, 52; ... да придетъ на ма стаѣ его благодѣт вашими матѣями. Макед. глаг. лист., I₃₁, 6; ... вьнезаапъ вѣсомъ многомъ сътекъшемъ са придоша тѣшитаникъ стаго мѣченика конона. Супр. 38₂₆; мнози же отъ сѣчець мѣшаштихъ стаа повелѣниимъ аурілианемъ... вѣрковаша къ богу. Супр. 6₈; ... обою цѣсароу съставиша рать на пеганы... и съдѣствомъ господа нашего. Іс хса и ово ихъ избиша. ово же прогнаша. Супр. 197₅; твоюж же волеж въздръжаниимъ іусифъ пакънымъ повѣди страсти. Супр. 232₂₀; ... завистиж диволож съмръть вьниде въ миръ... Супр. 389₇; ... изаѣзоша же звѣриѣ вьнѣ цръкѣве повелѣниимъ правьдника. Супр. 229₁₄; ... вѣсте во вьси авѣ. яко оважде-ниимъ господа си въ тьмницѣ вѣвръженъ вьстѣ. Супр. 367₇.

В качестве синонимичной мы отметили конструкцию с родительным, имеющим при себе предлог отъ:

И открьшиша сѣа основанѣ оуселеныа: ѡтѣ запрѣштенѣ твоего гї. ѡтѣ дѣхновенѣ дѣа гїѣва твоего. Син. пс., 18^b₂₀₋₂₁. Ср. также конструкцию, включающую винительный падеж с предлогом за:

... і дѣви са за невѣрство ихъ... Марк VI, 6. Мар. 135₁₀.

Однако более типичной формой, взаимодействующей с анализируемой, является дательный с предлогом по, выражающий идею соответствия. Например:

тъ же равъ вѣдѣвы волиж га своего і не оутготовавъ ли не сътвори по воли его вьенъ вѣдетъ мьного. Лука, XII, 47. Мар. 257₁₄; нынѣ отъпустиши раба твоего вадко. по глаоу твоемоу съ миромъ. Лука II, 49. Мар. 199₁₀; і въ советѣ оубо оумлѣчаша по заповѣди. Лука XXIII, 56. Мар. 307₂₃; ... і отвѣщавъ исъ рече имъ. по жестосръдию вашему написа вамъ заповѣдь сиѣ. Марк X, 5. Мар. 154₁₂; ... авне же по скръби дьни тѣхъ салънице мръкнетъ и луна не дастъ свѣта своего... Мат. XXIV, 29. Мар. 89₁₈.

III. КОНТЕКСТЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕСЯ ОГРАНИЧЕНИЯМИ В ЛЕКСИКЕ ГЛАГОЛА И ОТСУТСТВИЕМ ОГРАНИЧЕНИЙ В ЛЕКСИКЕ ИМЕНИ

1. Форма творительного указывает на предмет, присоединяемый к субъекту или объекту

Конструкции рассматриваемого типа двучленны или, гораздо чаще, трехчленны по объему. Форма творительного падежа сочетается здесь с глаголами, объединяемыми общим семантическим признаком актив-

ного действия, имеющего целью осложнить тот или иной предмет. Для выражения этого значения обычно используются глаголы с приставками по-, о-, оу-, въ-, съ-.

Примеров с непереходными глаголами только два (с одним и тем же глаголом):

... мѣсто оубо скатааго пештеры... порастъ быликъмъ многомъ и тръниимъ. Супр. 217¹⁷; ... се же бо и господъ нашъ пиша иеремии пророку въ тръниимъ порастъшимъ жидовьска мѣста. Супр. 357¹¹.

В рассматриваемых конструкциях встречаются следующие переходные глаголы: а) покрыти, остиити. Например:

Плештема своима остиитъ тѣа. І подѣ криаѣ его надѣши съа Син. пс., 120^b₂₈; ... блажъ іусифа и никодима... не криаѣма нъ плаштаницежъ бога покрывъша. Супр. 458⁷; ... власы же глажъ покрывъ еси. Син. евх. 16₃; ... и онъ ихъ зѣа стоаше. онъ же колѣнома лице покрываше. Супр. 466₁₂; Покрывъ са въ грѣбѣ каменемъ. Покрывъ еси вса грѣхы. Син. евх., 63₈; Пропинаѣи небо ѣбо и кожж. Покриваѣа водамі прѣвыспрѣнѣ его. Син. пс., 133₅; ... и всъ миръ трасжштъ са страхомъ. и слънце лютожъ покриваѣмо са жележъ. Супр. 426₂₂; ... неподобне и зандѣливе. и искрѣвене тѣмож. Супр. 71₂₅;

б) оваложити, сградити, остиати, оковати, обрѣменити, овалати. Например:

... мѣнози ваѣци оваложатъ въ одеждахъ овалчухъ. овалча оубо одежда имѣше. нъ не и зѣбы и ногъти. нъ кротъкожъ оваложени кожежъ. Хиланд. лист., 10; ... чабъ вѣ доможитъ. іже насади виноградъ. і оплотомъ і ограда. Мат. XXI, 33. Мар. 76₃₁, Зогр. 31, Ассем. 62₂₃; ... и въ тѣхъ никахъ кдина вѣаше остиа сланоуткомъ. Супр. 40₂₄; ... и нозѣ кмоу въ гладжъ вѣложити. железы же оковати и вѣсждоу. Супр. 104₂₉; Придѣте къ мнѣ рѣкъ вси обрѣменени тѣготож. Син. евх., 265₁; ... жидове же завистиж и рѣвньнѣмъ овалати. овогда каменемъ внаѣжъ га... Супр. 480₂₉;

в) оукрасити, вѣкоржжити, вѣнъчати. Например:

і единѣмъ глаштемъ о цркен. ѣбо каменемъ довромъ и съсжды оукрашена естъ. Лука XXI, 5. Мар. 293₆, Зогр. 126; блаженни кодратъ. врьстож и довротож и родомъ и богатъствомъ и кже вьсего истиньнѣк богочыстикомъ оукрашенъ. Супр. 98₁₅; Прѣити холюбче. вѣсѣблазна море житинское крстомъ вѣкоржжъ са... Син. евх., 260₂; Такожде и тръниимъ вѣнъчанъ вьстъ. Супр. 484₆;

г) съсказати, прѣпокасати:

дньсь нераздрѣшьнами жзани съсказатъ мжчитела. Супр. 449₂₈; і прѣпоѣши са твердѣниж постомъ и вѣдѣниемъ. Син. евх., 259₁₅.

д) полиити, помазати, посыпати:

... благословесенъ грады въ имя господьне. полиитъ масломъ и виномъ вѣпадъшааго въ развоиники и прѣзврѣна. Супр. 329₂₇; ... кровьжъ сего овалчате помазахъ прагы дѣтрѣи... Клоц., 67; ... и покрѣгъшемъ са на зѣми и прѣстѣжъ посыпавъшемъ главы своа. Супр. 108₂₄.

Формой творительного падежа в разбираемом типе конструкций может быть выражено имя существительное, обозначающее лицо женского пола.

е) глагол женити и производные от него:

... родителѣ кмоу съкѣштаста са женити і дѣвицежъ именемъ анна. Супр. 24₂₀;

... женан са подѣвѣгожъ прѣлюбы творитъ. Мат. XIX, 9. Мар. 66₁₆, Ассем. 59₁₅; Тъ бо иродъ посълаѣтъ ѣатъ Иоана. і съсказа и въ темъ-

ници. іродитѣды ради жены филипа брата своего. чѣко ожени сѧ еж. Марк. VI, 17. Мар. 136₁₂. А. А. Потехня, вслед за Миклошичем, считает, что ожениити значит, 'снабдить кого-либо женой'.

IV. КОНТЕКСТЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕСЯ ОГРАНИЧЕНИЯМИ КАК В ЛЕКСИКЕ ГЛАГОЛА, ТАК И В ЛЕКСИКЕ ИМЕНИ

1. Форма творительного указывает на внешний по отношению к субъекту источник восприятия

Выражение творительным падежом значения источника в сочетании с переходным глаголом действительного залога — явление исключительно редкое даже для старославянского языка. В славянских языках более позднего периода такие конструкции нам неизвестны.

Глаголы, входящие в конструкции, имеют значение восприятия или получения чего-либо. Имя существительное в форме творительного обозначает живое существо. В нашем распоряжении имеются два примера из Супрасльской рукописи:

...разгнѣвакъ же сѧ комисъ. ѡко дивнимъ животомъ слышитъ. поклѣ конюмъ своимъ да пребодѣтъ ѡ. Супр. 233₂₈ (т. е. слышит от дикого животного); ...и пригвожденъ бытъ на дрѣвѣ. славимыи херувимомъ и серафимомъ. и въсѣми силами аггельскими поклонникъ приемъ'а Супр. 482₁ (т. е. принимающий поклонение от всего ангельского воинства).

Обычно же значение источника передается в старославянском языке через родительный падеж с предлогом *отъ*^{14а}. Например:

Вънимаѣте отъ лъжнѣхъ прорекъ. іже прихѡдатъ къ вамъ въ одеждахъ овъчахъ. Мат. XII, 15. Мар. 19₃₀.

Реже для передачи этого значения употребляется родительный с предлогом *оу*:

...и прси тѣла исоусова. въниде чловѣкъ къ чловѣкоу. просѧ приати бога чловѣкомъ. пршаше брѣникъ оу брѣнии приати. Супр. 453₁.

2. Форма творительного обозначает пространство, на одном из участков которого совершается движение

Для выявления значения достаточна двучленная конструкция. Ее опорным пунктом является глагол движения (преодоления пространства). Форма творительного в наших примерах образована от имени существительного *пѣтъ*. Она может быть определена при помощи согласованных форм, а также при помощи распространенного определения, но присутствие определений не является обязательным и не влияет на семантику конструкции. Например:

...не възвратиша сѧ къ иродоу нъ ииѣмъ пѣтемъ отидѣ въ странѣ своѣ... Мат. II, 1—2, Ассем. 174₉; Мат. II, 142. Савв. 138; тѣми во пѣтми бестоуда вънидешѣ къ пороодоу. Син. евх., 205₈; ...не паслоуша братъ. нъ отиде пѣтемъ иже къ манастирь идѣаше... Супр. 291₁; **Бъ оно**⁶ идѣшо ісѣи пѣтми. рече единъ къ немоу. Лука IX, 56. Савв. 40; В лексических условиях, характеризующихся указанными выше ограничениями, форма творительного взаимодействует с дательным падежом, соединенным с предлогом *по*:

^{14а} А. Б. Правдин. Аблативные значения родительного падежа в старославянском языке. — КСИС, 1958, вып. 25, стр. 38.

...ли по земни. ли по морю. ли по влатомъ. ли по рѣкамъ. ли нгѣмь образомъ кымъ пжтъ творцѣемъ. Син. евх., 42₂.

Ср. употребление дательного с предлогом по в конструкциях с именами существительными, обозначающими пространство, по которому пролегает путь движения:

...і видѣвъше і оученици ходаштъ по морю съмаша сѧ. Мат. XIV, 26. Мар. 50₁₁; ...повели ми прити къ тебѣ по водамъ. Мат. XIV, 28. Мар. 50₁₆.

3. Форма творительного указывает на ограниченный промежуток пространства, сквозь который проникает субъект действия

По объему конструкции двучленные и трехчленные (в последних присутствует объектная синтаксическая группа).

Глаголы имеют значение проникновения или передвижения, а также косвенно передают мысль об этих действиях. Действие, обозначенное ими, имеет в ряде случаев специфический оттенок, уточняющий положение проникающего предмета в пространстве по отношению к другому предмету. Этот оттенок сообщается глагольными приставками въ и изъ. Имя существительное обозначает предметы со сквозным отверстием: врата, дѣръя, оуста и т. д.

Например: въидѣте жъзъкими враты. Мат. VII, 13. Мар. 19₂₆, Зогр. 7, Ассем. 158₃₀; въсѣко еже къходитъ къ оуста въ чрѣво къмѣцлатъ сѧ і афедрономъ исходитъ. Мат. XV, 17. Мар. 52₂₀; ...пророка же пакы зинж адъ оусты своими. Супр. 487₂₁; Источен водъ ѣзвонъ издревръ своихъ. Син. евх., 68₁₄. В двух примерах встречаются глаголы прѣклонити, смотрѣти, которые в своем обычном употреблении относятся к другим семантическим группам. Здесь, однако, они употребляются в особом значении: ими обозначается действие проникновения предмета через ограниченное пространство. Приводим эти примеры:

И прѣклонитъ сѧ дѣръцами и видѣвъ ж одръжимъ. Супр. 516₇; къзѣзоша на храмниж тѣмничъниж и дѣръцами съмоштраахъ долоу. Супр. 184₈.

В последних примерах имя существительное в творительном падеже обозначает отверстие, сквозь которое наклоняется голова (в первом примере) или проникает взгляд (во втором). Действия, о которых идет речь, осмысливаются здесь как проникновение предмета (головы, взгляда) сквозь ограниченное пространство (дверь).

Значение проникновения сквозь ограниченное пространство в старославянском передается также винительным падежом с предлогом сквозь. Например: онъ же рече къ нимъ. подвижите сѧ вънити сквозь тѣсна [ѣ]а врата. Лука XIII, 24. Мар. 261₁₄; ...не къходитъ емоу къ сръдце нъ къ чрѣво и сквозь афедронъ исходитъ. Марк. VII, 19. Мар. 142₁₀.

4. Форма творительного указывает [на временный облик субъекта в момент действия]

В этих конструкциях обозначаются действия предметов, принявших в момент действия особый временный облик. При этом из контекста бывает видно, что постоянный облик субъекта совсем иной. Конструкции двучленные и трехчленные. Глаголы, входящие в конструкции, обозначают движение или обнаружение, появление какого-либо предмета. Семантика имен существительных довольно разнообразна, но при этом

преобладают имена существительные, обозначающие живые существа. Все предметы, выраженные формой творительного, конкретны по своей природе:

Прѣлажквыи во и нечистиы врагъ бжиемъ рабомъ. видѣвъ исцѣлен-
жж отроковниж тоу еднж оставъшж. и авыи вьставъ на правьднааго.
важдныимъ емоу нападе вѣсомъ. Супр. 521₆; Или животномъ видѣ-
ниемъ авлѣа сѧ. Или зминомъ. или звѣриноомъ лицемъ. ... Или при-
видѣниемъ сѧ авлѣа. вѣо се мужескъ полъ. или женескъ. Или гадомъ.
Или птицеж. Син. евх., 132₆₋₁₄.

В некоторых примерах зримый образ действующего предмета харак-
теризует одновременно и самое действие. В примере *кръвь течаше*
рѣбам и съ пактиж. отъ блаженааго мжченика. Супр. 103₂₇, присутствует
момент количественной характеристики действия: кровь текла обильно,
в большом количестве.

Значение временного облика субъекта может быть выражено в ста-
рославянском при помощи оборота с союзом *яко*. Например: ... и *ѣви-*
ша сѧ прѣдъ ними вѣо блади глаи ихъ. и не имѣахъ имъ вѣры. Лука,
XXIV, 11. Мар. 308₂₂ (т. е. явились их слова в виде лжи, показались
ложью).

Оборот с союзом *яко* выступает в этом случае не как сравнитель-
ный, а как оборот, обозначающий приложение. Это приложение в ос-
новном поясняет существительное, но в то же время тяготеет к сказуе-
мому, выражая значение 'в качестве'¹⁵.

Кроме того, есть один пример, в котором приложение, семантически
соотносящееся с творительным временного облика субъекта, выражено
именительным падежом:

Бѣ же чавкъ отъ фарисѣи. никодимъ има емоу. къназъ иудейскъ.
съ приде къ немуо ноштиж и рече емоу раввини. Вѣмъ вѣо отъ ба
пришелъ еси оучитель. Ио. III, 2. Мар. 321₂₂.

5. Форма творительного указывает на временный облик объекта

Объект переходного действия в момент действия может также вы-
ступать в особом временном облики, сообщаемом объекту действующим
лицом. Например:

Разврѣже море і проведе ѿ. Пристави воды вѣо въ мѣсѣ. І въ-
веде ѿ облакомъ къ днѣ. Син. пс., 100₄; дажниж вѣде нѣкто комоу
сѣребромъ. и не иматъ чимъ жласти. Супр. 494₃ (чем отдать долг);
приде. жаде сѣмртниж за дрѣжимааго. да оного отъпуститъ отъ
сѣмртныхъ жъзъ. Супр. 494₉. Вѣспоите емоу пѣснь новж доврѣ по
ите емоу вѣскаіцѣннемъ. Син. пс. 39₁₂;

Всѣ гла исъ притѣчани къ народомъ... Мат. XIII, 34. Мар. 45₁₉,
Зогр. 19.

Можно полагать, что данное значение выражалось в старославян-
ском также оборотом с союзом *яко*. Правда, мы не располагаем приме-
рами, в которых лексика совпадает с лексикой приведенных выше
конструкций с творительным, но в пользу нашего мнения как будто бы
свидетельствуют такие близкие конструкции:

¹⁵ Ср. приложения с союзом *как* в современном русском языке. См. В а н Ю й - ф у.
Разграничение конструкций со сравнительным союзом *как*. — „Русский язык в школе“,
1958, № 1, стр. 86, 89.

... и видѣ̄ (доу хъ) б̄жи с̄ходѣ̄шѣ̄ яко и голѣ̄бѣ̄ и градѣ̄шѣ̄ на нѣ̄ ...
Мат. III, 16. Мар. 7₂₁.

Для старославянского языка характерна семантическая соотносительность творительного временного облика объекта с формой локатива, снабженной предлогом **вѣ̄**:

... і отъвѣ̄штавѣ̄ ис̄ рече̄ имѣ̄ вѣ̄ притѣ̄чахъ̄ гла̄ Мат. XXII, Мар. 78₁₁.

Однако локатив с предлогом **вѣ̄** имеет ограниченное употребление. Он не встречается в таких случаях, когда и объект и его временный облик имеют конкретное значение. Формой локатива с предлогом **вѣ̄**, образованной от имен существительных конкретного значения, выражается значение места, в одном из пунктов которого происходит действие.

6. Форма творительного указывает на средство передвижения

Конструкции с этим значением двучленны. Глаголы обозначают перемещение в пространстве, имена существительные — средства передвижения. Например:

... і идѣ̄ вѣ̄ поусто мѣ̄сто кораблѣ̄мъ̄ є̄дини. Марк VI, 32. Мар. 137₂₉.
Зогр. 57.

Значение средства передвижения чаще выражается в старославянском при помощи формы локатива с предлогом **вѣ̄** ... і слышавѣ̄ ис̄ отидѣ̄ отътоудѣ̄ вѣ̄ корабли. Мат. XIV, 13. Мар. 49₆.

7. Форма творительного указывает на предмет, находящийся в сфере субъекта и косвенно способствующий выполнению действия

Конструкции образуются глаголами, обозначающими процесс еды или питья. В творительном падеже — название сосуда или имя существительное ржка. Например:

і видѣ̄вѣ̄ше̄ є̄дини отъ̄ оученикѣ̄ нечистама ржкама си рѣ̄чь не оумьвенама ѣ̄дѣ̄шта хлѣ̄бы зазрѣ̄вахъ̄. Марк VII, 2. Мар. 140₁₄, Зогр. 58;
... іже̄ во аште̄ напоитѣ̄ вы чашѣ̄ воды... Марк. IX, 41. Мар. 152₂₄.

Впрочем, в последнем примере форма **чашѣ̄** толкуется А. Вайаном как винительный падеж, употребленный под влиянием греческого оригинала (См. „Руководство по старославянскому языку“. М. 1952, стр. 205).

Перед нами — мнимое орудие. Предметы, обозначенные творительным падежом, здесь не выполняют того же действия, что и субъект. Это предметы, косвенно способствующие выполнению действия. М. Ивич определяет, на наш взгляд удачно, данное значение творительного как значение предмета, делающего возможным выполнение действия¹⁶.

Для старославянского языка обычны замены творительного мнимого орудия через родительный падеж с предлогом **отъ̄**:

... і примѣ̄ чашѣ̄ и хвалѣ̄ вѣ̄здавѣ̄. дасть̄ имѣ̄ гла̄. пиите̄ отъ̄ нѣ̄а вѣ̄си. Мат. XXVI, 27. Мар. 99₁₉; ср. Марк XIV, 23. Мар. 174₅.

¹⁶ См. М. Ивич. Значења српскохрватског инструментала и њихов развој. Београд, 1954, стр. 9, 17.

8. Форма творительного имеет значение цены

Творительным падежом могут быть обозначены названия предметов, которые выполняют роль денег или других единиц обмена в акте купли и продажи. Предмет, название которого выражено формой творительного, в ходе действия изменяет свою принадлежность. „Значение глагола *купить* несет в себе с одной стороны представление об акте присвоения, приобретения, а с другой — об акте отдавания того, с помощью чего совершается акт приобретения“¹⁷. Бругман объединяет конструкции этого типа с теми, в которых субъект и предмет, выраженный творительным, не равноправны в их участии в действии¹⁸ (имеются в виду случаи: *видѣтиа... нечистама рѣкама... ѣдѣшта хлѣбы*).

Однако факт изменения принадлежности предмета, обозначенного творительным, все же отличает рассматриваемые здесь конструкции от конструкций типа *есть руками*. Примеры:

...а кже къ богу богатѣство скоро кѣтъ и благодарѣственно оудобѣ обрѣтаемо не злата ни сьребра. нъ хоудож мѣдиж небесѣскоу цѣсарѣство приобрѣсти. Супр. 160₁₀; ..коупимъ дѣкѣма сътома пѣназъ хлѣбы... Марк. VI, 37. Мар. 138₁₇... і крѣвиж твоуж искоупилъ ны еси... Син. евх., 91₁₈;... не патъ лі птиць вѣнитъ сѧ пѣназема дѣкѣма. Лука XII, 2—12, Ассем. 161₁₉.

Хотя в исследованных текстах не нашлось смежных конструкций со значением цены при глаголах *приобрѣсти*, *притажати* и *коупити*, можно полагать, что это значение выражалось в старославянском также при помощи винительного с предлогом *за* и локатива с предлогом *на*.

В этом убеждают следующие примеры:

а) і во снѣ члѣвѣскы не приде да послоу(ж)тѣ емоу. нъ послоужитѣ. и дати дѣш свож изъавление за мѣногы. Марк X, 45. Мар. 158₁₀; і рече еи за слово се иди. Изиде вѣсъ изъ дѣштере твоужа. Марк VII, 29. Мар. 143₁₀; *Сльшасте ѣко речено быс. око за око и зѣбъ за зѣбъ*. Мат. V, 38. Мар. 13₁₄; б) ... не продана бысть на трѣхъ сѣтѣхъ пѣназъ. Ио. XII, 5. Мар., Зогр., Ассем., Савв. 73; ... прѣдалъ еси на фхъ сѣребреницѣхъ. Клоц. 386. *чесо ради игро се не продано бытъ на т пѣназъ*. Ио. XII, 5, Мар. 366₁₄; *что бо дастъ члѣкъ измѣнж на дѣши своен*. Марк VIII, 37. Мар. 147₂₄. Марк VII, Савв. 64₉ (в Зогр.:... за дѣш свож).

Из последнего примера ясно, что конструкции с предлогами *на* и *за* по значению были близкими.

9. Форма творительного указывает на материал или вещество, из которых создается объект действия¹⁹

Действие выражается только переходными глаголами, что естественно вытекает из их лексической семантики, поэтому наиболее типичной по объему является трехчленная конструкция, имеющая в своем составе объектную синтаксическую группу.

¹⁷ См. М. Ивиѣ. Указ. соч., стр. 23.

¹⁸ См. К. Brugmann. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Bd. II, 2. Strassburg, 1911, стр. 532.

¹⁹ А. А. Потебня определяет значение подобных конструкций таким образом: „... в творительном ставится название вещества, из которого сделано что-либо, причём творительный обозначает средство возведения, создание и проч.: *црѣкъвъ каменне мѣ възградити; дѣсками съставивъ корабль*...“ („Из записок по русской грамматике“, т. I—II, стр. 459).

Рассматриваемая разновидность конструкций характеризуется в старославянском страдательной формой глагола, от которого зависит форма творительного. Правда, примеры конструкций данного типа в старославянском вообще немногочисленны, и подбор страдательных форм глаголов в них поэтому может казаться случайным совпадением. Но материалы других древних славянских языков (в современных языках конструкции данного типа отсутствуют) подтверждают, что эта формальная особенность была в данном типе конструкцией обязательной. Например:

... тон пакы глинѣнымъ брѣнемъ грѣньчаремъ сътворене быти. Супр. 396₂₀; ... и даст ти акы снѣгъ одеждѣ водою и доухомъ истыканѣ, (т. е. сотканную из воды и воздуха) Супр. 348₈; ... се на колесници златомъ покканѣ сѣждѣ. Супр. 368₁₃.

В качестве смежных конструкций со значением материала в старославянском языке известны локатив с предлогом **въ** и чаще родительный с предлогом **отъ**. Обе смежные конструкции могут употребляться и в страдательных, и в действительных оборотах. Ср.: ... и въложи и въ гробъ иже въ истѣченъ въ камене. Марк. XV, 46. Зогр. 77.

Как указывает В. Н. Топоров, локатив с предлогом **въ** имеет здесь не местное значение, а значение материала, из которого создается объект, что подтверждается греческим текстом²⁰.

... богы лъжеименѣнымъ поставѣла кже сжтъ дѣла ржкоу чловѣчскоу. отъ камени и отъ дрѣва творени. Супр. 49₂₇; ... и въложи въ гробъ. Иже въ истѣченъ отъ камене. Марк. 15, 46. Мар. 183₄². (Во Врачанском ев. ис камени, стр. 159).

Обе эти конструкции известны с действительной формой глагола: положи є въ новѣмъ своемъ гробѣ иже истѣче въ камени. Мат. XXVII, 60; ... глаъ бо намъ яко можетъ бѣ ѿ камня сего въздвижити чада авраамови. Мат. III, 9. Мар. 6₂₅; і сплетѣше вѣнецъ отъ трѣниѣ. възложиша на главѣ егѣ. Мат. XXVII, 29. Мар. 107₁₉; ... сътвори вичъ отъ врѣни. Ио. II, 15. Мар. 320₁₉; ... си рекъ плинѣ на землѣ и сътвори ерение отъ плиновениѣ Ио. IX, 6. Мар. 353₁₀.

Кроме того, в Клоцовом сборнике встретился случай использования предлога **изъ** для обозначения материала: **Врѣтъльъ** іс камене ідеже **хъ** пораждаетъ сл. 92. В одном случае, в Супрасльской рукописи, отмечен в значении материала родительный падеж без предлога: сътворивъ съжеженаго мѣла из негоже самъ без врѣда съхраненъ вы кжпель. Супр. 541₁₂.

10. Форма творительного обозначает часть субъекта, в которой локализуется состояние

В этом типе конструкций форма творительного падежа находится в зависимости от непереходных глаголов, обозначающих состояние субъекта или изменение состояния, а также пребывание субъекта в том или ином месте. Среди глаголов много возвратных, имеющих или средневозвратное значение, т. е. обозначающих внешние изменения в состоянии субъекта, или общевозвратное значение, т. е. обозначающих изменения во внутреннем состоянии (в сфере чувств, внутренних пере-

²⁰ См. В. Н. Топоров. Локатив в славянских языках. Кандидатская диссертация. М., 1955, стр. 391.

живаний). Для выражения значения достаточна двучленная конструкция.

Значение конструкции таково: состояние, испытываемое субъектом, распространяется не целиком на него, а локализуется в определенном его участке. При этом во всех наших примерах субъектом является человеческое существо, а формой творительного обозначены его части тела или дух, совесть, разум и т. п. Например:

... ослыне оумомъ и съпаса своего прѣда. Супр. 413₉; ... отъ мнѣбѣ же съвѣстиж изидохъ къ неи. Супр. 525₂₅; ... Поштъж сръдцемъ глаумѣхъ сѧ. і кѣцаше дхъ мой. Син. пс. LXXVI, 7, 97^b₁₅; ... пльтиж отъкжчихъ са отъ тебе. нъ доухомъ съ тобож жсмъ. Супр. 295₁₇.

В последнем примере, противопоставляющем состояние тела и духа субъекта, ограничительный и выделительный оттенок значения локализации кажется выраженным наиболее ярко.

Большое количество форм творительного рассматриваемого значения образовано от названий заболевшей части тела, причем форма творительного входит в сочетания с глаголами болезни, страдания. Например:

... юноша нѣкъи отъ вѣса насилень овѣма ногама раслабѣ. Супр. 518₁₉; Мол над главож болащемъ. Син. евх., 65 (заглавие); ... строитель въсеи твари... покою брѣменънымъ. врачуу болаштимъ доушами. Супр. 144₈; ... сего ради сътрпѣ пострадади пльтъж. Супр. 480₁₄. ... и мимонды снѧ лакомыи и прѣовидѣвъ страху твоего. несытомъ сръдцемъ тръза много. Супр. 41₂₈.

В числе наших примеров есть конструкции с экзистенциальными глаголами:

... како быти такомуу тѣлесемъ на томъ мѣстѣ, а мыслиж на оноумъ. Супр. 343₁₁; ... да аште очима тоу не вѣ. еда и оушима не слыша. Супр. 475₆₋₇.

Отношение, выражаемое творительным локализации состояния, может быть передано в другом истолковании. Часть субъекта, в которой концентрируется состояние, часто изображается как самостоятельный субъект, при этом его отношение — как части к целому — передается при помощи родительного или дательного падежей. Например:

отлъстѣ во срдце людеи снхъ... Мат. XIII, 15. Мар. 43₁₄ (вместо 'отолстели сердцами'); ... і лькѣ прозърѣсте има очи... Мат. XX, 34. Мар. 73₉ (вместо 'прозрели очами').

Последний способ передачи значения локализации состояния субъекта возобладал в славянских языках, что, естественно, привело к сужению сферы употребления творительного в рассматриваемом значении. Творительный локализации постепенно переходит в сферу народно-разговорной речи.

11. Форма творительного указывает на часть объекта, в которой локализуется результат действия

Этот тип отмечен в старославянских конструкциями со страдательными причастиями от переходных глаголов активного действия.

Есть основание полагать, что в древних славянских языках творительный со значением локализации в объекте употреблялся также в конструкциях с личными формами глаголов²¹.

²¹ Ср. примеры из древнерусского языка, сообщенные А. А. Потебней: „Никита епископъ жену простилъ очною болѣзнію“. Нов. II, 156; „въ Вознесеньевъ день

Примеры из старославянского:

...и оумрыштенъ выедатъ богъ пльтиж. Супр. 456₆; ...изиде оумеры обязанъ ногама и ржкама оукроемъ и лице его оуброукомъ обязано. Ио. XI, 44. Мар. 364₁₃, Ассем. 109₂₂, Савв. 71; ...и веденъ бытъ съвзанъ ржкама къ преторъ пилатогъ. Супр. 431₁₈.

Страдательные причастия в этих примерах представляют результатом деятельности не названной силы, находящейся вне субъекта и направленной на субъект. Это дает право квалифицировать страдательные причастия данного типа как формы, соотносительные с переходными глаголами²².

В числе средств, передающих значение локализации переходного действия, в старославянском употреблялись еще следующие предложные конструкции: дательный с предлогом *по*, винительный с предлогами *за* и *къ*:

...и закрыкъше и виѣахъ по лицу. Лука XXII, 64. Мар. 302₄; ...і своа овъца глашатъ по имени. і изгонитъ ѿ. Ио. X, 3. Мар. 357₇; ...і емъ ѿ за ржж. възгласи. Лука VIII, 54. Мар. 233₂; вишшткмоу та въ ланитж. подан другоуж. Лука VI, 29. Мар. 217₂₅; ...тъгда коснж ѣ въ очи. Мат. IX, 29. Мар. 28₁₀.

Каждое из этих падежно-предложных образований связано с определенными группами глаголов (например, *за руку взять*, *схватить* и т. д.) и не распространяется на всю семантическую категорию²³.

Часть предмета, на которую направлено переходное действие, иногда представляется не как часть объекта, а как самостоятельный объект: в таком случае он обозначается формой винительного падежа. Например:

...тъгда рече цркъ слоугамъ съвзавъше емоу ржѣ и нозѣ... Мат. XXII, 13. Мар. 79₁₅; ...і помаза очи мон. Ио. IX, 11. Мар. 353₂₃.

Подобные конструкции с переходным глаголом и прямым объектом и вытеснили в дальнейшем описываемую здесь обстоятельную конструкцию с творительным падежом.

12. Форма творительного указывает на предмет, насыщающий или наполняющий объект

Конструкции с творительным этого значения трехчленны по объему. Глаголы переходны, они имеют лексическую семантику насыщения или наполнения. Имена существительные, принимающие форму творительного падежа, чаще всего имеют значение вещества. Например:

у тѣлесѣ Никиты епископа простилъ богъ женушку очима. Там же, 158; *и взяша имѣнья множество и церкви обнажиша иконами и ризами*. Пск. I, 209. (Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 477, 478). Ср. также пример из литературного русского языка более позднего периода: *„Вот беда крестьянину семейному с малыи детьми, когда бои его скотинкой обидит“* (С. Т. Аксаков. Семейная хроника. Собр. соч., т. I, М., 1955, стр. 441).

²² В других примерах со страдательными причастиями такая соотносительность не ощущается вполне четко. Страдательные причастия выступают как формы, обозначающие состояние субъекта, не сообщенное ему извне. Например: *і придж къ нмоу носаште ослабденъ жедами носимъ четьрми*. Марк II, 3. Мар. 120₉, Зогр. 49, Ассем. 102₁₁, Савв. 62. *благоѣститъ ништиннѣ послѣа мѣ. исцѣлитъ сѣкроушннѣа срдцѣмъ*. Лука IV, 18, Мар. 207₁₃, Ассем. 143₂₆, Савв. 117.

В этих конструкциях причастие выступает по существу в качестве имени прилагательного, что служит основанием для отнесения их к числу приименных конструкций.

²³ Ср. в русском народно-разговорном языке: *связать по рукам и по ногам* (а также *спутать, опутать*).

... много сътъ пили въсладивѣше си виномъ. Супр. 267₁₄; Обпнѣтъ сѣ отъ обиліѣ домоу твоего. І потокомъ пишта твоеа напоши ѿ... Син. пс. 45₂^b; Да ѿждѣтъ ѣко трѣва на зъданихъ. Ёже прѣжде воздрѣваниѣ испъше. Ёже не испъни ржки своеа жыниа. Син. пс. СХХVIII, 7, 172₇.

В конструкциях со значением насыщения и наполнения формой творительного иногда также может быть выражено название отвлеченного понятия. Например:

... а они вина не въкоуснѣше закисниж оупнѣше са зыбаахъ. Супр. 398₂₆. испъни са дхмь стымъ влсаветъ. Лука I, 41. Мар. 193₁₁, Зогр. 82, Ассем. 189₃₀, Савв. 118.

Творительный падеж предмета, насыщающего или наполняющего объект, нередко заменяется родительным падежом без предлога или с предлогом отъ.

а) родительный беспредложный:

... Напоіаъ ны есі вина оумиленьѣ... Син. пс. LIX, 5, 73₆^b; ... Пиштамъ его насыштж хлѣба... Син. пс. СХХXI, 15, 173₁₅^b; ... испъни са золь дша моѣ... Син. пс. ХХХVII, 4, 115₂₁^b; ... испъненъ кмь бесмрътънаго брашна... Супр. 19₁₃;

б) родительный с предлогом отъ:

потокѣмъ пишта твоеа напоши ѿ... Син. пс. ХХХV, 9, 45₂^b; ... і жлааше насытити чрѣво свое отъ рожець ѿже ѣдѣахъ свинниа... Лука XV, 16, Мар. 269, Ассем. 95₁₈; ... храмниа же испъни са отъ вѣна хризъмъныа... Ио. XII, 3, Мар. 366₁₁; Ср. Ассем. 110₄ (мурнѣж); Ср. Савв. 73 (Муръныа...).

13. Форма творительного указывает на предмет, которым одевают объект

Конструкции с творительным этого значения трехчленны по объему. Они включают переходные глаголы, обозначающие одевание объекта каким-либо предметом. Например:

Приидете же тѣло иско. і обнесте е ризами съ ароматы. Ио. XIX, 40. Мар. 396₁₇, Зогр. 172; пеленамі і съде повѣтетъ са. Клоц. 92; Ёгоже съвѣлкѣше вдѣша хламидож чрѣвленож. Син. евх. 120₂; ... і лице его оувроусомъ облязо. Ио. XI, 44. Мар. 364₁₄, Зогр. 158, Савв. 71;

При глаголах, обозначающих одевание, на месте творительного падежа неодушевленного предмета часто находим винительный падеж с предлогом въ:

... обиты и въ плаштаницѣ. Марк XV, 46. Мар. 183₃; ... і въ ризѣ не облачаше са і въ храмѣ не живѣаше. Лук. VIII, 27. Мар. 229₂₂; нѣ обоуены въ сандалиа. і не облачити са въ дѣвѣ ризѣ. Марк. VI, 9. Мар. 135₁₉₋₂₁.

14. Форма творительного указывает на средство-живое существо (не лицо)

Формой творительного в старославянском может быть обозначено название животного или птицы, которые, подчиняясь субъекту-лицу, выполняют действие, направленное на объект. Конструкции трехчленны, они включают переходный глагол активного действия и дополнение. Например:

... овьца траваштинма вълькомь. овьцѣж лачжтъ ловьци. Супр. 328₂₃;
... съспасъшни жестосръдыма въса азыкы отъ потопа нечъстїю голж-
вельмъ стаго доуха. Супр. 460₁₈; Гі бже вседръжителю. . . при приведьньмь
нои пришестїе стаго твоего дха. Възвѣрь емоу голжвельмъ. Син. евх., 35₉.

15. Форма творительного указывает на средство-лицо

Творительным падежом в старославянском языке может быть обозначено название лица, которое, подчиняясь воле субъекта, воздействует на объект действия. Для выражения этого значения необходима трехчленная конструкция с переходным глаголом действительного залога.

Лицо, обозначенное формой творительного, в состоянии действовать самостоятельно, но в данной ситуации оно выступает как принадлежность субъекта, находящаяся в его распоряжении (при этом пространственный контакт с субъектом вовсе не обязателен).

Способность лиц к самостоятельному действию вносит в значение средства особый оттенок. В момент действия они выступают как истинные деятели, лишь направленные волей субъекта.

Рассматриваемый тип конструкций характерен для древних славянских языков²⁴.

Некоторые примеры, отмеченные в старославянском языке:

... і дажди емоу всѣ повелѣнїе твоѣ цѣлоскънаа. ѣже просвразилъ
еси на земли. хъмь твоимь бгомь нашимь. Син. евх. 98₈; ты еси бъ
нашъ. свобожден отъ работы фаравоша моуѣмь родъ некрѣнскъ.
Син. евх., 11₅; Благословькнѣ кси господи боже. иже работъ твоимъ
даниломъ съкрѣгы змиа. Супр. 229₉; Пристѣпи і слыши. чѣто тебѣ
глетъ пркомъ гъ. Син. евх. 251₁₆; Гемоу же ставшоу тълкомъ рече
мжченикоу. покори ми са чловѣче. Супр. 60₂₄; ... шъдъше же чардѣти
и приближити са хоташте къ дверемъ прити к нимъ звѣремъ. чар-
родѣти своими призываѣште а. Супр. 184₁₉; ... научи ны съсждомъ
извѣранымъ твоимъ павълкомъ апломъ. Син. евх. 45₆₋₇. ... также и
бъ сусъпъшнїхъ. ісомъ приведетъ съ собоуж. Супр. 488₁₆.

Поскольку существует возможность произвести действие при помощи другого лица, те случаи, когда субъект действует собственными силами, т. е. является истинным деятелем, могут быть специально подчеркнуты формой творительного падежа местоимения: *собоуж*. Такие примеры встречаются в Супрасльской рукописи:

... и яко собоуж неситъ стыи отъ ѣфрата рѣкы ноштиж водж. Супр. 551₂₂;
... стави же собоуж чоудо то. Супр. 550₄; ... благословесенъ градъи
къ има господнѣ. съпастъ насъ собоуж якоже рече пророкъ. Супр. 329₃₀.

Форма творительного падежа *собом* с наречным значением 'лично' известна древнесербскому и современному сербохорватскому языку²⁵. По очень тонкому замечанию М. Ивич, существование таких форм подтверждает мысль о том, что функция субъекта не всегда могла

²⁴ См. А. А. Потебня. Указ. соч. т. I—II, стр. 459, 460. J. Loś. Funkcje narzędnika w języku polskim. — Rozprawy Akad. umiejętności, 1905, s. II, t. XXV, стр. 113. М. Ивич. Указ. соч., стр. 43. В современных славянских языках очень редко встречаются только отдельные случаи конструкций рассматриваемого типа. Например: „Ну, займку большую имел, землю *работниками* пахал, троих держал, опять к тому же своя пасека, медом торговали“ (Ф. М. Достоевский. Записки из мертвого дома. Повести и рассказы, т. II, М., 1956, стр. 341).

²⁵ См. М. Ивич. Указ. соч., стр. 48, 49.

сочетаться с функцией истинного деятеля. Для того, чтобы представить эти функции сочетающимися, в конструкцию вводится форма выражения истинного деятеля — творительный падеж местоимения²⁶.

Старославянский язык не располагал смежными падежно-предложными образованиями для выражения значения средства — лица.

Сравнительно неширокое распространение форм с этим значением можно объяснить тем, что подчиненное лицо, действующее по чужой воле, могло быть изображено как субъект действия, с дополнительным указанием на зависимость этого субъекта от другого лица.

16. Форма творительного обозначает орудие

Этот тип конструкций является несравненно более многочисленным, чем любой предыдущий: примеры его исчисляются сотнями. Конструкции преимущественно трехчленные по объему (с объектной синтаксической группой), однако есть и двучленные. Творительный здесь зависит от глаголов, обозначающих активное действие. Так как глаголы с этим значением в основном переходные или собственно-возвратные, в большинстве конструкций или мыслится, или присутствует объект в форме винительного падежа. Однако есть примеры, где деятельность предмета, находящегося в контакте с субъектом, не направлена на другой предмет, а замыкается в сфере самого субъекта. Таких примеров очень немного, так как непереходные глаголы активного действия немногочисленны.

Формой творительного падежа имени существительного обозначен неодушевленный предмет: часть тела человека, специализированное орудие для выполнения работы, любой неодушевленный предмет, способный выполнять роль орудия.

Специфика рассматриваемого значения заключается в том, что предмет, выраженный формой творительного, мыслится в тесном пространственном контакте с субъектом или является частью субъекта.

- а. Конструкции со значением предмета, действующего в контексте с субъектом и по его воле без направленности на объект.

В описываемой группе конструкций мы наблюдаем лексические элементы, каждый из которых фразеологически подразумевает другой: *кивать головой, мигать глазами, плескать руками* и т. д. Каждое из этих действий осуществляется при помощи только одной, определенной части тела. Строго говоря, указание на нее является излишним. В старославянских памятниках случаи этого типа немногочисленны. Например:

...мимо ходаштеи же хоульбахъ и покывающе главами своими...
 Мат. XXVII, 39. Мар. 108₁₅, Зогр. 44, Ассем. 139₂₁, Савв. 113. Ср. Марк XV, 29. Мар. 181₁₆, Зогр. 76, Савв. 112; Да не порадодужтъ ми съ враждодужци на мѣ бес правды. Ненавидяци мене ашоутъ. I помизъжире очима. Син. пс. 43₁₂^b; Всѣ ѡзъци въсплещете рѣкама. Син. пс. 60₄^b; Грѣшникъ оузритъ и прогнѣваетъ съ. зъбы своими поскрежъштетъ і лаетъ. Син. пс. 148₁₁^b.

²⁶ См. М. Ивић. Указ. соч., стр. 48.

6. Конструкции со значением предмета, действующего в контакте с субъектом и по его воле с направленностью на объект

В рассматриваемом типе конструкций действие выражается глаголами переходными и возвратными, соотносительными с переходными, т. е. собственнo-возвратными.

Предмет, обозначенный творительным падежом, действует в связи с субъектом. Он используется в процессе действия, не присоединяясь к объекту, но внося в его состояние существенные, часто видимые изменения, или создавая новый объект, или уничтожая существующий, удерживая или перемещая объект в пространстве, или касаясь его, или воспринимая его при помощи органов чувств, или изменяя его принадлежность.

Имя существительное, обозначающее предмет, используемый для выполнения действия, может иметь или прямое, или переносное употребление. Переносным можно назвать употребление, в сочетании с конкретным действием, отвлеченного понятия, а также предмета, не относящегося к числу физических тел (нечестественного), например, *сѣдѣти словомъ*. В широкой по объему описываемой группе конструкций таких примеров немало. Такие случаи переносного употребления имен существительных осмысливались как необычное употребление и иногда при помощи специальных оборотов речи приравнивались к прямому употреблению или сопоставлялись с ним.

Эти примеры мы специально выделяем.

В качестве предметов, действующих по воле субъекта, выступают прежде всего части тела человека, — своеобразные орудия, которые находятся в постоянном единстве с субъектом. По определению Я. Лося, в творительном падеже здесь стоит название придатка деятеля²⁷. М. Ивић квалифицирует значение данных конструкций как препроводительное, ибо предмет, обозначенный творительным, проводит или препровождает действие субъекта²⁸. Например:

... *ѿ мышцеѣж сілы твоєѣ разгъна врагы твоѣѣ*. Син. пс. LXXXVIII, 11. 117²; ... *оустыди сѣ. шераза образованаго ржкоѣж вѣжнеѣ*. Син. евх. 135¹⁰. ... *ѿ вѣстръзѣхъ оученици его власти и ѣдѣхъ истиражште рѣжама*. Лука VI, 1. Мар. 214²⁷, Ассем. 74⁸; *Поглади прѣстомъ очи его*. Син. евх. 77¹¹; ... *да не видатъ очима ни оушима слышатъ*. Супр. 334²⁴; ... *и лакты ѣомж потыкаахъ и намакаахъ очима. да тъкмо не вѣштаахъ бръвми къ нему*. Супр. 502¹⁸; *ѣкоже глѣѣ гъ вѣжсьными своими оусты ѣко ѿ о праздниѣ словеси*. Макед. глаг. лист. 39, стр. 7; ... *и разоумѣ тѣломъ ѣко ицѣлѣ ѿ раны*. Лист. Унд. стр. 7.

Примеры конструкций с творительным падежом от названий орудий, орудий и некоторых других неодушевленных предметов, выступающих в роли орудий:

... *единъ отъ воинъ копиемъ ємоу рѣбра прѣводе*. Ио. XIX, 34. Мар. 395²⁷, Зогр. 172, Ассем. 152. Савв. 124; ... *тъгда доукъ повелѣ каменнымъ лица имъ бити*. Супр. 74¹; *ѣко въ добровѣ дрѣвныѣ секирами расѣша дѣри его. вѣкоупѣ сѣчѣвомъ і оскрѣдомъ раздрѣушіша і*. Син. пс., LXXIII, 6, 93¹⁵; *а твоѣж шиж враднѣж отъсѣкнетъ*. Супр. 237²; ... *повѣсивъ же ѿ повелѣ дѣрати желѣзны ногъты дондеже чрѣла начъжтъ хѣтѣти извалити сѣ на земьж*. Супр. 113³⁰; ... или нечто

²⁷ J. Loś. Указ. соч., стр. 108.

²⁸ М. Ивић. Указ. соч., стр. 9.

не съгѣштаваасте са на манасиѣ югда исаниѣ пилѣж прѣтирааше. Супр. 397₁; ... Окрѣпшѣ мѣд осѣфомъ очищѣ съ. Син. пс. Л. 9. стр. 65₂; **Мариѣ**... помаза нозѣ ісѣѣ і отрѣк власы своіми нозѣ его... Ио. XII. 3. Зогр. 159, Мар. 366₉, Ассем. 110, Савв. 73; повелѣ пакы дѣрати и. и поливати и оцтомъ с солниѣ растворивъше и соукномъ вѣстирати раны юго. Супр. 161₁₇; тож во мѣроѣж кѣже мѣрите вѣзмѣритѣ са вамъ. Лука VI, 38. Мар. 218₂₈; ... **Пачрѣпанмъ** са оубо и мѣ съ ними съ горы и небесънааго богатѣства насытами пазоухами. Супр. 327₁₀.

Творительным падежом может быть выражено название вещества, которым воздействуют на объект, добиваясь изменения в состоянии последнего. Например:

... **водѣж** омыкаши тѣло **вѣж**. Супр. 457₉; ... **заглади** кроплами слѣзѣ написаниѣ зѣлы жизни. Супр. 390₁₇; ... и **крѣвѣж** юго очистимъ са. Супр. 483₅; ... **врѣнѣмъ** обнавѣкаше зѣнници очию... Супр. 473₁₄.

Как видно из примеров, веществом оперируют, не имея цели присоединить его к объекту: контакт между этими предметами прекращается с прекращением действия. Во всех примерах воздействие на объект вещества и воздействие субъекта совпадают между собой.

Существуют конструкции, в которых формой творительного падежа обозначены явления природы или физические свойства тел, оказывающие воздействие на объект.

Например:

Дне слѣпѣце не заходѣше свѣтомъ вѣсь миръ озари. Син. евх. 3₂₀; **Дне** луна свѣтълами лучами. **Вѣсь** миръ освѣтѣветѣ. Син. евх. 4₁; ... **грѣшаше** ж теплѣстиѣж рѣжы скока. Супр. 516₁₅.

Существуют примеры, в которых при глаголах, употребляемых обычно для выражения действия, выполняемого орудием — конкретным предметом, выступает форма творительного от имен существительных другого значения. Эти имена существительные обозначают предмет, лишенный материальной осязаемой формы (например, *мысль, дух, слово* и т. п.) или отвлеченное понятие (например, *милость*). Имя существительное в форме творительного падежа в этих конструкциях как бы берет на себя функции конкретного предмета, что иногда бывает подчеркнуто контекстом при помощи сравнения или противопоставления абстрактного понятия конкретному предмету. Например:

... **самъ** са цѣстивѣ. не ножемъ нѣ вѣроѣж. Супр. 366₁; ... **пѣготивымъ** пѣготы акы лопатоѣж слѣвесемъ събрыса. Супр. 387₂₂; ... **послоушаниимъ** же мѣжитѣли враждѣж **яко** мечемъ отъсѣчѣ. Супр. 274₁₂; ... **азъ** оубо **крѣстихъ** въ водѣж, а тѣ **крѣститѣ** въ **дуомъ** стымъ... Марк 1, 8. Мар. 116₂₂, Зогр. 47, Ассем. 178₃₁, Савв. 143.

Подобное употребление имеет имя существительное в форме творительного падежа и в примерах, где противопоставление конкретному предмету отсутствует.

... **пѣ** слѣвесы тѣми оустрѣли того отъ кротости... Супр. 381₁₃; **мѣлѣстѣж** тѣвѣж отъ вѣсѣхъ зѣли нашихъ очісті нѣи. Киев. мисс. 48; **нѣ** не иждени насъ тѣчѣж гнѣвомъ ити въ поустаа мѣста. Супр. 37₂₀; **излазиши** оживленѣ правдоѣж. Хиланд. лист, стр. 7; ... а тѣи **самъ** помѣщѣж тѣвѣж вѣчѣноѣж **зашчѣті** нѣи... Киев. мисс. 50; ... о немъ **молаше** ба. **повѣдѣти** своимъ **чѣлоубнимъ** зѣловѣж мѣжа. Супр. 564₅; **разарѣветѣ** же са **сѣмрѣтъное** стрѣкало **крѣчениемъ**. Хиланд. лист. 7;

В этих примерах абстрактное понятие мысленно приравнивается к предмету, действующему в контакте с субъектом и по его воле — конкретному орудю.

Есть другая, также очень большая группа примеров с творительным, обозначающим тоже не вещественные предметы или абстрактные понятия. Она отличается от рассматриваемой выше группы тем, что творительный здесь входит в конструкции с глаголами, обозначающими действия и процессы духовной жизни, такие как *утешить*, *обольстить*, *прогневать*, *наставить*, *судить*, *спасти* и т. п. Например:

...вѣсхотѣ длѣготрѣпѣліимъ. и трѣпѣнїемъ настави заблуждѣшиихъ на истинѣ. Супр. 481¹³; Проскѣти лице твоѣ на рава твоего. *Спї ма мїлостыж твоѣж*. Син. пс., XXX, 17, 36^b₂₁; *Тї же прегнѣваша і сѣвѣтомъ своімъ* Син. пс. 140^b₄; ...*вдръжимыма нынѣ скръбнїж оумеръшаа гради, твоимъ мди^аемъ оутѣши*. Син. евх. 145; *Тъгда шедѣше фарисѣи. Сѣвѣтъ сѣтвориша на нѣ. да свѣстатъ словомъ*. Мат. XXII, 15. Мар. 79²², Зогр. 32, Ассем. 62⁵, Савв. 27; *.бѣаше во мжжъ тѣ не простѣ. и грѣѣтъ нѣ проказнїкъ. славож и имѣнїемъ възгражденнїхъ на пѣсѣцѣ дша прѣльштаа*. Супр. 214²⁶; ...*да мїлостнїж твоѣж їзвѣкї пѣи*. Киев. мисс., 47.

Конструкции с творительным орудия в старославянском языке почти никогда не заменяются смежными. Исключениями являются отдельные, очень редкие случаи замены. Так, мы отметили взаимодействие формы творительного от слова *рѣка* при глаголе *възати* с падежно-предложными образованиями: локативом с предлогом *къ* и локативом с предлогом *на*:

вѣзѣмъ възгладжѣтъ новы і къ рѣкахъ змнѣ възъмжтъ. Марк. XVI, 18. Мар. 185₃; ...*писано во естѣ. чѣко анѣламъ своимъ запожѣстѣ о тѣбѣ сѣхрани ти. і на рѣкахъ възъмжтъ тѣ*. Лука IV, 10. Мар. 206²⁵.

В первом из этих примеров предлог дублирует значение, заключенное в глаголе *възати*: он указывает на то, что один предмет как бы заключается внутри другого. Во втором примере предмет размещается на поверхности другого. Таким образом, данные предложно-падежные образования содержат особые пространственные оттенки, отличие которых от значения творительного ясно ощущается. Перед нами особый тип соотношения конструкций с *ощутимой* разницей в их значении. Ср. также: *что помышлѣте къ срѣцѣхъ вашнхъ*. Лука V, 19. Мар. 212²⁶.

Нам представляется также, что есть разница между значением конструкции с творительным и конструкции, включающей винительный с предлогом *къ* при глаголе *мѣрити*. Ср. *къ нюже мѣрж мѣрите намѣрнѣ сѣ камъ*. Марк IV, 24. Мар. 128²⁹. Здесь исходным представлением, по-видимому, является мера сыпучих или жидких тел, внутрь которой помещается измеряемое вещество. Пространственное значение здесь доминирует над орудийным, хотя орудийный оттенок все же существует.

ГЛАВА II

КОНСТРУКЦИИ С ТВОРИТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ В ГРАММАТИЧЕСКИХ (СИНТАКСИЧЕСКИХ) ЗНАЧЕНИЯХ

Как было установлено в предшествующей главе, семантические значения творительного создаются лексическими значениями имен и глаголов, входящих в конструкцию, иногда в сопровождении ряда сопут-

ствующих данных контекста. Связанные с управляющими глаголами слабой связью, формы творительного с семантическими значениями входят в синонимические отношения с предложно-падежными конструкциями, выражающими различные особенности обстановки, в которой происходит действие.

Но, кроме этого, формы творительного могут выполнять в предложении синтаксические функции другого рода, а именно выступать в роли предиката, субъекта и объекта. В этом случае иной характер имеют и синонимические связи изучаемых форм: формы творительного соотносятся с именительным или винительным падежом именного составного сказуемого, именительным падежом подлежащего или являются свободными от синонимических связей, выступая как комбинаторный вариант винительного падежа прямого объекта.

При сопоставлении конструкций творительного предиката или субъекта с синонимичными конструкциями оказывается, что творительный предиката или субъекта, кроме чисто синтаксического значения, сохраняет в этих функциях долю семантического значения.

Значение творительного как бы останавливается на полпути между семантическим и синтаксическим, и создается новое значение, несущее черты того и другого.

Если нет возможности установить бесспорную связь между всеми семантическими значениями творительного, то вполне ясно видна связь между чисто семантическими значениями творительного и значениями другого типа: субъектными, предикативными. Последние в старославянском еще очень „молоды“ и непрочны, сквозь них ясно проступают сосуществующие с ними в языке исходные семантические значения.

Творительный с грамматическим значением объекта характеризуется полной утратой семантического значения. В некоторых сочетаниях, количество которых в старославянском, впрочем, очень невелико, окончание творительного выступает как чистый знак подчинения имени глаголу. Синонимические связи у этих форм творительного отсутствуют, процесс грамматикализации является здесь завершенным.

Конструкции с творительным в грамматических значениях иногда сохраняют лексические отношения, характерные для имени и глагола в исходном, семантическом значении. Однако эти лексические факторы теряют здесь свою первостепенную роль, которая переходит к формальным или структурным отличительным чертам конструкций.

1. ФОРМА ТВОРИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА В ПРЕДИКАТИВНОМ ЗНАЧЕНИИ

1. Форма творительного падежа имени существительного в составе предикативной конструкции

Для старославянского языка является правилом употребление в именном составном сказуемом форм винительного и именительного падежей; формы творительного заменяют их только в некоторых случаях.

Круг глаголов, с которыми можно встретить творительный, весьма ограничен (быти, сътворити сѧ, нареци сѧ, нареци, нарицати сѧ, възъвати, пѣзвати, сътворити, оставити). Глагол **БЫТИ** в составе именного составного сказуемого с творительным падежом известен в формах прошедшего времени, причастия прошедшего времени, будущего времени и инфинитива, и неизвестен в форме настоящего времени.

Это сравнительно слабое развитие творительного предикативного мы склонны объяснять вслед за другими исследователями не столько отдаленностью эпохи возникновения памятников старославянской письменности, сколько их территориальной принадлежностью. Южнославянские языки отличаются от восточнославянских и, особенно, западнославянских нешироким употреблением формы творительного в составе сказуемого. А. А. Потебня отмечал, что сербохорватский язык в употреблении творительного предикативного гораздо архаичнее не только польского, но и русского языка²⁹ М. Ивич, ссылаясь на Ягича и Френкеля, ставит сербохорватский язык по степени развития творительного предикативного на четвертое место среди славянских языков, после польского, русского и чешского³⁰.

Однако примеры сказуемого с творительным все же исчисляются в старославянском десятками. В этой связи важны и другие факты, свидетельствующие о достаточно глубоком знакомстве древних переводчиков с рассматриваемым средством выражения сказуемого: творительный предикативный мы обнаружили не в одном, а в нескольких памятниках, что исключает возможность истолковывать эту черту как диалектную и случайную; мы отметили примеры творительного предикативного с именем прилагательным — явление, которое указывает на то, что развитие творительного предикативного в некоторых отношениях миновало первичный этап³¹.

Составное сказуемое с творительным падежом, будучи грамматически связанным с подлежащим, выполняет в предложении синтаксическую функцию более высокого порядка, чем творительный обстоятельствоный: его присутствие формирует предикативное словосочетание — группу связанных между собою слов, которой может быть достаточно для образования предложения³². По выражению А. М. Пешковского, сказуемость обозначает не представление, а целую мысль³³. Сказуемое вносит в предложение мыслительный элемент, благодаря которому отношения действительности оказываются активно раскрываемыми сознанием. „Предикативные знаки указывают, что семантема или группа семантем заключает то, что высказано о чем-то другом или то, о чем что-то высказано“³⁴.

В именном составном сказуемом главным носителем предикативного значения выступает его именная часть. „Мысль здесь не останавливается на связке... и пользуется ею лишь для перехода от подлежащего к мыслимому в нем атрибуту“, — писал А. А. Потебня³⁵.

²⁹ А. Потебня. Указ. соч., т. I—II, стр. 516.

³⁰ См. М. Ивич. Указ. соч., стр. 156. Ср. также Н. Х. Иванова. Творительный предикативный в польском языке. Автореферат канд. дис. М., 1954, стр. 7.

³¹ По наблюдениям О. В. Патоковой способ выражения сказуемого творительным падежом имени прилагательного начинает широко употребляться в русском литературном языке только в XVIII в. (О. В. Патокова. К истории развития творительного предикативного в русском литературном языке. — „Slavia“, год. VIII, seš. 1, Praha, 1929, стр. 1—37). А. А. Потебня считает творительный предикативный прилагательных для древнерусского языка большой редкостью. (А. Потебня. Указ. соч., т. I—II, стр. 516, 517).

³² Это не значит, что предикативность всегда формирует предложение и что в каждом предложении присутствует предикативность. Ср. М. И. Стеблин-Каменский. О предикативности. — „Вестник ЛГУ“, № 20. Серия истории, языка и литературы, вып. 4. Л., 1956, стр. 134—137.

³³ См. А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 165.

³⁴ А. В. де Грот. Указ. соч., стр. 115. Семантемой автор называет каждый знак с семантической функцией, т. е. с тем или иным значением.

³⁵ См. А. А. Потебня. Указ. соч., стр. 522.

А. А. Потенбя высказал мысль о происхождении творительного предикативного „из творительного образа в случаях совпадения субстанций“, т. е. из того значения творительного, которое мы называем значением временного облика. Эта точка зрения Потенбни разделялась последующими лингвистами, которые касались вопроса о природе творительного предикативного³⁶.

Разница между обстоятельственным творительным временного облика и творительным предикативным заключается в характере связи форм творительного с глаголом. Если творительный временного облика находится в слабой зависимости по отношению к подчиняющему глаголу, то творительный предикативный связан особой внутренней связью с особыми разрядами глаголов — полузнаменательными глаголами и глаголами-связками. Характер этой связи состоит в том, что глаголы названных разрядов сливаются с именной частью сказуемого в единое целое — в сказуемое, с его единой синтаксической функцией.

Слияние глагола и имени в именном сказуемом может осуществляться во всех тех случаях, когда глагол не имеет полновесного значения, когда его знаменательность сильно ослаблена, хотя вместе с тем сохранен общий характер лексического значения (т. е. характер направленности на явления реальной действительности).

Таким образом, общим свойством для всех разновидностей именного составного сказуемого, в том числе и для сказуемого с творительным падежом, является тесная связь глагола и имени при недостаточной полноте значения глагола.

Сказуемое с творительным предикативным по сравнению с другими разновидностями именного составного сказуемого имеет то отличие, что признак, который оно приписывает субъекту, всегда носит временный характер.

Творительным предикативным выражается одно из возможных естественных состояний субъекта, которое может уступить место столь же естественному его другому состоянию. А. А. Потенбя отмечает, что в творительном предикативном заключен намек на возможность совмещения с тем же подлежащим других подобных предметов. В этом он и видит связь преемственности между творительным предикативным и творительным образом. (В наших терминах временного облика). „Рассматривая творительный предикативный согласно с происхождением его от творительного образа, можно сказать, что он вызван предчувствием соподчиненности данного состояния другим состоянием, еще не вошедшим в сознание, но близких к этому“³⁷.

Таким образом, между творительным временного облика и творительным предикативным существуют черты различия и сходства. Их различие — в характере связи между глаголом и именем, и, соответственно, в степени знаменательности глагола, а сходство — во временном характере признака или свойства, обозначенного формой творительного падежа.

В старославянском языке квалифицировать словосочетание с творительным как предикативное, а не как находящееся в слабой зависимости от глагола, мы можем только в тех случаях, когда в языке

³⁶ См., например, Д. Н. Овсянко-Куликовский. Руководство к изучению синтаксиса, М., 1907, стр. 155, 156; А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 348 (см. сноску); А. М. Пешковский. Указ. соч., р. 244; М. Ивић. Указ. соч., стр. 147.

³⁷ А. А. Потенбя. Указ. соч., стр. 521.

имеются смежные конструкции с именным составным сказуемым, включающим вторые, согласуемые падежи.

В соответствии с этим примеры творительного предикативного мы разбираем на две группы:

а) творительный предикативный, соотносящийся со вторым именительным: с глаголом **быти**³⁸:

... дѣвожъ бо бѣ еуга. не оубо бѣ мѣжа познала кгда прѣльсть приатъ. Супр. 489₉; ... иже прѣтворѣше са оегда теуромъ вывѣ оегда же крилатамъ птицамъ подова са орълеу и стрѣксеу. Супр. 7₂₂; ... и сиротожъ дѣтишть не бѣдетъ и изъ жтровы твоежъ изидетъ. Супр. 237₁₆. ... не бѣди никтоже иудожъ теу. не бѣди никтоже зѣлъ. не бѣди никтоже имѣа идъ. Супр. 420₁₀. Ср. Супр. 421₁₂; **Гі** бже вседръжителю. изволен стыл и славыныи аплы своа петра и павъла. і филила і варътоломѣа. братры быти. Син. евх., 23. ... и дѣвицѣжъ пабы быти не раскутиши и денти имаша редикушааго са. Супр. 237₁₈.

С глаголом **сътворити** са 'сделаться чем либо, перейти в новое состояние'³⁹: ... и пакти твоа вса съвратъ и сокомъ са сътворатъ. Супр. 233₂₄.

С глаголами **нареци са**, **нарицати са**⁴⁰:

Бже сѣ нашъ изволен нареци са виноградомъ единчаааго сна твоего. Син. евх. стр. 31₈. ... посланъ вы жити кънижъ въ херсоньстѣ граде. да того радма и нарече са херсонанемъ стуждин ѳемиши родъ. Супр. 542₆; ... сицевъ недѣжъ фарисей и книжънижъ. иже прѣжде зѣванна чѣтжъ и нарицати са оучителемъ величажъ са. Супр. 339₂₂. б) творительный предикативный, соотносящийся со вторым винительным: с глаголами **нареши**, **звати**, **позывати**:⁴¹

Иоулиану тѣгда пришедъшу въ антихуниский градъ. не бо кстѣ цѣсаремъ того нареши. дѣлѣетъ во кѣзу безакъныномъ и прѣстѣвникомъ зѣвати и ... Супр. 214₂; сжштжжъ блѣдницѣ не възѣва блѣдницѣжъ нъ женожъ. Супр. 394₁₇; рабомъ позываатъ владыко. не глаголетъ гмѣ ни бмѣ. Супр. 509₂₁.

С глаголом **сътворити** 'сделать кого-либо кем-либо'⁴²: ... се старѣишины жърцемъ и книжъникомъ. безоумынѣшиа младенцемъ сътвори. Супр. 340₁₉.

С глаголом **оставити** 'покинуть кого-либо, тем самым изменив состояние покинутого'⁴³ (ср. русские *оставить вдовой*, *оставить сиротой*).

И вывѣ еі лѣтъ, сиротожъ отъ родителъ оставкнижъ выстѣ. Супр. 546₂₁.

* * *

Интересно отметить, что в старославянском существует оборот, одинаково заменяющий как творительный временного облика (см. выше), так и второй согласуемый падеж; это оборот с союзом **и**. В каче-

³⁸ Ср.: отци же да помолатъ са тацѣхъ отрока отъци быти. Супр. 95₂₈; ... да бѣдѣтъ жрѣтка тѣдеса наша прѣдѣ твоежъ. Супр. 91₂₂; ... аци сѣа еси вжанъ рѣци каменню семоу да бѣдѣтъ хѣкы. ... Лука IV, 3. Мар. 206₄; выстѣ нона знамении ивнѣвѣнтомъ. Лука, XI, 30. Мар. 24₁₀; ааъ выстѣ вода топа. Супр. 78₁.

³⁹ Ср. вѣскѣ иже са творитѣ цѣа протикитѣ са кесарюи. Ио. XIX, 12. Мар. 333₁₄.

⁴⁰ ... і ты отроча проркъ вышънѣаго нар чешн са. Лука 1, 76. Мар. 175₂₆; ... не са ан естѣ тктоновъ снѣ. не мати ан его нарицатѣ са Маркѣ. ... Мат. XIII, 55. Мар. 48₁.

⁴¹ Ср. і избѣрактѣ отъ нуха дѣва на десѣтъ иже и апостолы нарече симола егоже наименова петра. и андрѣжъ братаго. Лука VI, 14. Мар. 216₁₁₋₁₂.

⁴² Ср. ... и сътворжъ та иудного отъ подкрѣ своухъ. Супр. 61₄

⁴³ Ср. пример с именем прилагательным в сказуемом: не оставлжъ всѣа сирѣ. Ио. XIV, 18, Мар. 376₁₄.

стве замены вторых согласуемых падежей он встречается нередко. Ср.: **седмѣ во ихѣ имѣнѣа ѡ женѣ**. Марк. XII, 23, Мар. 164₂₇; но: **вси во имѣахъ исана ꙗко прѣа**. Марк. XI, 32, Мар. 162₁₅; ... **сътвори та едного отъ болѣръ своихъ**. Супр. 61₄; но: **сътвори ма ꙗко единсго отъ нимѣннѣхъ твоихъ**... Лука, XV, 19, Мар. 269₁₀.

В этих примерах оборот с союзом **ѡ** имеет предикативное значение, так как он соотносится с конструкциями, включающими вторые, согласуемые падежи.

* * *

В общем значении непостоянного характера признака, выраженного творительным, предикативные и непредикативные конструкции заключают разные оттенки.

Творительный предикативный, заменяющий второй винительный (примеры группы б) обозначает свойство, которое создается совершением глагольного признака. Между тем творительный временного облика объекта обозначает признак хотя и временный, но уже существующий, а не возникающий в результате действия. Ср. например:

... и **плѣти твоѣа всѣа съкратѣ и сокомъ са сътворатѣ**. Супр. 233₂₄ (творительный предикативный). Но: **Прѣстави воды ꙗко въ мѣсѣи. І въведе ѡ облакомъ въ дѣне**. Син. пс. LXXVII, 13 100₄ (творительный временного облика).

2. Форма творительного имени прилагательного в предикативном значении

В Супрасльской рукописи мы обнаружили редкие для старославянского языка случаи употребления творительного падежа имени прилагательного в предикативном значении.

Не во вѣшѣахъ лѣтнѣхъ пристѣпнѣи. Супр. 441₁₄; ... и **сътвѣахъ всѣе кже о христосѣ доуховнои кже стадо. посучнѣа а словеса мнѣгы. твердомъ и непозывномъ прѣбывати на камени вѣры господѣа**. Супр. 208₆₋₇.

Форма творительного падежа в последнем примере дополняет сложное сказуемое, состоящее из личной формы переходного глагола и зависящего от него инфинитива; прилагательное в творительном дополняет значение инфинитива, раскрывая его смысл.

В терминах А. А. Шахматова, перед нами выраженный формой творительного падежа дополнительный адъективный член при дополнительном глагольном члене, стоящем в свою очередь при переходном глаголе⁴⁴.

Форма творительного падежа в данном случае представляет собой замену параллельно существующих в старославянском, но более древних по происхождению, форм дательного падежа имени прилагательного при инфинитиве. Она сообщает сказуемому необходимую полноту значения.

Данный случай отличается от указанных выше примеров творительного предикативного.

Предикативность характерна здесь для одного из компонентов сложного дополнения, который можно назвать сказуемым сложного допол-

⁴⁴ См. А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 354.

нения. Она не превращает это дополнение в целое предложение⁴⁵ но способствует тому, чтобы все предложение получило законченность с новым семантическим наполнением.

II. ФОРМА ТВОРИТЕЛЬНОГО СО ЗНАЧЕНИЕМ ДЕЯТЕЛЯ В СТРАДАТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ

Формы творительного падежа, которыми обозначены названия некоторых предметов — чаще всего лиц, но иногда явлений природы, отвлеченных понятий — в конструкциях со страдательными причастиями и формы творительного падежа от названий лиц в конструкциях с возвратно-страдательными глаголами имеют в старославянском языке значение самостоятельных деятелей. Примеры таких конструкций весьма многочисленны. Творительный связывается в них со страдательными формами переходных глаголов, обозначающих разнообразные активные действия. Например:

... она же наказана материж своеж даждь ми рече съде на мисѣ главк исана крстителѣ. Мат. XIV, 8. Мар. 48₂₄; ... іерсамъ бѣдетъ поираемъ блзкы. Лука XXI, 24. Мар. 295₁₀, Зогр. 127; ... вози же мѣнищи ... ни глаголажъ ни ходатъ ни слышатъ. каменеи сжште. чловѣкъ изваки. Супр. 177₇; ... вѣгаау^ж акы огнемъ пакы геними. Супр. 39₂₁; ... грѣхомъ дивводемъ оумръштени ксмъ. Супр. 349₉; ... да прославитъ са има твоє множ оубогымъ равомъ твоимъ. Супр. 103₂₁.

Условия контекста или лексические факторы не играют существенной роли при создании значения деятеля.

Правда, наблюдается известная зависимость значения деятеля от лексической семантики имени существительного: в рассматриваемые конструкции входят преимущественно формы творительного от названий лиц. Иногда роль, функционально близкую к роли лица, выполняет неодушевленный предмет, но эти случаи, возможные только со страдательными причастиями, весьма редки, и значение, присущее конструкции, выступает в них менее отчетливо. Зависимость этого значения от семантики глаголов отстает в рассматриваемом типе конструкций на второй план и становится несущественной. Наиболее важным для создания значения является грамматический признак — страдательная форма глагола, входящего в конструкцию.

При превращении страдательной конструкции в действительную значение деятеля у формы творительного падежа утрачивается.

Трехчленная страдательная конструкция, включающая страдательное причастие или возвратно-страдательный глагол, форму именительного падежа и форму творительного падежа, по своему содержанию не отличается от соответствующей активной: в этих двух типах конструкций двумя разными языковыми способами выражается одно и то же действие⁴⁶. Именно этот факт позволяет констатировать существование соотносительности между активными и страдательными конструкциями.

⁴⁵ Ср. М. И. Стеблин-Каменский. О предикативности. — „Вестник ЛГУ“, № 20. Серия истории, языка и литературы, вып. 4. Л., 1956, стр. 135. В случаях данного типа автор видит одно из доказательств того, что предикативность не всегда делает словосочетание, в котором оно присутствует, предложением.

⁴⁶ Ср. замечание Ю. Куриловича о том, что полная (трехчленная) пассивная конструкция отличается от активной не грамматической, а стилистической функцией. (Ю. Курилович. Эргативность и страдательность в языке — ИАН ОЛЯ, 1946, т. V, вып. 5, стр. 387, 388).

Сфера распространения этих конструкций в славянских языках не одинакова: страдательные конструкции по объему употребления заметно уступают активным, являющимся обычным типом, и далеко не каждая активная конструкция с переходным глаголом может быть преобразована в страдательную⁴⁷.

Отдельные элементы разных соотносящихся типов конструкций также соотносительны, но не равноценны. Если в активных конструкциях деятель является одновременно и подлежащим, то в страдательных конструкциях смысловым центром служит предмет, который испытывает действие. Таким образом, роль деятеля здесь оказывается отодвинутой от центральной позиции, что сообщает деятелю своеобразный обстоятельный отпечаток.

Если соотносительность с подлежащим активной конструкции позволяет отнести значение деятеля страдательных конструкций к числу грамматических значений, то своеобразное маргинальное положение формы, выражающей значение деятеля, в предложении со страдательным глаголом напоминает об обстоятельной роли этой формы. Таким образом, вырисовывается двойственный характер значения рассматриваемого элемента страдательной конструкции.

Существует весьма распространенное мнение, согласно которому творительный деятеля выводится из творительного орудия в страдательных конструкциях. В. Вондрак замечает: „В некоторых случаях предмет в творительном, принадлежащий к пассиву, ощущается более как деятель и менее как чистое средство: *трьсть вѣтрѣмъ движема*. Лука VII, 24. Поэтому и действующее лицо при пассиве выступает в творительном падеже“⁴⁸.

А. А. Потебня определяет творительный рассматриваемого типа как „творительный орудия, специализированный страдательностью сказуемого и условленный ею в большей мере, чем какой-либо другой творительный“⁴⁹. Эта мысль повторяется и развивается и в более новых работах по творительному падежу, в частности, в книге М. Ивич, которая обращает внимание на то, что в древности в славянских языках творительным орудия могли быть обозначены названия живых существ. При этом в функции орудия могло выступать лицо, в действительности производящее действие и лишь направляемое волей другого лица. Превращение действительного оборота, включающего в свой состав творительный орудия-лица, в страдательный, не изменяло формы выражения значения орудия-лица. Будучи обозначением действительного производителя действия, лицо-орудие, попадая в страдательный оборот, легко могло принять на себя значение логического субъекта⁵⁰.

Переход значения орудия-лица в значение деятеля в страдательной конструкции есть основание считать вероятным. Расширение значения орудия-лица в связи с его грамматикализацией в определенных условиях как будто бы подтверждается некоторыми фактами, почерпнутыми из наблюдений над страдательными конструкциями в старославянском языке. Важнейшим из этих фактов является то, что творительный падеж первоначально употреблялся только в конструкциях со страдатель-

⁴⁷ См. Сб. „Творительный падеж в славянских языках“, стр. 128, 129.

⁴⁸ См. V. Vondrák. Vergleichende slawische Grammatik, Bd. IV. Göttingen, 1928, стр. 282.

⁴⁹ См. А. А. Потебня. Указ. соч., стр. 467.

⁵⁰ См. М. Ивич. Указ. соч., стр. 55—57.

ными причастиями, т. е. с формами, которые уже в древних славянских языках образовывались по преимуществу от основ переходных глаголов⁵¹. Вспомним в связи с этим, что обстоятельственное значение орудия-лица создавалось в конструкциях, важнейшим признаком которых был переходный глагол и прямое дополнение.

Как известно, в старославянском языке было несколько способов выражения деятеля в страдательных конструкциях. При этом чаще всего употреблялись творительный без предлога и родительный с предлогом *отъ*. Специальные изыскания показывают, что с точки зрения общего числа случаев употребления обе эти формы находились в отношениях приблизительно равных: в переводе евангелий форма родительного с предлогом *отъ* имеет небольшой перевес над творительным, тогда как в Супрасльской рукописи эти два способа выражения находятся в равновесии⁵².

В отдельных случаях две названные формы имени выступают с одним и тем же глаголом, выраженным одной и той же формой; можно утверждать, что в этих случаях творительный без предлога и родительный с предлогом *отъ* семантически равноценны, так как они полностью совпадают по смыслу. Например:

...они же слышашъше ѿко живѣхъ кстѣ и видѣхъ выстѣ еж не ѿса вѣры. Марк XVI, 11. Мар. 184₁₂, Зогр. 78; они же слышашъше ѿко живѣхъ естѣ и видѣхъ выстѣ отъ неѿа не ѿса вѣры. Марк XVI, 9—20. Ассем. 204₂₂. Так же в Остр.

Однако если взять старославянский язык в целом, то окажется, что эти две формы выражения логического субъекта могли заменять друг друга преимущественно в строго определенных грамматических условиях: в тех оборотах, где страдательное значение создается причастием. В переводах евангелия, в особенности в древнейших переводах — апракосах, а также в древних частях четвероевангелий творительный падеж и родительный с предлогом *отъ* заменяют друг друга при причастиях страдательных прошедшего времени (13 случаев с творительным, 14 — с предлогом *отъ*); при причастиях настоящего времени употребляется только творительный падеж (13 случаев), при возвратно-страдательных глаголах — почти исключительно родительный с предлогом *отъ* (14 случаев при одном случае творительного падежа)⁵³.

В более поздних текстах, в частности, в Супрасльской рукописи, происходит некоторое изменение этих отношений, но оно не затрагивает конструкций с возвратно-страдательными глаголами, с которыми по-прежнему почти исключительно наблюдается родительный с предлогом *отъ* (31 случай при четырех случаях творительного). Изменение касается конструкций со страдательными причастиями: употребление двух рассматриваемых форм выражения значения деятеля приближается к равновесию и при страдательных причастиях настоящего времени, где в древних переводах евангелия известен лишь творительный падеж (в Супрасльской рукописи 45 случаев с творительным при 33 с предлогом *отъ*); формы выражения значения деятеля при страдательных причастиях прошедшего времени в численном отношении

⁵¹ Нам известны в старославянском только отдельные примеры страдательных причастий от непереходных глаголов. Ср. *видѣхъ выстѣ къ тѣмъницѣмъ иже нескѣждными аггѣмъ оржженосткоужемъ*. Супр. 431₂₉; *покладимъ же честитиан*. Супр. 220₂.

⁵² См. Н. Bräuer. Der persönliche Agens beim Passiv im Altbulgarischen. Eine syntaktische Untersuchung. Abhandlungen der Akademie der Wissenschaft und der Literatur in Mainz, geistes- und socialwissenschaftliche Klasse. Wiesbaden, 1952, стр. 128.

⁵³ См. Н. Bräuer. Указ. соч., стр. 152.

продолжают оставаться приблизительно уравновешенными (63 случая с творительным при 70 с предлогом *отъ*)⁵⁴.

Из числа прочих старославянских памятников интерес в данном отношении представляют только наиболее значительные по объему тексты, например, Синайский требник. Здесь творительный падеж и родительный с предлогом *отъ* имеют приблизительно равное число случаев употребления при страдательных причастиях настоящего времени (3 примера *отъ* + родительный и 2 примера с творительным); со страдательными причастиями прошедшего времени чаще употребляется творительный (17 примеров, тогда как с предлогом *отъ* только 3 примера), с возвратно-страдательными глаголами чаще связывается родительный с предлогом *отъ* (4 примера, в то время как творительный представлен двумя примерами)⁵⁵.

Опираясь на эти данные, Г. Бройер констатирует существование ярко выраженной разницы в формах реализации значения деятеля при возвратно-страдательных глаголах (почти исключительно родительный с предлогом *отъ*) и страдательных причастиях (преимущественно творительный падеж, иногда и родительный с предлогом).

Распределение форм деятеля, отмеченное в старославянском, не следует считать случайным. Подобное соотношение отмечено Е. А. Седелниковым в старейших древнерусских памятниках. В них ни разу не встречен творительный действующего лица при возвратно-страдательных глаголах с частицей *ся*, но употребляется только родительный с предлогом *от*⁵⁶.

Это значит, что для древнего периода истории славянских языков свойственно употребление творительного в роли деятеля не вообще в страдательных конструкциях, а преимущественно в конструкциях с страдательными причастиями, первоначально со страдательными причастиями настоящего времени, но не с возвратно-страдательными глаголами⁵⁷. Данное наблюдение как будто бы свидетельствует о связи творительного деятеля с творительным орудия-лица, находящегося в страдательном обороте⁵⁸.

⁵⁴ См. Н. Вгäuer. Указ. соч., стр. 201.

⁵⁵ Там же, стр. 205—210.

⁵⁶ Е. А. Седелников. Беспредложные конструкции с творительным падежом в древнерусском литературном языке. — Сб. „Вопросы изучения русского языка“. Алма-Ата, 1955, стр. 155.

⁵⁷ Г. Бройер считает, что это явление вызвано ощущением различия между глагольными и причастными формами: последние в старославянском языке отчасти сохраняли свое именное значение, которое только мало-помалу отступало назад по мере присоединения страдательных причастий к глагольной системе; в то время как возвратные глаголы до включения в систему страдательного залога были по существу одной из разновидностей переходных глаголов (Н. Вгäuer. Указ. соч., стр. 211—214). О первоначальном значении страдательных причастий см. также Б. А. Ларин. Из заметок о русско-литовских соответствиях. — „Научный бюллетень ЛУ“, 1946, № 11—12, стр. 29—31.

⁵⁸ Любопытно отметить, что в ряде славянских языков существует связь между предложно-падежной формой выражения деятеля при страдательном залоге и формой выражения орудия и орудия-лица, пришедшей на смену прежнему беспредложному творительному. Например, в чешском языке XIV—XV вв. винительный падеж с предлогом *skrze*, заменяя творительный орудия и творительный орудия-лица, становится в то же время средством выражения логического субъекта в страдательных конструкциях. В польском винительный падеж с предлогом *przez* употребляется в диалектах и частично в литературном языке в значении орудия, и эта же форма является средством выражения деятеля в страдательных конструкциях (Сб. „Творительный падеж в славянских языках“, стр. 84, 85, 95, 144—148).

В заключение отметим, что в значении, близком к значению деятеля, в старославянском употреблялся родительный падеж с предлогом *оу*.

Ср. примеры со страдательными причастиями прошедшего и настоящего времени, которые мы отметили в древних переводах евангелий, а также в Супрасльской рукописи:

...і ште се оуслышано бѣдетъ оу иѣмона мы оутолимы — и і ны вес печали сътворимъ. Мат. XXVIII, 14. Мар. 113₇ (так же в других кодексах); ...кѣде оубо живѣ бѣ. оу вас дрѣжимъ бѣ. кѣде же оубиимъ выстѣ. въстѣхъ васъ оутакимъ. Супр. 43₆.

Здесь родительный с предлогом *оу*, по-видимому, уже несколько отошел от значения обстоятельства места и начинает входить в семантическое соотношение с подлежащим активной конструкции. Однако грамматикализация этой формы еще не произошла, поскольку случаи употребления ее со страдательными причастиями очень редки. Но ср. широкое употребление этой формы в роли деятеля в страдательных конструкциях, отмеченное в западной части севернорусских говоров⁵⁹.

Впрочем, возможность переосмысления и грамматикализации, по-видимому, существует во многих случаях, когда при страдательном залоге глагола оказывается какая-либо обстоятельственная форма от имени существительного, выражающего лицо. Ср., например, творительный от названия лица с предлогом *прѣдъ*:

...не пать ми птицъ вѣнитъ сѧ прѣдъзема дѣвѣма. і ни єдина отъ ннѣхъ нѣстѣ забвѣна прѣдъ вѣмъ... Лука XII, 6. Мар. 253₂.

Современные славянские языки и диалекты передают значение логического субъекта страдательных конструкций весьма разнообразными способами⁶⁰. Как справедливо полагает Г. Бройер, это многообразие средств отражает в каждом языке поиски единого, общего для всех случаев, речевого средства передачи значения деятеля при страдательном залоге⁶¹.

III. ФОРМА ТВОРИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА В ЗНАЧЕНИИ ОБЪЕКТА

Как показывают наши материалы, творительный в значении объекта в старославянском представлен очень скудно. Чаще всего он наблюдается в сочетаниях определенного имени и определенного глагола. Только при единичных глаголах имя в творительном падеже приобретает значение объекта, независимо от своей семантики.

Во всех этих конструкциях творительный находится в сильной зависимости от подчиняющего глагола⁶². Однако отдельные раз-

⁵⁹ В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Львов, 1949, стр. 77—79. П. С. Кузнецов. К вопросу о сказуемом употреблении причастий и деепричастий в русских говорах. — „Материалы и исследования по русской диалектологии“, т. III. М., 1949, стр. 59—83.

⁶⁰ Сб. „Творительный падеж в славянских языках“, гл. III, стр. 130—150.

⁶¹ См. Н. Bräuer. Указ. соч., стр. 136.

⁶² Ср. характеристику сильной зависимости падежной формы от глагола, данную И. С. Ильинской: „Под сильным управлением понимается такое управление, при котором между управляющим и управляемым словом имеется тесная семантическая связь, крепкая спайка между значением управляющего слова и падежной формой управляемого. Та или иная падежная форма при сильном управлении является выражением значения управляющего слова, ее присутствие или отсутствие не безразлично для понимания его значения, напротив, чтобы представить полностью значение того или иного слова, необходимо знать, к каким формам сильного управления оно способно“ (И. С. Ильинская. Управление как система лексики и грамматики. — „Ученые записки Московского городского пед. ин-та“, 1941, т. 5, вып. I, стр. 78.)

новидности этого типа несут в себе черты, указывающие на их происхождение из конструкций со слабой зависимостью имени от подчиняющего глагола.

В ряде случаев, однако, невозможно уяснить себе былой характер того или иного глагола с творительным объекта (речь идет о переходности и непереходности). Возможно, что существовали глаголы, получившие творительный объекта при своем возникновении — по аналогии с уже возникшими.

Базой для образования объектного значения послужили некоторые обстоятельственные значения.

Со стороны структуры конструкции разбираемого типа отличаются одной обязательной особенностью: отсутствием винительного падежа, обозначающего объект.

При глаголах переходных вместо винительного в функции объекта выступает творительный, который ранее нес одно из обстоятельственных значений. Таким образом, функция объекта переносится на прежнее обстоятельственное слово. При глаголах непереходных творительный с одним из обстоятельственных значений приобретает функцию объекта.

Одним из показателей связи косвенно-переходных глаголов, требующих творительного падежа, с переходными и непереходными, является существование непереходных или переходных омонимов к косвенно-переходным глаголам, управляющим творительным. Если омонимов нет среди старославянского материала, отдельные славянские языки более позднего времени зачастую предоставляют в распоряжение исследователей примеры, в которых глагол, являющийся косвенно-переходным в старославянском, выступает как переходный или непереходный.

В ряде случаев, однако, невозможно уяснить себе былой характер того или иного глагола с творительным объекта (речь идет о переходности и непереходности). Возможно, что существуют глаголы, получившие творительный объекта при своем возникновении — по аналогии с уже возникшими.

Наша классификация конструкций с творительным объекта исходит из признания производного характера всей категории.

Принятый порядок расположения конструкций позволяет проиллюстрировать постепенное нарастание объектного значения творительного в сочетаниях с определенными глаголами, вплоть до окончательного закрепления формы творительного за некоторыми глаголами, не имеющими омонимов, свободных от формы творительного.

Конструкции первой группы включают косвенно-переходные глаголы, омонимичные непереходным. Присутствие при глаголе формы творительного превращает непереходный глагол в косвенно-переходный и изменяет лексическую семантику глагола. Так, если *кипеть* без творительного значит 'находиться в состоянии кипения', то *кипеть* в конструкции с творительным значит 'изобиловать чем-либо' (речь идет о движущихся живых существах). Для создания этого нового значения присутствие творительного необходимо; он является здесь обязательным членом глагольной конструкции.

Например:

Прѣвраті воды ихъ въ кровъ. і изві рыбы ихъ. Вѣскыѣ землѣ ихъ жавами. Син. пс., CIV, 30. 136^b₁₂.

Существует также разница в лексическом значении между глаголами *течь* и *течь чем-либо*: *течь* в конструкции с творительным значит 'нечто источать', 'нечто струить в большом количестве'.

Например:

... *почто вѣчныа капла медомъ текжштааго источника раззрити хоштете.* Супр. 388₁₈.

Дышать чем-либо отличается по семантике от *дышать* в непереходном смысле: *Дышать гневом* значит, собственно 'гневаться' (т. е. как бы 'выдыхать гнев'). Например:

... *они же видѣвъше яко доушетъ гнѣвомъ. оучаахъ съ страхомъ глаголюште.* Супр. 45₂₆.

Сиять, гореть, цвести чем-либо отличаются по значению от соответствующих глаголов без творительного; в сочетании с творительным эти глаголы приобретают переносное значение и обозначают как бы излучение некоего положительного качества, которым обильно наделен субъект. Например:

... *и всади крѣсть вѣроу цвѣтъштъ. и жизниж въсѣмъ сияшштъ.* Супр. 352₁₉; ... *четыри десати же лѣтъ сътвори тоу сѣда. везъ сътжжениа и гораштж любькыж и божьствынымъ огнемъ разгараа са присно.* Супр. 273₃₀.

Несколько отличаются от названных конструкций с глаголом *вонати* 'благоухать'. Между непереходным и косвенно-переходным употреблением этого глагола нет столь резкой разницы, как в предыдущих случаях. обстоятельственное значение стоит здесь только на пути к объектному:

Дне самъ нерѣданъ вонѣтъ мастиж благоуханъноу. Син. евр. 7₈.

Как можно заметить, многие из описанных конструкций являются в какой-то мере застывшими: лексическая семантика глагола предопределяет лексическую семантику имен существительных в творительном падеже, круг которых является сравнительно узким. Так, при глаголе *кыпѣти* в творительном падеже могут быть употреблены лишь названия мелких живых существ; при глаголе *тѣшти* в старославянском, известны формы творительного от *мѣдъ*, *мѣко*; *дышати* можно только *гнѣвомъ* или *злостью* и т. д.

Среди глаголов, образующих описываемый тип конструкций, есть возвратные глаголы с общевозвратным значением, обозначающие внутреннее состояние человека. Например:

... *четыри десати же лѣтъ сътвори тоу сѣда. везъ сътжжениа и гораштж любькыж и божьствынымъ огнемъ разгараа са присно.* Супр. 273₃₀ ... *се же слышавъ лстыкыи и раждегъ са гнѣвомъ.* Супр. 59₂₉.

Значение этих конструкций трудно определить коротко: речь в них идет о многочисленных конкретных предметах, собирательном предмете или отвлеченном предмете, которыми в большой степени наделен (или наполнен) субъект действия и которые, концентрируя в себе действие, составляют первый план субъекта.

Своеобразный оттенок лексического значения глагола создается присутствием формы творительного; она, таким образом, составляет неразрывное единство с глаголом в данном его значении. Форма творительного здесь дополняет глагол с внутренней стороны, и ее объектное значение неоспоримо.

По значению к перечисленным конструкциям близки конструкции с глаголом *обиловати* 'изобиловать', который, так же как и предыдущие, имел различное значение в непереходном и косвенно-переходном употреблении.

Так, в непереходном употреблении этот глагол отмечен в Книге пророков в значении 'быть в довольстве': "... *обилоуа бѣхъ въ домоу свѣжмъ*". Дан. IV, 1. Упыр. (См. И. И. Срезневский. Материалы для

словаря древнерусского языка, т. I—III. СПб. 1893—1903). С творительным падежом этот глагол значит 'иметь что-либо в избытке'. Ср.: **Дажди равзу твоему селому кодъ неоскждѣнънжж. Да овиасужше еж. тебѣ слажъ късылаемъ.** Син. евх., 49₅.

Вторую группу составляют конструкции с косвенно-переходными глаголами, имеющими в качестве омонимов переходные глаголы. Одни имена существительные употребляются с этими глаголами в форме творительного падежа, другие (более широкий круг имен) — в форме винительного.

Конструкции со значением предметов, в которых реализуется движение (с глаголами **траси**, **двигнѣти**):

...**иждени трасвицж снж... трасжцжжж всѣми оудъми егѣ.** Син. евх. 106₃ ...**потрасъ имъ ржкож.** Супр. 35₁₃; ...**жкоже листомъ всѣмъ естествомъ днзаше.** Супр. 472₁₇.

Круг имен существительных, которые употребляются с косвенно-переходной разновидностью этих глаголов, не широк: сюда относится тело человека и части тела. Между тем, будучи прямо-переходными, эти глаголы, по-видимому, не имеют ограничений в характере объектов⁶³.

У Ю. Куриловича есть специальное замечание по поводу творительного при названных глаголах движения. „Если славянские глаголы, имеющие значение 'трясти', 'размахивать' и т. д., требуют творительного, а не винительного, тут имеется явление управления, которое лишает окончания их семантического содержания и отождествляет их, с точки зрения значимости, с окончанием винительного падежа прямого дополнения. Иными словами, эти окончания становятся, если можно так выразиться, комбинаторными вариантами окончания винительного падежа прямого объекта, обусловленными семантическими группами глаголов, управляющих падежами, о которых идет речь“⁶⁴.

К этому замечанию следует еще добавить, что данный комбинаторный вариант винительного падежа обусловлен в старославянском не только определенной группой глаголов, но и определенной группой имен существительных.

Третью группу составляют конструкции с некоторыми возвратными глаголами.

Сюда мы относим ряд конструкций, в которых идет речь о находящемся в сфере субъекта предмете. Будучи источником чувства, этот предмет в то же самое время выдвигается на первый план, вокруг него чувство концентрируется, обнаруживая этот предмет и делая его очевидным. Например:

Надъжшеи сѣ сілѣ своеі. І множествомъ богатства своего хвалѣше сѣ. Син. пс. XIV, 7, 62₈; ...**вы красоукте сѣ златомъ. азъ же кръстомъ.** Супр. 19₂₀.

Значение возвратных глаголов, отмеченных в указанных примерах, можно охарактеризовать как общевозвратное, развившееся из собственно-возвратного. В числе этих глаголов есть соотносительные с переходными (**хвалити сѣ**) и не имеющие этой соотносительности (**красоукти сѣ**). В случае присутствия соотносительности объектное значение формы творительного кажется непосредственно восходящим к значению средства при собственно-возвратных, и, далее, при переходных глаголах.

⁶³ Ср., например: ... **слака единомуу боу стоу... подвигашюму азъ мон благодѣтъж.** Макед. глаг. лист. стр. 6; **І движе кко овца людн свож.** Син. пс., 103₁₅; **Всж во тварь двнжжѣ на нхъ.** Супр. 96₂₃.

⁶⁴ J. Kuryłowicz. Le problème du classement des cas, стр. 28.

Глаголы *гнѣшати сѧ*, *срамити сѧ*, *стыдити сѧ*, *плакати сѧ* управляют в старославянском как творительным, так и родительным объекта. Ср.:

И не вѣзгнѣшан сѧ множъ грѣшникѣмъ. Занѣ прегнѣвахъ трѣсть твою. Син. евх. 238₈ но: величаныя гноушаатъ сѧ. Супр. 545₁₂; не срамьаѣ сѧ плѣтъныими своими строуны. Супр. 503₁₃; но: оусрамьаи сѧ сѣднѣтъ своихъ. Супр. 227₈; не стыди сѧ оукорѣныими благыиими. Супр. 436₁₈, но: постыдитъ сѧ мене. Марк VIII, 38. Зогр. 61; да навькнемъ негнѣвати се на враждебныкы наше. нь паче да мласуемъ к и да плачемъ се и рыдаемъ сними. Клоц. 53, но: рыбыты же ошедѣше отъ неж плакаахъ мрѣжа. Лука V, 2, Мар. 210₁₃; рахиль плачѣри сѧ чадѣ своихъ. Мат. II, Савв. 139₂₇.

К четвертой группе относим конструкции с глаголами, обозначающими владение, обладание. Например:

...видѣвъ ихъ іосифъ црѣ съ вѣсемъ египтомъ влады. не снѣжи меча. Супр. 367₁₃. кште и дшами власти покоушаѣте сѧ. Супр. 88₁₅; ...сваддажштѣу понтьскооумѣу пиаатоу нѣдѣж ...Бысть глаъ бжїи. Лука III, 1. Мар. 201/202, Зогр. 86, Ассем. 179₇, Савв. 143; ... како не богатѣи іосифъ даръ приѣмъ нѣтъжштаго і вѣсѧ і вѣсемѣи स्वाддажшта. Клоц. 95.

А. А. Потебня высказал мысль о том, что эти глаголы, сочетаясь с творительным падежом, следуют, по-видимому, аналогии с глаголами движения: ср. украинское *орудувати чим, володати руками*⁶⁵. Эта догадка, основанная на языковом чутье, допускает аналогичное развитие творительного при глаголах владения и творительного при глаголе *двигать* и ему подобных.

Материалы памятников некоторых славянских языков подтверждают эту мысль Потебни. У Я. Лося читаем: „По крайней мере на примере некоторых глаголов можно с полной уверенностью утверждать, что при них более древний винительный был заменен позднейшим творительным, например, рядом с обычными выражениями типа *Władaliśmy w tem czasie zemią*. В. Z. имеем *Pośledniejszych sto tysięcy władnęł*. В. Z.“⁶⁶

Наконец, отметим пятую группу конструкций, в которых творительный имеет значение объекта, но не является единственным способом выражения этого значения. В этой роли в старославянском с творительным успешно конкурируют другие предложно-падежные и падежные формы (впоследствии в славянских языках некоторые из них побеждают и вытесняют форму творительного).

Значение объекта имеет творительный падеж в конструкции с глаголом *пѣвати* (и *сунѣвати*), 'надеяться на что-либо'. Например:

...по вѣсемоу по ту поговьж та аште и вѣшьвами своими пѣкаши. Супр. 112₁₉; ... они же видѣвъше старость юмоу поржгаша сѧ и сѣшташа сѧ сунѣкашше коньскимъ ходомъ и голѣныи сними. Супр. 31₆. (т. е. надеясь на бег коней и свои ноги).

Творительный объекта при глаголах *пѣвати* и *сунѣвати* мы отметили только в одном старославянском памятнике — Супрасльской рукописи (всего 4 примера). В том же тексте значение объекта при этих

⁶⁵ А. А. Потебня. Указ. соч., стр. 458.

⁶⁶ J. Loś. Указ. соч., стр. 137. Примеры извлечены из Библии королевы Софьи. Ср. приведенные там же Я. Лосем примеры двойного управления, характеризующие древнее употребление польского глагола *rządzić* 'управлять', 'править'.

глаголах может быть выражено также некоторыми предложно-падежными и падежными конструкциями:

а) винительным с предлогом на (6 случаев), например:

... что са надѣкши. или на кого оупкаши глаголи ми. Супр. 153₁₀.

б) дательным с предлогом къ (2 случая). Например:

... к тебѣ възвахомъ и спасени выхомъ. к тебѣ оупвахомъ и не постыдѣхомъ са. Супр. 77₂₈.

в) кроме того, отмечен один случай дательного беспредложного в значении объекта:

... не бо ми ксть оупкати кднѣмъ рѣчемъ. Супр. 501₄.

Известные колебания наблюдаются и в обозначении объекта при глаголе *пѣри са*: значение объекта передается то локативом с предлогом на, то творительным падежом. Например:

не пьцѣте са оубо на оутрѣи. оутрни бо день собож печеть са...
Мат. VI, 34. Мар. 18₁₂₋₁₃. Ср. также Зогр., Ассем., Савв.

Другие примеры с творительным:

... паче же кште растѣше страхъ на нечестивыхъ доусѣхъ. якоже имъ и нынѣ дѣлати и пещи са късѣмъ садомъ и нивънымъ сѣтникомъ повелѣникомъ юго (т. е. заботиться о саде и полевых посевах). Супр. 40₂₂; ... и прѣжде повелѣкъ нечистоусумоу дѣсу отити и кшти са дѣломъ отъгна и (т. е. заботиться о деле). Супр. 42₉.

Любопытно отметить, что при наличии объекта (в нашем примере — дополнительного придаточного предложения) творительный с глаголом *пѣри са* сохраняет значение средства:

... не пьцѣте са дшежъ вашешъ. что ѣсте ли что пиете. ни тѣломъ вашимъ къ что овлѣчете са. Мат. VI, 25. Мар. 17₁₄, Зогр. 6, Ассем. 48₂₆, Савв. 13. Ср. Лука XII, 22. Мар. 254₂₁, Зогр. 109.

Значение объекта забот, беспокойства в старославянском выражалось и другой конструкцией: местным падежом с предлогом *о* (сѣтъ). (10 случаев в Супрасльской рукописи.) Например:

... не печасте са о сѣтъ... Супр. 396₂₉; ... а син о слоужьбѣ не-кжтъ са... Супр. 415₂₄.

ГЛАВА III

ФОРМЫ ТВОРИТЕЛЬНОГО С УТРАЧИВАЮЩИМЯ ПРЕДМЕТНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

I. ОБРАЗОВАНИЕ НАРЕЧИЙ В ФОРМЕ ТВОРИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА В СВОБОДНЫХ (ПЕРЕМЕННЫХ) КОНСТРУКЦИЯХ С ТВОРИТЕЛЬНЫМ

Синтаксическая позиция форм творительного с обстоятельственными значениями в предложении тождественна позиции наречия. Возможно, что это тождество синтаксических позиций способствовало переходу в наречия форм творительного падежа в славянских языках.

Начало этого процесса можно наблюдать уже в старославянском языке.

Как уже указывалось в лингвистической литературе, степень разрыва между наречием и исходным словом не бывает всегда одинаковой. Проф. А. Б. Шапиро пишет: "... чрезвычайно неясным является в известных случаях, с чем мы конкретно имеем дело — с падежной или предложно-падежной конструкцией или с образовавшимся из нее

наречием. Трудность решения этого вопроса объясняется главным образом тем, что как имя, так и наречие выступают в таких случаях в одной и той же синтаксической роли обстоятельства, что со стороны ритма и ударения то и другое друг от друга обычно не отличается, что как то, так и другое может занимать одно и то же место по отношению к определяемому слову⁶⁷.

Если часто бывает затруднительно отличить наречие от существительного в живом современном языке, то еще труднее это сделать для древнего языка, существующего только в письменной форме.

Приведем из старославянских памятников ряд конструкций с творительным, где адвербиализация формы имени существительного кажется нам возможной или, точнее, где есть почва для возникновения наречного значения.

Например, возможность для перехода в наречие была у некоторых форм творительного в конструкциях со значением внутренней причины действия:

ТѢГДА И ДѢТИШТЬ ПЛАЧЕТЪ И МАТИ БОЛИТЬ. НАКЫКЪШИ ОБЫЧАЕМЪ КРМИТИ ДѢТИШТЬ. А ПИШТА НЕ ПОДАКЪМИ ВИДАШТИ. Супр. 312₁₁; ИЩЕ КТО БѢДОЖ ОУКРАДЕТЬ СЪНБѢДНО ЧЪТО. К ДЕНЬ ДА ПОКАЕТЪ СЯ. Син. евх. 325₁.

Очень близки к наречному значению также и некоторые формы в конструкциях со значением предмета, пребывающего в сфере субъекта в момент совершения действия:

...рече къ цѣсарюу дръзостьѣж. ты оубо ѡ цѣсарюу оуморити ма хотѣаше. Супр. 194; Радостьѣж бо творецъ силы несъкъныа съзываетъ. Син. евх. 264₇; он же властьѣж повелѣ рекъ имъ. никомуже отъ чловѣкъ да не творите пакости. Супр. 37₁₁.

Некоторые формы в конструкциях времени, пути, совокупности:

а) ...носитъ стынъ отъ ефрата рѣкы ноштинъ водж. Супр. 551₂₃; Бѣ оно⁶⁸ иджрю ісен пѣтъмъ. рече єдинъ нъ немюу. идж къ сѣбѣдъ тебе. Лука IX, 56, Савв. 40.

б) Миромъ гю помолимъ ся. Син. евх. 306₁₄.

В этих примерах контекст не дает полных оснований для утверждения, что процесс адвербиализации здесь имел место или завершился. Перед нами не осколки падежных форм, какими являются в современном языке некоторые наречия в форме творительного, а примеры распространенных для своего времени форм с предметным значением. Наречное значение здесь также чувствуется, но его существование не может быть доказано.

В других случаях значение формы творительного более заметно отходит от предметного, именного, и приближается к значению наречия. Например:

...того силож врагы распыньше. Супр. 431₅.

Здесь глагол обозначает насильственные действия группы людей по отношению к определенному лицу, поэтому от формы творительного *силож*, входящей в конструкцию с этим глаголом, всего естественнее

⁶⁷ А. Б. Шапиро. Об образовании наречий в современном русском языке. — „Русский язык в школе“, 1947, № 1, стр. 1. См. также А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким, т. I, стр. 342, 343; А. Белић. О језичкој природи и језичком развјетку, стр. 106—116; S. Karcević. Sur la nature de l'adverbe. — TCLP, 1936, № 6, стр. 108; А. М. Пешковскій. Указ. соч., стр. 144.

ожидать адвербиального широкого синтагматического значения 'принудительным образом, насильственным путем', а не значения средства, причины, совместности или других обстоятельственных предметных значений творительного падежа.

Таким образом, нужна специфическая лексико-семантическая ситуация, находящаяся в гармонии с дематериализованным значением формы творительного (по существу, повторяющая широкое наречное значение формы), для того, чтобы наречное значение в форме творительного оказалось более веским, чем именное.

Интересно отметить, что присутствие определений, сообщающих форме **силоѡж** предметный характер, **препятствует** образованию наречия:

... стѣи же данѡж кмоу **силоѡж** отъ стаго дѣа отъ въсѣхъ прѣдѣлкъ томъ страны прогѣна. Супр. 45₄.

Здесь форма **силоѡж** обозначает средство и сохраняет свою предметность.

Форма **силоѡж** в первом примере лишена и морфологических, и позиционных отличий от творительного имени в обстоятельном значении; она не потеряла связей со своей парадигмой. На примере этой формы можно наблюдать начальный этап адвербиализации с еле уловимым переходом от одной части речи к другой. Форма **силоѡж**, как это видно из наших двух примеров, представляет собой грамматический омоним, выступающий как наречие в одном контексте и как имя существительное — в другом.

Подобного рода грамматический омоним, возможно, представляет собой форма **колеѡж** и в следующих примерах:

И колеѡж пожърѣ тебѣ. Син. евх. 233₃ (по своей воле). **дажди** **равноу** твоему съдравне. **Болеѡж** и **благодѣтиѡж** оца твоего **пшкѣнаго**. (По воле твоего отца). Син. евх. 68₇.

К числу наречий, представляющих собой результат завершеного процесса адвербиализации, относятся некоторые застывшие формы творительного падежа от имен существительных счетно-собирательных: **кѣтерицеѡж** 'во второй раз', **третѣицеѡж** и **треницеѡж** 'в третий раз', **четворицеѡж** 'в четыре раза больше', **седмицеѡж** и **седморицеѡж** 'семь раз', **скѣткратницеѡж** и **скѣтерицеѡж** 'во сто раз больше', а также наречная форма **мѣножицеѡж** 'много раз'.

Лучшим доказательством адвербиального характера этих форм служит их изолированное существование в форме творительного падежа, при отсутствии других ожидаемых в парадигме падежей этих слов⁶⁸.

Некоторые формы творительного падежа, выступающие только во множественном числе, также имеют наречное значение. Если бы эти формы выражали и предметное значение, употребление множественного было бы для них грамматически немотивированным. Такова форма **нѣдѣми** 'по принуждению', 'будучи принуждаемым'.

Яне кто **нѣдѣми** **кѣнѣтъ** **Бѣ** **лѣ** **да** **ѣ** **покаѣтъ**. Син. евх. 321₁₂.

Сюда же отнесем форму множественного числа **тѣлами** 'в большом количестве', отмеченную в Супрасльской рукописи:

... **въсѣ** **тѣлами** **народъ** **великомъ** **гласомъ** **въскрича**. Супр. 35₂;
козы **овьца** **многы** **тѣлами** **пасомы** **кѣ** **горахъ** **неблюдомѣ**. Супр. 43₁.

Подобным способом образованы наречия **большѣми** 'более, сильнее' и **мѣньшѣми** 'менее' от имен прилагательных в сравнительной степени:

⁶⁸ Правда, слово **седмица** отмечено словарями в значении 'число, состоящее из семи' и 'неделя'. См. И. И. Срезневский. Материалы..., т. III.

хотѣхъ большкми прѣстѣти слово се... Клоц. 77; отъпоуштажтѣ са ен грѣси мьнози. Ъбо вълюби мьного. а емоуже мьне отъда са. мьньшкми любитѣ. Лука VII, 47. Мар. 225₁₈.

Адвербиализация этих имен прилагательных еще очевиднее, чем адвербиализация существительных: здесь отсутствует имя существительное с теми формальными признаками, которые призвано отражать прилагательное. От имен прилагательных образованы также наречия, обозначающие язык, на котором нечто написано или сказано:

...і вѣ написано еврѣискы грѣчѣскы и латинѣскы. Ио. XIX, 20. Мар. 394₁₂. (в Савв. книге вместо латинѣскы — румѣскы). Интересно наречие кѣнож 'один раз', образованное от количественного числительного кѣна. Форма женского рода была бы здесь абсолютно неоправданной, будь перед нами числительное, а не наречие:

мы же готови емѣ за христово исповѣданіе не тѣчкж кѣнож сумрѣти, нѣ и тысѣцами. Супр. 106₂₁.

* * *

В некоторых случаях чисто грамматическое адвербиальное значение имеют также конструкции, в которые входит форма творительного от отвлеченных имен существительных **образѣ** и **чинѣ** в сочетании с прилагательным или местоимением. Такие словосочетания А. В. Исаченко называет аналитическими формами наречий⁶⁹. Например:

можемѣ во се створити едінѣмь днѣмь. како і кымь образомѣ (т. е. 'как?') Клоц. 73. Ср. Супр. 421₂₆; ... оустрои богѣ шити сѣкровѣное богатѣство іванново образомѣ сицеѣмь (т. е. 'так'). Супр. 293₂₁; Имѣже образомѣ ждадетѣ еленѣ на источьники водьныа. Тако ждадетѣ дна моѣ вѣ тебѣ же. (т. е. 'так же, как'). Син. пс. XLI, 2 54^b₂₂; ...и престо решти въсѣми образы творѣше спѣхѣ въгодити богу (т. е. 'по всякому'). Супр. 280₂₅. ли по земли. ли по морю. ли по влатомѣ. ли по рѣкамѣ. ли нѣмь образомѣ кымь пѣть творѣшемѣ (т. е. 'по другому'. — К. X.) Син. евх. 42₂. тако и ты вѣлѣзѣ в водѣ. и образѣмь етеромь вѣ водѣ погрѣвенѣ (т. е. 'некоторым образом, как бы'). Хиланд. лист., 8; ...и не бы служилѣ намѣ рабѣскомь чиномѣ (т. е. 'по рабски'. — К. X.) Супр. 262₄.

Однако имя существительное **образѣ** с определением не всегда образует аналитическую форму — эквивалент наречия.

Так, адвербиальное значение отсутствует в следующих примерах, включающих слово **образѣ** в творительном:

і чка не тѣкѣмо своимь образомѣ сѣмыслѣнымь і словесѣнымь. Различьно сѣбрашѣ. нѣ и власѣ много различѣѣ. Син. евх. 18₇; ...сѣтворивши чловека и въобразивши образомѣ стѣмь твоимѣ. Супр. 22₃ (т. е. придал ему твой образ);

Здесь слово **образѣ** не имеет значения адвербиального форматива, так как характеризующие его развернутые определения с притяжательным элементом, прикрепляющие его к определенной личности или предмету, сообщают ему предметное значение 'совокупность качеств' или 'внешний вид'.

⁶⁹ Ср. А. В. Исаченко. Указ. соч., стр. 34.

II. АДВЕРБИАЛИЗАЦИЯ НЕСВОБОДНЫХ РЕЧЕНИЙ, ВКЛЮЧАЮЩИХ ФОРМУ ТВОРИТЕЛЬНОГО

Собственно наречное значение в старославянском языке чаще создается путем переосмысления целых конструкций, включающих творительный, чем отдельных форм творительного в составе свободных словосочетаний, подобных рассмотренным выше.

В тех несвободных речениях, которые являются объектом нашего рассмотрения, деформация словесного выражения мысли находится на первом этапе. Превращение свободного или переменного сочетания слов в устойчивое и неподвижное здесь только начинается. Компоненты, составляющие речение, не образуют нерасторжимого единства с неясной этимологией. Речение семантически разложимо, грамматически расчленено, а переосмысление его находится в зачаточном состоянии и касается, собственно, только именных форм. При этом новое переносное и прежнее прямое лексическое значение форм имени очень близко между собой: новое значение бесспорно является мотивированным.

Какие же черты конструкций с творительным создают условия для переосмысления и адвербиализации именных форм?

Перед нами обстоятельственные по происхождению конструкции творительного, в которых выбор имени существительного в творительном падеже строго предопределен семантикой глагола. Именем обозначается или обычное сопутствующее действию обстоятельство (в этом случае имя существительное представляет собой семантически соотносительное с глаголом образование с отвлеченным значением результата или свойства) — *ударить ударением*, — или обычное простейшее средство для выполнения действия — *видеть глазами*. Ни те, ни другие имена в данных условиях не обладают способностью вносить что-либо новое в условия совершения действия. Если имя существительное употреблено без определения, то роль его сводится к усилению семантики глагола. Новая усилительная семантика укладывается в семантические рамки наречия, поэтому переосмысление влечет за собой адвербиализацию именной формы. Если имя определено теми согласуемыми частями речи, которые не подчеркивают его предметного значения, согласуемое определение передает новому наречному значению свой семантический груз. Группировка примеров в нашем описании произведена в соответствии с тем, с каким типом обстоятельственных конструкций творительного соотносятся несвободные речения.

К первому типу мы относим речения, омонимичные с беспредложными конструкциями творительного, имеющими значение совместности или внутренней причины. Например:

а) *і нже зъясловити отца ли матерь. съмрътъж оумьретъ*. Мат. XV, 4. Мар. 51₁₇, Зогр. 22; Марк VII, 10. Мар. 141₇; *оудариша тѣ цѣсарю за ланитоу оударенимъ*. Праж. глаг. отр. II, стр. 21; *слухомъ слышат и не разумѣтъ*. Супр. 334₂₀; ... *се нѣи чьстыжъ свѣтънѣхъ чьстѣмъ*. Киев. мисс. 46; *и рече къ нимъ желѣниемъ се въждемъхъ пасха чѣсти съ вами*. Лука, XXII, 15. Мар. 297₂₁, Зогр. 128;

б) *Възвеселіші і радостыжъ съ лицемъ твоимъ*. Син. пс. XX, 7, 24₈; *И прегнѣва съ вѣростіжъ (так! — К. Х.) гъ на люді своѣ. И омръзѣ емоу достоѣнне свое*. Син. пс. CV, 40, 140₁₇; *О възъпнѣвшии гласомъ отъ народа*. Перечень глав ев. от Луки, Мар. 187₂₂, Зогр. 79; ... *вы видѣсте и повѣдите людискъ земаж и декапантскъ. изгорѣвъшъ огнемъ*. Супр. 129₄.

Как можно заметить, внешней приметой речений с адвербиализую-

щейся формой имени является тавтология корней имени и глагола, или полная (примеры группы а) или только внутренняя, семантическая (примеры группы б). Однако из этого ничуть не следует, что во всяком словосочетании, характеризующемся тавтологией, происходит адвербиализация именного компонента. Ср.: ...**пакы свѣтиломъ свѣта .дожи и до отъхода прѣподобныхъ отъць.** Супр. 190₈; **Въстрѣжите на новъ мѣсяць трѣвож.** Син. пс. LXXX, 4, 109^a₂; **мо на многы волаци. і на трасцимъ сѧ трасвицеж.** Син. евх. 104₈.

В этих последних примерах формы имени сохраняют предметное значение и передают отношение средства и внутренней причины. Здесь предмет, обозначенный формой творительного, не связан неразрывно с действием и не является его обязательным свойством. Глагол *светить* непременно предполагает присутствие света, но не присутствие источника света в виде светильника, который есть лишь один из возможных средств освещения (наряду со свечой, лампой и т. п.)

Всматриваясь в речение с адвербиализуемой формой имени, можно заметить, что они зачастую созданы искусственно, а не являются результатом переосмысления. Действительно, в некоторых из них формы творительного воспринимаются как намеренно введенные с целью повторения представления о действии и тем самым с целью выражения его интенсивности. Интенсивность действия выражается речениями этого типа в эмоционально-экспрессивной форме. В соответствии с требованиями стиля, они более пригодны для передачи различных оттенков интенсивности, чем наречия, лишенные экспрессивной окраски.

Адвербиализация именных компонентов несвободных речений часто наблюдается и в присутствии прилагательного, согласованного с формой творительного имени. При этом адвербиализация распространяется на прилагательное и охватывает его. Лексическое значение имени прилагательного становится семантическим ядром нового наречного значения, в то время как вес имени существительного, повторяющего значение глагольного корня, заметно уменьшается. По существу, в речении возникает прямая определительная связь прилагательного с глаголом, без посредничества имени существительного⁷⁰.

Со значением усиления, выражаемым формой творительного имени, внутренне гармонируют прилагательные *велики*, *великъ*. Именно такие прилагательные мы и наблюдаем чаще всего в наших примерах.

Ісѣ же възъпниъ гласиъ въльемъ испусти дхъ. Мат. XXVII, 50. Мар. 109₂₂, Зогр. 44, Савв. 114. Ср. также: Мат. XXVII, 46. Мар. 109₇, Зогр. 44, Савв. 113; Марк. I, 26, Мар. 118₉, Зогр. 48; Марк. V, 7, Мар. 131₉, Зогр. 53; Марк. XV, 34, Мар. 183₅, Зогр. 76; Лука IV, 33, Мар. 209₁, Зогр. 88, Ассем. 70₁₀; Лука I, 42, Мар. 193₁₃, Зогр. 82, Ассем. 189₃₁, Савв. 118, Син. евх. 102. ...**припаде къ нему і гласомъ велиемъ рече...** Лука VIII, 28, Мар. 229₂₅, Зогр. 97, Ассем. 78₁₁, Савв. 37. Ср. также Лука XXIII. 46. Мар. 306₂₄, Зогр. 133, Ассем. 135₂₀. Супр. 76₂₇. ...**начатъ все множьство оученикъ... хвалити ба гласомъ велиемъ.** Лука XIX, 37. Мар. 267₆, Зогр. 123; **.единъ же отъ нихъ, видѣвъ тѣло ицѣѣ, възврати сѧ гласомъ велиемъ слава бога.** Лука XVII, 12—19. Ассем. 87₁₃; ...**і оубоѣша сѧ страхомъ велиемъ...** Лука II, 9, Мар. 197₈, Зогр. 84, Ассем. 172₂₃; ...**і оужаснѣша сѧ оужасомъ велиемъ.** Марк. V, 42; Мар. 134₁₈, Зогр. 55; **видѣвъше же звѣздаж въздрадокаша сѧ радостіж велиеж zelo.** Мат. II, I—12, Ассем. 174₁, Савв. 138.

⁷⁰ Ср. М. Ивић. Указ. соч., стр. 236—246.

В примерах, извлеченных из текстов евангелия, обращает на себя внимание неизменный порядок слов в предложениях с именем прилагательным **велики**: последнее находится всегда после существительного.

В Супрасльской рукописи, где вместо **велики** видим всегда **великѣ**, порядок слов не выдержан так строго, как в евангелиях. Ср. например: ... и сице рекѣ възъѣка гласомѣ великомѣ глагола лазарѣ гради еѣнѣ. Супр. 317₄; ... прѣкыми възѣхѣ великомѣ гласомѣ отъѣштакаше. Супр. 99₁₂; ... и ни единѣ отъ васѣ да не съгрѣшитѣ. великыми грѣхомѣ и хоуложѣ же на скатын доухѣ. Супр. 136₁

Если прилагательные **велики**, **великѣ** сообщают усилительной конструкции еще большую степень интенсивности, то прилагательные качественные с другими лексическими значениями направляют смысл предложения по другому пути, делая акцент на качественной характеристике протекания действия. Имя существительное здесь полностью обесцвечено семантически, оно выступает главным образом в роли грамматической опоры для прилагательного. Например:

... яко да видимѣ. како тоу тѣгда дрѣжавоуж крѣпѣкоуж отънѣдѣ дрѣжитѣ. Супр. 462₁₂; ... нѣкацѣми мѣками и горѣкоуж съмрътнѣ погоубыж та окаяне. Супр. 104₂₂; ... въсканнемѣ богу съпасоу нашему гласомѣ веселомѣ. Супр. 319₁₂; ... послушаниа отъ възѣхѣ пресвѣтѣу свободномѣ гласомѣ дрѣзо мѣжскы. Супр. 86₂; ... ксиѣ рѣчнѣ ... отъѣштакаша глагола. Супр. 49; ... рѣша жидовѣ. хс человекѣ вѣѣше и почи яко ноуждѣноуж съмрътѣж. Супр. 136₁₁; ... аште ли не послушакши лютамы мѣками погоубыж та. Супр. 156₆; ... кокогда глагола повелѣно к стѣпныи и чѣстѣныи законы различныи мѣками мѣчити та. Супр. 148₂₄.

Роль качественной характеристики действия в предложениях с творительным отвлеченного результата или свойства может исполнять не только прилагательное, но и определение, выраженное родительным падежом имени существительного. Правда, предметность имени имеет здесь больший вес, чем в предыдущих примерах:

Всѣ ѣзыци възсплещѣте рѣкама. Въскликнѣте боу гласомѣ радости. Син. пс. XLVI, 8 60^b₅.

Адвербиализация именных частей предложения наблюдается и в тех случаях, когда существительное определено прилагательным относительным. Например:

... ани же единѣ отъ каению отърѣзѣ оуста своа рече человекскомѣ гласомѣ (т. е. по-человечески). Супр. 224₅; ... въ то же врѣма вѣ. нѣкто мѣжъ въ поустыни на вѣстоцѣ. аггельскомѣ житиѣмѣ живын на земли (т. е. по-ангельски). Супр. 191₃.

Подобным образом акцентируются и онаречиваются некоторые другие определения, например имя числительное **единѣ**:

Дѣлателе хви акы изъ единѣхѣ оустѣ и единѣмѣ гласомѣ рѣша... (т. е. одновременно). Супр. 59₂₀.

Вопросительное местоимение в аналогичных условиях приобретает значение вопросительного наречия:

... коеж съмрътѣж хотѣше оумръѣти. Ио. XVIII, 32. Мар. 391₃, Ассем. 149₂₀, 131₂₃, Савв. 106; Ио. XII, 33. Мар. 369₉, Ассем. 35₂₆, Савв. 122.

Указательное местоимение, определяющее творительный имени, приобретает семантику наречия 'так'; 'таким образом':

Илезандрѣ рече не разумѣкши ли неразумьне яко вѣсѣ николиже не мжитѣ са тацѣми мѣками. Супр. 158₂₂.

Таким образом, некоторые определения, согласованные с формой творительного имени — качественные и относительные прилагательные, числительные, вопросительные и указательные местоимения — в строго избранных условиях способны деформировать свое значение в сторону наречного при сохранении неизменной формы.

Но не всякое определение к имени существительному со значением отвлеченного результата или свойства действия способно стать смысловым центром наречия. Так, определение имени, имеющее притяжательный смысл, не может быть семантически преобразовано в средство выражения признака действия. Наоборот, выражая принадлежность предмета, такое определение ставит предмет в определенные отношения к тому или иному лицу, что только поддерживает субстанциальную сущность имени, даже в условиях тавтологического повторения корней имени и глагола. Ср., например:

Прохлади хладомъ твоимъ. Син. евх. 69; Оудждри ма мждрестниж твоюж. Супр. 103₁₅; Вьскръвѣхъ печалыж лосеж і сьмаи сьа. Син. пс. LIV, 3, 67^b₁₅; вьси людье слышакъше и мытаре опракъдиша ба крѣштѣше сѧ крѣштениемъ изановомъ. Лука, VII, 29. Мар. 223₁₆, Зогр. 95; ... і вьздъхнухъ дхомъ свемъ гла. чьто родесъ знаменіи; шитетъ. Марк VIII, 12. Мар. 145₉, Зогр. 60.

Таким же образом и описательное выражение с притяжательным значением поддерживает предметность имени, к которому оно относится, даже если в имени повторяется корень глагола:

...можета ли ити чашж ѡже азъ книж. ли крѣплениемъ имъже азъ крѣштаж сѧ крѣстити сѧ. Марк X, 38. Мар. 157₂₁, Зогр. 66, Ассем, 106₂₈; Мат. XX, 23. Мар. 71₃₁, Зогр. 29; ... тож бо мѣрож ежже мѣрите вьзмѣритъ сѧ вамъ. Лука VI, 38. Мар. 218₂₈, Зогр. 93; ... имъже бо сждомъ сждите сждатъ вамъ. Мат. VII, 2. Мар. 18₁₅, Зогр. 7, Ассем. 46₁₄.

Ср. также:

...пригвождениемъ плесною своею. пригвоздитъ еси срце вьскомоу недъгоу. Син. евх., 81₁₅; ... істрыганиемъ жиакъ твоихъ. істрыгалъ еси всѧ жиакы нхъ. Син. евх., 71₆; ... ты оубо чьлювчє црю. приди и пишѣ пришествиемъ стааго твоего дха. Син. евх., 9₂₂.

Ко второму типу мы относим речения, омонимичные с конструкциями творительного средства или локализации состояния.

В отличие от первого типа, здесь мы находим имена существительные с конкретным значением — названия частей тела человека, обычно выполняющих данное действие. В структурном отношении этот тип характеризуется обязательным присутствием определения, согласованного с именем существительным. Определение акцентируется, и его семантика становится центром адвербиального лексического значения⁷¹.

Определением к имени существительному может быть качественное или относительное прилагательное. Например:

милосрѣдънама очима. Вьзри на ма... (т. е. милосердно). Син. евх., 235; ... се дрѣво пророчьскомъ окомъ видѣкъ иеремии (т. е. пророчески). Супр. 353₁;

Что противъ семоу рекътъ дрѣзашити глаголати поустошъными оусты (т. е. легкомысленно). Супр. 358₁₈. ... і мы сь ними вьспоемъ новым[ъ] ѡзвѣком[ъ] пѣснь еванѣлскжж (т. е. по-новому). Клоц. 45;

⁷¹ Ср. пример из русского литературного языка: „Оставили старики эту просительную записочку и пошли домой *веселыми ногами*“ (т. е. весело — К. Х.) Н. С. Лесков. Собр. соч., т. VII. М. 1958, стр. 254.

Възгладна на мѣ ѣзыкомъ лѣстивомъ и словесы ненавидѣньны свидѣ мѣ. (т. е. лѣстиво). Син. пс. CVIII, 2, 144^b₆.

Если имя существительное — название действующего органа — имеет определение в виде притяжательного местоимения *свои*, то при известных условиях лексические значения имени и его определения, сливаясь вместе, образуют основу нового адвербиального значения речения. Например:

... сама *своима рѣкама въземши на ramo. възложи на kola на нѣхъже прочни иже лежаште.* Супр. 96₆. *Своима рѣкама* в этих речениях значит 'собственноручно', 'собственными силами', 'без посторонней помощи'. Не случайно в последнем примере сочетание *своима рѣкама* употреблено параллельно определительному местоимению *сама*, обладающему в данном контексте наречным значением 'без посторонней помощи'.

При глаголе *видѣти* переосмысливается сочетание *своими очами*: *ништо не бо не мождаше своима очима ба бесплѣтна видѣти.* Супр. 11₇.

Своима очима здесь значит 'воочью', как это подсказывает контекст.

Новое адвербиальное значение, однако, требует совершенно определенного порядка элементов: сначала определения, потом определяемого. Ср. примеры, исключаящие адвербиализацию:

... *възърѣкъ очима своима. и оузърѣ стааго савина.* Супр. 146₁₄; *изгнана выста ис породъных пишта дѣлати земьж рѣкама своима.* Супр. 9₁₉.

Отсутствует переосмысление и в тех примерах, где определение, стоящее после определяемого, выражено каким-либо другим притяжательным местоимением:

Испѣвъь сѣ гоу зѣло оусты моими. Син. пс. CVIII, 30 146₁₉; *Гладъ ѣзыкомъ моимъ. Гѣбажи ми ги коньчинъ мож.* Син. пс. XXVIII, 5, 51₁₀; *Приемаещи заветъ мой оусты твоими.* Син. пс. XLIX, 16, 63^b₂₀.

Определительное местоимение *въсь* в сочетании с именами существительными „сердце“ и „душа“, „разум“, „мысль“ при глаголах, обозначающих действия, приписываемые этим предметам, становится семантически центром нового наречного значения, указывающего на высокую степень силы чувства. Например:

Испѣвъь сѣ тебѣ ги въсььмъ срѣемъ моимъ. Син. пс. CX, 1, 147₉ и другие места (всего 5 примеров). Супр. 354₂₀ и другие места (13 примеров).

Възакъбиши га ба твоего. отъ въсего срѣца твоего и въсеж дщевъ твоеж і въсььмъ помышленемъ твоимъ. Лука X, Мар. 243₂₃, Зогр. 104, Ассем. 81₂₁, Савв. 39.

Известны примеры, в которых группы слов „всем сердцем“ и „всею душою“ не предопределяются так строго семантикой глагола, как в вышеприведенных примерах. Эти сочетания как бы отрываются от глагола „любить“ и начинают самостоятельно употребляться в значении „искренне“, „горячо“, „благоговейно“, „непритворно“.

Первым шагом на пути отрыва именных компонентов от определенного глагола, можно думать, явилось их употребление при глаголах, семантически близких тем, с которыми именные компоненты составляли нерасторжимое единство.

Новое наречное значение постепенно становится признаком не одного, а нескольких разных действий и, следовательно, становится независимым от глагола (хотя эта независимость относительна, далеко не безгранична). Например:

Въсььмъ срѣемъь моимъ възискаухъ тебе. Син. пс. CXVIII, 10, 155₇; *Язъ же въсььмъ срѣемъ моимъ испытажъ заповѣди твоя.* Син. пс.

СХVIII, 69, 159¹⁶; *Въразоуми мѣ і испытаж законъ твоі. І съхранѣ і въсьмъ срѣцьмъ моіъмъ.* Син. пс. СХVIII, 31, 156^b₁₇; ...*помилуи стенѣштѣ въсьмъ душеж.* Супр. 392₃.

В последнем примере действие, обозначенное глаголом *стенати*, производится явно „не пригодным“ для его выполнения предметом — душой, и в своем прямом смысле конструкция казалась бы абсурдной. Таким образом, речения, отмеченные в последних примерах, не омонимичны конструкциям с творительным, имеющим предметное обстоятельное значение. Интересно, что наш материал дает возможность проследить, от каких именно глаголов „оторвались“ именные элементы бывших приглагольных конструкций, зажившие в старославянском литературном языке самостоятельной жизнью.

По своему фразеологическому качеству данный тип речений представляет собой следующий этап на пути слияния, интеграции компонентов. Словосочетания, безусловно, переосмыслены, и их идиоматический смысл значительно отличается от первоначального. Этот тип речений небогат по количеству; приведенными единичными примерами исчерпываются все его проявления.

Как отдельные наречия, так и адвербиализованные формы в составе фразеологических единиц имеют в старославянском языке некоторые общие черты. Как те, так и другие в своем большинстве еще очень близки к именным формам с предметным значением и воспринимаются как их омонимы. Формальное закрепление наречного значения, препятствующее омонимии, наблюдается в единичных случаях. Еще более редки препятствующие омонимии случаи отрыва переосмысленных именных элементов несвободных речений от глаголов, с которыми они были скреплены. Все это свидетельствует о том, что адвербиализация форм творительного зафиксирована в старославянском в начальном периоде ее истории.

В заключение отметим, что собственно наречное значение в старославянском языке чаще создается путем переосмысления целых конструкций, включающих творительный, чем отдельных форм творительного в составе свободных словосочетаний.

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПРИИМЕННОЙ

Рассматривая разряд приименных конструкций творительного, легко увидеть их тесную связь с приглагольными.

При этом можно заметить, что одна категория приименных конструкций ничем не ограничена в своей семантической соотносительности с приглагольными, другая же тяготеет по смыслу только к некоторым определенным приглагольным конструкциям.

Так, в конструкциях с творительным, употребленным при отглагольном имени существительном, можно наблюдать все те значения творительного, которые мы отметили в приглагольных конструкциях. В самом деле мы и находим в старославянском многие из обстоятельственных значений творительного в приименном употреблении, хотя каждое значение обычно представлено очень немногими или одним примером.

Имена прилагательные качественные в положительной и сравнительной степенях, имена существительные со значением опредмеченного свойства и некоторые другие имена существительные неконкретного значения имеют в своем лексическом содержании черты, общие с глаголами состояния. Поэтому конструкции с творительным, зависящим

от этих именных форм, соотносятся только с теми приглагольными конструкциями, доминирующий член которых обозначает состояние: с конструкциями локализации состояния, с конструкциями внутренней причины и внешней причины.

1. ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПРИ ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕНАХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

К числу отглагольных имен существительных относим имена существительные с отвлеченным значением действия и имена существительные со значением деятеля. Все примеры конструкций с творительным, зависящим от таких имен существительных, мы разделяем на группы в зависимости от того, с какими из приглагольных конструкций они обнаруживают связь.

а. Значение внешней причины.

молимъ са небесааго цѣсарьства съпричастьници имъ быти благо-
дѣтъж и члвкъколюбимъ хса ба нашего. Супр. 543₉; ... син нарече са
прѣпростыи въсеж братиж. игоже молитвами причастьници вждемъ
цѣсарьства небесъскааго. Супр. 174₅; ѡ одѣлѣнн на мъ лъсти коумиръ-
сѣти. съшестениемъ стааго емоу дха го. Син. евх., 156₁₀.

б. Значение орудия.

... чоудеса ижи слышахольмъ выкъша отъ блаженааго иана. иана ви-
димъ выкъша ржкож ткож съвръшениа. Супр. 551₁₈; Гъ оутверъж-
денъе людемъ своимъ. И заштительъ спнъемъ хъ своего естъ. Син. пс.
XXVII, 8, 33₈.

в. Значение предмета, присоединяемого к объекту.

... слыщаща по мороу хождение. недѣлааюе винодатие. नेताжанижъ
иштитеж крмленне. Супр. 323₂₁.

г. Значение объекта.

... въ нухъже много величаные и въвѣшнимъ одѣаннимъ. и мно-
гомъ различнимъ трепезы. Супр. 491₁₄.

д. Значение логического субъекта.

ѡ раздрѣшени. всеа жъзы неправедъныхъ прѣстымъ его дхомъ. го
помо. Син. евх., 157₄.

Ср. обозначение логического субъекта в конструкции с отглагольным именем существительным при помощи родительного падежа с предлогом отъ:

Бысть же сътазанне отъ оученикъ иоановъ. с юден о очищении.
Ио. III, 25. Мар. 324₈.

2. ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПРИ ИМЕНАХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Творительный падеж отмечен как при именах прилагательных, представляющих собой именную часть составного сказуемого, так и при именах прилагательных, выступающих в функции определения.

И в том, и в другом случае творительный приаъективный семантически чаще всего соотносится с творительным приглагольным в значении локализации состояния; в приаъективном употреблении, впрочем, следует говорить уже не о состоянии, а о качестве в широком смысле. Кроме того, известные случаи, когда творительный приаъективный по значению соотносится с приглагольными конструкциями внешней и внутренней причины.

Прилагательное, от которого зависит творительный имени существительного, является в подавляющем большинстве случаев со-

ставной частью именного сказуемого. При употреблении в функции сказуемого прилагательное приближается к глаголу не только потому, что в содержании этих частей речи может быть какой-то общий лексический момент (мы имеем в виду глаголы состояния, которые по общему семантическому содержанию приближаются к значению качества, типичному для имени прилагательного), но и потому, что прилагательное, входящее в состав сказуемого, выступает в синтаксической роли, обычной для глагола. Если отглагольные имена существительные связаны с глаголом только через лексическую сторону, то прилагательные-сказуемые связаны с глаголами состояния не только через лексику, но и через синтаксис.

В принципе употребление творительного при прилагательном-сказуемом, таким образом, мало отличается от употребления его при личной форме глагола состояния; разница состоит главным образом в оттенке лексического значения, выражаемом этими частями речи в функции сказуемого.

Вместе с конструкциями, включающими имена прилагательные, рассматриваются конструкции с адъективированными причастиями.

Прилагательное или причастие, входящее в составное сказуемое, выступает в старославянском языке только в краткой форме. Приведем примеры на употребление творительного при именах прилагательных, выступающих в качестве составной части сказуемого.

1. Конструкции творительного приадъективного, семантически соотносительные с приглагольными конструкциями творительного локализации состояния:

а) ... тѣломъ малъ вѣ. Лука XIX, 3. Мар. 283₂₀, Зогр. 122; и ксть зѣло старъ и свѣтлѣ лицемъ. Супр. 302₂₁;

б) ... вѣтше дѣвъ вѣрож и трыпѣникемъ. Супр. 47₂; высокъ еждъ потыштаннимъ. Супр. 332₁₉; Единъ же отъ нихъ... басон именемъ. свѣтелъ сы благодѣтиж. Супр. 62₂₇; ... нечистын и непрѣподобныи сыне днзюль омрачене оумомъ. Супр. 227₄;

в) і насучите са отъ мене фко кротокъ есмъ и съмѣренъ срдцимъ. Мат. XI, 29. Мар. 36₂₄, Зогр. 15, Ассем. 167₉ (Ср. формулу съмѣренъ срдцимъ в Син. ех., 277, Супр. 544₃₀); блажени чистни срдциемъ Мат. V, 8. Зогр. 3, Ассем. 144₁₈; Лука I, 125, Савв. 119. Ср. Син. ех., 264; Блажени ништи дхомъ. Лука IV, 20, Зогр. 91, Ассем. 159₃₁, Савв. 128. Ср. также Мат. V, 3, Зогр. 2, Ассем. 144₁₂, Лука I, Савв. 119;

г) ... она же рѣсте емоу. фже о истъ назарѣниитѣ. іже вистъ мжжъ прѣкъ силенъ дѣломъ и словомъ. Лука XXIV, 19. Мар. 309₁₆, Зогр. 134, Ассем. 31₄. Ср. Супр., 476₁₂ и др., всего 16 примеров; ... ровъ же вжи гръчскомъ азыкомъ вѣаше грѣвъ и неустроеникъ. Супр. 48₂₈; Оица вѣ и змиа. сладка вестѣдож нъ горька лъстиж. Супр. 351₈;

д) ... сему же възрастомъ съврѣшеноу выкъшоу. родителѣ кмоу съкѣптаста са женити і... Супр. 24₂₇; ... азъ на нашии земли слаенъ сы племенемъ высокъ же саномъ. Супр. 63₈.

Как видно из примеров, приадъективные конструкции локализации близки соответствующим приглагольным конструкциям и по лексическому значению имен существительных, принимающих форму творительного падежа, и по лексическому значению субъекта. И в тех, и в других в качестве субъекта всегда выступает человеческое существо, а форма творительного образуется от имен существительных, указывающих на его физические или психические атрибуты: части тела и органы, внутренние качества, способности, аспекты деятельности.

В числе приименных падежных конструкций, синонимичных конструкциям творительного локализации, можно назвать несколько редко употребляемых разновидностей.

а) родительного падежа отношения:

... съ женожъ зъласиракънжъ разоумѣ. Супр. 169₇; ... [дѣвица] недо-
статочны сѣшта имѣния. Супр. 369₅.

б) родительного падежа с согласованным определением:

... савинъ кто именемъ въ то крѣиа сы... блага рода сы. Супр. 145₉.

в) локатива с предлогомъ вѣ:

азъ бо есмь старъ и жена моѣ заматорѣвъши въ днѣхъ своихъ.
Лука I, 18. Мар. 191₃. Ср. также Лука I, 7, Мар. 190₃.

Творительный приадективный со значением локализации качества известен и в современных языках, но в ограниченном употреблении. В чешском же он почти совсем утрачен⁷².

В старославянском языке уже наблюдается это сужение сферы употребления рассматриваемой конструкции: здесь предмет, представляющий собой ту часть субъекта, в которой локализуется качество, чаще выступает как самостоятельный субъект. Например:

въ члѣвѣхъ тоу и рѣка деснаа емоу въ соуха. Лука VI. 6. Мар. 215₁₄;
въашете бо имъ очи таготыиѣ. Марк. XIV, 40. Мар. 175₂₀; ... егда оубо око
твое просто вѣдетъ. і въсе тѣло твоє свѣтло вѣдетъ (вместо 'будешь
прост оком, светел телом'). Лука XI, 34, Мар. 250₁.

2. Конструкции творительного приадективного, семантически соотносительные с приглагольными конструкциями творительного внутренней причины:

... моры выша нгы наша крѣвѣжъ нашеж. Супр. 77₂₄; Просимъ ты
въсемогъ бже да ѣбоже есмь скръвни грѣхъи нашии милостыжъ твоєж
отъ въсѣхъ зълии нашихъ очисти ны. Киев. мисс., 48; ... ѣбоже бо
и грѣхъ въкоушениемъ ѣко сладокъ естъ. нъ послѣдъ горьчѣе зъчи
обрѣтаетъ са. Син. евх., 197; хъи кемъ воини. и призыванкъмъ вла-
дыкы нашего. непогѣдни сѣште о къзвнѣхъ воина твоего сотоны. Супр. 100₁.

3. Конструкции творительного приадективного, семантически соотносительные с приглагольной конструкцией творительного внешней причины:

Дне морьскыа сланыа воды. сладкы бываѣтъ. авлениемъ своего
влады. Син. евх., 5₈; ... а ты ли разбеника въводиши. иже тьмами зъла
и тьмами безаконии вини кътъ. Супр. 308₂₈.

На месте творительного падежа в приадективных конструкциях внешней причины иногда встречаем предложно-падежные образования:

а) родительный с предлогомъ отъ:

... не повиненъ есмь отъ крѣве сего праведнааго. Мат. XXVII, 24,
Мар. 107₉.

б) локатив с предлогомъ о:

... не о хлѣбѣ единомъ живѣ вѣдетъ члѣвѣ. нъ о всѣкомъ глѣ
исходаниимъ изъ оустъ бжнихъ. Мат. IV, 4. Мар. 8₆₋₇; ... онъ же
драхлъ вывъ о словеси. отиде скръва. Марк X, 22, Мар. 155₂₉.

Локатив с предлогомъ о в подобных конструкциях обычно определяется как локатив основания⁷³

в) винительный с предлогомъ за:

... і прискрѣбенъ высть цсръ за клатвы. Марк VI, 26. Мар. 137₁₃.

⁷² См. сб. "Творительный падеж в славянских языках".

⁷³ В. Н. Топоров. Локатив в славянских языках, т. I, стр. 371, 372.

Творительный приадективный с причинными значениями не получил широкого развития в славянских языках. Он известен только в чешском, знающем приадективный творительный причины с древних времен.

Зафиксированные нами синонимические конструкции творительного приименного совпадают с синонимическими конструкциями творительного приглагольного. Весьма характерно, что приименной творительной внешней причины употребляется реже, чем синонимичные падежно-предложные образования. Подобный процесс вытеснения творительного внешней причины соседними формами мы наблюдали и в приглагольных конструкциях.

Прилагательное-определение, от которого зависит форма творительного, наблюдается как в краткой, так и в полной форме (число примеров с краткими и полными формами приблизительно одинаково)⁷⁴.

Творительный при прилагательных-определениях семантически чаще всего соотносится с приглагольными конструкциями локализации состояния. Например:

- а) *вижджъ въ мжжи ростомъ добры. и красъны...* Супр. 175₂₃; ...*и сѹсторон и въ стѣжъ цркѣ твожъ. съдрава дшѣжъ и тѣломъ.* Син. евр., 59₄;
 б) *крѣпъкааго же трѣпѣнимъ. оублажиаъ еси ѿва.* Супр. 232₁₉;
 в) *Оржие извѣшя грѣшнии...* *Заклати правыа срѣмъ.* Син. пс. XXXVI, 14, 47. Ср. также Син. пс. 117^b, 45^b₁₂₁, 127₁₈, 170₁₇;
 г) *паулъ нѣкто польскыи ратан. издрадъ безъклобенъ и простъ житиамъ. съ красною женою съпраже са.* Супр. 169₆; *ніколиже видѣвъше благодѣтеля. и слакъна воголѣпными чудесы.* Супр. 322₂₉.

Как видно из примеров, лексические типы приадективных конструкций локализации при определениях повторяют лексические типы приадективных конструкций при сказуемом. Разница только в количестве тех и других.

Лишь в одном примере творительный при адективе-определении семантически близок к приглагольному творительному внутренней причины:

- мръткъ грѣхы сълѣзъ, излазиши оживленъ правдою.* Хиланд. лист., 7.

3. ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПРИ ФОРМЕ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И НАРЕЧИЙ

Примеры конструкций этого типа в старославянском очень немногочисленны; все они семантически соотносятся с приглагольными конструкциями локализации состояния через посредство приадективных конструкций локализации качества.

а. Сравнительная степень прилагательного в сказуемом:

- Пръвокъ прѣдъложжъ въ словеси отца ѿвана мальчаниааго. иже в люностыри блаженааго савы якоже и лѣты и житиамъ свѣтъломъ. инѣхъ въсѣхъ старѣица сжшта.* Супр. 278₁₃. *и тѣи вѣолевме. землею юдова. ничимъже меньши еси въ владикахъ юдовахъ.* Мат. II, 1—12, Ассем. 173₂₆;

⁷⁴ В наших примерах полная форма прилагательного зафиксирована или при определении им звательной формы имени существительного, или в тех случаях, когда прилагательное субстантивизируется, приобретая значение лица. И тот и другой случай употребления полной формы являются обычным для старославянского языка. Ср. Н. И. Толстой. Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке. — „Вопросы славянского языкознания“, вып. 2. М., 1957, стр. 61, 119.

6. Сравнительная степень прилагательного в определении:

ѡзыкъ мѡи трѣтъкъ кънижъника ѡдропишца. Краснѣница добрѡтъж пачѣ снѣ члвчѣ. Син. пс. XLIV, 3, 58¹.

4. ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПРИ ИМЕНАХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ НЕОТГЛАГОЛЬНЫХ

Примеры таких конструкций в старославянском немногочисленны; некоторые из имеющихся однотипны. Имя существительное, от которого зависит форма творительного, входит или в состав сказуемого, или в состав несогласованных определений.

Эти конструкции есть основание считать продолжением приаждективных, которые, в свою очередь, связаны с приглагольными конструкциями локализации и причины. Первоначальное значение локализации и причины получает в присубстантивных конструкциях дальнейшее видоизменение: здесь оно становится более слабо выраженным.

Имя существительное, от которого зависит форма творительного, обозначает в субстантивированном виде свойство или признак лица, форма творительного прикрепляет это свойство к тому или иному атрибуту лица или указывает на причину признака или состояния. Приведем несколько примеров на творительный со значением локализации:

...ничѣ же вѣкъ ѡдинѣ именемѣ лзарѣ. Лука XVI, 20. Мар. 273⁶, Зогр. 117, Ассем. 77²³, Савв. 33 (примеры творительного присубстантивного от слова *имѣ* исчисляются десятками);

тѣчѣж же ѡузрѣвѣтъ братѣж и приснаго брата вѣнѣкмина... брата и кѣствомѣ и ѡумомѣ. Супр. 367²⁹.

В старославянских текстах есть случаи иной интерпретации представления, выражаемого творительным падежом имени существительного: это представление может быть изображено в виде субъекта.

Ср.: ...къ двѣтъ ѡврѣченѣ мѣжеви ѡмужѣ имѣ носифѣ. Лука, I, 27. Мар. 192⁴.

В одном примере находим творительный со значением внутренней причины:

...сѣврѣгы на земѣж ѡстѣмьшаѣ съ нимѣ аѣлы. Дѣмоны зѣлобожъ быша. Син. евх., 125⁸.

Список использованных источников с указанием принятых сокращений

1. Ассем. F. Rački. Assemanov ili Vaticanski evangelistar. Zagreb, 1865.
2. Зогр. V. Jagić. Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitani. Berolini, 1879.
3. Клоц. V. Vondrák. Glagolita Clozův. Praha, 1893.
4. Киев. мисс. Glagolitica. Würdigung neuentdeckter Fragmente von Dr. V. Jagić. Wien, 1890.
5. Лист. Унд. Е. Ф. Карский. Листки Ундольского. СПб., 1904.
6. Макед. глаг. лист. Г. А. Ильинский. Македонский глаголический листок. СПб., 1906.
7. Мар. И. В. Ягич. Марииинское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. СПб., 1883.
8. Праж. глаг. отр. Н. К. Грунский. Пражские глаголические отрывки. СПб., 1905.
9. Савв. В. Н. Щепкин. Саввина книга. СПб., 1903.
10. Син. евх. R. Nachtigal. Euchologium sinaiticum, starocerkvenoslovanski glagolski spomenik, II Del. Ljubljana, 1942.
11. Син. пс. С. Северьянов. Синайская псалтырь. Пг., 1922.
12. Супр. С. Северьянов. Супрасльская рукопись. СПб., 1904.
13. Хиланд. лист. С. М. Кульбакин. Хиландарские листки. СПб., 1900.

Г. П. Нецименко

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ЖЕНСКОГО РОДА СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА В СОВРЕМЕННОМ ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ

Целью данной работы является установление степени продуктивности словообразовательных средств существительных женского рода со значением лица в современном чешском языке на материале словарей, а также произведений художественной литературы, прессы.

Чешский язык характеризуется наличием сложившейся в нем веками традиции выражать родо-половые различия при помощи словообразовательных средств, поэтому для обозначения лиц женского пола в нем, как правило, привлекаются имена существительные женского рода со значением лица, непосредственно соотнесенные в семантическом и словообразовательном отношении с существительными мужского рода со значением лица. За последнее время приток новых существительных женского рода со значением лица в результате революционных преобразований, произошедших в жизни Чехословакии в 1945 г., особенно увеличился. За указанный период появились, например, такие слова, как:

<i>plánovačka</i>	‘женщина-плановик’,
<i>revolverárka</i>	‘револьверщица’,
<i>rentgenoložka</i>	‘женщина-рентгенолог’,
<i>chemička</i>	‘женщина-химик’,
<i>majorka</i>	‘женщина-майор’,
<i>jeřábniče</i>	‘экскаваторщица’,
<i>plukovnice</i>	‘женщина-полковник’,
<i>ministryně</i>	‘женщина-министр’,
<i>dramaturgyně</i>	‘работник литературной части в театре’,
<i>poslankyně</i>	‘женщина-депутат’.

Некоторые из приведенных выше слов существовали и раньше, но со значением жены лица, названного по его профессии, роду деятельности, занимаемой должности и т. д.

Процесс обогащения словарного состава неразрывно связан с переоценкой имеющихся в языке словообразовательных элементов и, в частности, суффиксов женского лица, под углом зрения их жизнеспособности, словообразовательной активности, т. е. того, что обычно называют продуктивностью.

Проблема продуктивности вообще и, в частности, продуктивности словообразовательных средств существительных женского рода со значением лица, несмотря на ее несомненную актуальность, относится к наименее разработанным областям словообразования. Ряд ценных замечаний, высказанных по этому поводу в работах Крушевского, Богородицкого, Виноградова, Винокура, Левковской, Шанского, Ковалика, Хенцена, Шмиляуэра, Дорошевского и др., как правило, еще не получил последовательного применения в языковедческой практике.

Способностью участвовать в акте словотворчества различные словообразовательные морфемы наделены в различной мере. Определение степени продуктивности в каждом конкретном интересующем нас случае представляет значительные трудности. Для того, чтобы установить степень продуктивности словообразовательной морфемы, необходимо учитывать ряд данных: характер ее структурных и семантических связей; степень ее участия в процессе образования новых слов; позицию, занимаемую ею при конкуренции идентичных в семантическом и стилистическом отношении морфем. Именно эти критерии и были положены в основу определения степени продуктивности суффиксов со значением женского лица. Указанные критерии не являются равноценными: первые два критерия (структурный и семантический), помимо того, что они указывают степень продуктивности словообразовательного средства, в то же время являются и условиями, обеспечивающими продуктивность морфемы, так как степень продуктивности словообразовательного средства зависит от присущей ему гибкости, емкости в структурном и семантическом отношениях.

Два последние критерия, напротив, являются условиями, в которых проявляется степень продуктивности словообразовательного средства: так, если словообразовательная морфема принимает активное участие в создании новообразований и занимает устойчивые позиции в процессе конкуренции с менее жизнеспособными словообразовательными средствами, то у нас есть основания говорить о ее продуктивности.

При определении степени продуктивности словообразовательного средства важно также установить общую численность слов, образованных при помощи данной морфемы.

Следует заметить, что вывод о продуктивности той или иной морфемы может быть наиболее полным и надежным, если он делается на основе комплексного рассмотрения всех перечисленных выше данных. Установление степени продуктивности лишь при учете одного из указанных критериев в ряде случаев может привести к ошибочным выводам. Часто в качестве такого единственного критерия, например, используется критерий частотности. Действительно, в большинстве случаев частота употребления морфем при образовании различных слов является отражением их продуктивности в данный период существования языка, однако есть и такие случаи, когда широкое распространение данной морфемы является следствием ее былой продуктивности.

Далее, степень продуктивности словообразовательного средства можно выявить лишь при рассмотрении его в системе всех словообразовательных морфем данного типа — в нашем случае это суффиксы со значением женского лица. Установление степени продуктивности словообразовательного средства должно быть соотнесено и с какой-либо определенной эпохой существования языка, так как суффиксы, продуктивные для одной эпохи, нередко впоследствии утрачивают эту продуктивность.

Наконец, продуктивность словообразовательного средства может быть различной в зависимости от того, идет ли речь об использовании дан-

ного словообразовательного средства в диалектах или литературном языке. В настоящей работе рассмотрение степени продуктивности суффиксов со значением женского лица ограничивается рамками современного литературного чешского языка.

Учитывая все указанные выше показатели продуктивности, можно установить следующую градацию словообразовательных средств по степени их продуктивности: продуктивные — непродуктивные словообразовательные средства. Характерной чертой существительных женского рода со значением лица, образованных при помощи продуктивных словообразовательных средств, является прозрачность их словообразовательной структуры, широта структурных и семантических связей выделяемых у них суффиксов, легкая воспроизводимость обнаруживаемых у этих существительных словообразовательных типов. Непродуктивные, мертвые, словообразовательные суффиксы, напротив, бывают представлены в языке в составе застывших образований более древней стадии существования языка (*-na—panna*; *-ovna—královna*).

Утрата словообразовательным средством своей продуктивности находит выражение обычно в потускнении семантики данной морфемы, в изменении членения словообразовательной структуры слова и влечет за собой сокращение количества существительных, образованных при посредстве этого словообразовательного средства, сужение сферы употребления произведенных с его помощью слов.

Живые словообразовательные средства, находящиеся в активе языка и объединенные нами в общей рубрике продуктивных словообразовательных средств, в свою очередь могут быть подвергнуты дальнейшему делению на очень продуктивные и ограниченно продуктивные словообразовательные средства. Внутри последних выделяются малопродуктивные словообразовательные средства. К очень продуктивным словообразовательным морфемам относятся наиболее жизнеспособные морфемы, характеризующиеся как шириной структурных связей, так и емкостью своей семантической природы. В силу этого количество существительных, образованных при посредстве данных суффиксов, исключительно велико.

Общим признаком для всех словообразовательных средств, относимых нами к разряду очень продуктивных словообразовательных суффиксов, является то обстоятельство, что они присоединяются к продуктивным типам основ и привносятся в образующиеся с их помощью слова актуальные для данного периода существования языка значения.

Степень словообразовательной активности ограниченно продуктивных словообразовательных средств значительно ниже. Семантические и структурные связи этих суффиксов менее широки. Однако указанные словообразовательные средства все еще продолжают играть существенную роль в процессе образования слов. Наконец, степень продуктивности малопродуктивных словообразовательных средств очень низка. Количество образованных с их помощью слов очень невелико.

Следует заметить, что границы между выделенными группами словообразовательных средств довольно подвижны. Ограниченно продуктивные на данном этапе существования языка словообразовательные средства могут стать впоследствии очень продуктивными словообразовательными морфемами (впрочем, подобная активизация непродуктивных, мертвых, словообразовательных средств не представляется нам возможной) и, наоборот, продуктивные словообразовательные морфемы с течением времени могут утратить свою продуктивность. Так, в ходе развития языка значительно снизилась словообразовательная активность суффиксов

женского лица *-yně*, *-kyně*. Далее, интересно отметить, что у словообразовательных суффиксов, относящихся к одному и тому же из перечисленных выше типов, продуктивность может проявляться в неодинаковой мере. Достаточно сослаться на тот факт, что словообразовательный суффикс со значением женского лица *-ka*, относимый нами, наряду с суффиксом *-nice*, к разряду очень продуктивных словообразовательных средств, в настоящее время значительно превосходит последний (как мы увидим ниже) по степени словообразовательной активности.

Некоторые словообразовательные морфемы обнаруживают значительную устойчивость в отношении степени своей продуктивности. Так, например, упоминавшийся уже суффикс женского лица *-ka* был очень продуктивным еще в древнечешском языке¹ и сохраняет эти свои словообразовательные возможности по сей день.

Ниже мы попытаемся на конкретном языковом материале проиллюстрировать применение выдвигаемых критериев продуктивности словообразовательного средства.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СЦЕПЛЯЕМОСТЬ МОРФЕМЫ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СТЕПЕНИ ЕЕ ПРОДУКТИВНОСТИ В ЯЗЫКЕ

Чем шире и многообразнее структурные связи словообразовательного элемента, тем больше у него оснований быть продуктивным словообразовательным средством. Однако для определения степени продуктивности суффикса недостаточно иметь представление только о численности характерных для него структурных связей. Очень важно принять во внимание, насколько велик охват этими структурными связями наиболее продуктивных для данного периода существования языка основ. Последнее обстоятельство представляется нам очень существенным: если в кругу основ (пусть и достаточно обширном), к которым присоединяется данный суффикс, отсутствуют продуктивные типы основ, то продуктивность самого суффикса ставится под сомнение.

По своей структуре² существительные женского рода со значением лица в подавляющем большинстве случаев представляют образования, включающие следующие суффиксы женского лица: *-ka*, *-nice*, *-ová*, *-kyně*, *-yně*, *-ovka*, *-ička*, *-ečka*, *-inka*, *-uška*, *-atka*, *-ezna*, *-na*, *-ena*, *-(ě)nka*, *-ova*, *-a*, *-i*³.

Как правило, производящей словообразовательной основой существительных женского рода со значением лица являются основы соответствующих существительных мужского рода, которые либо полностью совпадают с этой словообразовательной основой (*učitelka* 'учительница'), либо входят в нее в модифицированном виде (*soudce* 'судья', *soudkyně* 'женщина-судья', *bojovník* 'борец', *bojovnice* 'женщина-борец' — усечение суффикса со значением мужского лица⁴, чередования, качественные и

¹ A. Gregor. *Přechylování v staročestíně*. — "Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university", 1956, roč. V, № 4.

² Объем статьи не позволяет нам подробно остановиться на анализе словообразовательной природы рассматриваемых существительных. По этой же причине количество иллюстративного материала сведено до минимума. Соображения экономии места заставили нас, в частности, в морфологической классификации прибегнуть к группировке основ, к которым присоединяются суффиксы женского лица, по чисто внешнему (в ряде случаев) признаку — виду конечного согласного основы (основы на *-t*, на *-r* и т. д.).

³ Для удобства изложения мы рассматриваем в составе суффикса и флексию.

⁴ По нашему мнению, можно считать, что существительные женского рода *bojovnice*, *soudkyně* и т. д. образовались от производящей словообразовательной основы существительных мужского рода *bojovník*, *soudce* (при усечении суффикса со значением мужского лица) посредством присоединения суффикса женского лица *-nice*, *-kyně*.

количественные — *g* || *ž:biolog* — *bioložka* 'биолог' — 'женщина-биолог' и т. д.). Впрочем, не все существительные женского рода со значением лица могут быть подведены под эту схему. Необходимо указать на целый ряд существительных женского рода со значением лица, являющихся аналогическими образованиями по указанной выше господствующей словообразовательной модели (*brusinářka* 'сборщица брусники' и т. д.). Словари чешского языка не фиксируют соответствий в мужском роде для этих существительных, так как они либо вообще никогда не существовали, либо вышли из употребления. Производящей словообразовательной основой для ряда других существительных женского рода со значением лица послужили существительные женского и среднего рода со значением лица, неличные имена существительные, прилагательные и т. д., например, *nevěstka* 'женщина легкого поведения' (от *nevěsta* 'невеста'), *děvečka* 'служанка' (*děvče* 'девушка'), *nedělka* 'женщина, родившая неделю назад' (*neděle* 'неделя'), *pěknice* 'красивая женщина' (*pěkný* 'красивый'). Несколько обособленно стоят существительные женского рода со значением лица, являющиеся ныне непроезводными и составляющие вместе с соответствующими им (в семантическом отношении) существительными мужского рода гетеронимные пары: *muž* — *žena*, *bratr* — *sestra*.

Наибольшим богатством структурных связей отличается, как мы сможем убедиться ниже, суффикс женского лица *-ka*. В современном чешском языке он присоединяется к следующим типам основ:

1. К основам существительных мужского рода на *-tel*, *-itel*, которые в свою очередь, как правило, являются отглагольными образованиями. Например:

<i>dopisovatel</i> — <i>dopisovatelka</i>	'корреспондентка' (PSI) ⁵ ,
<i>myslitel</i> — <i>myslitelka</i>	'мыслительница' (PSI)
<i>osvoboditel</i> — <i>osvoboditelka</i>	'освободительница' (PSI)
<i>překladatel</i> — <i>překladatelka</i>	'переводчица' (PSI),
<i>dohlížitel</i> — <i>dohlížitelka</i>	'надсмотрщица' (PSI).

Данная модель устойчива и широко представлена в современном чешском языке. Приводимые нами примеры являются лишь незначительной частью собранного материала.

2. К основам существительных мужского рода на *-č*.

а) *-(a)č*, *-(á)č*. Например:

<i>česáč</i> — <i>česačka</i>	'сборщица фруктов, хмеля и т. д.' (PSI),
<i>dohazovač</i> — <i>dohazovačka</i>	'посредница' (PSI),
<i>posluchač</i> — <i>posluchačka</i>	'слушательница' (PSI),
<i>hlaváč</i> — <i>hlavačka</i>	'женщина с большой головой' (PSI).

б) *-(e)č*. Например:

<i>povaleč</i> — <i>povalečka</i>	'лентяйка' (PSI),
<i>svářeč</i> — <i>svářečka</i>	'сварщица' (PSI),
<i>vyprávěč</i> — <i>vyprávěčka</i>	'рассказчица' (PSI),
<i>uchazeč</i> — <i>uchazečka</i>	'претендентка' (PSI),
<i>donašeč</i> — <i>donašečka</i>	'доносчица; разносчица' (PSI).

⁵ „Příruční slovník jazyka českého“. Praha, 1935—1956. Здесь и в дальнейшем обозначается сокращенно — PSI.

с) *-(i)č*. Например:

<i>volič</i> — <i>volička</i>	‘избирательница’ (PSI),
<i>šič</i> — <i>šička</i>	‘швея’ (PSI),
<i>čistič</i> — <i>čistička</i>	‘чистильщица’ (PSI),
<i>dojič</i> — <i>dojička</i>	‘дойрка’ (PSI),
<i>myč</i> — <i>myčka</i>	‘мойщица’ (PSI).

Приводимая нами словообразовательная модель очень широко представлена в современном чешском языке. В качестве производящей основы существительного мужского рода здесь обычно выступает основа глагола совершенного вида, несравненно реже — существительного или прилагательного.

3. К основам существительных мужского рода на *ák, -k*.

Эта модель значительно уступает предыдущим своей распространенностью в языке. Словообразовательная природа данных существительных более пестра: существительные мужского рода этого типа могут быть образованы от основ существительных, прилагательных, реже — глаголов, а именно

а) от основ существительных (многие образования этого типа имеют разговорный характер). Например:

<i>Pražák</i> — <i>Pražáčka</i>	‘пражанка’ (PSI),
<i>svazák</i> — <i>svazačka</i>	‘женщина-член Союза молодежи’ (PSI),
<i>tramvaják</i> — <i>tramvajačka</i>	‘женщина-работник трамвая’ (PSI),
<i>měšt'ák</i> — <i>měšt'ačka</i>	‘мещанка’ (PSI);

б) от основ прилагательных. Например:

<i>dobrák</i> — <i>dobráčka</i>	‘хорошая женщина’ (PSI),
<i>chudák</i> — <i>chudačka</i>	‘бедная женщина’ (PSI),
<i>předák</i> — <i>předačka</i>	‘передовая работница’ (SITr) ⁶ ;

с) от основ глаголов. Например:

<i>žebrák</i> — <i>žebráčka</i>	‘нищенка’ (PSI),
<i>kuřák</i> — <i>kuřáčka</i>	‘курильщица’ (PSI).

4. К основам существительных мужского рода на *-ec*.

Словообразовательная природа существительных данного типа очень разнообразна. При помощи суффикса *-ec* существительные мужского рода могут быть образованы от основ:

а) страдательных причастий прошедшего времени. Например:

<i>chovanec</i> — <i>chovanka</i>	‘воспитанница’ (PSI),
<i>nalezenec</i> — <i>nalezanka</i>	‘найденш’ (PSI),
<i>poraženec</i> — <i>poraženka</i>	‘потерпевшая поражение’ (PSI),
<i>prvorozenec</i> — <i>prvorozenka</i>	‘рожденная первой’ (PSI);

б) прилагательных. Например:

<i>hlupec</i> — <i>hlupka</i>	‘глупая женщина’ (Kott) ⁷ ,
<i>hlušec</i> — <i>hluška</i>	‘глухая женщина’ (Kott);

⁶ Fr. Trávníček. Slovník jazyka českého. Praha, 1952. Здесь и в дальнейшем обозначается сокращенно — SITr.

⁷ Fr. Kott. Slovník česko-německý, zvláště grammaticko-frazeologický. Praha, 1887—1893. Здесь и в дальнейшем обозначается сокращенно — Kott.

с) существительных. Например:

<i>komsomolec</i> — <i>komsomolka</i>	‘комсомолка’ (PSI),
<i>cizinec</i> — <i>cizinka</i>	‘иностранка’ (PSI),
<i>Němec</i> — <i>Němka</i>	‘немка’ (PSI),
<i>jugoslávec</i> — <i>jugoslávka</i>	‘югославка’ (Prav. ⁸);

д) глаголов (редкая модель). Например:

<i>herec</i> — <i>herečka</i>	‘актриса’ (PSI),
<i>zemědělec</i> — <i>zemědkyně</i>	‘крестьянка’ (PSI).

Все рассмотренные выше словообразовательные модели имеют широкое распространение в языке. Малораспространенными в современном чешском языке являются образования с суффиксом *-ka*, присоединяемым к следующим основам:

1. К основам существительных мужского рода на *-(a)l*, *-(i)l*, *-(e)l* (отглагольные образования). Например:

<i>šidil</i> — <i>šidilka</i>	‘обманщица’ (PSI),
<i>hašteřil</i> — <i>hašteřilka</i>	‘женщина, которой свойственно ругаться’ (PSI),
<i>fňukal</i> — <i>fňukalka</i>	‘женщина, которой свойственно хныкать’, (PSI),
<i>pobízal</i> — <i>pobízalka</i>	‘женщина, которой свойственно угрожать’ (Kott).

2. К основам существительных мужского рода на *-ík*, *-an*, *-ek*, *-och* (отыменные образования). Например:

<i>katolík</i> — <i>katolička</i>	‘католичка’ (PSI),
<i>horník</i> — <i>hornička</i>	‘жена горнорабочего’, ‘женщина-горнорабочий’ (PSI),
<i>křesťan</i> — <i>křesťanka</i>	‘христианка’ (PSI),
<i>venkovan</i> — <i>venkovanka</i>	‘жительница деревни’ (PSI),
<i>sírotek</i> — <i>sírotka</i>	‘сирота’ (PSI),
<i>nováček</i> — <i>nováčka</i>	‘женщина-новичок’ (PSI),
<i>divoch</i> — <i>divoška</i>	‘дикарка’ (PSI),
<i>černoch</i> — <i>černoška</i>	‘негритьянка’ (PSI).

3. К основам существительных мужского рода на *-oun* (по преимуществу отглагольные образования). Например:

<i>šplhoun</i> — <i>šplhounka</i>	‘женщина-выскачка’ (PSI),
<i>pěstoun</i> — <i>pěstounka</i>	‘воспитательница’ (PSI),
<i>křikloun</i> — <i>křiklounka</i>	‘крикунья’ (PSI).

4. К основам существительных мужского рода на *-a*, *-ín* (отыменные образования). Например:

<i>přednosta</i> — <i>přednostka</i>	‘начальница’ (PSI),
<i>starosta</i> — <i>starostka</i>	‘жена старосты, женщина-староста’ (PSI),
<i>škareda</i> — <i>škaredka</i>	‘безобразная женщина’ (SlTr),
<i>podivín</i> — <i>podivínka</i>	‘чудачка’ (PSI),
<i>čeledín</i> — <i>čeledínka</i>	‘батрачка’, ‘служанка’ (PSI).

⁸ „Pravidla českého pravopisu“. Praha, 1957. Здесь и в дальнейшем обозначается сокращенно — Prav.

5. К основам существительных мужского рода на *-íc*, *-'as*. Например:

<i>dědic</i> — <i>dědička</i>	‘наследница’ (PSI),
<i>šlechtic</i> — <i>šlechtička</i>	‘дворянка’ (PSI),
<i>chud'as</i> — <i>chud'aska</i>	‘женщина-бедняга’ (PSI).

6. К основам существительных женского рода и мужского рода личным, бессуффиксным. Например:

<i>(nevěsta) nevěstka</i> ⁹	‘женщина легкого поведения’ (PSI),
<i>(děva)</i> — устар. <i>divka</i>	‘девушка’ (PSI),
<i>(žena) divoženka</i>	‘фурия’ (SITr),
<i>mniich</i> — <i>mniška</i>	‘монашка’ (PSI),
<i>druh</i> — <i>družka</i>	‘подруга’ (PSI).

7. К основам бессуффиксных существительных неличных. Например:

<i>(model) modelka</i>	‘натурщица’ (PSI),
<i>(balet) baletk</i>	‘балерина’ (PSI),
<i>(neděle) nedělka</i>	‘женщина, родившая неделю назад’ (PSI).

8. К основам глаголов. Например:

<i>(plakati) plačka</i> (малоупотребит.)	‘плакальщица’ (PSI).
--	----------------------

Образования, представленные в трех последних группах, зафиксированы в современном чешском языке единичными примерами. Некоторые из них несут на себе осязаемый оттенок разговорности.

Очень широко представлены в современном чешском языке сочетания суффикса *-ka* с существительными мужского рода, заимствованными из других языков и оформленными поэтому суффиксами иностранного происхождения. Многие из приводимых ниже основ являются с точки зрения современного чешского языка неприводимыми, неразложимыми. Очень продуктивным является присоединение суффикса *-ka*:

1. К основам существительных мужского рода на *-ista*, образованных в свою очередь от существительных. Например:

<i>slavista</i> — <i>slavistka</i>	‘славистка’ (PSI),
<i>nihilista</i> — <i>nihilistka</i>	‘нигилистка’ (PSI),
<i>turista</i> — <i>turistka</i>	‘туристка’ (PSI),
<i>komunista</i> — <i>komunistka</i>	‘коммунистка’ (PSI),
<i>traktorista</i> — <i>traktoristka</i>	‘трактористка’ (PSI).

2. К основам существительных мужского рода на *-ik*, в свою очередь образованных также от существительных. Например:

<i>fyzik</i> — <i>fyzička</i>	‘женщина-физик’ (SITr),
<i>botanik</i> — <i>botanička</i>	‘женщина-ботаник’ (PSI),
<i>chemik</i> — <i>chemička</i>	‘женщина-химик’ (SITr),
<i>mechanik</i> — <i>mechanička</i>	‘женщина-механик’ (SITr).

3. К основам существительных мужского рода на *-t*: *-ant*, *-ent*, *-át*, *-at*, *-ét*, *-et*, *-ot*, *-kt*, *-ut*, *-st*. Например:

⁹ В данном случае налицо семантическое расхождение между производящим и производными словами.

<i>praktikant</i> — <i>praktikantka</i>	‘практикантка’ (PSI),
<i>laborant</i> — <i>laborantka</i>	‘лаборантка’ (PSI),
<i>asistent</i> — <i>asistentka</i>	‘ассистентка’ (PSI),
<i>student</i> — <i>studentka</i>	‘студентка’ (PSI),
<i>advokát</i> — <i>advokátka</i>	‘женщина-адвокат’ (PSI),
<i>demokrat</i> — <i>demokratka</i>	‘женщина-демократ’ (PSI),
<i>pilot</i> — <i>pilotka</i>	‘женщина-пилот’ (SITr),
<i>patriot</i> — <i>patriotka</i>	‘женщина-патриот’ (PSI),
<i>architekt</i> — <i>architektka</i>	‘женщина-архитектор’ (PSI),
<i>skaut</i> — <i>skautka</i>	‘женщина-скаут’ (PSI),
<i>farmaceut</i> — <i>farmaceutka</i>	‘женщина-фармацевт’ (SITr),
<i>gymnast</i> — <i>gymnastka</i>	‘гимнастка’ (PSI).

4. Довольно часто суффикс *-ka* присоединяется к основам существительных мужского рода на *-r*: *-ér, -or, -tor, -ýr, -ír, -ár, -ar*. Например:

<i>režisér</i> — <i>režisérka</i>	‘женщина-режиссер’ (Prav.),
<i>reportér</i> — <i>reportérka</i>	‘женщина-репортер’ (SITr),
<i>instruktor</i> — <i>instruktorka</i>	‘женщина-инструктор’ (Prav.),
<i>kontrolor</i> — <i>kontrolorka</i>	‘женщина-контролер’ (Prav.),
<i>brigadýr</i> — <i>brigadýrka</i>	‘женщина-бригадир’ (SITr),
<i>pionýr</i> — <i>pionýrka</i>	‘пионерка’ (PSI),
<i>servír</i> — <i>servírka</i>	‘женщина, занимающаяся сервировкой’ (PSI),
<i>bojar</i> — <i>bojarka</i>	‘боярыня’ (PSI),
<i>sanitár</i> — <i>sanitárka</i>	‘санитарка’ (SITr).

5. Малораспространенными являются образования с суффиксом *-ka* от основ существительных мужского рода на *-a, -ita*. Например:

<i>poeta</i> — <i>poetka</i>	‘поэтесса’ (PSI),
<i>asketa</i> — <i>asketka</i>	‘аскетка’ (PSI),
<i>naíva</i> — <i>naívka</i>	‘наивная женщина’ (SITr),
<i>husita</i> — <i>husitka</i>	‘гуситка’ (PSI)

и от основ существительных мужского рода на *-n*: *-án, -on, -ýn*. Например:

<i>partyzán</i> — <i>partyzánka</i>	‘партизанка’ (Prav.),
<i>kapitán</i> — <i>kapitánka</i>	‘женщина-капитан’, ‘жена капитана’ (Prav.),
<i>kompaňon</i> — <i>kompaňonka</i>	‘компаньонка’ (PSI),
<i>špion</i> — <i>špionka</i>	‘шпионка’ (PSI),
<i>manekýn</i> — <i>manekýnka</i>	‘манекенша’ (PSI).

6. Очень редкую модель представляют существительные женского рода с суффиксом *-ka*, образованные от основ существительных мужского рода на: *-ál, -ol, -os*. Например:

<i>radikál</i> — <i>radikálka</i>	‘женщина-радикал’ (Prav.),
<i>kaprál</i> — <i>kaprálka</i>	‘жена капрала’ (PSI),
<i>profesionál</i> — <i>profesionálka</i>	‘женщина-профессионал’ (PSI),
<i>apoštol</i> — <i>apoštolka</i>	‘женщина-апостол’ (PSI),
<i>virtuos</i> — <i>virtuoska</i>	‘виртуозка’ (PSI).

Особый интерес представляют сочетания суффикса *-ka* с основами существительных мужского рода, характеризующихся сложной структурой:

<i>lidojed</i> — <i>lidojedka</i>	‘людоедка’ (PSI),
<i>darmojed</i> — <i>darmojedka</i>	‘дармоедка’ (PSI),
<i>zloděj</i> — <i>zlodějka</i>	‘воровка’ (PSI),
<i>dobroděj</i> — <i>dobrodějka</i>	‘женщина, делающая добро’ (PSI),
<i>smrtonoš</i> — <i>smrtonoška</i>	‘женщина, несущая смерть’ (PSI),
<i>světloňoš</i> — <i>světloňoška</i>	‘женщина, несущая свет’ (PSI),
<i>listonoš</i> — <i>listonoška</i>	‘почтальон’ (PSI),
<i>zpravodaj</i> — <i>zpravodajka</i>	‘корреспондентка’ (SITr),
<i>agronom</i> — <i>agronomka</i>	‘женщина-агроном’ (SITr),
<i>astronom</i> — <i>astronomka</i>	‘женщина-астроном’ (SITr),
<i>rekordman</i> — <i>rekordmanka</i>	‘рекордсменка’ (PSI),
<i>angloman</i> — <i>anglomanka</i>	‘англоманка’ (SITf),
<i>stenograf</i> — <i>stenografka</i>	‘стенографистка’ (PSI),
<i>typograf</i> — <i>typografka</i>	‘женщина, работающая в типографии’ (PSI),
<i>geolog</i> — <i>geoložka</i>	‘женщина-геолог’ (SITr),
<i>biolog</i> — <i>bioložka</i>	‘женщина-биолог’ (SITr),
<i>filosof</i> — <i>filosofka</i>	‘женщина-философ’ (PSI),
<i>theosof</i> — <i>theosofka</i>	‘женщина-теолог’ (PSI),
<i>anglofob</i> — <i>anglofobka</i>	‘женщина-англофоб’ (SITr),
<i>rusofil</i> — <i>rusofilka</i>	‘женщина-русофил’ (SITr).

Суффиксированные морфемы *-jed*, *-děj*, *-noš*, *-daj*, *-nom*, *-man*, *-graf*, *-log*, *-sof*, *-fil*, *-fob* по своему происхождению являются частью сложного слова с вполне оформленной семантикой. Однако в процессе употребления они подвергаются семантической нивелировке, утрачивают свою самостоятельность и превращаются из морфемы корневого типа в морфему суффиксальную. Легче этот процесс происходит в морфемах, заимствованных из других языков, в данном случае таких, как: *-nom*, *-man*, *-graf*, *-log*, *-sof*, *-fil*, *-fob*.

Наконец, большой интерес представляют сочетания суффикса *-ka* с существительными мужского рода, оформленными суффиксами, заимствованными, но уже освоенными чешским языком и принявшими типичный для него фонетический облик. Имеется в виду сцепление суффикса *-ka* с основами существительных мужского рода со значением лица на *-ář*, *-ař*, *-ýř*, *-iř*. Существительные мужского рода на *-ář*, *-ař* в подавляющем большинстве случаев произведены от имен существительных. Эта модель очень продуктивна в современном чешском языке. Например:

<i>frézař</i> — <i>frézařka</i>	‘фрезеровщица’ (Prav.),
<i>sochař</i> — <i>sochařka</i>	‘женщина-скульптор’ (PSI),
<i>revolucionář</i> — <i>revolucionářka</i>	‘революционерка’ (PSI),
<i>cukrář</i> — <i>cukrářka</i>	‘женщина-кондитер’ (PSI).

Значительно реже фиксируются образования данного типа от глагольных основ. Например:

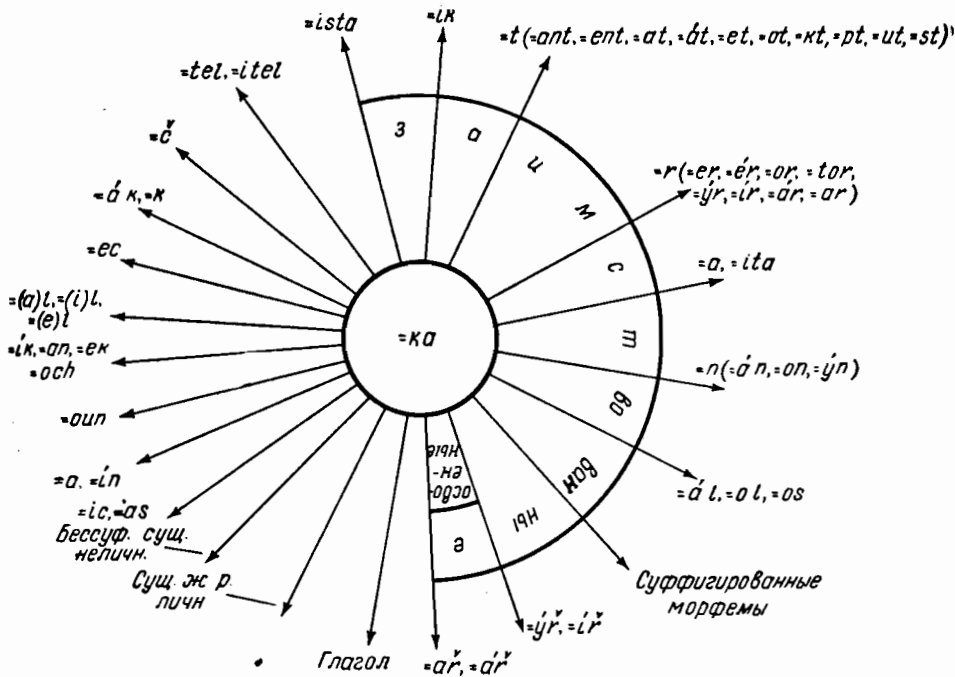
<i>čtenář</i> — <i>čtenářka</i>	‘читательница’ (PSI),
<i>pisař</i> — <i>pisařka</i>	‘машинистка’ (PSI),
<i>klevetář</i> — <i>klevetářka</i>	‘клеветница’ (PSI),
<i>krasobruslař</i> — <i>krasobruslařka</i>	‘фигуристка’ (PSI).

Несравненно меньше распространено в современном чешском языке присоединение суффикса *-ka* к существительным мужского рода на *-ír*, *-ýř*. Например:

<i>bankýř</i> — <i>bankýřka</i>	‘жена банкира’, ‘владелица банка’ (PSI),
<i>pastýř</i> — <i>pastýřka</i>	‘пастушка’ (PSI),
<i>šenkýř</i> — <i>šenkýřka</i>	‘шинкарка’, ‘кабатчица’ (PSI),
<i>hrnčír</i> — <i>hrnčírka</i>	‘горшечница’ (PSI),
<i>malír</i> — <i>malírka</i>	‘художница’ (PSI),
<i>formír</i> — <i>formírka</i>	‘формовщица’ (пресса).

Таковы в целом словообразовательные связи суффикса *-ka* в современном чешском языке, что можно представить в виде следующей схемы:

СТРУКТУРНЫЕ СВЯЗИ СУФФИКСА *-ka*

Словообразовательные связи суффиксов женского лица *-yně*, *-kyně* значительно уже, чем у рассмотренного только что суффикса *-ka*. Суффиксы *-yně*, *-kyně* генетически тесно связаны между собой: суффикс *-kyně* возник на базе суффикса *-yně*. Однако в современном чешском языке структурные связи этих суффиксов в общем разграничены достаточно четко, причем, как мы увидим ниже, словообразовательная база суффикса *-kyně* является более многообразной. Суффикс *-yně* присоединяется к следующим основам.

1. К основам существительных мужского рода на *-ák*, образованных:

а) от глаголов. Например:

<i>zpěvák</i> — <i>zpěvakyně</i>	‘певица’ (Kott.),
<i>žebrák</i> — <i>žebrakyně</i>	‘нищенка’ (Kott.);

б) от существительных. Например:

<i>horák — horákyňě</i>	‘жительница гор’ (PSI) — помечено как малоупотребительное,
<i>Polák — Polkyňě</i>	‘полька’ ¹⁰ (Kott.);

с) от прилагательных. Например:

<i>chytrák — chytrákyňě</i>	‘умная женщина’ (Kott.).
-----------------------------	--------------------------

Эта модель не является продуктивной в современном чешском языке. Все приводимые здесь образования с суффиксом *-yňě* в настоящее время вытеснены из употребления образованиями с суффиксом *-ka*, несравненно более жизнеспособными.

2. К основам существительных мужского рода на *-ek*. Например:

<i>svědek — svědkyňě</i>	‘свидетельница’ (PSI),
<i>předek — předkyňě</i>	‘женщина-предок’ (PSI),
<i>potomek — potomkyňě</i>	‘женщина-потомок’ (PSI).

Соответствующие существительные мужского рода образованы от глаголов, наречий. Данная модель имеет ограниченную сферу распространения.

3. К основам существительных мужского рода на *-ka* (редкое образование): *mluvka — mluvkyňě* ‘болтунья’ (PSI) — помечается как малоупотребительное.

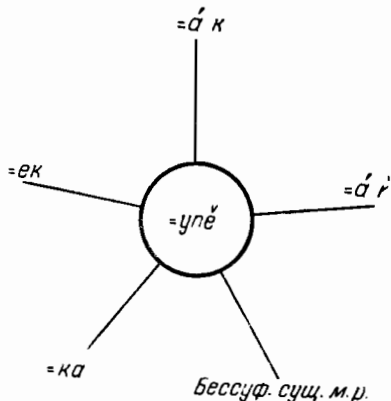
4. К усеченной основе существительного мужского рода на *-ář* (единственный пример):

<i>podělkář — podělkýňě</i>	‘поденщица’ (PSI).
-----------------------------	--------------------

5. К основам бессуффиксальных существительных мужского рода. Например:

<i>ministr — ministryňě</i>	‘женщина-министр’ (SITr),
<i>otrok — otrokyňě</i>	‘рабыня’ (PSI),
<i>mistr — mistrýňě</i>	‘женщина-мастер’ (PSI),
<i>podruh — podruhýňě</i>	‘батрачка’ (PSI).

СТРУКТУРНЫЕ СВЯЗИ СУФФИКСА *-YŇĚ*

¹⁰ Образование существительного *Polkyňě* является спорным. Ряд исследователей возводит его не к *Polák*, а к *Polka*.

Образования с суффиксом *-kyně* в современном чешском языке распространены несравненно шире. Суффикс *-kyně* присоединяется к следующим основам:

1. К основам существительных мужского рода на *-ce*, образованных в свою очередь либо от глаголов (как совершенного, так и несовершенного вида), либо от отглагольных существительных. Например:

<i>zástupce</i> — <i>zástupkyně</i>	‘заместительница’ (PSI),
<i>vynálezce</i> — <i>vynálezkyně</i>	‘избирательница’ (PSI),
<i>zachránce</i> — <i>zachránkyně</i>	‘спасительница’ (PSI),
<i>soudce</i> — <i>soudkyně</i>	‘женщина-судья’ (PSI),
<i>obhájce</i> — <i>obhájkyně</i>	‘защитница’ (PSI).

Данная словообразовательная модель достаточно широко распространена в современном чешском языке, однако следует принять во внимание, что существительные мужского рода на *-ce* характеризуются ограниченной продуктивностью в современном чешском языке¹¹.

2. К основам существительных мужского рода на *-ec*, которые в словообразовательном отношении чаще всего восходят к глаголам или, в некоторых случаях, к отглагольным существительным¹². Например:

<i>běžec</i> — <i>běžkyně</i>	‘бегунья’ (PSI),
<i>jezdec</i> — <i>jezdkyně</i>	‘наездница’ (PSI),
<i>letec</i> — <i>letkyně</i>	‘летчица’ (PSI),
<i>pěvec</i> — <i>pěvkyně</i>	‘певица’ (PSI);

а также к причастиям (действительным и страдательным прошедшего времени, причем, действительные причастия прошедшего времени подверглись адъективации). Например:

<i>oslavenec</i> — <i>oslavenkyně</i>	‘юбилярша’ (PSI),
<i>vyslanec</i> — <i>vyslankyně</i>	‘женщина-посол’ (PSI),
<i>pověřenec</i> — <i>pověřenkyně</i>	‘женщина-поверенный’ (PSI),
<i>vzdělanec</i> — <i>vzdělankyně</i>	‘образованная женщина’ (PSI),
<i>pohořelec</i> — <i>pohořelkyně</i>	‘женщина-погорелец’ (PSI),
<i>vystěhovalec</i> — <i>vystěhovalkyně</i>	‘переселенка’ (PSI),
<i>umělec</i> — <i>umělkyně</i>	‘женщина-мастер искусств’ (PSI).

3. К основам существительных мужского рода на *-tel* (отглагольного образования). Следует заметить, что суффикс женского лица *-kyně* когда-то мог присоединяться почти ко всем существительным этого типа, но со временем образования с суффиксом *-kyně* за небольшим исключением были вытеснены образованиями с суффиксом *-ka*, идентичными по значению. Ныне мы можем фиксировать лишь такие слова, как:

<i>utiskovatelkyně</i>	‘притеснительница’ (PSI) — помечено как малоупотребительное,
<i>ochranitelkyně</i>	‘защитница’ (PSI),
<i>dobyvatelkyně</i>	‘завоевательница’ (PSI) — помечено как малоупотребительное.

¹¹ M. D o k u l i l. Některé typy názvů osob podle jejich činnosti v českém jazyce — „Naše řeč“, 1956, XXXIX, № 5—6, стр. 134.

¹² О степени продуктивности данного типа образований см. там же, стр. 141.

4. К основам существительных мужского рода на *-a*, *-ík*. Например:

předseda — *předsedkyně*

účastník — *účastkyně*

následník — *následkyně*

‘председательница’ (PSI),

‘участница’ (PSI) — помечено как

малоупотребительное,

‘наследница’ (PSI) — помечено как

малоупотребительное.

В двух последних случаях существительные мужского рода функционируют с усеченной основой.

5. К основам существительных мужского рода на *-ovec*. Например:

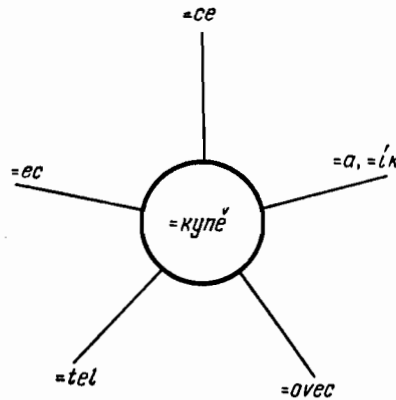
synovec — *synovkyně*

národovec — *národovkyně*

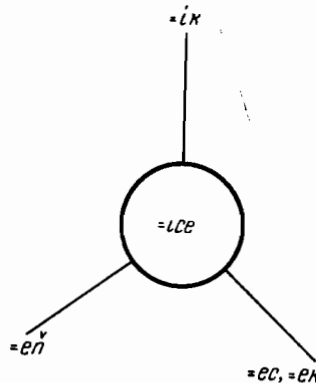
‘племянница’ (PSI),

‘сторонница народа’ (PSI).

СТРУКТУРНЫЕ СВЯЗИ СУФФИКСА *-KYNĚ*

О структурных связях суффикса *-ice* можно судить по следующей схеме:

Наиболее широко представлены в современном чешском языке существительные с суффиксом *-ice*, образованные от усеченной основы существительных мужского рода на *-ík*. В качестве производящей

основы этих имен существительных мужского рода, как правило, бывают прилагательные. Например:

<i>dlužník</i> — <i>dlužnice</i> ¹³	‘должница’ (PSI),
<i>falešník</i> — <i>falešnice</i>	‘обманщица’ (PSI),
<i>hudebník</i> — <i>hudebnice</i>	‘музыкантша’ (PSI),
<i>nevěděčnick</i> — <i>nevěděčnice</i>	‘неблагодарная женщина’ (PSI).

Единичными словами представлены существительные мужского рода, образованные от страдательных причастий на *n* (в данных условиях, как правило, выступает суффикс *-ec*). Например:

<i>mučedník</i> — <i>mučednice</i>	‘мученица’ (PSI),
<i>učedník</i> — <i>učednice</i>	‘ученица’ (PSI).

Очень редкими являются существительные на *-ice*, образованные от усеченной основы существительных мужского рода на *-ec*, *-ek*. Например:

<i>neurlec</i> — <i>neurlice</i>	‘нервная женщина’ (PSI) — малоупотр.,
<i>sládek</i> — <i>sláďnice</i>	‘жена пивовара’ (PSI) — народное.

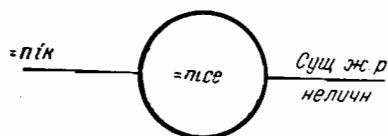
От основ существительных мужского рода на *-eň*:

<i>učeň</i> — <i>učnice</i>	‘ученица’ (PSI)
-----------------------------	-----------------

и от основ прилагательных:

<i>(pěkný)</i> — <i>pěknice</i>	‘красивая женщина’ (PSI) — экспрессивный оттенок
---------------------------------	--

Структурные связи суффикса *-nice* можно представить в виде следующей схемы:

Наиболее последовательно и широко суффикс *-nice* присоединяется к усеченной основе существительных мужского рода на *-ník*. При этом производящая основа имени существительного мужского рода может быть образована от глагола. Например:

<i>bojovník</i> — <i>bojovnice</i>	‘женщина-борец’ (PSI),
<i>útočník</i> — <i>útočnice</i>	‘женщина-нападающий, например, в спорте’ (PSI),
<i>pracovník</i> — <i>pracovnice</i>	‘работница’ (PSI),
<i>dělník</i> — <i>dělnice</i>	‘рабочая’ (PSI),
<i>návštěvník</i> — <i>návštěvnice</i>	‘посетительница’ (PSI).

¹³ Существительное мужского рода *dlužník* можно анализировать иначе: *dluž-ník* от *dlužiti*. Сказанное может относиться и к другим существительным этого типа.

Может быть образована также от существительного. Например:

<i>číšník — číšnice</i>	‘официантка’ (PSI),
<i>koberečník — koberečnice</i>	‘женщина, занимающаяся производством или продажей ковров’ (PSI),
<i>drůbežník — drůbežnice</i>	‘женщина, занимающаяся разведением или продажей птиц’ (PSI);

от прилагательного. Например:

*soukromník*¹⁴ — *soukromnice* ‘частница’ (PSI).

Остальные образования с *-nice* представлены в современном чешском языке редкими примерами, например, от основ существительных женского рода неличных:

(*záliba*) — *zálibnice* ‘фаворитка’ (PSI).

Достаточно регулярно употребляется и широко распространен в языке суффикс женского лица *-ová*. По своему происхождению он восходит к суффиксам притяжательных прилагательных, широко употребительных в чешском языке. Притяжательные прилагательные могут быть образованы в чешском языке от подавляющего большинства существительных мужского и женского рода, обозначающих конкретное, определенное лицо, а интересующие нас в данном случае притяжательные прилагательные на *-ova* образуются от существительных мужского рода со значением лица. Широкие словообразовательные возможности притяжательных прилагательных передались и суффиксу женского лица *-ová*, который может образовывать названия женщины—жены, изредка носительницы профессии¹⁵ от самых различных существительных мужского рода со значением лица. Например:

<i>krejčí — krejčová</i>	‘портниха’,
<i>mistr — mistrová</i>	‘женщина-мастер’, ‘жена мастера’,
<i>profesor — profesorová</i>	‘жена профессора’,
<i>učitel — učitelová</i>	‘жена учителя’,
<i>soudce — soudcová</i>	‘жена судьи’,
<i>kovář — kovářová</i>	‘жена кузнеца’.

Правда, некоторые образования этого типа употребляются только в общенародной разговорной речи и диалектах.

Рассмотренными выше суффиксами исчерпываются наиболее продуктивные суффиксы женского лица.

Коснемся кратко словообразовательных связей малораспространенных суффиксов женского лица. Суффикс женского лица *-ička* возник в языке сравнительно недавно. По своему происхождению он восходит к уменьшительно-эмоциональному суффиксу *-ička* и образовался

¹⁴ Существительное мужского рода *soukromník* можно возводить и к *sukromný* — в этом случае огмечается наличие суффикса *-ik*.

¹⁵ Существительные на *-ová* широко привлекаются и для обозначения женщины по ее фамилии.

в результате утраты уменьшительно-эмоционального значения у соответствующих существительных. Например:

paní — *panička* точный русский эквивалент не существует (PSI),
bába — *babička* 'бабушка' (PSI),
druh — *družka* — *družička* 'девушка на свадьбе — подруга невесты';
 'девушка в белом в погребальной процессии' (PSI).

Возможно и другое происхождение этого суффикса. Он мог возникнуть в результате простой комбинации обычных нейтральных суффиксов и последующего процесса обобщения образовавшегося звукового комплекса: *-ice* + *-ka*. Например:

soukenik — (*soukenice*) — *soukenička* 'жена суконщика',
 'суконщица' (PSI),
právník — (*právnice*) — *právníčka* 'юристка' (PSI).

В результате выхода из употребления слов *soukenice*, *právnice*; являющихся промежуточным звеном, существительные *soukenička*, *právníčka* начинают восприниматься как непосредственно образованные при помощи суффикса *-ička*. В современном чешском языке суффикс *-ička* не является продуктивным. Использование указанного суффикса для создания новообразований не подкрепляется данными языковой практики. В связи с этим делать какие-либо прогнозы о будущей судьбе суффикса *-ička* в чешском языке пока еще преждевременно. Нередко встречающееся в языке прессы образование *chirurgička* 'женщина-хирург', по мнению специалистов, не отвечает нормам чешского литературного языка, являясь, по-видимому, словакизмом.

В результате процесса утраты уменьшительно-эмоционального значения в функции суффикса женского лица могут выступать и суффиксы *-ečka*, *-ínka*: *děva* (устар.) 'девушка' — *děvečka* 'служанка'; *máma* 'мама' — *maminka* 'мама, мамочка'.

Посредством суффикса *-ínka* образованы и следующие обозначения служанок: „Byla jsem přijmuta za *mladšítku* (poklízet vepřový dobytek). *Staršítku*, služku ke krávám dostat nemohli ...“ („Rozsevačka“, 13. III 1930). 'Я была принята младшей служанкой... (следить за свиньями). Старшую служанку, ухаживающую за коровами, найти не могли...'

Единичными образованиями представлены суффиксы *-atka*, *-uška*: *mužatka* 'мужественная; мужеподобная женщина; замужняя женщина'; *letuška* 'стюардесса' (характерно, что последнее образование словарями чешского языка еще не зафиксировано). Оба приводимых слова содержат в своем значении элемент разговорности.

Очень редки в современном чешском языке суффиксы иностранного происхождения: *-esa*: *baronesa* 'дочь барона'.

Мертвыми суффиксами в современном чешском языке являются суффиксы *-a*¹⁶ (*dcera* 'дочь', *žena* 'жена'), *-i* (*paní* 'госпожа'), *-na* (*panna* 'девушка', *dědična* 'наследница'), *-ena* (*pradlena* 'прачка', *přadlena* 'пряжа', *švadlena* 'портниха'), *-ovna* (*královna* 'королева'), *-(ě)nka* (*hraběnka* 'графиня'), *-ina* (*hrabina* 'графиня'), *-ezna* (*princezna* 'принцесса).

Действительно, образования этого типа нежизненны. Суффикс женского лица *-ovka*, малоупотребительный в современном литературном чешском языке, получил широкое распространение в общенародной разговорной речи при образовании существительных женского рода со значением чьей-либо жены: *ras* — *rasovka* 'жена живодеpa', *starosta* — *starostovka* 'жена старосты'.

¹⁶ В роли словообразовательного суффикса выступает флексия *-a*.

Таким образом, широким диапазоном словообразовательных связей в современном чешском языке отличается суффикс *-ka*, богато представленный в сцеплении с различными видами основ, в том числе с основами, оформленными заимствованными суффиксами. Среди основ, к которым чаще всего присоединяется суффикс *-ka*, отмечается много продуктивных, широко распространенных в языке основ на: *-ář*, *-ař*, *-č*, *-tel*, *-ista*, *-ik* и пр.

Достаточно разветвленной системой структурных отношений характеризуется суффикс *-ová*, воспринявший широкие словообразовательные возможности притяжательных прилагательных.

Словообразовательные связи суффиксов *-yně*, *-kyně* более узки, чем словообразовательные связи рассмотренных выше суффиксов. При этом для них характерно то обстоятельство, что они не присоединяются к продуктивным типам основ. Так, например, непродуктивными являются в современном чешском языке образования с суффиксом *-yně* типа *svědkyně* 'свидетельница' (от существительных мужского рода на *-ek*); *zpěvákyně* 'певица' (от существительных мужского рода на *-ák*); *otrokyně* 'рабыня', *mistryně* 'женщина-мастер' (от бессуффиксальных существительных мужского рода). Ограниченной продуктивностью отличаются в современном чешском языке и те типы основ, к которым присоединяется суффикс *-kyně*. Устойчивую модель представляет суффикс *-kyně* в сочетании с отглагольными существительными мужского рода со значением лица на *-se*. Однако данный тип образования существительных мужского рода, как указывалось выше, является ограниченно продуктивным в современном чешском языке. Существительные мужского рода на *-es* отглагольного происхождения, к которым также может присоединяться суффикс *-kyně*, являются малопродуктивными на данном этапе существования чешского языка. Более продуктивным является образование существительных мужского рода со значением лица посредством того же суффикса *-es* от имен существительных, прилагательных, причастий. Однако нередко суффикс *-kyně*, преобразующий указанные существительные мужского рода в существительные женского рода со значением лица, вытесняется более продуктивным суффиксом *-ka*.

Узок круг словообразовательных связей суффиксов женского лица *-ice*, *-nice*, наиболее полно представленных лишь в соединении с существительными мужского рода на *-ik*, *-nik*. Однако данные словообразовательные модели являются очень живыми и актуальными для современного чешского языка. Сказанное в особенности относится к суффиксу *-nice*, который наиболее последовательно присоединяется к производящей словообразовательной основе существительных мужского рода на *-nik*, образованных от глагола, имени существительного и т. п. Суффикс *-ice* представлен главным образом у имен существительных женского рода, образованных от существительных мужского рода, которые восходят к прилагательным.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЕМКОСТЬ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОРФЕМЫ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СТЕПЕНИ ЕЕ ПРОДУКТИВНОСТИ В ЯЗЫКЕ

Чем больше разнообразия в семантическом отношении представляет словообразовательное средство (т. е., чем больше разнообразных значений возникает у слов, оформленных при помощи данного суффикса), тем выше вероятность его продуктивности в языке.

Однако понятие семантической емкости не следует смешивать с понятием его семантической выразительности. При установлении степени продуктивности словообразовательного суффикса недостаточно иметь представление только о численности значений, возникающих у образующихся с его помощью слов. Непременным условием продуктивности словообразовательного средства является актуальность привносимых им значений для данного этапа существования языка. С этой точки зрения, например, суффикс женского лица *-ová* не может относиться к числу очень продуктивных словообразовательных средств, так как обозначение женщины по профессии, должности ее мужа не является ныне актуальным.

Диапазон семантических разрядов, которые можно обнаружить у имен существительных женского рода со значением лица, велик и характеризуется постоянным расширением, что свидетельствует об эволюционировании их семантики и неугасающей актуальности данной категории слов. При установлении семантических разрядов рассматриваемых имен существительных необходимо иметь в виду значение основных компонентов, составляющих слово: производящую словообразовательную основу и его суффикс¹⁷, разумеется, речь идет об именах существительных с мотивированным значением женского лица.

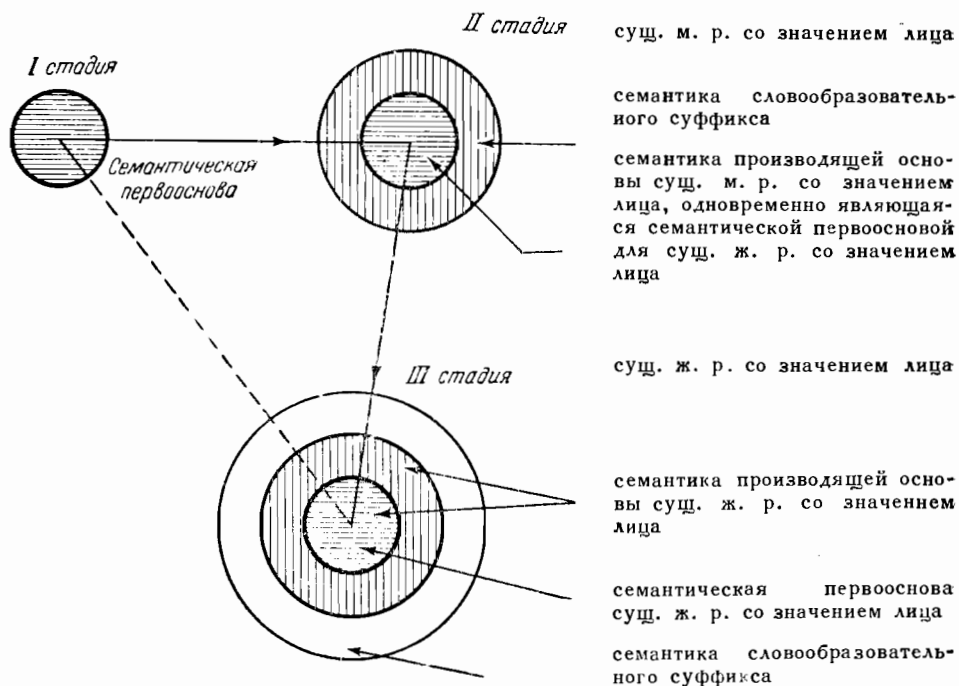
Характер участия производящей словообразовательной основы и словообразовательного суффикса в процессе образования значения слова несколько различен. Семантика производящей словообразовательной основы конкретна, семантика суффикса более абстрактна. Обладая, по словам Р. А. Будагова¹⁸, категориальным значением, суффикс относит рождающееся слово к вполне определенной лексической, а также лексико-грамматической категории. При этом основа в силу своего более конкретного содержания является определяющей словообразовательной морфемой, а суффикс, наделенный более абстрактным значением, — определяемой морфемой: *učitelka* имеет значение 'лицо женского пола (значение суффикса *-ka*), являющееся учителем' (значение основы *učí-tel*). Значение суффикса — более однородно, в то время как значение основы чаще всего неоднородно и может слагаться из значений корня и различных аффиксов. Например, семантика производящей словообразовательной основы слова *utlačovatelka* 'притеснительница' сложна по своему составу и распадается на значение префикса (*u-*), корня (*-tlač-*), суффикса глагольного (*-ova-*), суффикса существительного мужского рода со значением лица (*-tel*). Следует заметить, что далеко не все указанные компоненты одинаково существенны для семантики производящей словообразовательной основы. Так, например, значения префикса и формообразующего суффикса могут лишь как-то видоизменять семантику основы. Напротив, значения корня и словообразовательного суффикса являются основополагающими не только для семантики производящей основы, но и для семантики слова в целом. Так, корень слова, входящий в состав производящей словообразовательной основы и являющийся носителем яркого, конкретного лексического содержания, функционирует в качестве семантической первоосновы для подавляющего большинства существительных женского рода со значением лица.

¹⁷ В процессе формирования значения слова принимает участие также и флексия, выполняющая функцию вторичного словообразовательного средства.

¹⁸ Р. А. Будагов. Некоторые вопросы теории словообразования в романских языках. — «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР», вып. 1, М., 1952.

Употребляя термин «семантическая первооснова», мы понимаем под ним то семантическое ядро, нередко корень слова, которое послужило исходной базой для формирования значения соответствующих существительных мужского рода со значением лица, т. е. семантику их производящей словообразовательной основы. Это семантическое ядро в значительной степени обусловило и характер значения существительных женского рода, являясь одним из компонентов семантики их производящей словообразовательной основы. Следует учесть, что выделение семантической первоосновы возможно лишь в том случае, если существительное мужского рода со значением лица имеет живую, членимую словообразовательную структуру. Если же существительное мужского рода со значением лица является образованием непроемным с точки зрения современного чешского языка (например, *agent*, *adept* и др.), то тогда выделение семантической первоосновы не представляется возможным — в этом случае речь может идти только о немотивированной семантике существительного мужского рода со значением лица, явившейся тем семантическим ядром, на базе которого и возникло значение существительного женского рода со значением лица.

Графически формирование семантики имен существительных женского рода со значением лица¹⁹ можно представить в виде следующей схемы:

В процессе формирования значения рассматриваемых нами имен существительных выделяются три стадии, наличие которых можно проиллюстрировать на примере слова *učitelka* (*učiti* > *učitel* > *učitelka*).

¹⁹ К сожалению, объем работы не позволяет нам остановиться на возможности иной интерпретации семантики существительных женского рода со значением лица — на случаях смещения акцента при толковании семантики данных существительных, вызывающего омонимию словообразовательной формы.

I — стадия — семантическая первооснова *učí(ti)*, обозначая характер деятельности, дает общее направление значению слова. II — стадия — присоединение словообразовательного суффикса *-tel* оформляет значение семантической первоосновы, присовокупляя либо значение лица вообще (без родо-половой конкретизации) в подавляющем большинстве случаев, либо значение лица мужского пола. Таким образом, на второй стадии образуются значения: лицо, которое учит; мужчина, который учит. III — стадия — присоединение второго словообразовательного суффикса *-ka* завершает формирование значения слова, внося значение лица женского пола.

Принимая во внимание важную роль, которую играет производящая словообразовательная основа в процессе формирования семантики существительных женского рода со значением лица, мы сочли возможным положить ее значение в основу приводимой ниже классификации. Именно на семантику производящей словообразовательной основы мы и ориентировались при выделении основных семантических типов существительных женского рода со значением лица, в то время как в основе поясняющих и раскрывающих эти семантические типы рядов лежит характер семантической первоосновы слова (разумеется в тех случаях, когда ее выделение возможно).

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ЖЕНСКОГО РОДА СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА

I. Имена существительные, называющие лиц по их профессии, роду деятельности, выполняемой функции.

а. Семантическая первооснова указывает на предмет, на который направлено действие, или при помощи которого совершается действие. Например:

<i>punčochárka</i>	‘чулочница’ (<i>punčocha</i> ‘чулок’) (PSI),
<i>traktoristka</i>	‘трактористка’ (<i>traktor</i> ‘трактор’) (PSI),
<i>dudačka</i>	‘женщина, играющая на волынке’ (<i>dudy</i> ‘волынка’) (SITr),
<i>soustružnice</i>	‘женщина-токарь’ (<i>soustruh</i> ‘токарный станок’) (PSI),
<i>drůbežnice</i>	‘женщина, занимающаяся разведением, продажей птицы’ (<i>drůbež</i> ‘птица’) (PSI),
<i>čalounice</i>	‘женщина, занимающаяся производством, продажей обоев’ (<i>čaloun</i> ‘обои’) (SITr).

б. Семантическая первооснова указывает на место действия, совершаемого лицом. Например:

<i>chodbařka</i>	‘коридорная в тюрьме’ (<i>chodba</i> ‘коридор’) (пресса),
<i>gymnasistka</i>	‘гимназистка’ (<i>gymnasium</i> ‘гимназия’) (PSI),
<i>universitánka</i>	‘студентка университета’ (<i>universita</i> ‘университет’) (PSI),
<i>vůčepnice</i>	‘женщина, работающая в винном погребе’ (<i>vůčep</i> ‘винный погреб’) (PSI),
<i>lékárnice</i>	‘женщина, работающая в аптеке’ (<i>lékárna</i> ‘аптека’) (PSI),

<i>tábornice</i>	‘женщина, отдыхающая в лагере’ (<i>tábor</i> ‘лагерь’) (PSI),
<i>krámská</i>	‘женщина, работающая в лавке’ (<i>krám</i> ‘лавка’) (PSI).

К этой же семантической группе примыкают и существительные, обозначающие женщин-работниц по названию предприятия, фирмы, завода, где они работают. Например: *klingrovka* ‘женщина, работающая у Клинггра’, *baťovačka* ‘женщина, работающая у Бати’, *škodovačka* ‘женщина, работающая на заводе Шкода’ и т. д. Семантическая первооснова данных существительных указывает название предприятия, фамилию его владельца. Все эти образования несут ощутимый разговорный оттенок.

в. Семантическая первооснова указывает на область знания, сферу производства, составляющую сущность профессии, деятельности лица. Например:

<i>archeoložka</i>	‘женщина-археолог’ (<i>archeologie</i> ‘археология’) (SITr),
<i>alpinistka</i>	‘альпинистка’ (<i>alpinismus</i> ‘альпинизм’) (PSI),
<i>matematička</i>	‘женщина-математик’ (<i>matematika</i> ‘математика’) (PSI),
<i>obchodnice</i>	‘женщина, занимающаяся торговлей’ (<i>obchod</i> ‘торговля’) (PSI),
<i>výtvarnice</i>	‘женщина, занимающаяся изобразительным искусством’ (<i>výtvarné umění</i> — изобразительное искусство) (PSI),
<i>podvodnice</i>	‘женщина, занимающаяся мошенничеством’ (<i>podvod</i> ‘мошенничество’) (PSI).

г. Семантическая первооснова указывает характер деятельности лица (как совершается деятельность)²⁰. Например:

<i>prsařka</i>	‘спортсменка, плавающая на груди’ (<i>prsa</i> ‘грудь’) (PSI),
<i>překážkařka</i>	‘спортсменка, занимающаяся бегом с препятствиями’ (<i>překážka</i> ‘препятствие’) (PSI),
<i>nádenice</i>	‘поденщица’ (<i>na den</i> ‘на день’) (PSI).

д. Семантическая первооснова указывает на количественный признак: количество выполненного действия, количество прожитых лет и т. д., например:

<i>sedmdesátnice</i>	‘семидесятилетняя женщина’ (PSI),
<i>stovkářka</i>	‘женщина-шофер, наездившая 100 000 км’ (пресса),
<i>dvoustovkářka</i>	‘женщина-спортсменка, бегающая на 200 м’ (пресса),
<i>pětibojařka</i>	‘спортсменка в пятиборье’ (пресса).

е. Названия лиц по выполняемой ими функции, должности, которую они занимают в обществе, по званию. Семантическая первооснова указанных существительных нередко не может быть выделена: значение суще-

²⁰ Существительные данного семантического профиля особенно актуальны в спортивной терминологии.

ствительных мужского рода со значением лица является целостным, немотивированным. Например:

<i>komisařka</i>	‘женщина-комиссар’ (PSI),
<i>majorka</i>	‘женщина-майор’ (пресса),
<i>laureátka</i>	‘женщина-лауреат’ (PSI),
<i>náčelnice</i>	‘начальница’ (PSI),
<i>důstojnice</i>	‘женщина-офицер’ (пресса),
<i>mistryně</i>	‘женщина-мастер’ (PSI).

ж. Семантическая первооснова указывает действие, лежащее в основе профессии, занятий лица. Следует заметить, что в основе обозначений лиц по профессии лежат действия регулярные, постоянные. Например:

<i>uklizečka</i>	‘уборщица’ (<i>uklízeti</i> ‘убирать’) (PSI),
<i>napínařka</i>	‘женщина, изготавливающая зонты’ (<i>napínati</i> ‘натягивать’) (PSI),
<i>krotitelka</i>	‘укротительница’ (<i>krotiti</i> ‘укощать’) (PSI),
<i>pracovnice</i>	‘работница’ (<i>pracovati</i> ‘работать’) (PSI),
<i>bojovnice</i>	‘женщина-борец’ (<i>bojovati</i> ‘бороться’) (PSI),
<i>překupkyně</i>	‘перекупщица’ (<i>překupovati</i> ‘перекупать’) (PSI) — малоупотребит.,
<i>letkyně</i>	‘летчица’ (<i>letěti, let</i> ‘лететь, полет’) (PSI).

II. Имена существительные, называющие лиц по их принадлежности к общественно-политическому, религиозному и т. п. течению, направлению, организации. Семантическая первооснова означает общественно-политическое течение, организацию, вероисповедание и т. д. Например:

<i>jednotářka</i>	‘женщина-член (<i>Jednoty proletářské tělovýchovy</i>) Союза пролетарского спорта’ (пресса),
<i>svazačka</i>	‘женщина-член (<i>Svazu mládeže</i>) Союза молодежи’ (PSI),
<i>marxistka</i>	‘марксистка’ (<i>marxismus, Marx</i> ‘марксизм, Маркс’) (PSI),
<i>národovkyně</i>	‘женщина-член народной партии’ (<i>národní strana</i> ‘народная партия’) (пресса),
<i>papežnice</i>	‘сторонница папы’ (<i>papež</i> ‘папа’) (пресса),
<i>mládežnice</i>	‘участница молодежного движения’ (<i>mládež</i> ‘молодежь’) (пресса).

III. Имена существительные, называющие лиц по их свойствам:

а. Семантическая первооснова указывает на внешние или внутренние свойства. Например:

<i>hlaváčka</i>	‘женщина с большой головой’ (<i>hlava</i> ‘голова’) (PSI),
<i>silačka</i>	‘женщина, отличающаяся большой физической силой’ (<i>sila</i> ‘сила’) (PSI),
<i>hlupačka</i>	‘глупая женщина’ (<i>hloupý</i> ‘глупый’) (PSI),
<i>hluška</i>	‘глухая женщина’ (<i>hluchý</i> ‘глухой’) (Kott),
<i>neposlušnice</i>	‘непослушная женщина’ (<i>neposlušný</i> ‘непослушный’) (PSI) — малоупотребит.,
<i>lehkomyslnice</i>	‘легкомысленная женщина’ (<i>lehkomyslný</i> ‘легкомысленный’) (PSI),

nemravkyně 'безнравственная женщина' (*nemravný* 'безнравственный' (Kott).

Сюда же можно отнести названия лиц по их болезни:
souchotinářka 'женщина, больная туберкулезом' (PSI),
schizofrenička 'женщина-шизофреник' (PSI).

б. Семантическая первооснова называет предмет, к которому данное лицо проявляет особую склонность. Например:

psářka 'любительница собак' (*pes* 'собака') (SITr),
moučnickářka 'любительница сладких мучных блюд' (*moučník* 'сладкое мучное блюдо') (SITr),
kořalečnice 'любительница водки' (*kořalka* 'водка') (PSI),
divadelnice 'любительница театра' (*divadlo* 'театр') (SITr).

в. Семантическая первооснова обозначает деятельность, к которой проявляет склонность данное лицо. Например:

výskalka 'женщина, любящая визжать' (*výskati* 'визжать') (Kott),
vzdychalka 'женщина, любящая вздыхать' (*vzdychati* 'вздыхать') (Kott),
jedlice 'любительница поесть' (*jísti* 'есть') (PSI).

IV. Имена существительные, называющие лиц по их происхождению из какого-либо места, по их национальной принадлежности, социальному положению. В тех случаях, когда семантическая первооснова выделима, она обозначает место происхождения, страну, сословие, вид собственности. Например:

krajanka 'землячка' (*kraj* 'край') (PSI),
venkovanka 'деревенская женщина' (*venkov* 'деревня') (PSI),
Japonka 'японка' (*Japonie* 'Япония') (PSI),
Indka 'индуска' (*Indie* 'Индия') (PSI),
miliónářka 'миллионерша' (*milión* 'миллион') (PSI),
statkářka 'помещица' (*statek* 'имение') (PSI),
továrnice 'фабрикантша' (*továrna* 'фабрика') (PSI),
živnostnice 'предпринимательница' (*živnost* 'предприятие') (SITr).

V. Имена существительные, называющие лиц по их отношению к другим лицам.

1. По взаимным отношениям. Например:

partnerka 'партнерша' (PSI),
soupeřka 'соперница' (PSI),
konkurentka 'конкурентка' (PSI),
přítelkyně 'подруга' (PSI).

2. По родственным отношениям:

а) *vnučka* 'внучка' (PSI),
dcera 'дочь' (PSI),
tchyně 'свекровь' (PSI),

<i>babička</i>	‘бабушка’ (PSI),
<i>maminka</i>	‘мама, мамочка’ (PSI),
<i>sestřenice</i>	‘двоюродная сестра’ (PSI).

б) обозначение женщины по профессии, функции, званию ее мужа. Мы считаем необходимым особо выделить это значение, логически примыкающее к приведенной выше семантической разновидности в связи с ее яркой словообразовательной оформленностью в современном чешском языке. Например:

<i>doktorová</i>	‘жена доктора’,
<i>profesorová</i>	‘жена профессора’,
<i>krejčová</i>	‘жена портного’,
<i>inženýrová</i>	‘жена инженера’,
<i>rotmistrová</i>	‘жена ротмистра’,
<i>správčová</i>	‘жена управляющего’,
<i>doktorka</i>	‘жена доктора’,
<i>profesorka</i>	‘жена профессора’,
<i>soustružnice</i>	‘жена токаря’.

В отличие от существительных женского рода со значением лица, отнесенных к группе *a* и являющихся в подавляющем большинстве случаев в словообразовательном отношении неизменяемыми образованиями, существительные женского рода со значением ‘жены лица мужского пола’ представлены живыми, продуктивными моделями. Однако образования с суффиксом *-ka*, *-ice* употребляются со значением ‘чьей-либо жены’ в общенародной разговорной речи и диалектах, а для литературного языка являются характерными образованиями с суффиксом *-ová*.

VI. Имена существительные, называющие лиц по действиям, на них распространяющимся. Например:

<i>nalezenka</i>	‘найденыш’ (<i>nalezený</i> ‘найденный’) (PSI),
<i>chovanka</i>	‘воспитанница’ (<i>chovaný</i> ‘воспитанный’) (PSI),
<i>poraženka</i>	‘побежденная’ (<i>poražený</i> ‘побежденный’) (PSI),
<i>mučednice</i>	‘мученица’ (<i>umučení</i> ‘замученный’) (PSI),
<i>vyhnankyně</i>	‘изгнанница’ (<i>vyhnání</i> ‘изгнанный’) (PSI),
<i>zajatkyňe</i>	‘пленная’ (<i>zajatý</i> ‘пленный’) (PSI).

Таковы основные семантические разряды существительных женского рода со значением лица в современном чешском языке. Ознакомление с семантикой существительных женского рода со значением лица позволило нам выделить несколько типов значений производящей словообразовательной основы. В подавляющем большинстве случаев у существительных женского рода фиксируется производящая словообразовательная основа со значением лица без родо-половой конкретизации. Такой тип основы оказывается актуальным при образовании существительных женского рода со значением лица, обозначающих женщину, выполняющую какую-либо общественно-политическую функцию, занимающую определенный пост, должность, имеющую ту или иную профессию, наделенную теми или иными качествами. Так, производящей словообразовательной основой существительных: *ředitelka*, *poslankyně*, *učitelka*, *dobráčka* является соответственно *ředitel*, *poslanec*, *učitel*, *dobrák*, которая указывает на лицо, занимающее пост директора, выполняющее функции депутата, имеющее профессию учителя, наделенное качеством доброты и т. п. Отмеченное значение производящей словообразовательной основы

продуктивно для подавляющего большинства существительных женского рода со значением лица. Значительно сужен круг существительных, для которых характерна производящая словообразовательная основа со значением женского лица: *nevěsťka* 'женщина легкого поведения' (данное существительное семантически совершенно не связано ныне с деминутивными именами существительными); *babička* 'бабушка' и т. д. И, наконец, для численно небольшой группы существительных женского рода типична производящая словообразовательная основа со значением неличным: предметность, действие, свойство — *modelka* 'натурщица' (*model* 'модель'), *pláčka* 'плакальщица' (*plakati* 'плакать'), *pěknice* 'красивая женщина' (*pěkný* 'красивый').

При анализе семантики существительных женского рода со значением лица обращает на себя внимание тот факт, что между значением слова и избираемым им суффиксом существует тесная взаимосвязь, определяемая в известной степени семантической и стилистической природой словообразовательного суффикса. При этом существительные определенного семантического профиля оформляются вполне определенными суффиксами. Для того, чтобы нагляднее представить себе характер участия словообразовательных суффиксов женского лица в процессе образования семантики существительных женского рода со значением лица, мы прилагаем следующую схему:

Условные обозначения:

- + — полная продуктивность,
0 — продуктивность ограниченная,
× — продуктивность малая.

Суфф.	Значение сущ. ж. р.															
	Ia	Iб	Iв	Iг	Iд	Iе	Iж	II	IIIa	IIIб	IIIв	IV	Va	Vб	Vв	VI
-ka	+	+	+	+	+	+	+	+	0	×	0	+	×	×	+	0
-ice						0		×	+	0		×				0
-nice	0	0	0	0	×	+	0		0	0		×				0
-yně		×	×			0			×							
-kyně						0	0		×							0
-ová						×										+

Настоящая схема в весьма обобщенном виде отражает некоторые результаты исследования семантической природы существительных женского рода со значением лица, которые в данной статье были освещены лишь очень кратко. Приводимая таблица с большей или меньшей приближенностью к истине свидетельствует о степени продуктивности рассматриваемых суффиксов женского лица при образовании различных значений существительных женского рода, обозначающих лицо.

К числу наиболее многогранных в семантическом отношении суффиксов женского лица относятся суффиксы *-ka*, *-nice*. Сказанное в большей степени относится к суффиксу *-ka*, который выступает в качестве продуктивного словообразовательного средства при образовании подавляющего большинства значений существительных женского рода (см. схему). Очень показательным является также то обстоятельство, что суффикс *-ka*, как правило, принимает участие в образовании продуктивных для современного чешского языка типов значений. Семантика суффикса *-nice* также довольно разнообразна (правда, в значительно меньшей степени), однако у него можно отметить некоторую тенденцию к специализации — так, наиболее широко он привлекается для образования профессиональных обозначений лиц женского пола.

Суффикс женского лица *-ice* активно используется для образования существительных женского рода атрибутивных, обозначающих лицо по присущему ему свойству, качеству.

Наиболее специализированным является суффикс *-ová*, достаточно широко распространенный не только в литературной речи, но и за ее пределами. В семантическом отношении суффикс *-ová* является очень ограниченным: он употребляется только для образования значения женщины-жены (а также женских фамилий). Данное значение суффикса *-ová* легко может быть выведено из его этимологии: по своему происхождению он является суффиксом притяжательных прилагательных. По мере их субстантивации суффикс *-ová* становится суффиксом существительных женского рода со значением лица, сохраняя свою притяжательность в наиболее типичном для него значении чьей-либо жены. Этот оттенок притяжательности сделал семантику суффикса *-ová* ярко специфичной и тем самым ограничил возможности его участия при образовании других значений, свойственных существительным женского рода. Неудивительно поэтому, что суффикс *-ová* фактически не участвует в образовании очень продуктивного ныне разряда слов со значением деятельницы, носительницы профессии, общественно-политической функции и т. п. Однако при образовании существительных женского рода, обозначающих женщину-жену, суффикс *-ová* является господствующим словообразовательным средством. С этой точки зрения суффикс *-ová* является словообразовательным средством, характеризующимся частичной, или выборочной продуктивностью (говоря о частичной, или выборочной продуктивности, мы имеем в виду случаи, когда яркая семантическая или стилистическая окраска, присущая словообразовательной морфеме, делает возможным ее продуктивное использование при образовании только одного, вполне определенного значения). При определении степени участия частично продуктивных суффиксов в общем словообразовательном процессе особенно важно учитывать, является ли актуальным присущее им значение. Так, например, в связи с этим суффикс женского лица *-ová* не может относиться к числу очень продуктивных словообразовательных средств, так как обозначение женщины по профессии, должности ее мужа ныне не является актуальным.

Ограниченными являются семантические связи суффиксов *-yně*, *-kyně*. Указанные суффиксы нередко используются для образования существительных женского рода со значением лица, обозначающих женщину по выполняемой ею общественно-политической функции. Однако даже в этом значении образования с суффиксами *-kyně*, *-yně* пока еще не многочисленны, хотя специфика их стилистической окраски дает им для этого большие возможности. В связи с тем, что значение носителя

общественно-политической функции является ныне достаточно актуальным, можно предположить растущую активизацию использования суффикса *-kyně* (прежде всего), а также суффикса *-yně*. Впрочем, помимо отмеченного значения, суффиксы *-kyně*, *-yně* могут привлекаться для оформления некоторых других семантических типов (в частности, суффикс *-kyně* для образования существительных со значением деятеля).

Остальные суффиксы со значением женского лица в семантическом отношении являются очень невыразительными.

УЧАСТИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОРФЕМЫ В ПРОЦЕССЕ СОЗДАНИЯ НОВЫХ СЛОВ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЕЕ ПРОДУКТИВНОСТИ В ЯЗЫКЕ

Участие словообразовательного средства в процессе создания новообразований — один из ярчайших показателей его продуктивности. Действительно, сколь широки ни были бы структурные и семантические связи словообразовательной морфемы, но, если она не участвует в создании новых слов, то без всякого сомнения такая морфема не может быть признана продуктивным словообразовательным средством.

Пополнение словарного состава современного чешского языка за счет существительных женского рода со значением лица осуществляется различными путями. Однако для установления степени продуктивности суффиксов женского лица наиболее результативным является рассмотрение тех новообразований, которые возникли вследствие комбинации имеющихся в языке словообразовательных элементов. Для оформления новообразований этого типа современный чешский язык привлекает, как правило, продуктивные суффиксы со значением женского лица. Следует заметить, что образование новых слов осуществляется всегда при тонком и строгом учете как семантики суффиксов женского лица, так и сложившихся традиций и языковых закономерностей. Избираемость существительным того или иного суффикса нередко зависит и от его стилистической окраски. Так, в некоторых случаях при образовании существительных женского рода со значением носительницы определенной общественно-политической функции отдается предпочтение суффиксам *-kyně*, *-yně*, что объясняется их особой стилистической окраской: в семантике суффиксов *-kyně*, *-yně* ощущается некоторая официальность. Поэтому при образовании новой лексики указанного семантического типа суффиксы *-kyně*, *-yně* оказываются наиболее подходящими: *velvyslankyně*, *poslankyně*, *ověřenkyně*, *předsedkyně*, *místopředsedkyně* 'женщина-посол, депутат, поверенный, председатель, заместитель председателя'.

Наиболее часто в качестве оформителя вновь образующихся слов выступают продуктивные суффиксы *-ka* (в особенности) и *-nice*. Значительно реже фиксируется присоединение суффиксов *-ice*, *-kyně*, *-yně*:

<i>návrhárka</i>	'женщина-модельер' (PSI),
<i>odborárka</i>	'женщина-член профсоюза' (PSI),
<i>zeměměřička</i>	'женщина-землемер' (PSI),
<i>zlepšovatelka</i>	'женщина-рационализатор' (пресса),
<i>brigádnice</i>	'участница воскресников' (пресса),
<i>mládežnice</i>	'женщина-член молодежного движения (Sl. Tr.),
<i>jeřábnice</i>	'экскаваторщица', (Sl. Spis),

<i>poručice</i>	‘женщина-поручик’ (пресса),
<i>ministryně</i>	‘женщина-министр’, (SITr.),
<i>sportovkyně</i>	‘спортсменка’ (PSI).

К числу новообразований относится и создание в чешском языке существительных женского рода со значением лица посредством суффиксации от основ иностранного происхождения. Следует заметить, что в чешском языке пополнение состава существительных женского рода со значением лица за счет заимствования лексики из других языков, как правило, не производится. Действительно, если в системе существительных мужского рода со значением лица мы можем обнаружить большое количество суффиксов иностранного происхождения, причем, некоторые из них играют очень важную роль в процессе словотворчества, то среди суффиксов со значением женского лица заимствованные суффиксы представляют редкое исключение. Наиболее вероятное объяснение этого факта заключается в том, что существительные мужского рода со значением лица обладают более емкой семантикой, чем существительные женского рода со значением лица. Они сочетают в своей семантике как значение мужского лица, так и значение лица вообще без какой бы то ни было родо-половой конкретизации, оказываясь, таким образом, способными обозначать равно как мужчин, так и женщин. Подобная семантическая и функциональная многоплановость существительных мужского рода со значением лица делает их более пригодными для заимствования, чем существительные женского рода со значением лица, семантика которых характеризуется большей конкретностью.

Далее, известную роль играет также то обстоятельство, что в подавляющем большинстве языков, из которых в чешский язык проникают заимствования, существительные женского рода со значением лица либо совершенно отсутствуют, как, например, в английском языке, либо развиты слабо, как во французском языке²¹. Сказанное относится в полной мере и к немецкому языку, в котором употребление существительных женского рода со значением лица ограничивается целым рядом условий²².

Несколько иное положение занимают существительные женского рода со значением лица в славянских языках, в частности, в русском (из которого в настоящее время в чешский язык проникает большое количество заимствований). В русском языке существительные женского рода со значением лица используются довольно широко, хотя в ряде случаев их употребление ограничивается некоторыми семантическими и стилистическими условиями. В связи с этим следует признать, что существительные женского рода со значением лица иногда могут заимствоваться чешским языком из русского. Однако это заимствование, как правило, имеет несколько специфичный характер: заимствуется обычно не внешняя форма, как это бывает у существительных мужского рода со значением лица, а внутренняя форма, т. е. тип называния²³. В тех редких случаях, когда чешский язык заимствует суще-

²¹ Преимущественное употребление существительных мужского рода со значением лица для обозначения лиц женского пола во французском языке отмечает Обрембска-Яблоньска в своей статье „Pani doktor za graničã“ („Język polski“) 1950, t. XXX, z. 4, стр. 180—182.

²² Некоторые закономерности в употреблении существительных женского рода со значением лица в немецком языке отмечает В. Хенцен в своем труде „Словообразование немецкого языка“ (W. Henzen. Deutsche Wortbildung, Halle/Saale, 1947.

²³ Терминология заимствована нами из статьи: M. Dokulil. Vliv ruštiny na ostatní spisovné jazyky slovanské v sovětské epoše. — „Sovětská jazykověda“, t. V, 1955, стр. 161—175.

ствительные женского рода со значением лица из русского языка, он, как правило, их калькирует, привлекая при этом свои собственные словообразовательные суффиксы, впрочем, очень близкие, а нередко и идентичные со словообразовательными суффиксами со значением женского лица, которые имеются в русском языке. В качестве примера подобных словообразовательных калек мы можем привести следующие имена существительные женского рода со значением лица, обнаруженные нами в языке пролетарского женского журнала „Rozsevačka“, издававшегося в Чехословакии в период первой республики: *vyzdviženka*, соответствующее русскому ‘выдвиженка’; *děldopka* (*dělnická dopisovatelka*), соответствующее русскому ‘рабкорка’ (‘рабочая корреспондентка’); *ženoddělka*, соответствующее русскому ‘женотделка’.

Однако в подавляющем большинстве случаев существительные женского рода со значением лица не заимствуются: заимствуются существительные мужского рода, которые, по мере надобности, посредством продуктивных суффиксов женского лица на базе словообразовательных закономерностей чешского языка превращаются в существительные женского рода со значением лица.

<i>akademická</i>	‘женщина-академик’ (Sl. Spis),
<i>kritička</i>	‘женщина-критик’ (PSI),
<i>pedagožka</i>	‘женщина-педагог’ (Prav.),
<i>socioložka</i>	‘женщина-социолог’ (Prav.),
<i>stávkokazka</i>	‘женщина-штрейкбрехер’ (пресса) ²⁴ и т. д.

Приводимые нами примеры свидетельствуют о широком использовании суффикса *-ka* при образовании существительных женского рода со значением лица от заимствованных существительных мужского рода.

Однако суффиксация не является единственной возможностью создания новообразований. Новообразования могут создаваться путем эволюции семантики уже существующих слов. Следует заметить, что семантическая эволюция далеко не всегда приводит к созданию нового слова, так как одним из ее результатов может быть полисемия, т. е. многозначность, не нарушающая границ слова. Новое слово возникает только тогда, когда рождающееся в процессе переосмысления семантики слова значение настолько отдалается от первоначального значения, что создаются условия для возникновения омонимии.

В современном чешском языке эволюция семантики существительных женского рода со значением лица осуществляется в основном в двух направлениях: а) образование названий женщин по их принадлежности к какой-нибудь общественно-политической организации, течению, направлению, социальной прослойке; б) образование названий женщин по их профессии, роду деятельности, общественно-политической функции, должности. Указанные семантические направления являются наиболее актуальными для современного чешского языка, поэтому потребность в существительных женского рода со значением лица, имеющих подобную семантику, ощущается в настоящее время наиболее остро.

Наиболее типичным примером переосмысления и расширения значения слова является судьба существительных женского рода со значением лица, обозначавших ранее женщину-жену по профессиональным признакам ее мужа: существительные с подобной семантикой стали обозначать ныне женщину-производительницу, общественного деятеля

²⁴ Соответствующее существительное мужского рода является калькированным образованием с немецкого *Streikbrecher*—*stávkokaz*.

и т. п.: *doktorka* 'жена доктора', *advokátka* 'жена адвоката', *inženýrka* 'жена инженера', *senátorka* 'жена сенатора', *poručice* 'жена поручика' и т. п. В указанном значении перечисленные имена существительные и им подобные употребляются теперь лишь в общенародной разговорной речи и диалектах. В литературном же чешском языке эти существительные обозначают ныне женщину-доктора, женщину-адвоката, женщину-инженера, женщину-сенатора, женщину-поручика и т. д., в то время как в обозначении женщины-жены полностью специализировался суффикс *-ová*. Таким образом, судьба упомянутых имен существительных была такова, что родственные значения, возникшие у этих слов в ходе процесса переосмысления и расширения значения, с течением времени обособились друг от друга²⁵. В своей статье „Новая действительность в зеркале словарного состава чешского языка“ М. Докулил пишет: „Наши *kapitánky*, *majorky* и *generálky*, наверное, не будут стыдиться того, что народный и разговорный язык до сих пор обозначал их новыми названиями супруг этих чинов, так же, как этого не стыдятся наши новые *hornice*, *řeznice*, *zednice* и другие наши новые *-ice*, *-ky* и *-yně*. Впрочем, нет сомнения в том, что в значении 'супруга капитана' и т. п. эти слова постепенно выйдут из языкового обычая, замененные хотя бы литературными образованиями *kapitánová*, *majorová* и т. п.“²⁶.

Любопытно отметить, что чаще всего процессу переосмысления подвергаются слова, образованные посредством суффикса *-ka* (именно при помощи этого суффикса чаще всего образуются существительные женского рода со значением чьей-либо жены, употребляющиеся ныне по преимуществу в общенародной разговорной речи и диалектах), вероятно, вследствие того, что многогранность семантического содержания этого суффикса делает его более подверженным процессу семантической эволюции. В то же время существительные, имеющие то же значение, но оформленные специфически окрашенным суффиксом *-ová*, крайне редко подвергаются действию процесса расширения значения. Мы можем привести лишь очень немногочисленные примеры случаев, когда существительные женского рода со значением чьей-либо жены, оформленные посредством суффикса *-ová*, приобретают значение женщины-носительницы какой-либо профессии: *mistrová* 'женщина-мастер', *poštmištrová* 'женщина-почтмейстер', *správčová* 'женщина-управляющий', *knihkupčová* 'женщина-книготорговец'.

Рассмотренные нами новообразования, безусловно, не исчерпывают возникших в языке новых слов. Да, это, собственно, и не входило в наши планы. Мы стремились лишь проследить позицию, занимаемую суффиксами женского лица в процессе образования слов. Анализ собранного языкового материала показал, что наиболее активным в процессе создания новых слов со значением женского лица является суффикс *-ka*. На долю этого суффикса приходится подавляющее большинство вновь образованных существительных женского рода со значением лица.

Несколько реже в процессе создания новообразований участвует суффикс *-nice*. Степень участия суффиксов *-ice*, *-kyně* и в особенности

²⁵ Однако отмеченное обособление значений происходит далеко не всегда, так как в литературном чешском языке имеются такие существительные, как *správčová*, которые совмещают в своей семантике значение 'женщина-управляющий', и 'женщина-жена управляющего'.

²⁶ М. Докулil. Nová skutečnost v zrcadle slovní zásoby češtiny. — „Naše řeč“, 1951, № 7-8.

-уль является еще более ограниченной. Особо следует сказать об участии в создании новообразований суффикса женского лица *-ová*. Дело в том, что специфика семантики данного суффикса препятствует его активному использованию для создания новых существительных женского рода со значением лица. Обозначение женщины по профессии, роду деятельности, титулу ее мужа ныне становится все менее актуальным. Однако неправомерно было бы заключить на основании этого о непродуктивности существительных данного семантического типа: количество подобных новообразований в современном чешском языке продолжает оставаться значительным и в ряде случаев продолжает возрастать. Полностью пассивную позицию в процессе создания новообразований занимают остальные суффиксы со значением женского лица.

УЧАСТИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СРЕДСТВА В ПРОЦЕССЕ КОНКУРЕНЦИИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СТЕПЕНИ ЕГО ПРОДУКТИВНОСТИ В ЯЗЫКЕ

Очень ценный материал для установления степени продуктивности словообразовательного средства дает нам изучение процесса конкуренции, т. е. процесса устранения языковой дублетности, среди суффиксов со значением женского лица. Язык не терпит дублетности и, как правило, устраняет ее, если не встречает на своем пути препятствий со стороны семантической или стилистической окраски слова либо со стороны его структурных связей. Поэтому в случае столкновения в общем тождественных слов, одно из них со временем либо совершенно выходит из употребления, либо характер его использования меняется. При этом чем более жизнеспособным является словообразовательное средство, тем более устойчивую позицию занимает оно в процессе конкуренции, тем более очевидной является его победа над менее жизнеспособными словообразовательными средствами. Изучение процесса конкуренции позволяет наглядно проследить становление продуктивности словообразовательных морфем.

Корни процесса конкуренции в подавляющем большинстве случаев восходят к конкуренции заключенных внутри слов словообразовательных морфем. При этом степень охвата этим процессом различных словообразовательных морфем слова различна. Так, словообразовательные суффиксы представляют широкие возможности для развития процесса конкуренции. Объективная причина этого факта заключается в том, что у суффиксов не всегда с достаточной отчетливостью развита их семантическая и стилистическая противопоставленность друг другу.

Значительно реже в процессе конкуренции участвуют основы имен существительных, так как семантическая противопоставленность основ в связи с присущим им конкретным лексическим значением обычно выражена гораздо рельефнее.

Необходимым условием, обеспечивающим течение процесса конкуренции, является семантическая и стилистическая идентичность рассматриваемых существительных и словообразовательных морфем. Нарушение отмеченных условий ведет к прекращению процесса конкуренции. Проиллюстрируем это положение на следующих примерах. Русскому слову *ткачиха* имеется большое количество соответствий в чешском языке. Так, „Настольный словарь“ приводит: *tkadlena*, **tkadlička*,

† *tkadlice*²⁷, * *tkadlečka*, *tkalcovka*, * *tkalcovkyně*, *tkalčice*, *tkalčinka*²⁸.

Наиболее употребительным является слово *tkadlena*, обозначающее 'женщину, занимающуюся ткачеством, ткачиху на производстве'. В ходе процесса конкуренции вышло из употребления существительное *tkadlice*, имеющее значение 'женщина, занимающаяся ткачеством непрофессионально': потребность в этом слове отпала вследствие того, что *tkadlena* обладает более емкой семантикой, а поэтому оно вполне могло заменить существительное *tkadlice*. Существительные *tkalcovka* и *tkalcovkyně* в языке употребляются крайне редко. При этом следует учесть, что *tkalcovka* конкурирует с *tkadlena* лишь частично, поскольку основное значение существительного *tkalcovka* 'жена ткача', что подрывает базу семантической близости, а, следовательно, и конкуренции этих двух слов. Образование *tkalčice* имеет значение 'жена ткача', но употребляется оно лишь в общенародной разговорной речи. Существительное *tkalčinka* обозначает и ткачиху, и жену ткача, но имеет оно распространение только в диалектах северо-восточной Чехии. Таким образом, оба последние слова не конкурируют с существительными *tkadlena* и *tkalcovka* в силу того, что они используются в различных аспектах чешского языка.

Не наблюдается процесс конкуренции и в следующем случае: *vojákyň* 'женщина, служащая в армии в любом чине'; *vojačka* имеет примерно то же значение (к нему еще добавляется значение 'возлюбленная солдата'), но употребляется оно в разговорной речи. Таким образом, конкуренция исключается в виду стилистического различия. Не вступает в конкуренцию со словом *vojákyň* и существительное *vojinka*, поскольку оно имеет отличное значение: 'женщина-рядовой солдат'.

Семантическое различие исключает конкуренцию существительных *žačka* и *žákyně*. Значение этих слов достаточно близко: оба существительные имеют значение 'ученица', однако у *žačka* преобладает значение 'ученица-школьница' (в широком смысле), а *žákyně*, как правило, имеет значение 'воспитанница специалиста, мастера'.

Далее: *císař* — *císařka*, † *císařová*, *císařovna*. Существительное *císařka* в настоящее время находится вне сферы действия процесса конкуренции вследствие произошедшего переосмысления: ныне оно обозначает сорт слив, груш, вид мухомора. В качестве конкурентов выступают лишь *císařovna* и *císařová* (правда, лишь в пределах значения 'жена царя'). Впоследствии в ходе процесса конкуренции существительное *císařová* было вытеснено из употребления, по-видимому потому, что существительное *císařovna* было более емким в семантическом отношении: оно обозначало не только жену царя, но и 'женщину-царицу' (существительное *císařová* имело лишь значение 'жена царя').

Семантическое различие способствует сохранению в языке слов *družka* и *družička*: первое обозначает подругу вообще, а второе — подругу невесты, девушку в белом на похоронах.

Аналогичное положение наблюдается и в случае *ministřová* 'жена министра' и *ministřyně* 'женщина-министр'.

Стилистическое различие препятствует конкуренции суффиксов *-ka* и *-ová* в значении 'жены какого-нибудь деятеля, носителя профес-

²⁷ Знак * обозначает малую употребительность; знак † указывает на нежизненность образования.

²⁸ В языке писем, адресованных редакции журнала «Rozsevačka», нередко встречается диалектное образование *tkalcka*.

сии...: *doktorka*, *doktorová* 'жена доктора', *advokátka*, *advokátová* 'жена адвоката'. Существительные, образованные посредством суффикса *-ka*, употребляются, как правило, в общенародной разговорной речи, в то время как слова с *-ová* являются, в основном, принадлежностью литературной речи. Однако нынешнее разграничение сфер использования суффиксов *-ka* и *-ová* является результатом действия процесса конкуренции этих двух суффиксов, имевшего место ранее.

По своему характеру конкуренция может быть полной и частичной. Под понятием полной конкуренции мы имеем в виду такую конкуренцию, в которую вовлечено все слово, т. е. во всех своих значениях, либо в одном значении, если это слово однозначно. Под частичной конкуренцией мы понимаем случаи, когда процессом конкуренции охватывается лишь часть значений сопоставляемых слов, в то время как другие значения являются различными и не входят в сферу действия процесса конкуренции. Поэтому о таких словах справедливо сказать, что они конкурируют не в полном объеме своей семантики, а лишь частично. Например, *správcová* 'жена управляющего', 'женщина-управляющий' и *správkyň* 'женщина-управляющий'. Существительное, образованное посредством суффикса *-kyň*, может конкурировать с существительным, образованным посредством суффикса *-ová*, лишь в пределах значения „профессия“ — 'женщина-управляющий'.

В случае *mistrová* 'жена мастера', 'женщина-мастер' и *mistryně* 'женщина-мастер' конкуренция возможна лишь в значении 'женщина-мастер'.

При изучении процесса конкуренции существенную роль играет проникновение в характер структурных связей словообразовательной морфемы, исследование характера основ, с которыми сочетаются данные аффиксы. Г. О. Винокур в своей статье „Заметки по русскому словообразованию“ писал: „Специальный интерес представляют... связанные основы, выделяющиеся из суффиксальных образований, между суффиксами которых существует своеобразная принудительная связь, отчасти напоминающая парадигматическую связь... Словообразовательные аффиксы вообще отличаются от окончаний тем, что наличие одного из них не непременно предполагает наличие другого или остальных... Однако не все суффиксальные образования находятся в таком свободном отношении один к другому. В некоторых случаях отношения между отдельными суффиксами являются настолько тесными, что, действительно, наличие одного из суффиксов с принудительностью свидетельствует о том, что в языке есть данная основа и с другим соответствующим суффиксом“²⁹.

Проведенный нами анализ показал, что, с одной стороны, структурные связи различных суффиксов со значением женского лица могут быть четко обособлены друг от друга, образуя устойчивые сочетания определенных основ с вполне определенными суффиксами; с другой стороны, структурные связи различных суффиксов со значением женского лица могут перекрещиваться, в результате чего от одних и тех же основ образуются существительные, идентичные по значению, при помощи различных суффиксов. Рассмотрим оба указанных случая.

Устойчивыми в современном чешском языке являются, например, следующие модели: существительные мужского рода на *-tel*, *-itel*, *-ař*, *-ář*, *-č*, *-ista*, *-ik*, *-iř*, *-jř* и т. д. преобразуются в существитель-

²⁹ Г. О. Винокур. Заметки по русскому словообразованию. — ИАН ОЛЯ, 1946, т. V, вып. 4, стр. 329—330.

ные женского рода со значением лица при помощи суффикса *-ka*. Существительные мужского рода со значением лица с основой на *-ik*, *-ník* сочетаются, как правило, с суффиксами женского лица *-ice*, *-nice*. Наконец, от существительных мужского рода со значением лица на *-se* соответствующие существительные женского рода образуются только при помощи суффикса *-kyně*.

Имеющиеся нарушения приводимых устойчивых сочетаний случайны, единичны и не играют существенной роли. Наличие устойчивой структурной модели препятствует возникновению процесса конкуренции, а если он и возникает, то образование с конкурирующим суффиксом, не свойственным данной модели, быстро исчезает из языка. Так, например, вышли из употребления образования *písařkyně*, *účastkyně*, вытесненные посредством *písařka*, *účastnice*: они не удержались в языке потому, что существительные женского рода со значением лица, образованные от существительных мужского рода со значением лица на *-ař*, *-ik*, как правило, имеют суффиксы *-ka* или *-ice*.

Нередкими являются в чешском языке случаи, когда словообразовательные связи различных суффиксов женского лица столь близки, что создается возможность образования семантически и стилистически идентичных существительных женского рода со значением лица от одних и тех же основ, но при помощи различных суффиксов. Подобное перекрещивание дает повод для возникновения конкуренции этих суффиксов между собой. Большой интерес в этом отношении вызывает сопоставительное изучение словообразовательных связей суффиксов *-ka*, *-yně*, *-kyně* (о чем будет несколько ниже).

Конкуренция является длительным процессом, разворачивающимся постепенно, так, что в некоторых случаях процесс конкуренции, охвативший существительные женского рода со значением лица в XIX в., не закончился еще и поныне. Это, например, можно сказать о модели *-tel*, *-itel + -ka*, которая долгое время конкурировала с моделью *-tel*, *-itel + -kyně*, вытеснив ее окончательно только к XX в. В этом отношении очень показательными являются данные последовательно издаваемых словарей.

Чаще всего в роли конкурирующих суффиксов со значением женского лица выступали и выступают, с одной стороны, суффикс *-ka*, с другой, суффиксы *-yně*, *-kyně*. Подавляющее большинство известных нам случаев конкуренции приходится именно на их долю. Наиболее жизнеспособным в этой борьбе оказался суффикс *-ka*, вытеснивший в значительной степени из употребления суффиксы *-yně*, *-kyně*. Проявление этого процесса фиксируется у существительных женского рода со значением лица, образованных от соответствующих существительных мужского рода с основой на *-tel* (отглагольного образования). Интересно последовательность этого процесса, фиксируемая словарями. Так, словари Юнгманна³⁰, Котта, как правило, отмечают наличие двух образований (с суффиксами *-ka* и *-kyně*), более поздние словари (например, „Настольный словарь“) в подавляющем большинстве случаев помечают образование с *-kyně* как неживое (помета †) или же вообще его не указывают.

<i>obyvatel</i> — <i>obyvatelka</i> , <i>obyvatelkyně</i> (Jungmann,	} 'житель — житель-
Kott.)	
<i>obyvatel</i> — <i>obyvatelka</i> , † <i>obyvatelkyně</i> (PSI)	
<i>obyvatel</i> — <i>obyvatelka</i> (SITr.)	} ница',

³⁰ J. Jungmann. Slovník česko-německý. Praha, 1835—1839. Далее сокращенно — Jungmann.

<i>překladatel</i> — <i>překladatelka</i> , <i>překladatelkyně</i> (Jungmann, Kott.)	} 'переводчик — переводчица',
<i>překladatel</i> — <i>překladatelka</i> , * <i>překladatelkyně</i> (PSI)	
<i>překladatel</i> — <i>překladatelka</i> (SITr)	
<i>spisovatel</i> — <i>spisovatelka</i> , <i>spisovatelkyně</i> (Jungmann, Kott.)	} 'писатель — писательница',
<i>spisovatel</i> — <i>spisovatelka</i> , † <i>spisovatelkyně</i> (PSI)	
<i>spisovatel</i> — <i>spisovatelka</i> (SITr)	
<i>vpravovatel</i> — <i>vpravovatelka</i> , <i>vpravovatelkyně</i> (Kott.)	} 'рассказчик — рассказчица',
<i>vpravovatel</i> — <i>vpravovatelka</i> , † <i>vpravovatelkyně</i> (PSI)	
<i>vpravovatel</i> — <i>vpravovatelka</i> (SITr)	
<i>ctitel</i> — <i>ctitelka</i> , <i>ctitelkyně</i> (Jungmann)	} 'поклонник — поклонница',
<i>ctitel</i> — <i>ctitelka</i> , † <i>ctitelkyně</i> (PSI)	
<i>ctitel</i> — <i>ctitelka</i> , * <i>ctitelkyně</i> (SITr)	
<i>učitel</i> — <i>učitelka</i> , <i>učitelkyně</i> (Jungmann, Kott.)	} 'учитель — учительница'.
<i>učitel</i> — <i>učitelka</i> , † <i>učitelkyně</i> (PSI)	
<i>učitel</i> — <i>učitelka</i> (SITr)	

Любопытно отметить редкий случай образования с суффиксом *-nice* у существительных с отглагольной основой на *-tel*:

<i>roditel</i> — <i>roditelka</i> , <i>roditelkyně</i> , <i>roditelnice</i> (Kott, Jungmann)	} 'родитель — родительница'.
<i>roditel</i> — <i>roditelka</i> , * <i>roditelkyne</i> (PSI)	
<i>roditel</i> — <i>roditelka</i> (SITr)	

Нетипичное для данной словообразовательной модели образование на *-nice* очень быстро исчезло (на ход процесса конкуренции повлиял устойчивый характер структурных связей). Процесс конкуренции суффиксов *-ka* и *-yně* можно наблюдать на существительных с производящей словообразовательной основой на *-ák*, *-k*.

<i>horák</i> — <i>horačka</i> , † <i>horákyně</i> (PSI)	} 'обитатель гор — обитательница гор',
<i>horák</i> — <i>horačka</i> , * <i>horákyně</i> (SITr)	
<i>horák</i> — <i>horačka</i> (Prav)	
<i>Polák</i> — <i>Polka</i> , <i>Polkyně</i> , <i>Polačka</i> (Jungmann, Kott)	} 'поляк — полька',
<i>Polák</i> — <i>Polka</i> (SITr, Prav.)	
<i>žebrák</i> — <i>žebračka</i> , <i>žebrakyně</i> (Jungmann, Kott)	} 'нищий — нищая',
<i>žebrák</i> — <i>žebračka</i> (SITr)	
<i>zpěvák</i> — <i>zpěvačka</i> , <i>zpěvakyně</i> (Jungmann, Kott)	} 'певец — певица'.
<i>zpěvák</i> — <i>zpěvačka</i> (SITr, Prav.)	

Из приводимых примеров следует, что первоначальное положение, характеризовавшееся наличием двух вариантов, сменяется в более

поздний период полным единообразием. Любопытно отметить, что победе суффикса *-ka* не воспрепятствовала даже необходимость чередования звуков *k* || *č*. Нередки случаи конкуренции у суффиксов *-ka* и *-yně*, *-kyně* у существительных женского рода, образованных от соответствующих существительных мужского рода с основой на *-a*, а также с основой с современной точки зрения неразложимой:

<i>přednosta</i> — <i>přednostka</i> , <i>přednostkyně</i> (Kott)	} 'начальник — начальница'
<i>přednosta</i> — <i>přednostka</i> (SITr)	
<i>Pohan</i> — <i>Pohanka</i> , <i>Pohankyně</i> (Jungmann, Kott)	} 'язычник — язычница'
<i>Pohan</i> — <i>Pohanka</i> (SITr, Orfogr. slovník)	
<i>soudruh</i> — <i>soudružka</i> , <i>soudruhyně</i> (Kott)	} 'товарищ — женщина-товарищ' ³¹ ,
<i>soudruh</i> — <i>soudružka</i> (SITr, Prav.)	
<i>soudruh</i> — <i>soudružka</i> , * <i>soudruhyně</i> (PSl)	
<i>dobrodruh</i> — <i>dobrodružka</i> , * <i>dobrodruhyně</i> (PSl, SITr)	} 'авантюрист — авантюристка'
<i>dobrodruh</i> — <i>dobrodružka</i> (Prav.)	
<i>Čech</i> — <i>Česka</i> , <i>Čechyně</i> (Jungmann, Kott)	} 'чех — чешка'
<i>Čech</i> — <i>Česka</i> , * <i>Čechyně</i> (PSl, SITr)	
<i>Čech</i> — <i>Česka</i> (Prav.)	

Впрочем, в подобном случае о наличии процесса конкуренции можно говорить лишь условно: дело в том, что образование *Čechyně* по замечанию «Настольного словаря» является диалектным, поэтому оно не конкурирует со словом *Česka* в силу имеющегося стилистического различия. Однако мы все же считаем целесообразным сохранение этого примера в рубрике конкурирующих суффиксов в связи с тем, что стилистическое различие, положившее конец конкуренции, само является плодом процесса конкуренции и возникло в ходе процесса конкуренции. Наконец, укажем на некоторые единичные случаи конкуренции этих суффиксов у существительных женского рода со значением лица, восходящих к существительным мужского рода с основой на *-áč*, *-ař*:

<i>boháč</i> — <i>bohačka</i> , <i>bohatkyně</i> (Jungmann, Kott)	} 'богач — богачка'
<i>boháč</i> — <i>bohačka</i> , * <i>bohakyně</i> (PSl, Sl. Spis. ³²)	
<i>boháč</i> — <i>bohačka</i> * <i>bohakyně</i> * <i>bohatkyně</i> (SITr)	
<i>písař</i> — <i>písařka</i> , <i>písařkyně</i> (Jungmann, Kott)	} 'машинистка'
<i>písař</i> — <i>písařka</i> (PSl, SITr)	

В обоих приводимых случаях побеждает суффикс *-ka* вследствие того, что образование существительных женского рода от основ существительных мужского рода на *-áč*, *-ař* посредством суффикса *-kyně* является нетипичным.

Очень редко случаи конкуренции отмечаются у существительных женского рода, образованных от существительных мужского рода иностранного происхождения. Например:

³¹ Соответствующего эквивалента для существительного *scudružka* в русском языке нет, поэтому значение слова в этом и в других подобных случаях передается описательно.

³² „Slovník spisovné češtiny“. Praha, 1958. Здесь и в дальнейшем обозначается сокращенно — Sl. Spis.

<i>apoštol</i> — <i>apoštolka</i> , <i>apoštolkyň</i> (PSl, Sl. Spis.)	}	'апостол — жен- щина-апостол',
<i>apoštol</i> — <i>apoštolka</i> (SITr)		
<i>doktor</i> — <i>doktorka</i> , <i>doktorkyň</i> , <i>doktor- nice</i> (Jungmann)	}	'доктор — жен- щина-доктор',
<i>doktor</i> — <i>doktorka</i> , <i>doktorkyň</i> (Kott)		
<i>doktor</i> — <i>doktorka</i> (PSl, SITr, Sl. Spis.)		
<i>rival</i> — <i>*rivalkyň</i> , <i>rivalka</i> (PSl)	}	'соперник — со- перница'.
<i>rival</i> — <i>rivalka</i> (Prav. Orfograf. slovník)		

Интересно отметить, что суффикс *-ka* оказывается настолько продуктивным при образовании существительных женского рода от заимствованных основ, что его использованию не мешает необходимость чередования звуков: *biološka* (от *biolog*) вместо *biologyně*. Любопытно, что в польском языке в аналогичных условиях необходимость чередования согласных являлась серьезным препятствием для употребления суффикса *-ka*, в результате чего он вытеснялся суффиксом *-yni*³³.

До сих пор мы занимались рассмотрением случаев, когда в ходе процесса конкуренции победителем оказался суффикс *-ka*. Однако в чешском языке известны факты, когда более жизнеспособными оказывались суффиксы *-kyň*, *-yně* (правда, несравненно реже). Наиболее последовательно суффикс *-kyň* побеждает в конкуренции суффикс *-ka* у существительных женского рода, образованных от соответствующих существительных мужского рода с основой на *-ce*:

<i>zákonodárce</i> — <i>zákonodárkyň</i> , <i>*zákonodárka</i> (PSl),	}	'законодатель — за- конодательница',
<i>zákonodárce</i> — <i>zákonodárkyň</i> (SITr)		
<i>divotvorce</i> <i>divotvůrce</i> — <i>divotvůrkyň</i> , <i>*divotvorka</i> (SITr)	}	'чудотворец — жен- щина-чудотворец'.
<i>divotvorce</i> — <i>*divotvorka</i> , <i>*divotvorkyň</i> (PSl)		

Во всех приведенных случаях образование с суффиксом *-ka* исчезает.

Победу суффикса *-kyň*, по-видимому, можно объяснить тем, что существительные женского рода со значением лица данного типа, как правило, оформляются при помощи суффикса *-kyň* и только в редких случаях возможны образования с другими суффиксами. Однако в целом вероятность победы суффиксов *-kyň*, *-yně* в конкуренции с суффиксом *-ka* очень мала; мы можем отметить лишь единичные случаи:

<i>přítel</i> — <i>*přítelka</i> , <i>přítelkyň</i> (PSl)	}	'друг — подруга'.
<i>přítel</i> — <i>přítelkyň</i> , <i>*přítelka</i> (SITr)		

Своеобразно развивается процесс конкуренции у существительных женского рода со значением лица, восходящих к существительным мужского рода на *-ec*. От указанных существительных существительные женского рода со значением лица могут образовываться как при помощи суффикса *-ka*, так и суффикса *-kyň*. При этом происходит некоторое разграничение сфер их употребления: к существительным муж-

³³ Z. Klemensiewicz. Tytuły i nazwy zawodowe kobiet w świetle teorii i praktyki. — „Język polski“, t. XXXVII, 1957, № 2.

ского рода, у которых в качестве производящей словообразовательной основы выступает основа имени существительного, как правило, присоединяется суффикс *-ka*. Например:

<i>komsomolec</i> — <i>komsomolka</i> (PSI)	‘комсомолец — комсомолка’,
<i>Japonec</i> — <i>Japonka</i> (PSI)	‘японец — японка’,
<i>cizinec</i> — <i>cizinka</i> (PSI)	‘иностранец — иностранка’.

Образование с суффиксом *-kyně* в этих условиях, как правило, вытесняется. Ср., например, следующие данные словарей:

<i>cizinec</i> — <i>cizinka</i> , <i>cizinkyně</i> (Jungmann)	} ‘иностранец — иностранка’.
<i>cizinec</i> — <i>cizinka</i> , * <i>cizinkyně</i> (PSI)	
<i>cizinec</i> — <i>cizinka</i> (SITr, Prav.)	

У существительных мужского рода на *-ec* отглагольного происхождения фиксируется, напротив, присоединение суффикса женского лица *-kyně*:

<i>trhovec</i> — <i>trhovka</i> , * <i>trhovkyně</i> (PSI)	} ‘торговец — торговка’,
<i>trhovec</i> — <i>trhovkyně</i> (SITr, Prav.)	
<i>jezdec</i> — <i>jezdkyně</i>	} ‘наездник — наездница’,
<i>sportovec</i> — <i>sportovkyně</i>	
<i>letec</i> — <i>letkyně</i>	} ‘летчик — летчица’,
<i>běžec</i> — <i>běžkyně</i>	

Единственное поле конкуренции суффиксов *-ka* и *-kyně* — это основы существительных мужского рода со значением лица на *-ec*, восходящие к прилагательным и причастиям. В этих условиях попеременно побеждают то суффикс *-ka*, то суффикс *-kyně*.

Так, в роли победителя суффикс *-ka* оказывается в следующих случаях. Например:

<i>vychovanec</i> — <i>vychovanka</i> , * <i>vychovankyně</i> (PSI)	} ‘воспитанник — воспитанница’,
<i>vychovanec</i> — <i>vychovanka</i> (SITr)	
<i>opatrovaneč</i> — <i>opatrovanka</i> , <i>opatrovankyně</i> (Kott, Jungmann)	} ‘опекаемый — опекаемая’.
<i>opatrovaneč</i> — <i>opatrovanka</i> (PSI, SITr)	

Иногда в аналогичных условиях побеждает суффикс *-kyně*. Например:

<i>přivrženeč</i> — <i>přivrženka</i> , <i>přivrženkyně</i> (PSI)	} ‘приверженец — приверженка’,
<i>přivrženeč</i> — <i>přivrženkyně</i> (SITr, Prav.)	
<i>vyhnaneč</i> — <i>vyhnanka</i> , <i>vyhnankyně</i> (Jungmann)	} ‘изгнанник — изгнанница’.
<i>vyhnaneč</i> — * <i>vyhnanka</i> , <i>vyhnankyně</i> (PSI)	
<i>vyhnaneč</i> — <i>vyhnankyně</i> (SITr, Prav.)	

Таким образом, в ходе конкуренции указанных суффиксов устанавливается некоторое подвижное равновесие, о чем говорят и случаи дублетности, например:

<i>stoupenec</i> — <i>stoupenka</i> , <i>stoupenkyně</i> (PSI)	}	‘последователь — по- следовательница’, ‘союзник — союз- ница’,
<i>spojenec</i> — <i>spojenka</i> , <i>spojenkyně</i> (PSI, STr, Prav.)		
<i>ochranitel</i> — <i>ochranitelka</i> , <i>ochranitelkyně</i> (Jungmann, Kott)	}	‘защитник — защит- ница’
<i>ochranitel</i> — <i>ochranitelka</i> , <i>ochranitelkyně</i> (PSI)		
<i>zvěstovatel</i> — <i>zvěstovatelka</i> , <i>zvěstovatelkyně</i> (STr)	}	‘вестник — вестница’,
<i>živitel</i> — <i>živitelka</i> , <i>živitelkyně</i> (STr)		
		‘кормилец — корми- лица’

(наблюдения над языком художественной литературы, прессы показывают, что в последнем случае, как правило, употребляется *živitelka*),

<i>nadšenec</i> — <i>nadšenka</i> , <i>nadšenkyně</i> (PSI)	}	‘восторженный чело- век’,
<i>nadšenec</i> — <i>nadšenkyně</i> (STr)		
<i>nadšenec</i> — <i>nadšenka</i> , <i>nadšenkyně</i> (Orfogr. slovník, 1955)		
<i>sourozenec</i> — <i>sourozenka</i> , <i>sourozenkyně</i> (PSI)	}	‘брат и сестра’,
<i>sourozenec</i> — <i>sourozenka</i> (STr)		
<i>sourozenec</i> — <i>sourozenka</i> , <i>sourozenkyně</i> (Orfogr. slovník)		
<i>svěřenec</i> — <i>svěřenka</i> , <i>svěřenkyně</i> (Jungmann, Kott, STr)	}	‘опекаемый — опекае- мая’

(наблюдения над языком прессы и „Чешский орфографический словарь“ говорят о преимущественном употреблении слова *svěřenka*),

<i>dobyvatel</i> — <i>dobyvatelka</i> , <i>*dobyvatelkyně</i> (PSI, STr)	‘завоеватель — за- воевательница’.
--	---------------------------------------

„Настольный словарь“ фиксирует состояние языка к 1935 г., а словарь Травничка — к 1952 г.; образование *dobyvatelkyně* в обоих словарях помечено как малоупотребительное, что свидетельствует о том, что общее направление процесса конкуренции вырисовывается достаточно четко: окончательная победа будет на стороне суффикса *-ka*.

Анализ языкового материала показал, что в подавляющем большинстве случаев процесс конкуренции не завершен у малоупотребительных слов: в результате активного использования слов более эффективно отсеиваются образования с менее жизнеспособными суффиксами.

Представляются не лишними интереса следующие статистические данные, отражающие ход процесса конкуренции суффиксов женского лица: на 160 зафиксированных нами случаев конкуренции упомянутых суффиксов приходится 127 случаев, когда побеждает суффикс *-ka*, 10 случаев, когда побеждают суффиксы *-yně*, *-kyně* (главным образом *-kyně*), 23 случая, когда процесс конкуренции еще не завершен. Приво-

димые цифры достаточно убедительно говорят об исключительной устойчивости позиций суффикса *-ka* в процессе конкуренции.

Однако суффикс *-ka* может конкурировать не только с суффиксами *-yně*, *-kyně*, но и суффиксом *-ice* (впрочем довольно редко). Это можно наблюдать: у существительных женского рода со значением лица с основой на *-ař*, например:

kuchař — *kuchařka*, †*kuchařice* (PSI) }
kuchař — *kuchařka* (SITr) } 'повар — повариха'.

У существительных женского рода со значением лица, произведенных от соответствующих существительных мужского рода на *-ec*. Например:

chovanec — *chovanka*, *chovnice* }
 (Jungmann, Kott) } 'воспитанник — воспитанница'
chovanec — *chovanka* (PSI, SITr)

Случаи конкуренции указанных суффиксов наблюдаются и у некоторых заимствованных слов. Например:

hejtman — *hejtmanka*, *hejtmanice* }
 (Jungmann, Kott) } 'гетман — жена гетмана',
hejtman — *hejtmanka* (PSI) }
student — *studentka*, **studentice* }
 (PSI, SITr) } 'студент — студентка'.

Следует заметить, что существительное *studentice* употреблено лишь в языке одного из произведений Я. Неруды и совершенно не встречается в непосредственной языковой практике.

Не лишен интереса ход процесса конкуренции и в следующем случае:

šlechtic — **šlechticka*, *šlechtična* }
 (PSI) } 'дворянин — дворянка',
šlechtic — *šlechtična* (SITr)

где суффикс *-ka* конкурирует с суффиксом *-na*:

dědic — *dědička*, *dědična* (Jungmann, Kott) }
dědic — *dědička* (PSI, Pravidla) } 'наследник — наследница'.

Причины победы суффикса *-ka* в ходе процесса конкуренции его с другими суффиксами женского лица объясняются, по-видимому, прежде всего тем обстоятельством, что широкие словообразовательные связи, семантическая емкость превращают суффикс *-ka* не только в совершенно неуязвимое словообразовательное средство, но также и обуславливают возможность его использования на месте остальных, противопоставленных ему суффиксов со значением женского лица.

Ниже мы рассмотрим некоторые случаи конкуренции суффиксов *-ice*, *-nice*, *-kyně*. У существительных женского рода со значением лица, образованных от соответствующих существительных мужского рода на *-ik*, *-nik*:

<i>lakomec</i> — <i>lakomice</i> , <i>lakomkyně</i> (Jungmann, Kott)	}	‘скупой человек’,
<i>lakomec</i> — * <i>lakomnice</i> (SITr, Prav.)		
<i>opatrovník</i> — <i>opatrounice</i> , * <i>opatroukyně</i> (PSI, SITr)	}	‘опекун — опекунша’,
<i>panovník</i> — <i>panovnice</i> , * <i>panovkyně</i> (PSI)		
<i>panovník</i> — <i>panovnice</i> (SITr)	}	‘властитель — властительница’,
<i>následník</i> — <i>následnice</i> , <i>následkyně</i> (SITr)		
<i>účastník</i> — <i>účastnice</i> , * <i>účastkyně</i> (PSI)	}	‘участник — участница’,
<i>účastník</i> — <i>účastnice</i> (SITr, Prav.)		
<i>vražedník</i> — <i>vražednice</i> , <i>vražedkyně</i> (Jungmann, SITr)	}	‘убийца’.

Из приведенных примеров видно, что суффиксы *-ice*, *-nice* одерживают победу в конкуренции с суффиксом *-kyně*: существительные женского рода со значением лица, образованные посредством суффикса *-kyně*, либо помечаются как малоупотребительные, либо совсем не помещаются в словарях как вышедшие из употребления. Особенно характерной представляется нам эта победа у существительных женского рода, образованных от существительных мужского рода на *-ik*, *-ník*. Победа суффиксов *-ice*, *-nice* в этом случае объясняется устойчивостью данной модели, тем, что такое оформление является типичным для подобных существительных.

Иногда в конкуренции могут участвовать не два, а три суффикса. Такие случаи редки, что, естественно, отражается на количестве приводимых примеров:

<i>-ka</i> <i>-kyně</i> <i>-ice</i> <i>-nice</i>	}	‘воевода — жена воеводы’,
<i>vévoda</i> — <i>vévodice</i> , <i>vévodka</i> , <i>vévodkyně</i> (Jungmann, Kott)		
<i>vévoda</i> — <i>vévodkyně</i> (SITr, Prav.)	}	‘вор’,
<i>zloděj</i> — <i>zlodějka</i> , <i>zlodějnice</i> (Jungmann, Kott)		
<i>zloděj</i> — <i>zlodějka</i> (SITr)	}	‘король — королева’ (иногда ‘дочь короля’).
<i>-ka</i> <i>-ová</i> <i>-ovna</i>		
<i>král</i> — <i>králka</i> (устар.), † <i>králová</i> , <i>královna</i> (PSI, SITr)		

В данном случае все три существительные женского рода выступили в значении ‘жена короля’. Наиболее устойчивым образованием оказалось лишь *královna*, получившее не только значение ‘жена короля’, но и ‘королева как самостоятельная владычица’.

<i>-nka</i> <i>-ina</i> <i>-ka</i>	}	‘бургграф — жена бургграфа’,
<i>purkrabě</i> — <i>purkraběnka</i> , * <i>purkrabina</i> , * <i>purkrabka</i> (PSI)		
<i>-a</i> <i>-ka</i> <i>-yně</i>	}	‘внук — внучка’
<i>vnuk</i> — <i>vnuka</i> , <i>vnučka</i> , <i>vnukyně</i> (Jungmann, Kott)		
<i>vnuk</i> — <i>vnučka</i> (SITr, Prav.)		

Итак, из приведенных примеров видно, что в чешском языке существительные женского рода со значением лица, идентичные по своей семантике и стилистическому использованию, могут быть образованы посредством различных суффиксов от одних и тех же основ. Наша попытка представить процесс конкуренции далеко не исчерпывает его богатства и разнообразия. Однако даже из приводимого материала следует, что наиболее продуктивные словообразовательные суффиксы оказываются наиболее жизнеспособными и в процессе конкуренции, выходя победителями из борьбы идентичных в семантическом и стилистическом отношении морфем, характеризующихся сходными структурными связями. Изучение процесса показало, что наиболее устойчивым в борьбе за существование оказывается суффикс *-ka*, обладающий большими структурными и семантическими возможностями. Достаточно стойко сохраняют свои позиции в процессе конкуренции суффиксы *-ice*, *-nice*, очень четко обособленные от других суффиксов женского лица своими структурными связями. Устойчивыми являются и позиции суффикса *-ová* с его специфической семантической окраской. В ходе процесса конкуренции значительному вытеснению подверглись суффиксы *-yně*, *-kyně* в связи с тем обстоятельством, что семантическая и структурная близость столкнула их с наиболее продуктивным в современном чешском языке суффиксом женского лица — суффиксом *-ka*. В результате этого указанные суффиксы в значительной степени или были вытеснены из языка, или существенно изменился характер их стилистического использования.

Как мы могли убедиться, в результате изучения природы словообразовательных суффиксов со значением женского лица в современном чешском языке под углом зрения выделенных критериев продуктивности, мы получаем в целом идентичные результаты.

Приложение критериев продуктивности к конкретному материалу показало, что наиболее продуктивным для современного чешского языка словообразовательным суффиксом со значением женского лица является суффикс *-ka*. Суффикс *-ka* обладает разветвленной системой словообразовательных связей³⁴, богаты и его семантические возможности. На его долю приходится и наибольшее количество новообразований. Очень устойчивые позиции занимает суффикс *-ka* в процессе конкуренции, вытесняя менее жизнеспособные суффиксы женского лица.

Продуктивным, правда, в меньшей степени, является и суффикс *-nice*, характеризующийся широкими семантическими возможностями. Однако структурные связи этого суффикса очень узки. Впрочем, указанное обстоятельство не может помешать суффиксу *-nice* быть продуктивным словообразовательным средством, так как наиболее типичная для него словообразовательная модель является довольно актуальной в современном чешском языке. Достаточно широко используется данный суффикс в процессе создания новообразований. Суффикс *-nice* занимает устойчивые позиции в процессе конкуренции.

Ограниченно продуктивными для настоящего периода существования языка являются суффиксы *-ová*, *-ice*, *-kyně*.

Суффикс женского лица *-ová* характеризуется очень широкими словообразовательными связями, однако его семантические возможности очень ограничены. С этой точки зрения он является словообразова-

³⁴ В пользу продуктивности суффикса *-ka* говорит и наличие в чешском языке отпочковавшихся от суффикса *-ka* вариантов образований: *-uška*, *-atka*.

тельным средством, характеризующимся частичной продуктивностью. При определении степени продуктивности суффикса *-ová* решающую роль играет то обстоятельство, что основное, присущее данному суффиксу значение, не является ныне перспективным.

Суффикс *-kyně* отличается достаточно многообразными семантическими и структурными связями, однако мы должны принять во внимание, что данная словообразовательная морфема, как правило, не присоединяется к очень продуктивным для данного периода существования чешского языка основам. Количество существительных женского рода со значением лица, вновь образованных при помощи суффикса *-kyně*, ныне является довольно ограниченным. Для определения степени продуктивности суффикса *-kyně* существенным является также тот факт, что данный суффикс, равно, как и родственный ему суффикс *-yně*, подвергся значительному вытеснению в ходе процесса конкуренции. Все это позволяет нам определить суффикс *-kyně* как ограниченно продуктивное словообразовательное средство.

Суффикс женского лица *-ice* отличается узостью структурных связей, являющихся так же, как и структурные связи суффикса *-nice*, строго специфичными. Это обуславливает устойчивость его позиции в процессе конкуренции. Не отличаются широтой и семантические возможности суффикса *-ice*. Однако следует принять во внимание, что с присоединением суффикса *-ice* у существительных женского рода возникают достаточно актуальные значения.

Суффикс *-yně*, наряду с суффиксами *-ínka*, *-atka*, *-esa*, *-uška*, *-ička*, *-ečka*, *-ovka*, является малопродуктивным словообразовательным средством. При этом суффиксы *-uška*, *-atka* характеризуются единичным употреблением. Непродуктивными, мертвыми суффиксами, не относящимися к активу современного чешского языка, являются суффиксы *-a*, *-í*, *-na*, *-ena*, *-ovna*, *-ína*, *-ezna*, *-ě|nka*.

В. В. Иванов

ИЗ ИСТОРИИ ВОЛОКОЛАМСКИХ ГОВОРОВ XV—XVIII вв.

К вопросу о складывании
и развитии средневеликорусских говоров
на территории вокруг Москвы

ВВЕДЕНИЕ

1

В данной статье¹ автор стремился к тому, чтобы на основе изучения письменных памятников — главным образом различного рода грамот, — в которых возможно искать отражение не только черт живого общенародного русского языка прошлых эпох, но и некоторых явлений интересующих его диалектов, попытаться восстановить историю волоколамских народных говоров на протяжении длительного исторического периода.

Термин „волоколамские говоры“ условен, ибо под ним понимаются говоры более обширной территории, чем современный Волоколамский район Московской области.

На протяжении истории Волоколамская земля все больше и больше расширяла свои пределы. Начав свое существование в виде небольших „волостей Волоцких“ вокруг Волока на Ламе, она к концу XV в. обнимала всю территорию будущих Волоцкого и Рузского уездов. Правда, это существование Волока и Рузы в пределах одного удельного княжества было недолгим: с 1494 г. они вновь разделяются, причем с 1503 г. Рузский, а с 1513 г. Волоцкий уделы становятся частями одного Московского княжества. С другой стороны, Волоцкий удел, имея на своей территории еще с XIII—XIV вв. Тверские земли, окончательно присоединил их к себе в конце XV в., округлив тем самым свою территорию на севере и западе.

Таким образом, Волоцкий уезд с начала XVI в. охватывал значительную территорию, граничащую на севере с Клинским уездом, на западе — с Тверским, на юге — с Можайским, на востоке — с Рузским.

¹ Настоящая статья представляет собой значительно переработанную часть более обширного исследования, посвященного истории складывания и развития подмосковных волоколамских говоров русского языка. Все оно строилось на изучении материалов письменных памятников, относящихся к Волоколамску, на описании и анализе современных говоров Волоколамского района Московской области. Из него в предлагаемую здесь статью вошла лишь та часть, которая основывается на исследовании памятников письменности.

Эта территория (совпадающая к тому же в своих границах с Волоцким удельным княжеством) и имеется в виду как та, на которой были распространены волоколамские говоры.

В настоящее время в ее пределы входит не только Волоколамский район Московской области, но и части Ново-Петровского, Осташевского, Шаховского, Лотошинского, Высоковского районов этой области, а также часть районов Калининской области.

История волоколамских говоров представляет значительный интерес в первую очередь потому, что складывание их как средневеликорусских шло довольно сложными путями, обусловленными своеобразной историей самой Волоколамской земли. Проблема складывания средневеликорусских говоров является вообще очень важной, так как история этих говоров, взаимодействие северных и южных диалектов в процессе возникновения и развития первых могли быть различными в разных условиях². Выяснение конкретных путей складывания и развития отдельных средневеликорусских говоров может сыграть большую роль в решении общих вопросов истории русских диалектов.

В работе привлекаются рукописные документы, принадлежащие ранее бывшему Иосифо-Волоколамскому монастырю и хранившиеся в его архивах³. Это — купчие, меновные, жалованные, духовные, договорные грамоты, прошения и доношения крестьян, переписка крестьян и других лиц с монастырем и некоторые иные документы. Хронологически все они относятся к периоду с 1479 по 1799 г., т. е. с XV по XVIII в.

Опись использованных рукописей дается в качестве Приложения к работе.

2

Изучать историю говоров на протяжении длительного периода их развития можно лишь при условии тесной связи этого изучения с изучением истории самих носителей этих говоров, с историей населения и территории, на которой эти говоры были распространены. Поэтому прежде всего нужно, хотя бы в общих чертах, представить историю Волоколамской земли.

Начальным этапом этой истории являются события, относящиеся к концу первого тысячелетия нашей эры. Именно тогда на будущую Волоколамскую территорию, заселенную в то время какими-то, вероятно, восточно-финскими племенами⁴, с запада, от Смоленска, двинулись кривичи, одно из северных славянских племен. Они двигались по речным путям, выходя на Волгу у Ржева и занимая бассейн ее притоков. „Кривичи прочно заняли к северу от течения Москвы весь Волоколамский край“⁵. Южнее Москвы земли были заняты другим славянским племенем, шедшим с Оки, — вятичами.

Так Волоколамский край стал славянской землей.

В истории возникновения Волоколамска большую роль сыграли два водных пути, проходившие по окраинам его земли. Один путь — из

² См. Р. И. Аванесов. Вопросы образования русского языка в его говорах. — Вестник МГУ, 1947, № 9.

³ В настоящее время эти материалы хранятся в Центральном Государственном Архиве Древних Актов и в Государственном Историческом музее.

⁴ См. П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М.—Л., 1948, стр. 129.

⁵ Ю. В. Готь е. Исторический очерк г. Волоколамска. — „Экономический сборник по Волоколамскому уезду“. Волоколамск, 1926, стр. IV.

Новгорода к верховьям Волги, а оттуда в Каспийское море⁶. Здесь в VIII—IX вв. шли сношения с Востоком, а попасть на Каспий можно было, преодолев часть пути волоком через реку Ламу, далее на реки Волошну, Рузу, Москву — к Оке. „Это и есть Волок Ламский, давший историческое название всему краю“⁷. Второй путь — путь „из Варяг в Греки“. В этом водном пути участвовали реки Шоша и Лама. „Оживленные сношения по обоим пути этим водным путям способствовали возникновению города“⁸.

Первоначально город был основан на берегу реки Ламы, вероятно, там, где еще в XVI в. находилось село Староволоцкое. Его основали в VIII—IX вв. выходцы из Новгорода в связи с возникновением Новгородского государства, а также в связи с развитием сношений новгородцев с соседями и заморскими странами. В 1054 г., при Ярославе Мудром, город Волоколамск был заложен на том месте, где он находится и теперь. Судя по летописному известию 1125 г., можно предположить, что „в первой половине XII в. Ламский Волок был уже Новгородским владением“⁹.

Хотя до второй половины XV в. Волок почти все время находился во владении Новгорода, все же выгодное географическое положение первого не создавало Новгороду возможности спокойного обладания Волоком.

Борьба за Волок особенно обостряется со второй половины XII в., когда складывается так называемое сместное, т. е. двойное, владение Волоколамском новгородских князей и боярского руководства Великого Новгорода, связанного с суздальскими князьями. Эта борьба закончилась победой Новгорода, и, „по-видимому, Волок до татарского погрома оставался в его руках“¹⁰.

Со второй половины XII в. и почти по первую четверть XIV в. в течение ряда лет Волоколамск находился в „сместном“ владении Новгорода и Тверских князей, которые часто бывали и великими князьями.

Когда великое княжение Владимирское прочно переходит к Московскому князю, он становится обычно и новгородским князем, а это означает, что он получает в виде „сместного“ владения и Волок. Это владение продержалось до 1462 г., причем и до этого времени Волок не раз захватывался Москвой, а также служил ее опорным пунктом при походах на Тверь и Новгород.

Чем дальше, тем больше борьба велась уже не за установление „сместного“ владения Волоком, а за полное присоединение его к Москве. Вся эта упорная борьба окончилась полной победой Москвы. В 1462 г. по духовной грамоте Василия Темного Волок достается в удел его четвертому сыну Борису и превращается в московское удельное княжество.

Волоколамский край существовал как удельное княжество с 1462 по 1513 г. В этот период происходил интенсивный рост земель Волоколамска. Начало территории Волоколамского удельного княжества положила еще Софья Витовтовна, жена Василия I, которая завещала в 1451 г. своему внуку Борису ряд сел на Волоке¹¹. Василий Темный

⁶ А. А. Зимиин. Землевладение и социальный состав Иосифо-Волоколамского монастыря в XVI веке. Канд. дисс. Институт истории АН СССР, 1947, стр. 228.

⁷ Ю. В. Готье. Указ. соч., стр. II.

⁸ А. А. Зимиин. Указ. соч., стр. 229.

⁹ Ю. В. Готье. Указ. соч., стр. IV.

¹⁰ Там же, стр. VI.

¹¹ Духовные и Договорные грамоты, № 57.

завещал Борису, кроме Волоколамска, еще Рузу и Ржеву. Позднее (около 1473 г.) Иван III передал ему Шапковскую волость¹². В это же время в состав удела вошло и старинное московское село Рюховское, а в 1497 г. сюда отошли б. Тверские волости Колпь и Буйгород¹³.

Когда в 1494 г. умер князь Борис Васильевич, Волоцкое княжество было разделено: Волок и половину Ржева получил Федор, а Рузу и вторую половину Ржева — Иван. После смерти Федора Борисовича в 1513 г. Волоцкий удел перешел в прямое владение великого князя Василия, закончив этим свое существование.

Однако в период тех пятидесяти лет, когда Волок существовал как самостоятельное удельное княжество, он начал играть первенствующую роль в русской истории. Это было связано с основанием в 1479 г. в его пределах Иосифо-Волоколамского монастыря. Этот монастырь на протяжении почти ста лет являлся идеологом русской официальной церкви. Тесно связанный с властью Московского князя, он помогал ее укреплению, упрочивая тем самым и свое положение. Поддержка Московских государей обеспечила помощь монастырю от этих последних. Особенно же богател монастырь за счет земельных вкладов в него, вкладов деревень. К концу XVI в. общая земельная площадь монастырской вотчины достигла количества 25046 десятин¹⁴. В территориальном отношении владения Иосифо-Волоколамского монастыря располагались довольно компактно: почти все они, около 79,9 процента, находились в Волоцком и Рузском уездах. Остальная же земля была во Владимирском, Дмитровском, Зубовском, Клинском, Коломенском, Козельском, Московском, Ржевском и Старицком уездах¹⁵.

Вместе с тем этот политический и экономический центр северо-западного Подмосковья был и его культурным центром. Уже в XVI в. Волоколамский монастырь являлся одним из крупных очагов литературной деятельности страны. В его библиотеке хранилось тогда до двух тысяч рукописных книг. Наряду с этим в монастыре был свой архив, где собирались грамоты, удостоверяющие права монастыря на различные владения, многие документы хозяйственной жизни монастыря. В Иосифо-Волоколамском монастыре были сосредоточены силы книжников и писцов. Из среды его постриженников вышли многие высокообразованные люди того времени.

Волоколамский монастырь не только сыграл свою роль в культурном развитии края, но и оказал определенное влияние на общую культуру Московского государства. Однако уже с конца XVI в. роль монастыря падает, и он теряет постепенно свое значение во всех областях жизни.

При этом надо иметь в виду и обратное — причем, конечно, большее — влияние Москвы на развитие Волоколамского края, которое шло как в области политики и экономики, так и в области культуры.

Эпоха конца XV — начала XVI в. — эпоха складывания единого русского государства под эгидой Москвы — была и эпохой формирования русского народа и русской культуры. Поэтому, конечно, и Волоколамский край, с его культурным центром, Иосифовым монастырем, не мог не быть под влиянием развивающейся общерусской культуры, не мог не подчиниться ее идеям. Наконец, московское влияние должно было сказаться и на развитии говоров Волоколамского края, ибо объ-

¹² Духовные и Договорные грамоты, № 61, 69.

¹³ Ю. В. Готье. Замосковский край в XVII веке. М., 1937, стр. 375.

¹⁴ С. Торопов и К. Щепетов. Иосифо-Волоколамский монастырь. М., 1946, стр. 6, 7.

¹⁵ А. А. Эмин. Указ. соч., стр. 432—435.

единение земель вокруг Москвы, создание единого государства во главе с Москвой означало в то же время, что „Москва объединила разрозненные и обособленные дотоле этнические и диалектные группы“¹⁶. Но о языковом влиянии Москвы на волоколамские говоры, как видно, можно говорить лишь тогда, когда в самой Москве выработались те единые языковые нормы, которые легли в основу русского литературного языка.

Однако если говорить о влиянии Москвы на жизнь населения Волоколамского края и, в частности, на язык его, следует прежде всего обратиться к судьбам этого населения.

Как уже говорилось, исконным славянским населением Волоколамской земли были кривичи. Археологические данные не позволяют утверждать, что это население было заменено другим, пришлым из Новгорода, во владении которого долгое время был Волоколамск¹⁷. Но исторические связи Волока с Новгородом, а затем с Москвой не могли не приводить к смешению населения на данной территории. Это могло быть особенно на поздних исторических ступенях развития, когда Волоколамский край стал ареной борьбы различных княжеств, а потом — и простой частью Московского государства.

Если говорить об истории населения, то представляется возможным утверждать, что оно в Волоколамском уезде XVI в. было очень незначительно. „В самые лучшие времена, до экономического кризиса, поразившего в XVI в. центральные области государства, население уезда едва ли, вместе с городом, превышало 4—5 тысяч человек“¹⁸.

Однако упорная борьба за Волоколамск великих русских князей с Новгородом и частые смены князей-правителей в Волоколамске отразились на составе землевладельцев Волоцкого уезда. К концу XV в. в составе волоколамских вотчинников мало можно найти связанных с Новгородом, больше было потомков других князей, получивших вотчины в Волоколамской земле. Здесь были потомки князей Черниговских, Тверских, Смоленских, Московских. Такая пестрота в происхождении вотчинников может одновременно говорить и о пестроте всего населения, которое могло увеличиваться за счет прихода жителей извне; причем в этом процессе могли играть роль различные исторические причины¹⁹.

Особо надо сказать о социальном составе братии Иосифо-Волоколамского монастыря. Как и любой монастырь, он был связан с окружающим населением и особенно с местными землевладельцами. В составе руководства монастыря основное место занимали представители вотчинников соседних уездов, люди из приближенных Волоцкому князю лиц. Однако среди рядовой братии были главным образом крестьяне, ремесленники, посадский люд и т. д. из соседних сел и окрестных городов. „Именно эти социальные группы населения составляли основное ядро рядового монашества Иосифова монастыря“²⁰.

Итак, до XVII в. население Волоколамского уезда было малочисленно. Эпоха смуты еще сильнее уменьшила его. В первой четверти XVII в. „население уезда едва ли превышало 1000 человек обоего пола“²¹.

¹⁶ Р. И. Аванесов. Указ. соч., стр. 110.

¹⁷ А. Н. Насонов. „Русская земля“ и образование территории древнерусского государства, М., 1951, стр. 90. См. указанные им сочинения по этому вопросу.

¹⁸ Ю. В. Готь е. Исторический очерк г. Волоколамска, стр. XV.

¹⁹ См. подробнее ниже.

²⁰ А. А. Зимин. Указ. соч., стр. 344.

²¹ Ю. В. Готь е. Исторический очерк г. Волоколамска, стр. 16.

Однако в XVII в. это население вновь быстро увеличивается в связи с возвращением жителей, разбредшихся в эпоху смуты. „К началу Петровских реформ население города и уезда могло достигать 7—8 тысяч человек“²². В дальнейшем, на протяжении XVIII—XIX вв. население продолжает увеличиваться: с 1787 по 1877 г. оно выросло с 50 до 81 тысячи человек. Однако и в XVIII и XIX вв. население Волоколамского уезда в целом остается крестьянским.

Что касается культурного развития в уезде, то можно с уверенностью говорить о низком уровне образования населения Волоколамска в XVII—XVIII вв. и о полном его отсутствии в еще более ранний период. Об этом можно судить по данным о народном образовании в XIX в. Так, в Волоколамском уезде в 1842 г. числилось три сельских училища с 50 учащимися в них, а в 1843 г. — только одно с 3 учениками. И лишь к концу XIX в. количество школ и учащихся в них несколько увеличилось.

Только в годы Советской власти Волоколамск получает возможность нового развития. Небольшая часть нашей страны, Волоколамск живет ныне единой жизнью со всем социалистическим государством.

Но со всеми этими выводами, со всем тем, что вытекает из общей истории Волоколамской земли, связаны вопросы истории развития народных волоколамских говоров. Путь их развития, как видно, был не прост. Сложность исторических судеб жизни населения этой территории не могла не отразиться на языковом развитии Волоколамска.

ФОНЕТИКА

Рассмотрение фонетических явлений, отраженных в текстах Волоколамских грамот, должно показать, с одной стороны, какие исторические изменения произошли в звуковой системе русского языка и волоколамских говоров к изучаемому периоду, а с другой — оно должно дать определенное представление и о самой фонетической системе изучаемых говоров в прошлом. Конечно, подобный фонетический анализ не может быть поставлен в один ряд, по своим результатам, с записью живых народных говоров, ибо изучение письменных памятников не может дать исчерпывающего знания о языке прошлого времени, так как не все явления живых говоров прошлого могут отразиться в письменности, что объясняется самим характером изучаемого материала. Однако и письменные памятники прошлого, особенно для вскрытия истории фонетической системы изучаемого языка и говоров, могут дать неоценимые данные. В особенности такие данные могут предоставить памятники деловой письменности, отражающие очень широко явления живой народной речи.

Попытка такого восстановления истории фонетической системы волоколамских народных говоров дается в этом разделе работы. План построения раздела и цель его заключается в том, чтобы, проследив вначале ряд фонетических явлений, характерных для истории русского языка и волоколамских говоров, показать в заключение, как в результате исторических изменений произошло складывание определенной фонетической системы этих говоров в изучаемый период.

Рассмотрение истории говоров Волоколамска начинается с XV в. Конечно, это не начальный ее период, но, приступая к изучению

²² Ю. В. Готье. Исторический очерк г. Волоколамска, стр. 16.

именно с него, в силу объективных причин — из-за отсутствия более ранних памятников, — можно увидеть не только пути дальнейшего развития говоров, но заглянуть и в их прошлое.

А. ЯВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ГЛАСНЫХ

1. История звука [ě]

Как известно, и древнерусские письменные памятники, и некоторые современные говоры указывают на то, что в русском языке в прошлом, а в ряде говоров и в настоящем существовала и существует особая фонема [ě].

Эта фонема, обозначавшаяся в прошлом буквой ѣ, на протяжении истории русского языка и его говоров претерпела определенные изменения. В ряде говоров она стала звучать как [e] открытое, а в других — как [и] во всех или в определенных фонетических положениях, т. е., говоря другими словами, утратилась как особая фонема. В русском литературном языке фонема [ě], как известно, стала произноситься как открытое [e].

Судьба [ě] — это, по выражению академика А. А. Шахматова, „одно из самых интересных явлений истории русского языка“, — одно из таких, изучение которых помогает разобраться в истории многих русских говоров. История [ě], различная не только по результатам его изменений, как мы находим их в современных русских диалектах, но и по времени и по направлению этих изменений, дает возможность понять пути развития русских говоров.

Поэтому вопрос о судьбе [ě] в истории волоколамских говоров встает как один из главных вопросов изучения истории их фонетической системы.

Для решения вопроса о судьбе [ě] в волоколамских говорах XV—XVIII вв. необходимо рассмотреть все написания слов с ѣ в текстах грамот этого периода, проследить случаи этимологически неправильного написания ѣ и его смещения с другими буквами. Такой анализ дает возможность сделать попытку вскрыть за орфографическими явлениями — фонетические, — действительную историю [ě] в волоколамских говорах.

При рассмотрении вопроса о судьбе [ě] необходимо учитывать те данные истории русского языка, которые уже известны науке, и в первую очередь тот факт, что [ě] как особый звук мог наиболее долго сохраняться в наименее обусловленном фонетически положении — под ударением перед твердым согласным.

Анализируя московские грамоты XIV—XVII вв., Л. Васильев установил, что правильное написание ѣ в словах наблюдается лишь в положении под ударением, тогда как в безударном положении ѣ смешивается на письме с е. Это положение было подтверждено и В. В. Виноградовым и К. В. Горшковой при анализе иных памятников. На этом основании был сделан вывод о том, что в ударном слоге перед твердым согласным [ě] сохранялся в московском говоре до XVIII в.²³

²³ См. работы: Л. Л. Васильев. К истории звука ѣ в Московском говоре XIV—XVII вв. — Известия ОРЯС, 1905, т. X, кн. 2; его же. Несколько данных о звуковом качестве буквы ѣ. — Известия ОРЯС, 1910, т. XV, кн. 3; В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики северновеликорусского наречия, вып. 1. Очерки из истории звука ѣ в севернорусском наречии. — Известия ОРЯС, 1919, т. XXIV, кн. 1—2; К. В. Горшкова. Из истории Московского говора в конце XVII — начале XVIII века (Язык „Писем и бумаг Петра Великого“) — Вестник МГУ, № 10, 1947.

Подвергаясь в иных положениях влиянию соседних звуков, даже находясь под ударением, а также тем более подвергаясь изменениям в безударном положении, [ě] в то же время мог существовать все же как особый звук, попадая в наиболее независимое фонетически положение.

Следовательно, рассмотрение написаний слов с ѣ необходимо вести в первую очередь с учетом того, в ударном или безударном положении находится соответствующий звук в слове. Прежде всего следует рассмотреть написания слов с ѣ в ударном слоге, перенося вместе с тем написания слов с ѣ в безударном положении в раздел о безударном вокализме.

Однако здесь необходимо сделать одно замечание. В Волоколамских грамотах почти полностью отсутствует постановка знака ударения. Только в единичных случаях возможно отметить постановку этого знака в отдельных словах. Так, в грамоте XV в. № 10²⁴ отмечается: „*ω(т) Пётрѡвой земли, в болѡта, топѡръ, се(м)деса(т) рублѣвъ*“. В приписке к грамоте XVI в. № 55 (может быть, приписка позднейшего происхождения): „*Владычице приими молитву рабѡ свои(х) и избѡви на(с) ω(т) всѡкиа нѡжы и печѡли*. И, наконец, в грамоте XVIII в. № 48: „*пречестнѣйший, Гѣрманѡ, монашествовать, во спасѣнии душевном, тѣлесномѡ, возымѣлъ, въкратцѣ, вашему преподѡбю*“.

Конечно, этого очень недостаточно для того, чтобы охарактеризовать ударение в том живом говоре, который в какой-то степени получил отражение в изучаемых грамотах. Но все же с достаточным основанием можно предполагать, что в основном место ударения в словах в русском языке XV—XVIII вв. совпадало с местом ударения в этих же словах в современном русском языке. Однако это не означает отсутствия определенных затруднений в установлении ударного слога, как и не гарантирует от ошибок в таком установлении. Поэтому при определении ударного слога слова, в ряде случаев на основании фактов современного русского языка и его говоров, необходим осторожный подход. Некоторую помощь здесь могут оказать иные известные нам памятники, являющиеся также Волоколамскими и относящиеся к тому же периоду, к какому относятся и те грамоты, в которых поставлен знак ударения. Таков, например, сборник архиепископа Новгородского и Пскова Феодосия²⁵ (ГИМ, Синод. № 791), в котором есть целый ряд случаев постановки ударения в словах.

Можно привести некоторые примеры, причем таких слов, в которых должна писаться буква ѣ, обозначающая [ě]:

о срѡднице(х), л. 175 об.; вмѡлъ, л. 175 об.; утѣшение, л. 175 об.; о чаде(х), л. 175; видѣвши(м), л. 175; сѣдѡхо(м), л. 176; тѣлесна, л. 176; живѡтнѣ, л. 176; благодарѣния, л. 172; в верѣзѣ, л. 176 об.; позавидѣвъ, л. 176 об.; хотѣ(л), имѣ(л), л. 173 об.; видѣти, л. 178 об. и др.

Таким образом, нам кажется, что возможно опираться на современное русское ударение при рассмотрении истории [ě] в волоколамских говорах.

Метод рассмотрения явлений, связанных с [ě], должен быть, думается, основан на следующем принципе. В связи с тем, что, даже находясь в ударном слоге, [ě] мог подвергаться изменениям в соседстве

²⁴ Нумерация грамот дается согласно описи, помещенной в Приложении.

²⁵ Феодосий был по происхождению из Волоколамска и провел большую часть своей жизни в Иосифо-Волоколамском монастыре.

с различными звуками, — в связи с этим [ě] под ударением мог находиться или в слабом положении, когда он оказывался перед мягкими согласными, в сочетаниях с [j], на конце слова, — или в сильном — в положении перед твердым согласным. Для решения вопроса о судьбе [ě] наиболее важно положение под ударением перед твердым согласным, т. е. сильное, так как, переживая изменения в зависимости от фонетических условий в слабых положениях, этот звук мог сохранять в то же время свое качество в сильном положении. Поэтому решение вопроса об изменении [ě] должно начинаться с рассмотрения изменений этого звука в слабых положениях и постепенно переходить к рассмотрению этих изменений в сильном положении.

а. ъ под ударением между мягкими согласными²⁶

апрѣла — XVI, 23, — XVII, 18, — XVIII, 23;	апрелѣ — XVII, 23 — XVIII, 14
бѣли — XVI, 43; на бѣли(х) — XVI, 60; Забѣлина — XVI, 76; Забѣлины(м) — XVI, 60.	Забелина — XVIII, 6; билениѣ — XVIII, 58.
благословѣниѣ — XVIII, 20.	
благовѣщение — XVII, 4, 11, 23.	
благовѣщенской — XVII, 11 ²⁷ .	
бесѣдищу — XVI, 31а	
вѣде(р) — XVI, 65.	навеки — XVI, 90.
велѣти — XVI, 46, 65, 72, 101, 57а; велѣли — XVI, 102, — XVII, 9, 21, 22; велѣть — XVII, 29; повелѣние — XVII, 14; велѣнию — XVIII, 9.	велети — XVI, 57а, 96, — XVIII, 2; велели — XVIII, 8, 21; велению — XVIII, 2, 9, 11, 13; повелению — XVII, 18, — XVIII, 14.
вѣри(т) — XVII, 25.	верить — XVIII, 28; о Неве-реве — XVII, 9.
взвѣсить — XVII, 29; привѣсити — XVI, 22.	
вѣчной — XVI, 68, 92, 93, 98, 100, 102, — XVII, 11; вѣчно — XVIII, 13; вѣчную — XVI, 69; вѣчный — XVI, 96; вѣчные — XVI, 98, 100; вѣчны(х) — XVI, 56, 67, 68, 69, 72, 85, 92, 93, — XVII, 11.	вечной — XVI, 92, 93, 96, 97, — XVII, 1; вечный — XVI, 96; в вечные — XVI, 57а; вечны(х) — XVI, 86, 88, 97; вечныѣ — XVI, 66, 97.

²⁶ Здесь и ниже, во всем разделе, посвященном истории [ě], примеры написаний слов с ъ даются следующим образом: в левом столбце в алфавитном порядке приводятся слова, где ъ пишется этимологически правильно, а в правом — в том же порядке — те, где на месте ъ наблюдается написание е.

²⁷ Считаем, что в истории волоколамских говоров [ч] всегда было мягким, а [щ] (буква щ) могло быть и твердым и мягким. Подробнее см. в разделе об истории согласных, стр. 264—267.

- (со) всѣми уго(д)и — XVI, 5, 7, 12, 19, 22, 23, 28, 59, 60, 61, 67, 68, 76, 81, 92, 93, 100, — XVII, 2 и др.
- владѣли — XVII, 4, 22, — XVIII, 1, 4; владѣти — XVII, 4, 22, — XVIII, 14; во владѣние — XVIII, 10, 19, 54; во владѣнии — XVIII, 38.
- (по) дѣде — XVI, 29, 60, 68;
дѣла(т) — XVI, 2; сѧ дѣла(т) — XV, 12.
двѣсте — XVI, 11.
- о дѣле — XVI, 29, 46, — XVII, 9, — XVIII, 53; в дѣле — XVII, 14, 19, 25, XVIII, 41; здѣлье — XVII, 10; бе(э)дѣльной — XVII, 16; в придѣле — XVII, 18.
- дѣти — XV, 2, 12, — XVI, 9, 10, 25, 33, 44, 67, 82, 85 и др.; дѣте(м) — XV, 13, — XVI, 13, 14, 22, 31а, 42, 53, 82, 85, XVII, 1; по свои(х) дѣте(х) — XVI, 19.
- здѣся — XVII, 6, 9, 12, — XVIII, 48.
- лѣте — XVI, 3, 20а, 43.
- мѣди — XVIII, 58.
- мѣ(л)ница — XVII, 10;
о перемѣне — XVII, 17.
- мѣре — XVI, 76, — XVII, 9; о(т)мѣрити — XVI, 77, 80.
- мѣсеца — XVII, 18; мѣсца — XVIII, 58; мѣси(ч)ны(х) — XVIII, 58.
- смѣтитъ — XVII, 14; смѣтя — XVII, 14;
- примѣчено — XVI, 76; имѣть — XVIII, 56; имѣли — XVIII, 38, 57; имѣлись — XVIII, 54; мнѣние — XVIII, 53.
- налѣве — XVI, 31а, 36.
- наслѣдие — XVI, 23, 67а, 68, 69, 85, 92а, 93а, 97, 100, — XVII, 11.
- со всеми уго(д)и — XVI, 24, 70, 73, 93.
- владеть — XVIII, 2, 29, 38; во владение — XVIII, 5, 38; владении — XVIII, 29, 38; ко владению — XVIII, 38.
згорели — XVIII, 21.
двесте — XVI, 65.
дела(т)сѧ — XVI, 4.
- делѣ — XVII, 7; деле — XVII, 8; в делѣ — XVII, 10, — XVIII, 29, 34; здельи — XVII, 10, — XVIII, 21; бе(э)дельной — XVIII, 15.
- дети — XVI, 67, 83, 85а, 100, — XVIII, 18; детѣмъ — XVIII, 2; детемъ — XV, 9, 21, — XVIII, 2; дети(м) — XVIII, 18; о дете(х) — XVII, 14; о дети(х) — XVIII, 26.
- здесѧ — XVII, 6, 7, 8.
- лете — XVI, 20.
- ме(л)ница — XVII, 10; ме(л)ницу — XVIII, 5, 29; ме(л)ницы — XVIII, 5; ме(л)ничною — XVIII, 5; мели(т) — XVIII, 29.
- мени(т) — XVII, 29, 30; на мѣне XV, 10.
намерению — XVIII, 34.
- месецы — XVIII, 47.
- метю(т) — XVII, 15; мечю(т) — XVII, 16.
- налевѣ, налеве — XVI, 31а.
- в наследие — XVI, 72, 86, 88, 92; в наследил — XVI, 66; в насле(д)е — XVI, 75.
за наименомѣть — XVIII, 58.

недѣли — XVIII, 32; недѣ(л)щика — XVI, 43.

нѣчи(м) — XVI, 71.

оскудѣние(м) — XVII, 16, 38.

пѣти — XVI, 29, 60; пѣли — XVII, 18.

погребѣние — XVIII, 15; заплѣние — XVIII, 21; заплѣтели — XVI, 102.

рѣчка — XVI, 8; на рѣчке — XVI, 102; до рѣ(ч)ки — XVI, 8, 32; о(т) рѣ(ч)ки — XV, 5, — XVI, 36; рѣчькою — XV, 4, 5, 14, — XVI, 9, 23; в рѣчку — XV, 4, 10.

рѣчи — XVII, 18.

свидѣтеля(м) — XVIII, 9; свидѣте(л)ми — XVIII, 9; при свидѣтеля(х) — XVIII, 23.

свѣчи — XVII, 1, — XVIII, 58.

сѣча — XX, 6; к сѣчѣ — XV, 6; сѣчею — XV, 6; о(т) сѣчи — XV, 6.

селигѣре — XVI, 45.

телѣги — XVII, 12; телѣги(н) — XVI, 94, — XVII, 10; при телѣгине — XVII, 11.

тѣми — XV, 12, — XVI, 10, 10а, 43 и др., — XVII, 11, 12, — XVIII, 9.

потерпѣть — XVII, 11.

(в) хлѣбѣ — XVI, 25, 28, 31, 35а, 37, 39, 49, 78, — XVII, 14;

неделя — XVII, 7; недели — XVIII, 25; 34, 41; за неделю — XVIII, 25; понедельник — XVIII, 34.

оскудение — XVIII, 37, 38.

пети — XVI, 60; пению — XVIII, 45.

поле(н)емъ — XVII, 7.

запустели — XVI, 102а.

на речке — XVI, 76, 78, 102а, — XVIII, 25; до речки — XVI, 8, — XVIII, 5; речкою — XVI, 8; в речку — XVI, 32.

речи — XVIII, 28.

седель — XVII, 3, 29 (от „седло“).

свидетеля — XVIII, 9, 38; свидете(л)ми — XVIII, 47; при свидетелѣх — XVIII, 38; свидете(л)ствованы — XVIII, 52.

свечь — XVII, 29, — XVIII, 58; по(д)свещни(к) — XVIII, 58.

в селигере — XVI, 1, 10; в селегере — XVI, 10а.

саседи — XVIII, 7; с сасе(д)ми — XVIII, 9.

сидели — XVIII, 28.

о сене — XVII, 7.

в совете — XVII, 9.

смотрение — XVIII, 55; ра(з)смотрение — XVIII, 38, 53; рассмотреть — XVIII, 53; осмотреть — XVIII, 14.

телеги — XVII, 9; телеги(н) — XVII, 3, 10.

претерпеть — XVIII, 38.

в хлебе — XVI, 21, 34.

хлѣбе(н)ной — XVII, 18; бе(з)
хлѣ(б)а — XVI, 92.

(в) хлѣве — XVIII, 23.

хмѣлю — XVII, 8.

хме(л) — XVII, 8.

хотѣли — XVII, 25, — XVIII, 9.

хотели — XVII, 8.

увѣчи(л) — XVIII, 9; увѣче(н) — XVIII,
9.

Комментируя случаи смешения *ѣ* и *е* в написаниях целого ряда слов, следует указать, во-первых, на то, что написание *е* на месте *ѣ* возрастает с конца XVI в., а особенно распространяется в XVII в. Однако, во-вторых, целый ряд написаний подобного рода может быть вызван не фонетическими причинами. В написании слов с *е* на месте *ѣ* могут играть роль побочные обстоятельства, вызывающие смешение этих двух букв в положении под ударением между мягкими согласными.

Так, написание *со всеми уго(д)и* — XVI, 24, 70, 73, 93, может быть вызвано влиянием аналогичной формы местного падежа единственного числа *всеми*.

Путицей суффиксов *-ѣние* и *-ение* объясняется написание *е* вместо *ѣ* в таких словах, как *биления*, *велению* и подобн., *владение* и подобн., *оскудения*, *намерение*, *смотрение* и подобн. и даже *пеня*²⁸.

Графическими причинами — описка под влиянием *е* в первом слоге — могут объясняться написания слов с *е* вместо *ѣ* в таких случаях, как *велеи* и подобн., *неделя* и подобн., *телеги* и подобн., *о Невереве*, *в селегере*. Подобным же образом могут возникать написания с *е* вместо *ѣ* и в других случаях; под влиянием *владение* возникает *владеть*, *смотрение* — *смотреть*.

Иным местом ударения, нежели в современном русском литературном языке, может быть объяснено написание *е* вместо *ѣ* в слове *навеки* (с ударением на первом слоге, а не на конечном: *на́веки*)²⁹.

Возможно, что иное ударение, чем теперь, было и в словах *лете*³⁰, *двесте*, *на менѣ*, *налеве*³¹. Несколько сомнителен случай *в хлебе*.

Следует особо остановиться на написании *е* вместо *ѣ* в слове *дети*, а также *дете(м)* и *дете(х)*. Во-первых, в грамотах XVI в. № 83 и 100 слово *дети* употреблено в сочетании *дети боярские*, по поводу которого Л. Васильев замечал и довольно убедительно доказывал отсутствие ударения на слове *дети* в результате сращения двух слов в одно (равно в сочетании *сын боярский* и в сочетаниях с *два*, *две*, *три*). Он писал по этому поводу: „Потеря ударения словами *дѣти*, *сынѣ*, *двѣ*, *два*, *три* была обусловлена древнерусским законом, по которому энклитики — они же проклитики“³². Но в остальных грамотах слово *дети* употреблено самостоятельно, и поэтому потеря ударения им едва ли возможна. Во-вторых, в склонении слова *дети*

²⁸ Ср. еще: *правлѣния* и *правления* — XVIII, 50; *радѣние* — XVII, 12 и *неумениемъ* — XVIII, 55, — *неимениемъ* — XVIII, 52; *воскресѣние* и *воскресение* — XVII, 18; *умалѣние* и *умоление* — XVIII, 38; *строѣние* и *строения* — XVIII, 38; *Успѣния* — XVI, 30 и *Успе(н)ю* — XV, 5.

²⁹ Л. Л. Васильев. К истории звука *ѣ* в Московском говоре XIV—XVII вв. — Известия ОРЯС, 1905, т. X, кн. 2, стр. 208.

³⁰ Там же, стр. 200 (ср. наречие *зимѣ* с конечным ударением).

³¹ Там же, стр. 211, 212.

³² Там же, стр. 216, 217.

древнерусская акцентовка распределялась, как видно, следующим образом: *дѣти*, *дѣтѣй*, *дѣтемъ*, *дѣтми*, *дѣтехъ*, т. е. в наших примерах написание *е* вместо *ѣ* приходится на ударный слог. Однако В. В. Виноградов выдвигал предположение о том, что подобное смещение могло возникнуть под влиянием написаний *детей*, *детми*, где *ѣ* был в безударном положении, — или что здесь косвенно отражается живое произношение *детям*³³.

Все остальные из приведенных выше примеров не дают возможности думать о нефонетических причинах смещения *ѣ* и *е*, ибо условий для появления такого смещения, подобных только что рассмотренным, здесь найти нельзя. Поэтому факты написания слов с *е* вместо *ѣ* теперь могут быть объяснены лишь фонетическими причинами, а именно сближением в произношении звуков [e] и [ĕ] в данном фонетическом положении. К мысли о сближении в произношении звуков [e] и [ĕ] в положении под ударением между мягкими согласными приводят и такие факты, как написание *ѣ* на месте *е*: *дѣне(ж)ны(х)* — XVI, 93 (ср. *дене(ж)ны(х)* — XVI, 93); *дѣнь* — XVII, 8, — XVIII, 53; *дѣнегъ* — XVIII, 32 (ср. *денегъ* — там же); *Ксѣнии* — XVIII, 40; *Аксѣнию* — XVI, 69 (ср. *Ксению* — XVIII, 40); *вѣлено* — XVIII, 23 (ср. *велено* — XVII, 10).

Все эти факты написаний слов со смещением букв *ѣ* и *е* с заменой то *е* на *ѣ*, то *ѣ* на *е* могут говорить лишь о неразличении в произношении писца соответствующих звуков.

Однако положение между мягкими согласными не может считаться фонетически необусловленным: в данном случае [ĕ] и [e], независимо от того, был ли [ĕ] как особый звук в волоколамских говорах, могли сближаться по произношению в силу вообще закрытого характера [ĕ] в положении между мягкими согласными. Это сближение и приблизительно одинаковое звучание [ĕ] и [e] в рассматриваемом положении и могло приводить к смещению букв *ѣ* и *е* на письме. Но это, конечно, не только не говорит об утрате в волоколамских говорах особой фонемы [ĕ], но, пожалуй, даже наоборот.

Смещение *ѣ* и *е* в подобном положении, написание этих двух букв одна вместо другой, может натолкнуть на мысль о том, что здесь оба соответствующих звука — [ĕ] и [e] — ассоциировались в сознании писца как звуки закрытого характера. Все эти примеры смещения *ѣ* и *е* в положении между мягкими согласными, сами по себе, вне связи с другими, могут говорить лишь о том, что [ĕ] был звуком закрытого типа, т. е. отличным от [e] открытого, а не о том, существовала ли особая фонема [ĕ] в волоколамских говорах изучаемого периода.

Наконец, в грамотах отмечено два случая написания на месте *ѣ* буквы *и*, но они объясняются не фонетическими причинами: *со всеми уго(д)и* — XVI, 21 (А. А. Шахматов трактует это как влияние *вси*³⁴); *посмотрити* — XVI, 40 (может быть, влияние формы *посмотрит*).

б. ѣ под ударением перед [j]

В именах собственных:

Андрѣй — XVI, 22, 37, 41, 76, 80, Андрей — XVI, 7; Андреева —
92а, 93а, — XVII, 9, — XVIII, 4; XVIII, 39; Андрееву — XVIII,

³³ В. В. Виноградов. Очерки из истории звука *ѣ* в севернорусском наречии, стр. 255.

³⁴ А. А. Шахматов. Исследование о языке Двинских грамот. СПб., 1903, стр. 107.

- Андрѣ(в) — XVI, 67а, — XVIII, 54; Андрѣва — XVIII, 53, — XVI, 35а, 50; Андрѣвою — XVI, 23; Андрѣвскую — XVIII, 4; Ондрѣй — XV, 7, — XVI, 43, 97; у Ондрѣта — XV, 4, 5; Ондрѣемъ — XV, 13, — XVI, 13; Ондрѣю — XVI, 70; Ондрѣвъ — XVI, 41, 51; Ондрѣва — XVI, 3; Ондрѣви(ч) — XVI, 5, 43, 80; Ондрѣвича — XVI, 65, 83.
- Алексѣй — XVI, 13, — XVII, 6, 9, 27; Алексѣю — XVII, 16; Алексѣвъ — XVI, 69, 76, 85, — XVII, 10, — XVIII, 6; Олексѣй — XVI, 57, 71, 96;
- Олексѣйко — XV, 14; на Олексѣе — XVI, 57; Олексѣа — XVII, 9, 14; Олексѣ(в) — XV, 14; Олексѣва — XVI, 54; Олексѣво — XVI, 2.
- Аникѣвъ — XVIII, 8.
- Варфоломѣа — XVIII, 9, 30.
- Вѣины(м) — XVI, 102; Вѣины — XVIII, 19; на Вѣине — XVIII, 102.
- Гардѣи — XVII, 1.
- Дороѣй — XV, 2; Дороѣю — XVI, 92а; Дороѣва — XVII, 29.
- Елисѣвъ — XVII, 29; Еремѣвъ — XVI, 11; Еремѣва — XVI, 8; Еупракѣю — XVI, 69; Евсигнѣва — XVIII, 23.
- Калѣво — XVI, 10а; Калѣвское — XVI, 10а.
- Кирѣвъ — XVI, 52; Кошѣва — XVI, 5; Кошѣво — XVI, 17.
- Лѣвкѣю — XVII, 6; Лѣвкѣа — XVI, 102.
- Матвѣй — XVI, 78, 92; Матвѣвы — XVI, 12; Матвѣвы(м) — XVIII, 39; Матѣй — XVI, 23, 92а, 93а, — XVIII, 54; у Матѣа — XVI, 85; оу Матѣйка — XV, 13; на Матѣи — XV, 12; Матѣвъ — XVI, 25, 26, 41, 54; Матѣвы(х) — XVI, 31.
- 54; Андреевичу — XVI, 80; у Ондрѣта — XVI, 90; Ондрѣева — XVI, 90.
- Алѣксева — XVI, 85а; Алѣксеевича — XVIII, 2; на Олексее — XVI, 57а; Олексеева — XVI, 55.
- Веины(м) — XVI, 92а; Веины — XVIII, 99; на Веинѣ — XVI, 92а; в Веину — XVIII, 19.
- Дараѣевъ — XVIII, 17.
- Евстигнеева — XVIII, 23.
- Калева — XVIII, 6, 56.
- Левкею — XVIII, 7; Лѣвкею — XVII, 9.
- Матвей — XVI, 92, 92а; Матѣа — XVI, 52, 85а; Матѣю — XVIII, 54; Матѣево — XVIII, 18.

Михѣл — XVIII, 19; Михѣвъ — XVI, 76.

Моисѣ — XVII, 11.

Осѣво — XVI, 2.

Пантелѣ — XV, 13; Пелагѣю — XVI, 23.

Сергѣвъ — XVIII, 22; Соватѣй — XVII, 11; Стахѣй — XVII, 12.

Тимоѣй — XV, 11; Тимоѣвъ — XVI, 69; Тимоѣву — XVI, 36, — XVIII, 18; Тимоѣвы(х) — XVI, 85; Тимоѣвича — XVII, 4; Тимоѣвскаѣ — XVI, 10а.

Фадѣвские — XV, 2.

В других существительных:

казначѣй — XV, 11, — XVI, 21, 28, 31б, 41, 53; казначѣю — XVIII, 24; казначѣл — XVIII, 24; казначѣмь — XVIII, 32, 47.

клѣмь — XVIII, 54.

копѣкъ — XVIII, 13, 26, 32, 38, 47, 50, 58; копѣйки — XVIII, 18.

В сравнительной степени прилагательных:

свтѣйший — XVI, 102а, — XVII, 12;

свтѣйшево — XVI, 12, — XVIII, 57;

свтѣйшими — XVII, 15.

пречестнѣйший — XVIII, 48; пре-

чтнѣйшему — XVIII, 11, 25.

В глаголах:

владѣм — XV, 38; владѣмой — XVIII, 38; владѣють — XVIII, 4.

Михей — XVIII, 19.

Пелагею — XVIII, 30.

Сергей — XVII, 18.

Тимоѣй — XV, 8, — XVI, 39, 69; Тимоѣевъ — XVI, 22, 49; Тимоѣевы(х) — XVI, 85а; Тимоѣевскаѣ — XVI, 10; Тимоѣевскаѣ — XVI, 1.

казначей — XVI, 31а, 37, 55, — XVIII, 24; при казначее — XVII, 11, 25; казначек — XVIII, 25, 46; казначею — XVIII, 1, 14, 20, 47³⁵.

клею — XVIII, 58; склейка(м) — XVI, 8; по(д)клею — XVIII, 58.

копейка — XVIII, 26; копеекъ — XVIII, 34, 38, 47, 50; копейки — XVIII, 32, 38.

свтѣйшаго — XVIII, 10.

владеемь — XVIII, 22; владеемой — XVIII, 38; владею — XVIII, 22; владееть — XVIII, 21, 22, 38; владеють — XVIII, 22, 38.

³⁵ Л. Васильев справедливо замечал, что в заимствованных словах с окончанием *ѣй* буква *ѣ* выдерживается плохо и подобное смешение *ѣ* и *е* — обычно (см. «Несколько данных для определения звукового качества буквы *ѣ*», стр. 189).

дѣйствова(л) — XVII, 19.

имѣеть — XVIII, 37, 46, 54; имѣетса — XVIII, 19, 38, 52, 53; имѣитца — XVIII, 21.

имею — XVIII, 37, 38; имеютса — XVIII, 33; имеи(т)са — XVIII, 31, 38, 46, 47; имеи(т)ца — XVIII, 38; имеющиса — XVIII, 32, имеющимса — XVIII, 37.

скудѣеть — XVI, 102; сумѣють — XVIII, 16; не смѣю — XVIII, 21.

не смею — XVII, 28.

посѣали — XVIII, 38.

засеена — XVIII, 38; засееной — XVIII, 38.

худѣють — XVII, 12.

Для того чтобы вскрыть причины смешения *ѣ* и *е* в положении [ѣ] перед [j], следует указать на возможность написания *ѣ* на месте *е*, когда звук [е] попадал в сочетание с последующим [j]. Такое явление наблюдается в падежных окончаниях существительных: *днѣй* — XVII, 9; *дѣтѣй* — XVIII, 2, 38; *гвоздѣй* — XVIII, 58; *людѣй* — XVIII, 58; *лошадѣй* — XVIII, 58; *рублѣй* — XVIII, 54; — и в местоимениях: *к нѣй* — XVI, 76; *при всѣй* — XVII, 11; *по сѣй купчей* — XVI, 10а.

Подобные написания, отмеченные, между прочим, А. А. Шахматовым в Новгородских грамотах XIII—XIV вв. и известные вообще в русской письменности, возникают в силу того, что, попадая в сочетание с последующим [j], гласный звук [е] приобретает закрытый характер — [ѣ], что приводит его к сближению со звуком, обозначающимся буквой *ѣ*. Это дает возможность появлению смешения на письме двух букв и для написания *ѣй* на месте *ей*. Обратная возможность, следующая отсюда, — *ѣй* вместо *ей*, — не требует пояснений. Следовательно, как и между мягкими согласными, так же и в положении перед [j] звуки [ѣ] и [е] могли сближаться, как имеющие закрытый характер. Вполне возможно, что скорее всего это сближение могло быть при сочетании [ѣе], где [je] явно вело к [ѣ].

Таким образом, смешение букв *ѣ* и *е* в анализируемом положении косвенно свидетельствует о сближении соответствующих звуков в произношении, но в силу того, что данное положение является опять таким, где звуки могут подвергаться изменениям в соседстве с другими звуками, все приведенные примеры не могут служить сами по себе доказательством утраты особой фонемы [ѣ] в волоколамских говорах изучаемого периода.

Наконец, в грамотах отмечен один случай с *и* на месте *ѣ*: *у Матюевы(х) дѣтей* — XVI, 31а, который едва ли может объясняться фонетическими причинами уже в силу его единичности. Важно, пожалуй, также и то, что это написание встретилось не в подлиннике, а в копии; может быть, здесь случайная описка? Может быть, наконец, здесь обнаруживается влияние церковных форм, как *Алексий*, *Сергий*, известных в древнерусском языке?

Было бы соблазнительно поставить в ряд с этим написанием другое, где *ѣ* встречается на месте *и*: *Левон(н)тѣва* — XVI, 31а. Но это едва ли возможно, так как *ѣ* в данном случае, во-первых, в положении безударном (ср. *лево(н)тѣва* — XVI, 31б), а во-вторых, написание с *ѣ* и в этом слове может быть объяснено и простым смешением суффиксов *ѣй* и *ий*.

в. ѣ под ударением после [j]

- ѣду — XVII, 11; ѣдутъ — XVII, 11; заѣде(т) — XVII, 9; приѣде(т) — XVI, 1, 20а, г, 45; поѣде(т) — XVI, 10; ѣ(з)дити — XVI, 43, 46; ѣ(з)ди(т) — XVI, 3, 43; ѣ(з)де — XVI, 29; (в)ѣж(ж)аю(т) — XVI, 10а.
- ѣхать — XVIII, 32; поѣха(л) — XVII, 6; приѣха(л) — XVII, 8, 9; приѣхавъ — XVII, 8; ро(з)ѣхали — XV, 14, — XVI, 36.
- ѣзду — XVI, 3; ро(з)ѣздъ — XV, 14, — XVI, 8; ро(з)ѣзду — XV, 14; к ро(з)ѣжей — XVI, 36; ро(з)ѣ(з)жую — XVI, 39; ро(з)ѣ(ж)жую — XVI, 64; с проѣзжай — XVI, 20б.
- в уѣздѣ — XVIII, 4, 25; уѣзда — XVI, 36; уѣзду — XVI, 36, — XVII, 10, — XVIII, 6, 15, 19, 38; уѣздо(м) — XVI, 36; уѣзды — XVII, 6; в уѣзде — XV, 11, — XVI, 1, 4, 7, 10, 13, 21, 22, 23, 27, 32, 39, 41 и мн. др., — XVII, 1, 2, — XVIII, 5, 6, 14, 38; уѣздѣ(х) — XVIII, 5, 10.
- ѣ(л) — XVII, 8; ѣсть — XVII, 14.
- едучи — XVII, 9; едущиѣ — XVIII, 34; поедъ — XVII, 8; приеде(т) — XVI, 10, 20а; езд(л) — XVIII, 20; езда(т) — XVI, 83; езда — XVI, 30; въезаю(т) — XVI, 83.
- ехать — XVII, 20; еха(л) — XVIII, 28; поеха(л) — XVII, 7, — XVIII, 47; приеха(л) — XVII, 7, 8, 9, — XVIII, 23, 38; ро(з)ехали — XVI, 2; ро(з)ехати — XVI, 26.
- езду — XVI, 65; проезде — XVIII, 38; по приезде — XVIII, 38; по о(т)езде — XVIII, 24; с объе(з)жева — XVII, 25; на съе(з)жемъ — XVIII, 2; приезжи(х) — XVI, 29; ро(з)ездную — XVI, 2.
- уезда — XVIII, 23; уезду — XVII, 28; уезде — XVIII, 22.
- съели — XVIII, 32.

Можно одновременно отметить и написание ѣ на месте е, правда, в редких случаях: к ѣли — XV, 6 (ср.: на ель, ѿ(т) ели — XV, 6, 14); не ѣмлю(т) — XVI, 1, 30а (ср.: не емлю(т) — XVI, 1, 20а, 30а).

Как видно из приведенных примеров, и правильное написание этимологического ѣ, и появление на его месте е и, наоборот, появление ѣ вместо е после [j] — все это может быть как в положении перед твердым согласным, так и в положении перед мягким.

В первую очередь следует заметить, что в Волоколамских грамотах нет особого знака для обозначения йотированных [e] и [ě]; буквы е и ѣ обозначают как чистые [e] и [ě], так и [je] и [jě]. Сочетания [je] и [jě] представляют собой сочетания [j] с последующим закрытым гласным, появляющимся именно в результате соседства гласного переднего ряда с [j]. Конечно, это в первую очередь касается появления закрытого характера у [e], так как звук, обозначавшийся буквой ѣ, сам по себе уже являлся закрытым. Как бы то ни было, ясно, что и в этом положении — под ударением с предшествующим [j] звуки [e] и [ě] сближались по качеству, их произношение могло быть одинаковым, а это и вело к смешению в написании соответствующих букв.

По этому поводу хорошо говорил А. А. Шахматов: „Там, где ѣ было йотировано, его отличала от е (йотированного. — В. И.), вероятно, только

закрытость звука, потому что неслоговое *i*, заключающееся, вероятно, в *ѣ* (т. е. *i + e*), как можно думать, после *j* не слышалось. Отсюда вытекала возможность смешивать начертания *ѣ* (в значении *jѣ*) и *e* (йотированного. — В. И.) и в таких памятниках, которые нейотированное *e* и *ѣ* не смешивают³⁶. Слова А. А. Шахматова находят поддержку и у Л. Васильева, замечавшего, что *ѣ* и *e* после [j] совпадали в одном (или приблизительно одном) звуке³⁷.

г. ѣ в ударных окончаниях

В дат. пад. ед. ч. жен. рода:

той землѣ — XV, 4, 5, 6, 14, — XVI, 16, 31б, 32, 80; женѣ — XVI, 39, 41, 57, — XVIII, 2, 7; сестрѣ — XVI, 33; к межѣ — XV, 4; к землѣ — XV, 7, — XVI, 49; по водѣ — XVI, 9; по рекѣ — XVI, 101; по женѣ — XVI, 6, 11, 69, 85; по старинѣ — XV, 8, — XVI, 85; к Москвѣ — XVI, 25, 26, 27, 30, XVIII, 9; вдовѣ — XVIII, 2; сиротѣ — XVIII, 29; Ка(з)мѣ — XVIII, 38; по кабалѣ — XV, 2; по дшѣ — XVI, 33, 57.

жене — XVI, 57а; сироте — XVIII, 2, 29; енохе — XVIII, 9; вдове — XVIII, 9; ка(з)ме — XVIII, 9, 17, 24; слабодѣ — XVIII, 32; сестре — XVIII, 34; к меже — XV, 4, — XVI, 6, ба; к горе — XV, 5 — XVI, 6, ба; к Москве — XVI, 13, — XVII, 9, 19, 25; по реке — XVI, 44, 101, по меже — XVI, 9, 31б; по коболе — XVI, 57а, — XVIII, 2; по дше — XVI, 23, 41, 57а, 82, 92, 93, 102, — XVII, 11 и др.; по сестре — XVI, 82; по цене — XVIII, 47; по жене — XVI, 6.

В местн. пад. ед. ч. жен. рода:

на Москвѣ — XV, 1, — XVI, 10а, 20а, 29, 43, 46, 50, 102, — XVII, 8, 9, 10, 11, 15, 16, — XVIII, 4, 39; на землѣ — XV, 2, — XVI, 18, 28, 37, — XVIII, 6, 38, 51; на веснѣ — XV, 11, — XVI, 80; на рекѣ — XVI, 7, 23, 31а, 35, 41, 49, 70, 76; на рекѣ на Сестрѣ — XVI, 49, 65, — XVII, 2; в та(д)бѣ — XVI, 1, 10, 43, 83; в землѣ — XVI, 27, 35, 56; в воде — XVI, 10, 10а, 53; в казнѣ — XVII, 9; в слободѣ — XVIII, 2, 9; в полосѣ — XVIII, 11; в избѣ — XVIII, 2; в главѣ — XVIII, 2; о ржѣ — XVII, 12; о женѣ — XVII, 13; о мукѣ — XVII, 27.

на Москве — XVI, 20б, — XVII, 8, 9; на воде — XVI, 1, 1а; на меже — XVI, 9; на рѣке — XVI, 76, 81; на реке — XVI, 83, — XVIII, 5, 29, 33; на Сестре — XVIII, 5, 33; на стороне — XVI, 8; на голове — XVIII, 49; в вине — XVI, 1, 3, 10; в земле — XVI, 27а, 35а, — XVIII, 38; в воде — XVI, 83; в слободѣ — XVI, 1а, — XVIII, 39, 47; в Москве — XVIII, 28; в ызбе — XVIII, 34; в стороне — XVIII, 51; о квашне — XVIII, 9; о земле — XVII, 8.

³⁶ А. А. Шахматов. Исследование о языке Двинских грамот, стр. 136.

³⁷ Л. Л. Васильев. Несколько данных для определения звукового качества буквы *ѣ*, стр. 189. Один пример *поисть* (поесть) — XVIII, 36, свидетельствует о произношении [ѣ] лишь в данном слове, а не об общем явлении. Такое произношение этого слова известно в различных современных русских говорах с неодинаковой судьбой [ѣ].

В местн. пад. ед. ч. муж. рода:

по о(т)цѣ — XV, 8, — XVI, 2, 5, 59, 67а, 81; по Петрѣ — XVI, 29; на Васюкѣ — XV, 12; на Петрѣ — XVI, 57; на кресцѣ — XVII, 4 — XVIII, 16, 22; на потолокъ — XVIII, 52; на дворѣ — XVII, 7, 13, — XVIII, 55, 58; в мнѣтрѣ — XVI, 1, 19, 25, 27, 56, 58, 76, 96, 101, 102 и др., — XVIII, 8, 23, 48, 54; в животѣ — XVI, 41, 57а; в олтарѣ — XVIII, 57, 58; о судѣ — XVI, 10; о Хртѣ — XVI, 13, 69, — XVIII, 13; о попѣ — XVII, 18; о(б) углѣ — XVII, 9; о(б) овсѣ — XVII, 12; при животѣ — XVI, 29.

по о(т)це — XVI, 15, 23, 67, 68, 72, 76, 82, 102; по Петре — XVI, 59, 96; на Петре — XVI, 57а; на дворе — XVII, 8, 9, — XVIII, 2, 28, 45; на кресце — XVII, 15; на леднике — XVII, 29; в монастыре — XVI, 7, 10а, 20б, 41, 57а, 59, 66, 67, 67а, 90 и др., — XVII, 9, 25, — XVIII, 9, 15, 16, 19, 24, 37; в конце — XVII, 22; в коше(л)ке — XVIII, 32; в плаще — XVIII, 44; в мешке — XVIII, 30; в рубле — XVIII, 47; при животе — XVI, 33; при гдере дре — XVI, 100; при монастыре — XVIII, 25, 31, 44.

В местн. пад. ед. ч. ср. рода:

на сель — XVI, 31а, б; на се(л)цѣ — XV, 3; на игумень — XVIII, 20; в... сель — XVI, 3, 23, 30, 71, 98, 100, 102, — XVII, 12, XVIII, 21, 25, 29, 34, 36, 39; в полусель — XVI, 79; в се(л)цѣ — XVI, 30, 35; в числѣ — XVIII, 38, 43; в сребрѣ — XVIII, 46; о сель — XVI, 100.

на селе — XVI, 11; в сѣле — XVI, 76; в селе — XVIII, 21, 26, 28, 39; в се(л)це — XVI, 30а, 35а, — XVIII, 12, 20, 28; в числе — XVIII, 38.

В местн. пад. мн. ч. муж. и ср. р.:

на возѣ(х) — XVI, 20а, в; на станѣ(х) — XVI, 46; в городѣ(х) — XVI, 46, — XVIII, 5; в годѣ(х) — XVI, 23, 92, 92а, 93, 93а, 94, — XVIII, 10, 23, 38; в струзѣ(х) — XVI, 20а, в; в домѣ(х) — XVII, 27, — XVIII, 38; в сель(х) — XVI, 30а, 102а; в льтѣ(х) — XVIII, 2.

на возе(х) — XVI, 20а, б; в годѣ(х) — XVIII, 17, 23, 38; в струзе(х) — XVI, 20а, б; в мастере(х) — XVII, 10; в доме(х) — XVIII, 38; в селе(х) — XVI, 29, 30, 30а, 43, 83, 102; в льте(х) — XVIII, 16; в месте(х) — XVIII, 39; о дѣле(х) — XVI, 10а, 29, 46.

В местоимениях.

Дат. и местн. пад. личных и возвратного местоимений:

мнѣ — XV, 9, — XVI, 6, 33, 37, 41, 42, 53, 56 и мн. др., — XVIII, 4, 7, 9, 10, 13, 20, 21, 25 и мн. др.; по мнѣ — XVI, 23, 57а, 92а, 93а, 95, — XVII, 11, 12, 13, 18, 23, — XVIII, 15, 16;

мне — XVI, 23, 55, 57а, 92а, 93а, 95, — XVII, 7, — XV, 15, 21, 24, 34, 38, 47, 56;

тебѣ — XVI, 41, 100, — XVII, 8, 9, 12, 25, 26, 27, 29, 30, — XVIII, 1,

тебе — XVIII, 24; к тебе — XVII, 7;

9, 14, 15, 24; тобѣ — XVI, 41, — XVII, 5, 8;

себѣ — XVI, 14; к себѣ — XVIII, 4, 8, 19, 34, 37, 38, 45; собѣ — XV, 13; к собѣ — XVIII, 4, 8, 19, 34, 37, 38, 45; собѣ — XV, 13; к собѣ — XV, 1, — XVI, 70, — XVII, 7, 8; по мнѣ — XVI, 23, 61; на мнѣ — XVIII, 9;

при тебѣ — XVI, 32;

по себѣ — XVI, 2, 6, 6а, 13, 15, 68, — XVII, 2, 9, — XVIII, 25; по собѣ — XV, 8, — XVI, 5, 26, 66.

Род. и вин. пад. ед. ч. указательных местоимений:

ис тоѣ дѣрвни — XVI, 16, 22; до тоѣ пустоши — XVII, 1, 9; тоѣ грамоты — XVI, 50; тоѣ грамоту — XVI, 50; сеѣ грамоты — XVI, 10, 10а, 20б, в, 29, 43.

Род. пад. притяжательных местоимений:

по еѣ приказу — XVI, 32, 60; с еѣ сно(м) — XVI, 31б, 57, 60; у еѣ дѣтей — XVII, 11, 21, 29, 73, 87; с еѣ де(т)ми — XVI, 57а — XVII, 23, 28.

В им.-вин. пад. мн. ч. местоимений:

онѣ — XVI, 20а, 30, 43, 57, 83, 101, — XXII, 9, 12, — XVIII, 9, 45;

себе — XVII, 5, — XVIII, 47;

о себе — XVIII, 34, 48.

из тоѣ дѣрвни — XVI, 19, 21, 39, 41, 67; ис тоѣ пустоши — XVI, 47; с тоѣ дѣховной — XVI, 41; до тоѣ рѣчки — XVI, 32; у тоѣ цркви — XVI, 98; о(т) тоѣ цркви — XVII, 28; до тоѣ дачи — XVI, 85; нѣ(т) тоѣ дѣрвни — XVI, 39, 49; тоѣ вотчины — XVI, 72; тоѣ земли — XVI, 61; тоѣ соли — XVI, 101; на тоѣ землицу — XVI, 48; тоѣ дѣрвню — XVI, 39, 49; тае дѣрвню — XVI, 81; тае дѣрвнку — XVI, 97; тоѣ землю — XVI, 52; тоѣ вотчину — XVI, 100; сее грамоты — XVI, 10а, 19, 20а, 30, 102; опри(ч) сее — XVI, 93.

у еѣ сна — XVI, 12, 18, 30; еѣ сестра(м) — XVI, 57; до еѣ живота — XVI, 57; после еѣ живота — XVI, 23, 57а, 102, — XVIII, 2, 32, 56; по еѣ приказу — XVI, 32, по брате еѣ — XVI, 57; мужа яе — XVI, 78; мтри своее куплю — XVI, 5; моее жены — XVI, 85; из моее о(т)чины — XVI, 1.

оне — XVI, 1, 1а, 57а, — XVII, 5, — XVIII, 9, 37; те — XVI,

тъ — XV, 12, — XVI, 5, 14, 23, 39, 41, 42, 48, 57, 60, 61, 70, 74, — XVII, 10, 11, — XVIII, 5; всѣ — XVI, 44, 57, 59, 65, — XVII, 9, — XVIII, 54, 57; в тѣ деревни — XVI, 2, 12, 43, 65; по(д) тѣ (ж) деньги — XVI, 80; на всѣ части — XVI, 33; во всѣ пошлыны — XVI, 30, 30а, 43.

В числительных:

двѣ — XVI, 27, 29, 30, 42, 43, 60, 73, 76, 102, — XVII, 4, 11, 12, 22, — XVIII, 19, 52, 58.

206, 57, 59, — XVII, 8, — XVIII, 12, 28; все — XVI, 57а, 59, — XVIII, 28.

две — XVI, 59, 76, 102, — XVII, 7, 8, 22, — XVIII, 21, 32, 38, 56.

В наречиях:

гдѣ — XVI, 21, 23, 25, 28, 29, 35, 42, 49, 53, 55, 56, 65, 74, 79, и др., — XVII, 5, 12, 19, 20, — XVIII, 11, 26, 29, 33, 54, 55; идѣ — XVII, 11;

где — XVI, 1а, 66, 86, — XVIII, 9, 26, 45.

нигдѣ — XVI, 23, 68, 70, 72, 79, 80, 87, 92, 92а, 93, 93а, 96;

нигде — XVI, 73, 88, — XVIII, 2, 31, 32;

опричѣ — XVI, 3; опрочѣ — XVI, 61; кудѣ — XVI, 12, 25, 27а, 56;

оприче — XVI, 1;

кромѣ, акромѣ — XVII, 9; вчернѣ — XVIII, 5.

окроме — XVIII, 28.

Это же наблюдается в вводной частице *де*:

дѣ — XVII, 5, 9, 12, — XVIII, 32, 43.

де — XVIII, 5, 12.

Если рассматривать все эти случаи смешения в написании *ѣ* и *е* в ударных окончаниях, то необходимо констатировать следующее.

Смешение *ѣ* и *е* в окончании местного падежа множественного числа (*ех* вместо *ѣх*) не является показательным, во-первых, потому, что здесь могла быть иная акцентовка, нежели в современном русском языке, и те окончания, которые нам кажутся ударными, могли быть без ударения в эпоху XV—XVI вв.; во-вторых, потому, что окончание *ѣх* быстро отживало свой век, становясь чуждым живому русскому языку. Поэтому-то смешение *ѣх* и *ех* являлось обычным исключением для памятников, не знавших вообще смешения *ѣ* с *е*³⁸.

Окончание род.-вин. падежа неличных местоимений женского рода на *е* вместо *ѣ*, как видно, также мало показательный пример, ибо он находит такое же объяснение, как и иные написания, где [ѣ] входит в сочетание с предшествующим [j] (см. выше). Близостью произношения [jѣ] и [je] объясняются, возможно, и такие редкие написания, как *сѣ* *ѣе* — XVI, 60, и даже *сѣе грамоты* — XVI, 20а.

Определенные сомнения могут вызывать и случаи смешения *ѣ* и *е* в наречиях, где с давних времен в русской письменности могло

³⁸ См. А. Л. Васильев. Богдановский Златоуст XVI в. — Известия ОРЯС, 1914, т. X, кн. 3, стр. 328, 329. Ср. В. В. Виноградов. Очерки из истории звука *ѣ* в севернорусском наречии.

выступать *ѣ*, а не *е*; к тому же в ряде случаев могла быть иная акцентовка или возможен был перенос написания *е* вместо *ѣ* из безударного положения, например в наречии *даколе, подле* и т. п. Во всяком случае эти примеры не очень показательны.

Возможно, наконец, что или определенными явлениями аналогического порядка или потерей ударения в составе предложения объясняется смешение *ѣ* с *е* в окончаниях местоимений.

И все же обширное число случаев смешения *ѣ* и *е* в конце слов, особенно в местном пад. ед. ч. м., ж. и ср. р., в дат. пад. ед. ч. ж. р., не может не обратить на себя внимания. Даже если некоторые из этих случаев относятся к написаниям, где конечное *ѣ* как будто бы было раньше в положении без ударения³⁹, то все же большинство подобных примеров наталкивает на мысль об отсутствии разницы в произношении [*ѣ*] и [*е*] в рассматриваемом положении в волоколамских говорах изучаемого периода. Следует, пожалуй, отметить, что Л. Васильев не встретил в Московских грамотах XVI—XVII вв. подобного явления в местном падеже ед. ч.

Конечно, положение конца слова не дает возможности полностью утверждать отсутствие разницы между [*ѣ*] и [*е*] в волоколамских говорах XVI в, но в какой-то степени и такие написания указывают на живые языковые процессы⁴⁰.

Как итог, подводящий результаты рассмотрения смешения *ѣ* и *е* во всех разобранных выше случаях, нужно отметить, что написание *е* вместо *ѣ* в грамотах в этих положениях приобретает массовый характер в XVII в., в отличие от XV—XVI вв., когда такие факты были все же единичны. Массовость примеров смешения, как и большая убедительность многих из них, позволяют думать о том, что в рассмотренных положениях [*ѣ*] и [*е*] не различались в произношении, совпадая в одном звуке. Причем это относится не только к XVII в., но и к более раннему периоду. Совпадение (полное или приблизительное) в произношении звуков [*ѣ*] и [*е*] вызвало безразличие писцов в употреблении соответствующих букв.

Но, во-первых, данный факт устанавливается для очень большого исторического периода — для эпохи XV—XVIII вв., а во-вторых, все рассмотренные положения являются такими, где звуки [*ѣ*] и [*е*] могли сближаться в произношении под влиянием окружающих звуков или в положении конца слова. Поэтому для окончательного решения вопроса о судьбе [*ѣ*] надо выяснить, с одной стороны, как представляют грамоты написание *ѣ* и *е* в положении под ударением перед твердым согласным, т. е. в наиболее независимом фонетическом положении, а с другой — рассмотреть случаи смешения в написании *ѣ* и *е* раздельно по векам, чтобы уточнить период утраты [*ѣ*], если она была, в истории волоколамских говоров.

³⁹ Ср., например, замечание Л. Васильева о том, что дат. пад. к *Москваѣ* имел ударение на первом слоге, также на первом слоге было ударение в дат. пад. по *душѣ* („К истории звука *ѣ*. . .“, стр. 213, 214).

⁴⁰ Единичные случаи замены буквы *ѣ* буквой *и*, вероятно, объясняются не фонетическими причинами. В местн. пад. ед. ч. ж. р.: *на рекѣ на Сестри* — XVI, 31а (ср.: *на рекѣ на Сестри* — XVI, 49, 65); в дат. пад. ед. ч. ж. р.: *к земли* — XVI, 61 (ср.: *к землѣ* — XVI, 49), *отво(д) той земли* — XVI, 31а (ср.: *отво(д) той землѣ* — XVI, 31б). Они могут представлять собой морфологическое явление — влияние форм дат. и местн. пад. мягкой разновидности склонения на твердую. К тому же в последнем примере возможно и иное управление: не дат., а род. пад. Впрочем, сама немногочисленность примеров снимает, пожалуй, вопрос об отражении в них живого произношения.

- д. ъ под ударением перед твердым согласным
- бѣгаю(т) — XV, 12; бѣглы(х) — XVIII, 26; бѣглой — XVIII, 39.
- бѣдной — XVII, 9.
- бѣлка — XV, 1; бѣлаго — XVIII, 58; бѣлый — XVI, 42, — XVII, 9, — XVIII, 30; бѣлы(х) — XVII, 27; бѣлые — XVII, 16, 22; бѣло-озеро — XVI, 101.
- бѣсы — XVII, 18.
- бесѣда(х) — XVII, 18.
- бе(з)вѣстно — XVII, 12.
- блговѣсть — XVIII, 53.
- болѣзни — XVIII, 23; болѣ(з)нью — XVIII, 34.
- болѣ(з)ненными — XVIII, 53.
- заболѣ(л) — XVII, 28.
- вѣда(т) — XV, 1; вѣдати — XVI, 102, — XVII, 20; вѣда(л) — XVI, 2; вѣдаю — XVII, 18, — XVIII, 48; вѣдае(т) — XVI, 1, 3, 4, — XVIII, 8; вѣдаете — XVII, 12, 18; вѣдаю(т) — XVI, 30; увѣда(в) — XVII, 4; вѣдомо — XVII, 9, 13, 25; вѣдома — XVI, 40; вѣдово — XVI, 72; невѣдома — XVI, 40; свѣдомо — XVIII, 23; свѣдомъ — XVIII, 23; вѣдомство — XVIII, 5; исповѣдничъ — XVI, 21; исповѣд-вонъ — XVIII, 17; Ме(д)вѣдково — XVI, 1, 10а.
- вѣкъ — XVI, 6а; до вѣка — XVI, 69.
- Вѣкшино — XVI, 12.
- вельѣль — XVI, 1; 2, 10, 22, 40, 41, 50, 76, 102 и др., — XVII, 2, 18, — XVIII, 1, 4; повельѣль — XVIII, 38; повельно — XVIII, 13, 40.
- вѣру — XVII, 12; вѣры — XVI, 10, 10а, 43; Невѣрово — XVI, 97, 98; о Невѣрове — XVI, 100; вѣрно — XVII, 12.
- вѣсо(м) — XVII, 29.
- вѣтхой — XVIII, 47.
- владѣль — XVIII, 4.
- беглые — XVIII, 35.
- бе(з)бедно — XVI, 3.
- белого — XVI, 42; белава — XVIII, 8; белой — XVI, 76; белыѣ — XVII, 15; белаго — XVIII, 32; белоозеро — XVI, 101.
- бесы — XVII, 18.
- болезню — XVIII, 29, 45.
- ведать — XVIII, 24, 38; ведае(т) — XVI, 10, 83, — XVII, 9, — XVIII, 8; ведаю(т) — XVII, 8; не вемъ — XVIII, 32, 38; ведою — XVII, 8; уведалъ — XVIII, 32; ведомо — XVII, 9; ведома — XVII, 9; ведама — XVII, 8, — XVIII, 38; заведомо — XVIII, 39; Ме(д)ве(д)кову — XVI, 1а.
- велель — XVI, 1а, 20б, — XVII, 7, 9, — XVIII, 2, 32; повелено — XVIII, 13, 14, 17;
- Неверова — XVI, 97.
- повешания — XVIII, 58⁴¹.
- ветхостей — XVIII, 58.
- владе(л) — XVIII, 29, 38.

⁴¹ Считаю, что [ш], [ж] и [ц] в волоколамских говорах уже в XVI в. были твердыми (см. раздел, посвященный истории согласных).

со всѣ(м) — XV, 1, 3, 4, 6, 8, 10, — XVI, 7, 13, 15, 22, 23, 33, 37, 38, 65, 69, 91, 100 и др.; всѣ(х) — XVI, 29; о всѣ(х) — XVI, 10а, 20а, 29; во всѣ(х) — XVI, 69, — XVIII, 41, 58; по всѣ(х) — XVI, 69.

Глѣбова — XV, 3, 4, — XVI, 42;
Глѣбови(ч) — XV, 7.

гнѣвно — XVII, 9.

гнѣ(д) — XVI, 53.

грѣшной — XVI, 82; грѣшнаго — XVI, 82.

горѣлому — XV, 7; згорѣла — XVII, 98.

дѣвка — XVIII, 6.

дѣда — XVI, 29, 59, 68.

бе(з)дѣтны — XVI, 60; бе(з)дѣтна — XVI, 57.

дѣло — XVI, 10, 10а, 43, 46, — XVII, 9, 12, — XVIII, 16, 34, 38; дѣла — XV, 8, 11, — XVI, 14, 47, 68, 85, 92, 100, — XVII, 1, 6, 8, 9, 11, 12; дѣлу — XVII, 6, — XVIII, 8, 41; на дѣло — XVI, 29; дѣломъ — XVIII, 8; дѣлы — XVI, 23, 85, 92а, 93а, — XVII, 7, 9; дѣль — XVI, 1, — XVII, 12, 23, — XVIII, 38, 44; дѣламъ — XVI, 10⁴²; дѣлымъ — XVI, 10а; для дѣлки — XVII, 15; дѣлати — XVI, 10, 10а, 29, 83; дѣлатъ — XVII, 20, — XVIII, 54; дѣлалъ — XVII, 10; дѣлали — XVI, 65, — XVII, 9; дѣлае(т) — XVII, 10; дѣлаю(т) — XVI, 3; дѣлывы(л) — XVII, 9; дѣла(л) — XVII, 11; дѣла(т)ца — XVIII, 45; о(т)дѣла(т)ца — XVII, 6; отдѣлае(м)си — XVII, 6; дѣланы — XVIII, 57; дѣланные — XVIII, 54; дѣлани — XVIII, 58.

дѣвсти — XVII, 29.

жельзо — XVII, 11; на жельзнице — XVI, 102; жельзную — XVII, 11;

со все(м) — XVI, 1, 9, 13, 15, 24, 34, 55, 65, 66, 72, 78, 90, 97, — XVIII, 2; все(м) — XVI, 20а, 6; со все(х) — XVII, 6; о все(х) — XVI, 20б; во все(х) — XVIII, 5; все(х) — XVIII, 58.

Глебова — XV, 9.

згоре(л) — XVIII, 21; погоре-
лые — XVII, 8.

деда — XVI, 59; дедамъ — XVIII, 38; дедовъ — XVIII, 33.

дело — XVII, 9; к делу — XVII, 9; по делу — XVIII, 2; о(т) дела — XVIII, 2; делу — XVIII, 29; деламъ — XVIII, 38⁴²; дель — XVIII, 2; делайте — XVIII, 18; деланиа — XVIII, 37; зделанию — XVIII, 46; делать — XVIII, 18; зделать — XVIII, 46; зделаны — XVIII, 46; зделанныхъ — XVIII, 52.

двести — XVII, 29.

железа — XVII, 29, — XVIII, 58.

⁴² Творит. пад. ед. ч.

- желѣзные — XVII, 11, — XVIII, 53;
Желѣзова — XVIII, 36.
- имѣла — XVIII, 56; имѣло — XVIII,
56; имѣла — XVIII, 33, 58;
възимѣль — XVIII, 48.
извѣту — XVII, 18.
- клѣ(т)чата — XVI, 98.
- крѣпость — XVI, 23, 42, 52, 56, 61,
64, 70, 79, 80, 87; крѣпости —
XVI, 42, 53, 56, 64, 91, 92а, 93а,
96.
- одноконѣчно — XVII, 20.
- лѣзата — XVI, 8; лѣвого — XVII, 18;
на лѣвой — XVI, 8.
- лѣнсти — XVIII, 37.
- лѣ(с) — XV, 2, 6, — XVI, 8, 36, 76, —
XVII, 9; лѣса (род. пад.) — XV,
2; лѣсу — XVII, 70, 76, 100, 102, —
XVIII, 6, 9; лѣсо(м) — XVI, 36;
с лѣсомъ — XVI, 15, 15а, 51, 68,
73, 85, 92а, 93а; с лѣсы — XVI,
2, 5, 7, 22, 38, 56, 61, 70, 82, 97.
- лѣстовокъ — XVII, 29.
- лѣто — XVII, 27; в лѣто — XVI, 1;
лѣта — XV, 14, 15, — XVI, 2, 18,
20а, 25, 65, 67а, 69, 80 и др., —
XVII, 4, 11, 50, — XVIII, 2;
лѣтамъ — XVI, 83; лѣтъ — XV,
6, — XVI, 109, — XVII, 11, —
XVIII, 29, 38, 48; лѣты — XVIII,
4; двулѣтъ — XVIII, 13, трех-
лѣтние — XVIII, 5; многолѣтное —
XVII, 11.
- мѣдната — XVIII, 58; мѣдное — XVII,
1.
- мѣлки — XVII, 9; мѣ(л)кие — XVI,
65; мѣ(л)ки(м) — XVI, 71; мѣлкой —
XVI, 57.
- в о(т)мѣ(н) — XVI, 23; бе(з) отмѣна —
XVI, 7, 52, 55, 56, 70; без
отмѣну — XVI, 54; бе(з) отмѣны —
XVI, 10, 19, 23, 25, 28, 41, 67а,
68; о(т)мѣнны(м) — XVI, 76; бе(з)
ро(з)мѣны — XVI, 13, 76.
- мѣра — XVII, 9, 22; за мѣраю —
XVI, 80; мѣру — XVII, 12; мѣры —
- имелста — XVIII, 39; имев-
шеюста — XVIII, 45; имев-
шихста — XVIII, 46.
извету — XVII, 8.
- крепость — XVI, 72, 78, 85а,
86, 88, 94; крепости — XVI,
55, 66, 92а, 97, — XVIII, 2.
- бе(з)леностно — XVIII, 34.
бголепа — XVIII, 38.
- ле(с) — XVII, 6, — XVIII, 38;
лесу — XVII, 69, — XVIII, 38;
из лесу — XVIII, 38; ле-
со(м) — XVI, 9, — XVIII, 38;
с леса(м) — XVI, 90; с лесы —
XVI, 9, 45, 23, 26, 34, 35а,
58, 60, 61, 66, 67а, 80.
- летъ — XVIII, 35, 38; летомъ —
XVIII, 28; лето(с) — XVIII,
8; на летне(м) — XVIII, 58.
- медной — XVIII, 18; медны(х) —
XVIII, 51; медныта — XVIII,
32, 58.
- мелкие — XVI, 65; — XVIII, 32;
мелкой — XVI, 57а, — XVIII,
58; мелу — XVIII, 58.
- бе(з) отмены — XVI, 37, 73;
перемены — XVII, 9; без-
мень — XVIII, 58.
- меры — XVIII, 56; меръ — XVIII,
56; мера(х) — XVII, 2.

- XVI, 100, 102, — XVIII, 29; примѣру — XVIII, 38.
- мѣсто — XVI, 25, 76, — XVII, 4, 12, 22; на мѣсте — XVI, 4, 19, 22, — XVIII, 52; мѣсть — XVII, 29, — XVIII, 8; вмѣста — XVI, 92а, 94; вмѣсто — XVII, 10, — XVIII, 8, 13, 17, 23, 37, 38, 53, 57; вмѣсте — XVII, 5, 11, — XVIII, 11, 23, 57; покамѣста — XVI, 68, 69, 82, — XVII, 2, 11; мѣстны — XVII, 11; смѣстной — XV, 1, — XVI, 4, 10, 10а, 30; намѣстникъ — XVIII, 38; намѣстник(м) — XVI, 10; намѣсно(м) — XVI, 20а, 50, 83; намѣсно(в) — XVI, 206; намѣстнику — XVI, 3; намѣстници — XV, 1, — XVI, 4, 10; намѣстницы — XVI, 3, 10а, 30; намѣстническую — XVII, 30; помѣстье — XVI, 10, 10а, 100, 102; помѣстья — XVI, 100; помѣщики — XVI, 2; помѣта — XVI, 100, — XVII, 22; в размѣты — XVI, 30а; помѣшка(в) — XVII, 23; бе(з)памѣшно — XVIII, 30.
- невѣжа — XVI, 43; невѣжи(н) — XVII, 9.
- немѣдких — XVIII, 52.
- нѣ(т) — XV, 8, — XVI, 10, 10а, 14, 39, 68, 70, 73, 85, 92а, 93а, и др., — XVII, 69, 12, 13, 14, 27 и др.; нѣту — XVI, 29, 91.
- обѣдать — XVIII, 34; обѣдали — XVII, 18, — XVIII, 28.
- обѣднѣ — XVI, 59; обѣдни — XVI, 29, 59, — XVII, 11, 18.
- обѣма — XVI, 33, — XVII, 12.
- орѣшники — XVI, 23.
- оскудѣло — XVI, 102.
- ответствовать — XVIII, 15, 19.
- пѣвчей — XVI, 69; пѣ(л) — XVII, 28.
- пѣший — XVII, 20.
- запустѣла — XVI, 102; запустѣло — XV, 1.
- в рѣку — XV, 6; рѣкамъ — XVI, 101.
- место — XVIII, 58; места — XVII, 8, 51; место(м) — XVIII, 38; местны(х) — XVIII, 58; вместо — XVII, 3, — XVIII, 2, 4, 8, 16, 17, 21, 22, 24, 38, 42; вместе — XVIII, 56; по сѣ места — XVII, 8; смешной — XVI, 83; наместникъ — XVIII, 38; наместника — XVI, 206, 83; наместницы — XVI, 1а, 83; паместной — XVI, 20; разметы — XVI, 1а, 3; о(т)-метниками — XVII, 18; наметываю(т) — XVI, 3.
- немецкие — XVIII, 52; немецкие, немецкимъ — XVIII, 37.
- не(т) — XV, 9, — XVI, 10а, 72, 83, 87, 88, 92, 93, 97, 100, — XVII, 8, 18, — XVIII, 2, 21, 39, 46, 47.
- обедна — XVI, 59.
- ответчикъ — XVIII, 38.
- полено(м) — XVIII, 8.
- приде(л) — XVI, 98.
- в реку — XV, 2, 10а, — XVI, 6, 14; по реку — XVI, 6, 6а; за реку — XVI, 51; по ре-

- сасѣ(д) — XVIII, 4; сасѣду — XVIII, 11.
- свѣтло — XVII, 16; пресвѣтлы(х) — XVII, 20; пересвѣто(в) — XVI, 68; свѣжи(х) — XVII, 30.
- смѣлости — XVIII, 38.
- снѣго(м) — XVIII, 20.
- совѣ(т) — XVIII, 8.
- сѣ(в) — XVII, 27; по сѣву — XVIII, 36. дубосѣково — XVI, 52.
- сѣно — XVI, 76, — XVII, 27; сѣна — XVI, 2, 76, 100, 102, — XVII, 13; сѣ(н) — XVI, 1, 10, 10а, 30.
- сидѣ(л) — XVI, 33, 57, 92а.
- слѣ(д) — XVIII, 20; по слѣду — XVIII, 52; слѣдуютъ — XVIII, 14; слѣдующе(м) — XVIII, 29; обслѣдовать — XVIII, 19; послѣднихъ — XVIII, 25.
- стрелѣцкой — XVIII, 50.
- тѣло — XVII, 11; тѣла — XVIII, 15, 54.
- телѣ(г) — XVI, 20а, г; на телѣга(х) — XVI, 20а.
- тѣ(м) — XVI, 3, 4, 10, 10а, 13, 15, 69, 73, — XVII, 9, 10, — XVIII, 4, 23; к тѣ(м) — XV, 1, 4, 6, 15, — XVI, 22, — XVII, 11, — XVIII, 8; по тѣ(м) — XVI, 101; за тѣ(м) — XVI, 1, 15, 21, 26, 31а, 58; тѣхъ — XV, 4, 6, — XVI, 1, 2, 4, 5, 10, 41, 57, 59, 65, 83 и др., — XVII, 1, 9, 29, — XVIII, 5, 8, 32; в тѣхъ — XVII, 6, 11, 25, 61 и др.; на тѣхъ — XV, 14; с тѣхъ — XVI, 101; с тѣ(х) — XVII, 12, 14.
- хлѣбъ — XVI, 10, 10а, 56, 58, 61, 71, 102, — XVII, 13; хлѣба — XVI, 31а, 33, 71, 83, 102, — XVII, 13; — XVIII, 23, 34, 58; хлѣбу — XVII, 13, хлѣ
- ка(м) — XVI, 101; резать — XVIII, 11; о(т)реза(в) — XVIII, 31; по(д)реза(в) — XVIII, 58; с подрезо(м) — XVIII, 58; нареску — XVII, 58.
- сасада(м) — XVIII, 56; саса(д)ству — XVIII, 8.
- всепресветлейшая — XVIII, 24.
- свежи(х) — XVII, 29.
- посмель — XVIII, 45.
- советницы — XVIII, 54; совету — XVII, 8.
- посеву — XVIII, 18.
- осе(к) — XV, 13; о(т)сека — XV, 13; осеко(м) — XVI, 9.
- се(н) — XVI, 1; сено — XVII, 9, — XVIII, 56; сена — XVI, 102а, — XVII, 7, 9, — XVIII, 25, 38, 56.
- сѣде(л) — XV, 12.
- слѣдъ — XVIII, 52; следуютъ — XVIII, 26; следующемъ — XVIII, 47; о ниже следующемъ — XVIII, 37, 40; следовать — XVIII, 47.
- тело — XVIII, 15; теломъ — XVII, 8.
- теле(г) — XVI, 20б.
- с те(м) — XV, 13, — XVI, 10а, 13, 22, 24, 35, 55, 65, 66, 72, 90, — XVII, 8; темъ — XVIII, 2, 56; к те(м) — XV, 3; за темъ — XVIII, 46; на те(х) — XV, 3; в те(х) — XVII, 10, — XVIII, 2, 21, 49; с те(х) — XV, 3, — XVI, 15, 36; о(т) те(х) — XVIII, 17; те(х) — XVI, 19, 30, 46.
- хле(б) — XVI, 56, 57а, — XVIII, 24, 28, 38, 56; хлеба — XVII, 7, 8, — XVIII, 28, 31, 35, 56; хлебо(м) — XVI, 66, — XVII,

бо(м) — XV, 10, — XVI, 10, 17, 25, 29, 37, 61, 97, 100, 102 и др.; хлѣбо(в) — XVII, 26, 27; ис хлѣбни — XVII, 21; хлѣбначи — XVI, 23, 70, 93а; хлѣбной — XVI, 52, 56; хлѣбную — XVIII, 8; хлѣбнаго — XVIII, 19; хлѣбново — XVI, 102; в хлѣбно(м) — XVI, 42, 52, 53, 56, 61, 81; хлѣбны(м) — XVIII, 25; хлѣбные — XVI, 56, 96, 102; хлѣбны(х) — XVI, 23, 68, 80, 82, 85, 92а, 93а.

хотѣль — XVIII, 4, 6, 9.

цѣлы(м) — XV, 12, — XVI, 33, 57.

человѣкъ — XVII, 10; человѣка — XVIII, 8; человѣку — XVII, 12; человѣкомъ — XVII, 12.

чѣмъ — XV, 1, — XVI, 1, 46; ничѣ(м) — XVI, 10, 20а, 30, 50.

7; хлеба(м) — XVI, 34; хлебнай — XVI, 55; хлебново — XVII, 7; хлебны(х) — XVI, 86, 92, 93.

цѣлы(м) — XVI, 33, 57а; цѣлы — XVII, 7; цело — XVII, 21; в целости — XVIII, 45.

человекъ — XVIII, 37; чело века — XVII, 8, 9, — XVIII, 47.

Таким образом, и в положении под ударением перед твердым согласным, т. е. в наиболее независимом фонетическом положении, наблюдается смешение букв *ѣ* и *е*. Это явление нетрудно увидеть во всех грамотах, начиная с XV века, но для того, чтобы решить вопрос о судьбе особой фонемы [ě] в волоколамских говорах, требуется проанализировать случаи смешения *ѣ* и *е* не только в отдельных словах, но и в различные периоды.

При этом следует учесть одно обстоятельство. Приведенные выше примеры употребления слов с *ѣ* говорят о довольно малом разнообразии лексики изучаемых грамот. Это неслучайно, так как стандартный в большинстве случаев текст делового документа, составлявшийся, как видно, по определенному стилевому шаблону, не давал возможности расширить круг слов грамот (особенно это относится к XV—XVI вв.). Однако относительное однообразие лексики грамот, ограниченность их словарного состава, обуславливающая относительно малое количество слов с *ѣ*, приводит к устойчивости написаний. Поэтому, если в одной и той же грамоте или в разных, но близких по времени написания грамотах наблюдается смешение букв *ѣ* и *е* и в широко употребительных словах, то это может говорить о каких-то фонетических явлениях, касающихся [ě].

Правда, здесь может быть и обратное предположение: частое написание одних и тех же слов приводит к машинальности в их начертании, что отражается в мене букв *ѣ* и *е*, когда писец перестает проверять их в произношении. Но думается, что такое предположение шатко по двум причинам: во-первых, говорить о машинальности в передаче текста писцами скорее можно тогда, когда речь идет о переписке копии с оригинала. Документы же, исследуемые нами, являются в большинстве случаев подлинными, оригиналами, а не переписанными. (Ср. из 5 грамот XV в., где смешивается *е* в положении ударного слога перед твердой согласной с *ѣ*, только одна (№ 10а) является копией.) Во-вторых, — и это главное, — кажется, что во многих случаях „машиналь-

ность“, если она и могла быть, объяснима для изучаемого положения лишь причинами фонетическими: в широко употребительных словах, в фонетически необусловленном положении *ѣ* и *е* могли смешиваться не без фонетических причин.

Рассматривая все случаи написания слов с *е* на месте *ѣ*, можно выделить из них целый ряд таких, где подобное смешение может вызываться не фонетическими причинами, а в появлении его могут играть роль какие-либо побочные обстоятельства. Все такие случаи можно распределить по нескольким группам.

Во-первых, выделяется группа слов, в которых написание *е* на месте *ѣ* может вызываться графическими причинами — например, влиянием наличия *е* в предшествующем слоге. Это можно видеть в словах *велел*, *повелено*, *Неверова*, *безбедно*, *железа*, *перемыны*, *телега*, *безмень*.

Во-вторых, написание корня *вѣд-* через *е* (*ведает* и под.) может быть вызвано влиянием смешения корней *вѣд-* (в *вѣдати*) и *вед-* (в *веду* — *вести*)⁴³.

В-третьих, написание формы дат. и твор. падежей *всемъ*, *со всемъ*, а также *всехъ*, *во всехъ*, где *е* употребляется на месте *ѣ*, объясняется влиянием, а вернее употреблением одной формы вместо другой — форм ед. ч. — *всего*, *всему*, *всемъ*⁴⁴. При этом, так как формы *всемъ*, *всехъ* и подобн. употреблялись большей частью в сочетании с *темъ*, *техъ* и подобн., возможно, что *е* вместо *ѣ* в последних вызывается наличием этого явления во *всем*, *всех*.

Особо выделяются еще две группы слов, где смешение *ѣ* и *е* могло вызываться иными причинами, нежели утратой особой фонемы [ѣ]. Так, формы *дедовъ*, *в реку*, *по реку*, *за реку*, *по рекамъ*, *в Белоозеро*, *по ся места*, *из лесу* могли иметь [ѣ] в положении безударного слога с переносом ударения на предлог, на конец слова или на первый слог сложного слова⁴⁵.

В таких случаях, как *обедня*, *двести*, *болезню*, *на летнемъ*, *вместе*, *ответчикъ*, *советницы*, а также *наместникъ*, *наместника*, *намесникомъ*, *наместницы* и *бюотметниками*, возможно ассимилятивное смягчение согласного перед [ѣ] под влиянием мягкого согласного⁴⁶.

Наконец, можно отметить такие случаи, как *цело*, *целы* и *целым*, *в целости*, где *е* вм. *ѣ* встречается в памятниках очень рано, когда в живом говоре вообще [ѣ] мог сохраняться как особый звук⁴⁷. И еще:

⁴³ Однако интересен факт, что Л. Васильев, исследовавший и изучивший большое количество грамот Москвы XIV—XVII вв. с точки зрения судьбы [ѣ], ни разу не встретил смешения *ѣ* и *е* в слове *вѣдати* (см. Л. Васильев. К истории звука *ѣ*...), а встретив написание *медведей*, никак не объяснил *е* на месте *ѣ* (см. его же. Несколько данных о звуковом качестве буквы *ѣ*...).

⁴⁴ Впрочем, надо иметь в виду, что в волоколамских говорах в XVI в. был уже переход [е] в [о] под ударением перед твердым согласным (см. ниже соответствующий раздел работы).

⁴⁵ Ср. замечание о конечном ударении в слове *в реку* у Л. Васильева в статье „К истории звука *ѣ*...“, стр. 212. И там же (стр. 208) — о возможности двойного ударения в сложных словах *вѣрнопопданный*, *лѣтопровода* (ср. В. В. Виноградов. Очерки из истории звука *ѣ*..., стр. 247: „Белоозеро — *ѣ* без ударения“). Не включаем сюда *с лесу*, хотя Л. Васильев считал („К истории звука *ѣ*...“, стр. 187), что *ѣ* здесь без ударения, однако объяснения и подтверждения такой акцентировки при *лѣсу*, *лѣсомъ*, *в лѣсе* он не дает.

⁴⁶ При этом в таком слове, как *наместникъ* и подобн. мягкость [с] могла сохраняться еще от древнего соседства [ст] с [ь] (*намѣстникъ*), причем в живом произношении [т] в группе [стн], конечно, не произносилось.

⁴⁷ См. Л. Васильев. Несколько данных о звуковом качестве буквы *ѣ*.

у *Глебова* — мало убедительный пример, так как слово — собственное имя и произношение его могло быть различным.

Таким образом, целый ряд случаев, где на месте *ѣ* в грамотах написано *е*, может быть объяснен не отсутствием особого звука [ѣ], в изучаемых говорах, а иными причинами.

Но если вычесть все рассмотренные примеры, как неубедительные для решения вопроса о судьбе [ѣ] в волоколамских говорах, то можно увидеть, что в грамотах XV—XVIII вв. остаются еще многие примеры, позволяющие более или менее точно делать определенные выводы в необходимом нам плане.

При этом важно отметить, что, прослеживая параллельные написания слов с правильным употреблением *ѣ* и написанием на его месте *е*, нетрудно убедиться, что в целом почти все слова дают смешение *ѣ* и *е*. Исключением из этого являются слова *въсть—въщать, грѣх, лѣвий, невѣжа, сѣв*, и однокоренные с ними, которые, употребляясь довольно часто, не обнаруживают написания *е* вместо *ѣ*. Есть, конечно, и целый ряд других слов, в которых также нет подобного смешения, но они, эти слова, употребляются в грамотах очень редко. К тому же параллельно в грамотах встречаются слова, где этимологическое *ѣ* вообще не пишется; там всегда на месте *ѣ* — *е*. Поэтому в целом можно считать, что почти во всех корнях в грамотах наблюдается смешение *ѣ* и *е*.

Однако при этом охват слов, где написания *е* на месте *ѣ* кажутся фонетически убедительными, не одинаков для разных веков: он очень небольшой для раннего периода и постепенно расширяется в последующие.

Грамоты XV в. дают только несколько случаев написания *е* на месте *ѣ*, которые могут быть объяснены фонетически: *нет, сѣдел, осек, от сека*, но подобные единичные факты едва ли могут что-либо доказать, скорее — они приводят к мысли о их фонетической непоказательности.

В грамотах XVI в. таких примеров больше, причем количество их возрастает во второй половине XVI в.⁴⁸:

бело́го — XVI, 42; де́да — XVI, 53; крепасть — XVI, 72, 78, 86, 88; с лесе́ — XVI, 9, 15, 26, 34, 35а, 58, 60, 61, 66, 80; мелкие — XVI, 65; ниче(м) — XVI, 20а, б; наметываю(т) — XVI, 3; осеко(м) — XVI, 9; бе(э) о(т)мены — XVI, 37, 73; пameстной — XVI, 90; приде(л) — XVI, 98; ра(а)меты — XVI, 1а, 3; се(н) — XVI, 1; смеснай — XVI, 83; хле(б) — XVI, 66; хлеба(м) — XVI, 34; с хлебо(м) — XVI, 66; хле(б)най — XVI, 55; хле(б)на(м) — XVI, 55; хле(б)ны(х) — XVI, 86, 92, 93.

Конечно, можно думать о возможных описках писцов, приводящих к появлению *е* вместо *ѣ* в таких словах. Но все же довольно обширное количество подобных примеров, причем таких, когда слова являлись широко известными и часто употребляемыми, наталкивает на мысль о процессах изменения звука [ѣ]. Важно отметить, что во всех этих словах *ѣ* безусловно находится в положении под ударением перед твердой согласной, так что побочного фонетического воздействия на качество звука быть не могло.

⁴⁸ Грамоты первой половины XVI в. в описи следуют под № 1—55. Следует вновь отметить, что во всех ниже перечисленных словах Л. Васильев не нашел в Московских грамотах XIV—XVII вв. подобных написаний с *е* вместо *ѣ* (см. его работы: „К истории звука *ѣ*...“, „Несколько данных о звуковом качестве буквы *ѣ*...“ и „Богдановский Златоуст XVI в.“, неоднократно упоминавшиеся выше). В. В. Виноградов встречал некоторые из таких примеров в северных памятниках, но подробно их не рассматривал (см. „Очерки по истории звука *ѣ* в севернорусском наречии“).

Интересно и то, что часть слов (девять из двадцати трех) в одних и тех же грамотах пишутся то с *ѣ*, то с *е*. Вполне возможно предполагать, что в сознании писцов грамот *ѣ* и *е* начинали ассоциироваться как буквы, обозначающие одинаковые или, по крайней мере, близкие звуки. Именно то, что *ѣ* и *е*, как видно, начинали восприниматься как знаки, имеющие одинаковое звуковое значение, привело к возможности смешения их и написания одной буквы на месте другой.

В этом еще более убеждают хотя и редкие, но все же имеющиеся написания слов с *ѣ* вместо этимологического *е*. Эти написания встречаются в грамотах XVI в.: *тѣплый* — 97 (ср.: *теплый* — 98), *по нѣмѣ* — 74, 87, *в нѣмѣ* — 90 (ср.: *по немѣ* — 90, 97), *Семѣновичъ* — 73 (ср.: *Семена(в)* — 81), *во вседнѣвной* — 87 (ср.: *ва вседневнай* — 89).

Анализируя эти примеры, следует указать на то, что, во-первых, большинство из них относится к грамотам второй половины XVI в.; во-вторых, следует помнить слова академика А. А. Шахматова, который писал, что говорить о действительном неразличении в произношении писца звуков [ѣ] и [е] можно лишь в том случае, если наблюдаются написания не только *е* вместо *ѣ*, но и *ѣ* вместо *е*⁴⁹; наконец, в-третьих, в таких случаях, как *Семѣновичъ*, *по нѣмѣ*, *в нѣмѣ*, *ѣ* выступает на месте такого *е*, которое в современном русском литературном языке и в волоколамских говорах обозначает звук [e], перешедший в [o] (*с'ем'онов'ичъ*, *па-н'омъ*, *в-н'омъ*).

Уместно привести здесь слова А. А. Шахматова и о том, что особенно важны для решения вопроса о различении и неразличении [ѣ] и [е] в говорах показания таких памятников, которые заменяют *е* через *ѣ* в положении перед твердой согласной, т. е. „выражают через *ѣ* звук [e] открытое (заменивший *ѣ*, т. е. [o]...); такую замену можно допустить только при предположении, что само [ѣ] звучало уже как [e] открытое перед твердыми согласными и в конечном открытом слоге“⁵⁰.

Несмотря на относительную малочисленность этих случаев, их нельзя просто отбрасывать, ибо проникновение в письменность явлений живого языка могло затрудняться не только традиционностью письма, но и тем, что распространение того или иного явления не происходило равномерно и одновременно. Л. Васильев высказывал интересную мысль о том, что изменение орфографии шло постепенно, распространяясь все больше в различных словах, а не сразу, „по мановению жезла“⁵¹. Поэтому вернее думать, если говорить о малочисленности примеров смешения *ѣ* и *е* в грамотах, не о том, что никаких изменений [ѣ] в изучаемых говорах не было, а о том, что процесс утраты [ѣ] как особой фонемы, процесс сближения его с [e] медленно проникал в письменность, а эта медленность в свою очередь может быть объяснена относительно начальным этапом утраты [ѣ] в изучаемых говорах.

Представляется верным утверждать, что написания в грамотах слов со смешением букв *ѣ* и *е*, особенно в положении под ударением перед твердым согласным, доказывают, что в сознании писцов буквы *ѣ* и *е* начинали восприниматься как знаки, обозначающие звуки одного качества. Можно привести слова В. В. Виноградова, имеющие, как кажется, непосредственное отношение к только что высказанному положению: „Случаи замены ударяемого и неударяемого *ѣ* через *е*, которые мы

⁴⁹ А. А. Шахматов. Исследование о языке Новгородских грамот XIII—XIV вв. СПб., 1886, стр. 217.

⁵⁰ А. А. Шахматов. Исследования о языке Двинских грамот, стр. 84. Уже указывалось, что в волоколамских говорах XVI в. переход [e] в [o] наличествовал.

⁵¹ Л. Л. Васильев. Несколько данных о звуковом качестве буквы *ѣ*.

наблюдаем в Московских памятниках XIV—XVI вв., являются теми зародышами, из которых с течением времени вырос своеобразный прием полного устранения из письма буквы *ѣ*, ... покоящийся, очевидно, на исчезновении из соответствующих диалектов литературного языка особого звука *ѣ*⁵². Итак, вытеснение буквы *ѣ* из графики объясняется утратой соответствующего звука в диалекте.

Конечно, едва ли можно утверждать на материале изучаемых грамот устранение буквы *ѣ* из графики: такому утверждению препятствует наличие параллельных написаний одних и тех же слов как с *ѣ*, так и с *е*. Однако подобные параллельные написания как раз и доказывают, думается, ассоциацию букв *ѣ* и *е* с одним звуком.

Нельзя утверждать, что в волоколамских говорах XVI в. уже не было особой фонемы [ѣ] — для такого утверждения материала все-таки недостаточно. Но вместе с тем анализ грамот с достаточной убедительностью говорит, что процесс утраты [ѣ] не только наличествовал, но и шел быстрыми темпами. Этот процесс должен был отразиться в последующие века — XVII и XVIII — в истории волоколамских говоров.

И действительно, в грамотах XVII в. случаи написания слов с *е* вместо *ѣ*, где причиной подобного смещения могло выступать лишь действительное неразличение в произношении [ѣ], ставшего звучать как открытое [е], количественно очень возрастает. К таким написаниям относятся:

бесы — 18, белой — 16, белава — 8, белыа — 15, дело — 9, к делу — 6, по делу — 8, извету — 8, ле(с) — 6, лесу — 6, 9, мелки(х) — 29, мера(х) — 8, места — 8 (род. пад. ед. ч.), вместо — 3, нетъ — 18, погорелые — 8, сено — 9, сена — 9, свежи(х) — 29, совету — 8, теломъ — 8, хлеба — 7, 8 (род. пад. ед. ч.), с хлебо(м) — 7, хлебново — 8, человека — 8, 9.

К этим примерам следует добавить еще несколько с *ѣ* на месте *е*. Среди них есть факты, фонетически неубедительные, объясняемые побочными причинами. Так, *во всѣмъ* — XVII, 9; *зачѣмъ* — XVII, 9 — влияние аналогичных с графической точки зрения форм; *нѣгдѣ* — XVII, 16 (ср.: *негдѣ* — XVII, 15) — описка под влиянием конечной буквы. Но: *Семѣно(в)* — XVII, 13 (ср. там же: *Семе(н)*); *шумѣль* — XVII, 18. В слове *Семѣнов ѣ* написано на месте такой буквы *е*, которая обозначала звук, переходящий в [о]. Выше уже указывалось, что это наиболее убедительные примеры для того, чтобы утверждать отсутствие особой фонемы [ѣ] в изучаемых говорах. Правда, для XVII в. есть лишь этот единичный пример, хотя и очень интересный. Следует отметить также, что случаи смещения *ѣ* и *е* падают всего на 17 грамот, из которых 6 — копии грамот XVI в., т. е. таких, где написание *е* вместо *ѣ* может быть вызвано лишь невнимательностью переписчика. И все же, если учесть все возможные причины побочного характера, которые вызывали написание *е* вместо *ѣ* или *ѣ* вместо *е*, остается еще достаточно большое число случаев, где написание *е* вместо *ѣ* может быть объяснено лишь действительным неразличением в произношении соответствующих звуков. Как кажется, при учете данных грамот XV—XVI вв., а также при учете того, что в фонетически зависимых положениях [ѣ] и [е] явно не различались, можно думать, что именно на протяжении XVII в. в волоколамских говорах произошла утрата особой фонемы [ѣ], которая стала звучать как открытое [е]. Утрата [ѣ] своего качества и произношение его как [е] открытого, с одной стороны, а с другой, — наличие в говорах звука [е] открытого на месте исконного [ѣ] и [е] из [ѣ],

⁵² В. В. Виноградов. Очерки из истории звука *ѣ*... стр. 256.

обозначавшегося буквой *e*, — привело к тому, что для писцов стало безразличным писать букву *e* или *ѣ* для обозначения этого звука. Особенно это проявилось в положении под ударением не перед твердым согласным, но и в последнем случае смещение *ѣ* и *e* в графике имеет своей первопричиной фонетическое изменение [ѣ] в [e].

Все это обусловило тот факт, что с самого начала XVIII в. в волоколамских грамотах написание *e* на месте *ѣ* в положении под ударением перед твердым согласным приобретает массовый характер и чуть ли не преобладает над этимологическим написанием *ѣ*. Ср.:

беглые — 35, белаго — 32, владе(л) — 29, ветхостей — 58, повешания — 58, дедамъ — 38, дедовъ — 33, дель — 2, дела — 2 (род. пад. ед. ч.), делу — 29, деламъ — 38 (твор. пад. ед. ч.), делайте — 18, делания — 37, зделаны — 46, зделать — 46, зделанныхъ — 52, зделанию — 46, згорель — 21, име(л)си — 39, имевшеюси — 45, имевшихси — 46, крепости — 2, лесъ — 38, лесу — 38, лесо(м) — 38, бголепа — 38, бѣ(з)леностно — 37, медной — 18, медные — 32, 58, медны(х) — 51, мелкой — 58, мелко — 21, 32, 40, мелки(х) — 32, мелу — 58, меръ — 56, меры — 56, бе(з)мень — 58, вместо — 2, 4, 8, 16, 17, 21, 22, 24, 38, 42, место — 38, место(м) — 38, места — 51 (род. пад. ед. ч.), местны(х) — 58, нетъ — 2, 21, 39, 46, 47, — XVI, 82а, немецкие — 52, немецкии — 37, немецкимъ — 37, поленомъ — 8, резать — 11, отреза(в) — 31, подреза(в) — 53, с по(л)резо(м) — 58, нареску — 58, сено — 56, сена — 25, 38, 56, посеvu — 18, скверными — 49, простенки — 57, застенокъ — 28, сасе(д)ству — 8, седамъ — 56, усмотрела — 23, посмель — 45, следъ — 82, следуютъ — 24, 26, о нижеследующемъ — 37, 40, следующемъ — 47, исследовать — 47, тело — 15, хле(б) — 24, 28, 38, 56, хлеба — 28, 31, 35, 56, человекъ — 37, человека — 47.

Кроме того, есть ряд случаев, где буква *ѣ* написана на месте *e*, причем опять такой, которая обозначала звук, перешедший в [o]:

с Кисельвы(м) — 4 (ср. здесь же — с Киселевымъ), за грабѣжь — 6, не гребѣна — 11, мѣртво — 15 (ср. здесь же — мертвое), дьячѣкъ — 50, неподолѣку — 51 (ср. здесь же — неподалеку), возобновлѣнь — 57 (ср. здесь же — возобновлень), тѣплоу — 57 (ср. здесь же — теплой), седѣлка — 58 (ср. чересѣде(л)никъ — 58, колѣсъ — 58 (ср. с колесами — 58), члѣну — 57.

Если учесть, что все подобные примеры, как ясно видно, имеют массовый характер и отмечены в 38 грамотах XVIII в., т. е. в большей половине всех исследованных грамот, то едва ли останутся сомнения в том, что для XVIII в. не может идти речи ни о какой особой фонеме [ѣ] в волоколамских говорах. Этой фонемы больше не существовало, она стала звучать как открытое [e], что и вызвало безразличное написание букв *ѣ* и *e* в грамотах. Но в этом случае следует, пожалуй, считать, что и те слова, написанные с *e* вместо *ѣ*, которые были вначале отброшены, как могущие быть объясненными не фонетически, — эти слова также свидетельствуют о действительном неразличении [ѣ] и [e] в произношении, т. е. встают в один ряд с последними фактами.

Следует, однако, поставить и еще один вопрос в связи с историей [ѣ].

Выше уже говорилось о том, что, по единодушному мнению исследователей, звук [ѣ] в московском говоре (под которым, как видно, надо понимать московское просторечье) сохранился в положении под ударением как особый звук до XVIII в. Важно сопоставить это утверждение о сохранении [ѣ] как особого звука в московском говоре вплоть до XVIII в., с одной стороны, и с другой, — утверждение, что в воло-

коламских говорах уже в XVI в. шел усиленный процесс утраты [ě] во всех положениях.

Судя по исследованиям Л. Васильева, московские грамоты XVI в. не дают случаев смещения ъ и е в ударном слоге. Если это явление, т. е. сохранение [ě] под ударением при изменении его в открытое [e] в безударном положении, считать живой чертой московского говора XVI в., то в чем видеть причины различия судьбы [ě] в московском и волоколамских говорах, если учесть, что близость Иосифо-Волоцкого монастыря как культурного центра к Москве в ту эпоху во всех отношениях неоспорима.

Известно, что рефлексация [ě] → [e] — черта, свойственная в основном южновеликорусским говорам⁵³. Процесс образования средневеликорусских говоров, к которым относятся и волоколамские, и московский говор, мог быть различным, как различны могли быть пути их развития. Возможно, что в московском говоре, или в просторечии г. Москвы, и в литературном русском языке, образовавшемся на базе этого говора, черты северновеликорусские могли держаться дольше, причем они могли удерживаться и искусственно. Так, возможно, было и с произношением [ě], сохранение которого свойственно больше все же северновеликорусским говорам. Наоборот, развитие волоколамских говоров могло идти несколько иными путями; тем более это могло проявиться в XVI в., до эпохи образования русской нации и русского национального языка.

Причины, которые определили пути развития и изменения звука [ě] в волоколамских говорах, могли быть различны. Но вернее всего предполагать, что при складывании волоколамских говоров процесс влияния на них южновеликорусских диалектов, причем, вероятно, таких, которые уже раньше утратили [ě] как особую фонему, — был более интенсивен, нежели на московский говор. Как кажется, это отразилось и в иных чертах языковой структуры волоколамских говоров.

Впрочем, этот вопрос можно окончательно решить, когда будет выяснена полностью фонетическая и морфологическая система изучаемых говоров, как она складывалась на протяжении своей истории.

Теперь же, в качестве итога, необходимо только заключить, что история [ě] в волоколамских говорах характерна следующим.

Начавшись еще в XVI в. и особенно в его второй половине, процесс изменения [ě] в открытое [e] дошел до своего окончательного завершения — до утраты особой фонемы [ě] — к концу XVII в. При этом уже в конце XVI в. фонема [ě] была неполноценной в силу того, что изменение ее в открытое [e] шло быстрыми темпами. Это была фонема утрачивающаяся, умирающая; на ее месте постепенно возникало произношение открытого [e]. Уже в XVII в., а тем более в XVIII в. употребление буквы ъ стало лишь графическим приемом, существующим по традиции, не поддержанным фонетикой, а потому постоянно нарушающимся.

II. Явление аканья в волоколамских грамотах

Одной из характерных черт средневеликорусских говоров, в частности московского и подмосковных говоров, в их современном состоянии является аканье, т. е. неразличение в произношении в безударных

⁵³ Хотя и не только и не всем южновеликорусским, как предполагали раньше (см. Р. И. Аванесов. Лингвистическая география и история русского языка. — ВЯ, 1952, № 6, стр. 26).

словах после твердых согласных звуков [o] и [a] и совпадение их в первом предударном слоге в [a], а в остальных — или в редуцированном звуке заднего ряда, или — реже — тоже в [a].

Как известно, аканье по происхождению — черта южновеликорусская; оно постепенно проникло в литературное русское произношение и стало нормой литературного языка. Хотя проникновение аканья в русский литературный язык начинается уже с XIV в., оказавшее литературное произношение держалось, как видно, долго, по мнению исследователей, не только в XIV—XV, но и в XVI в.⁵⁴

Но медленность проникновения аканья в литературный русский язык и малое количество фактов аканья в Московских памятниках XV—XVI вв. еще ничего не говорят о том, что в говорах русского языка не южновеликорусского происхождения усвоение акающего произношения шло так же медленно.

Волоколамские грамоты XV—XVI вв. свидетельствуют как раз о том, что в этих говорах в изучаемую эпоху аканье уже наличествовало, причем, как видно, являлось чертой широко распространенной.

В этом можно убедиться, анализируя тексты грамот.

Следует оговориться еще раз, что определение безударных слогов опирается на то положение, что ударение в исследуемых говорах в эпоху XV—XVIII вв. падало в основном на тот же слог, что и в современном литературном языке.

Опираясь на указанное положение, нетрудно будет увидеть, что в исследуемых грамотах *a* и *o* под ударением пишутся всегда правильно; грамоты не дают смешения в написании ударных *a* и *o*. Поэтому само написание *a* вместо *o* и наоборот — *o* вместо *a* может свидетельствовать о безударности гласного звука в соответствующем слоге.

В безударных слогах последовательности в написании букв *a* и *o* нет.

В первом предударном слоге после твердых согласных, наряду с правильным написанием *o* и *a*, есть ряд случаев постановки *a* на месте *o*.

Правда, в грамотах XV в. подобные написания *a* на месте *o* встречаются редко, но следует сказать, что все они достаточно показательны и едва ли объяснимы иным чем, кроме отсутствия различия в произношении [o] и [a] в первом предударном слоге: *призавет(т)* — XV, 1; *изабиди(т)* — XV, 1; *балота* — XV, 2; *в балота* — XV, 10; *каса и саха* — XV, 11; *по грамоте аца свое(т)* — XV, 11⁵⁵.

Впрочем, по поводу первых двух слов приходится признать, что написание их несколько сомнительно в силу того, что почерк писца этой грамоты хотя и очень четкий в целом, все же отличается некоторой неясностью в начертании *o* и *a*. Все же остальные примеры, как представляется, свидетельствуют о наличии аканья в волоколамских говорах уже в конце XV в.

Грамоты XVI в., одни в большей, другие в меньшей степени, дают многочисленные примеры, подтверждающие широту распространения этого явления. При этом количество случаев написания *a* на месте *o* непрерывно возрастает все более заметно ко второй половине XVI в.

В волоколамских грамотах XVI в. отмечены такие написания слов с *a* на месте этимологического *o*:

апри(ч) — 89, *асмина* — 71, *што сѧ астане(т)* — 80; *з балоты* — 89, 91; *сынъ Балотника(в)* — 91; *ба(л)шой* — 90; *к варо(д)ца(м)* — 6; *втарого* — 78;

⁵⁴ Р. И. Аванесов. Вопросы образования русского языка в его говорах. — Вестник МГУ, 1947, № 9.

⁵⁵ О слове *грамоте* см. ниже.

з гора(ц)кими лю(д)ми — 1а; даво(т)чики — 1; дарошкаю — 16; дакуле — 34, 86; даколе — 66, 81; даколева — 90; дакудова — 91; даправити — 46; не давествь — 80; з дваро(м) — 77; каму — 1а; никаму — 89, 91; какаво — 40; кокава — 66; какава — 81⁵⁶; каго — 101; у каво — 78, 81; конапе(л) — 71; каса — 16, 81, 91; каторо(г) — 78, 80; каторыа — 91; в каторы(х) — 91-никатораго — 78, 80; никаторы(х) — 101; маю — 69, 91; маа — 89; начю(т) — 29, 30; однава — 206; пачинка — 74; паместной — 90; пажалуйте — 91; пажаловати — 91; платину — 6; полтара — 57, 65; полтары — 79; полавину — 34, 40, 74, 80; полавина, полавине — 80; прадаць — 18; прада(л) — 79; прилажи(л) — 55, 73, 74; полажити — 90⁵⁷; потаму — 40, 79, 80; саха — 26, 90; на сабя — 78; саборная — 91; сваей — 79; сваю — 74, 81, 89, 91; по свае(м) — 81, 89; по сваи(х) — 81; по сваей — 89, 91; свайми — 89, 91; стаи(т) — 81, 89, 90, 91; станавой — 83⁵⁸; с таварищи — 36; тае деревню — 81, 91; тапо(р) — 72, 80, 81, 89, 90, 91, 92, 93; улаженью — 89, 92, 93, 95; хади(л) — 16, 81; хадила — 89, 91.

То же наблюдается и в предложениях:

ва вра(г) — 9; ва инаца(х) — 81, 95; иза вращка — 6; иза врага — 6; па то(м) игумене — 78; са всѣми — 81.

Хотя уже приведенного материала достаточно для того, чтобы убедиться в наличии аканья в волоколамских говорах XVI в., можно еще обратить внимание на ряд других явлений в грамотах, так или иначе связанных с проблемой аканья.

В первую очередь, речь должна идти о некоторых косвенных указаниях на аканье в говорах. Это — явление написания *о* на месте этимологического *а*. Такие написания также свидетельствуют об аканье, хотя и не прямым путем, ибо они отражают стремление писца писать *о* там, где произносится [а], не только на месте безударного этимологического [о], но и на месте этимологического [а], в силу неразличения их в произношении в безударном положении.

В волоколамских грамотах XVI в. широко представлено это явление в первом предударном слоге:

генвора — 206; довати — 71, 83; продова(т) — 20а, 101⁵; подова(л) — 5; доемь — 90; доно — 95; о(т)дона — 89; продона — 70; надю(т) — 30; заплотили — 57; кокие — 3, 10, 30; коки(м) — 30; в коки(х) — 64, 73, 86; кокаа — 64, 86; никокова — 78; козну — 3, 30⁶⁰; ко(з)начѣй — XV, 10, — XVI, 31а, б, 55; копустина — 41; кобола(х) — 86; коболы — 71; Кулоково — 30; Пошьково — 41; прикоза(л) — 71; в стону — 30; сонe(х) — 206; и(з) сторины — 26; тровы — 77⁶¹; томга — 10, 30; томожники — 20а, б, 30; ѳевролы — 15.

Как мену *о* на *а*, так и наоборот — *а* на *о* можно найти и в других предударных слогах, хотя вопрос о реальном произношении звуков [о] и [а] в первом предударном слоге и в остальных предударных решается по-разному.

Давести — 34, 81; данесе(т) — 91; дѣржа(т)... да своего живота — 1, 66; да сваего — 90, 91; да того се(л)ца — 1, 95; да того села и да деревень

⁵⁶ Может быть, описка под влиянием *а* в первом слоге?

⁵⁷ Возможно объяснить данный случай морфологически — влиянием основы *прилагать, полагать*.

⁵⁸ Может быть, описка, как и в *какаво*?

⁵⁹ Этот и ряд других написаний с *о* вместо *а* может вызвать сомнение, не графическое ли здесь влияние *о* первого слога.

⁶⁰ Может быть, здесь ударение на первом слоге — *козну*?

⁶¹ Впрочем, произношение этого слова с [о] есть и в современных окающих говорах.

дѣла нѣ(т) — 47; ни залажена — 79, 80, 89⁶²; маего — 89; па Настасии — 67; не прадапа — 79, 8, 89⁶³; палавину — 74.

И обратное явление:

золожена — 64, 70, 78; кобола(х) — 78, 86; кобала(м) — 57; коболы — 71; кокава — 66; плотежу — 81.

Если говорить о реальном произношении звуков [а] и [о], обозначаемых соответствующими буквами, то вполне возможно думать, что в первом предударном слоге на их месте в волоколамских говорах произносился звук [а], независимо от того, какой звук был под ударением (вышеприведенные примеры с а на месте о подтверждают это), т. е. говоры характеризовались недиссимилятивным аканьем.

Что же касается мены о на а, как и а на о в остальных безударных слогах, то это, вероятно, свидетельствует об ослаблении в произношении соответствующих звуков и о совпадении их в одном. Едва ли они совпадали, так же как и в первом предударном, в звуке [а], так как известно, что говоров с полным аканьем чисто русских нет — они встречаются лишь в виде смешанных русско-украинских⁶⁴. Вероятнее думать, что звуки [а] и [о] во втором-третьем предударных слогах, ослабляясь, произносились как редуцированный звук типа [ъ]⁶⁵. Подобное произношение вело к неясности восприятия, а отсюда к смешению писцом букв а и о. (Особенно интересны, кажется, в этом плане написания *залажена* и *золожена*.)

В связи с аканьем произношением в волоколамских говорах стоят некоторые иные явления, отмечаемые в грамотах XVI в.

Речь идет, во-первых, о мене а и о в предударных слогах в именах собственных и в заимствованных словах:

Так, имена собственные могут писаться как с а, так и с о.

Александра(в) — XVI, 26 и Олександрву — XVI, 70; Андрѣй — XVI, 3 и Ондрей — XV, 7, — XVI, 43; Ондрѣви(ч) — XVI, 5, 65; Алферей — XVI, 64 и Олферей — XV, 64; Васи(л)ави(ч) — XVI, 30 и Восилеви(ч) — XVI, 17; Ва(с)лана — XVI, 67 и по Во(с)лане — XVI, 67; Голлактіону — XVI, 64 и Галактіону — XVI, 29; Донила — XVI, 30 и Данила — XVI, 46; Леваниду — XVI, 77 и Левониду — XVI, 88; Матвѣвъ — XVI, 25 и Мотвѣвъ — XVI, 25, 41; Рагушино — XVI, 55 и Рогушино — XVI, 54; Рама(н) — XVI, 89 и Рома(н) — XVI, 89.

Это же и в заимствованных словах:

манастырь — XVI, 5, 24, 25, 29, 49; манастыря — XV, 14, — XVI, 18, 36; манастырю — XVI, 2; манасты(р)ский — XVI, 30, 66; манастырьскою — XV, 14; и: монастырь — XVI, 316, 49, 66, 89; монастырские — XVI, 19, 30, 30а; с монастырьскою — XV, 2; и даже: моностырь — XVI, 66, 89, 86; моностыре — XVI, 66.

Ср.: по граматъ — XV, 11, — XVI, 5, 32; з граматы — XVI, 30; и: по грамоте — XVI, 5; з грамоты — XVI, 30а; грамоту — XVI, 32.

Конечно, все эти слова сами по себе не могут, вероятно, служить доказательством наличия аканья в волоколамских говорах, так как в одних из них могла быть ранняя замена о на а⁶⁶, в других могло

⁶² Если ударение на конечном слоге и если это не описка под влиянием гласной в первом слоге.

⁶³ То же.

⁶⁴ См. Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, ч. 1. М., 1949, стр. 108.

⁶⁵ Об этом, как кажется, свидетельствуют и явления заударного вокализма (см. ниже).

⁶⁶ См. А. А. Шахматов. Исследования о языке Двинских грамот, стр. 101.

ман. б.
мел. и

быть различное произношение в силу чуждости необычного слова, в-третьих, мы сталкиваемся с неясной этимологией.

Но все же, если эти слова поставить в ряд, с одной стороны, собственных имен, этимология которых ясна (например, *Бариса(в)*—XVI, 15; *Папо(в)*—XVI, 16; *деревня Носилово* и *Насилова*—XVI, 67), а с другой—с обилием всех тех случаев, где акающее произношение в говорах несомненно выявляется,—то вполне можно думать, что и эти написания могут служить некоторым подтверждением наличия аканья в волоколамских говорах XVI в.

Итак, едва ли может быть сомнение в том, что волоколамские говоры XVI в., черты которых в той или иной мере отразились в исследуемых грамотах, характеризовались акающим произношением.

Вместе с тем можно предполагать, что аканье в волоколамских говорах наличествовало еще раньше. Об этом говорят те, хотя и немногочисленные случаи отражения аканья, которые были отмечены в грамотах XV в. Возможно, что XVI в. в истории волоколамских говоров и явился тем периодом, когда акающее произношение укрепилось как черта, общая для всех носителей диалекта. В том, что аканье в этот период стало уже чертой, общей для складывающегося литературного языка, можно сомневаться; но то, что эта черта стала характерной для волоколамских говоров, едва ли подлежит сомнению.

Акать, как видно, уже тогда стало все население Волоколамского уезда. Именно это обстоятельство, вероятно, привело к тому, что в грамотах XVII—XVIII вв. проявление аканья становится настолько ярким, что, кажется, нет ни одной грамоты, в которой оно бы не отразилось. Если к тому же учесть, что с первой половины XVII в. аканье становится чертой московского говора, то можно думать, что акающее произношение, развившееся в волоколамских говорах ранее, чем в Москве, было поддержано и московским влиянием. Возникнув на своей почве, аканье в этих говорах могло только укрепиться под все усиливающимся влиянием Москвы.

Волоколамские грамоты XVII—XVIII вв. дают огромное количество примеров смещения на письме букв *а* и *о*, свидетельствующих о неразличении в произношении соответствующих двух звуков в безударном положении.

Так, в положении первого предударного слога можно отметить такие несомненные случаи аканья, проявившегося в написании *а* на месте *о*:

балез(н)ю—XVIII, 34; Бариса—XVI, 68; з Барисомъ—XVII, 9; Вазницынъ—XVII, 25; вазницею—XVIII, 20; гаду—XVIII, 23; в гадъ(х)—XVIII, 23; Гардъи—XVII, 1; Гараденцовъ—XVIII, 34; грази(л)ск—XVIII, 11; Евдакима—XVIII, 17; с ездакомъ—XVII, 8; здарова—XVII, 8; завади(т)—XVIII, 37; заваждениа—XVIII, 37; заву(т)—XVIII, 23, 34, 35; каво, каго—XVIII, 17; каму—XVIII, 23; Ка(э)ме—XVIII, 18, 37, 38, 44; канпель—XVI, 7; каса—XVI, 82а; катель—XVIII, 18; каторой, в каторо(м)—XVIII, 23, 38; каторую—XVIII, 38; никаторо(в)—XVI, 85а; калезского—XVIII, 35; калегия—XVIII, 24; Ка(н)драть—XVIII, 24; канътора—XVIII, 27; в канъторѣ—XVIII, 18, 27, 48; кафейникъ—XVIII, 58; Леваниду—XVI, 92а, 93; мана(х)—XVIII, 24; маемъ—XVIII, 23; маю жену—XVII, 85а,—XVIII, 23; с Масквы—XVII, 9; нажемъ—XVIII, 11; в Навинка(х)—XVIII, 38; насиль—XVII, 29; Николая—XVIII, 31; недародомъ—XVIII, 23; аброку—XVIII, 14; у авиновъ—XVIII, 28; огародомъ—XVIII, 2; озарничествомъ—XVIII, 11; у а(т)ца—XVIII, 47; па ихъ прашению—XVIII,

17; прашу — XVIII, 17; упраси(л) — XVIII, 34; дапросомъ — XVIII, 23; дапрашиванъ — XVIII, 23; Пракофьева — XVIII, 38; платину — XVII, 6; прилажи(л) — XVIII, 17, 54; попала(м) — XVIII, 9; Патапова, резалюции — XVIII, 35; рагожа — XVIII, 58; разарение — XVIII, 17, 34; радительской — XVIII, 34; ради(л)нице — XVIII, 23; Раманъ — XVIII, 9, 34; Рюхавскаго — XVII, 28; са всей, са всѣхъ — XVIII, 4; са Фроло(м) — XVIII, 9; сабой — XVIII, 8; салдата — XVIII, 11, 31, 39, 43; са(л)датка — XVIII, 55; са(л)даткою — XVIII, 37; са(л)дацкой — XVIII, 22; салить — XVII, 29; сасѣдъ — XVIII, 4; сасѣду — XVIII, 11; саседи — XVII, 7; сасе(д)ству — XVIII, 9; сасе(д)ми — XVIII, 9; Сафронъ — XVIII, 10; саха — XVI, 82а, 92; свайхъ — XVIII, 17; скварцовъ — XVI, 85а; за слава — XVIII, 9; сковаро(д)ки — XVIII, 18; стац(т) — XVII, 9; а(т)ставле(т)ца — XVIII, 37; таво — XVIII, 34; таго — XVIII, 17, 47; тагда — XVIII, 10; да той — XVIII, 38; такавое — XVIII, 34; тае дачи — XVI, 85а; таварыщи — XVIII, 5, 58; талочють — XVIII, 14; тапоръ — XVI, 13, 68; Таршку — XVIII, 31; Трафимъ — XVIII, 9; Трафимовъ — XVIII, 9, 17, 38; Трафимовичу — XVIII, 34; улаженье — XVIII, 9; по улаженью — XVI, 85а; фанарика — XVII, 29; Фралова — XVIII, 38; хадила — XVI, 68; ходака — XVII, 4; хате(л) — XVII, 8; Христафоровъ — XVIII, 34; сашель — XVIII, 23; пашла — XVIII, 34; взашель — XVIII, 9.

Следует, конечно, отметить, что если рассматривать каждый из только что приведенных примеров в отдельности, то среди них, как и среди фактов, извлеченных из грамот XVI в., можно найти такие, где написание *a* вместо *o* объясняется и не отражением акающего произношения писца; здесь могут быть и вероятные описки под влиянием гласного другого слога (например, *завадить*, *заваждение*, *такавое*), и передача чуждых слов (*манахъ*), и заимствованные имена собственные с неясной для писца этимологией (*Леваниду*, *Христафоровъ*). Особо надо отметить такие примеры, как *калежского*, *калегиа*, *канъторы*, *кафейникъ*, *резалюции*, *салдата* и т. п., — пришедшие, без сомнения, в волоколамские говоры из делового языка Москвы. Придя из акающего говора, эти слова и были восприняты как имеющие звук [a], что вызвало полное отсутствие написания их в изучаемых грамотах через *o*. Такое восприятие слов с [a] вообще не противоречит и окающим говорам⁶⁷, но для волоколамского акающего произношения эти слова входили в общую звуковую систему, поддерживая ее полностью.

Вхождение слов из московского делового языка XVII в. с акающей огласовкой в волоколамские говоры и поддержка этим собственного волоколамского акающего произношения следует рассматривать как отражение влияния московского говора на изучаемые диалекты.

Как бы ни расценивать отдельные примеры, в целом следует признать, что написания слов с *a* на месте *o* — это отражение аканья в волоколамских говорах, ибо неубедительных примеров слишком мало и они все входят в общую систему акающего произношения.

В эту систему, так же как отражение аканья, входят и написания, встретившиеся и в грамотах XVII—XVIII вв., как и более раннего времени, где в первом предударном слоге пишется *o* на месте *a*; причем важно отметить здесь, что подобная мена *a* на *o* наблюдается часто там, где этимология слова была писцу неясна:

архимори(т) — XVIII, 15; владеемъ — XVIII, 22; влодеть — XVIII, 38; довать — XVIII, 2; довали — XVIII, 28; дова(л) — XVIII, 38; здовать —

⁶⁷ Известно, что в современных северных окающих говорах слово *солдат* произносится с [a] в первом предударном слоге.

XVIII, 4; о(т)довадь — XVIII, 4; подова(л) — XVIII, 5; продовать — XVIII, 7, 10; передова(л) — XVII, 6; довити — XVIII, 7; неподолеку — XVIII, 51, 52; золожена — XVI, 85а; зопасъ — XVIII, 7; зослонки — XVIII, 58; на зотылке — XVIII, 49; козначей — XVIII, 25; кулоками — XVIII, 11; кокаид — XVI, 85а; колитку, колитки — XVIII, 45; копусты — XVIII, 26; кореты — XVIII, 58; кароулку — XVIII, 30; кострюлька — XVIII, 58; молинового — XVIII, 58; ношли — XVIII, 23; плотежо(м) — XVIII, 2; плотежа — XVIII, 38; плочу — XVIII, 37; плотить — XVIII, 21; плотили — XVIII, 38; заплотить — XVIII, 24; заплоти(л) — XVIII, 2; покожи — XVIII, 8; покоза(л) — XVIII, 28; поха(л) — XVIII, 4; опохать — XVII, 6; постушне — XVIII, 28; полату — XVIII, 30; полаты — XVII, 22; в полате — XVIII, 8; полатку — XVII, 11; похомию — XVIII, 38; за по(з)бу — XVIII, 58; заполюний — XVIII, 21; руковицы — XVIII, 58; скозаль — XVIII, 23; скозали — XVII, 7, — XVIII, 34; остова(т)си — XVIII, 54; остошовки — XVIII, 21; пре(д)стовляеть — XVIII, 53; токие — XVIII, 9; торёлочь — XVIII, 58; трова — XVIII, 14.

Конечно, и ко многим из этих слов относятся те замечания, какие были выше сделаны к примерам с написанием *a* на месте *o*: и здесь в ряде случаев возможны иные причины смещения *a* и *o*, а не отражение живого произношения. Но в целом, без сомнения, эти примеры свидетельствуют об акающем произношении писцов.

Как мену букв *a* на *o*, так и *o* на *a* можно обнаружить и в остальных безударных словах после твердых согласных; но в этом случае, как говорилось выше, при анализе грамот XV—XVI вв., в живых изучаемых говорах произносился один общий звук, являющийся, вероятно, по своему характеру звуком редуцированным, заднего образования — типа [ъ]:

1) *a* вместо *o*:

ваево(д)цкой — XVIII, 27; гаро(д)бою — XVIII, 2; давелосы — XVII, 7; даговорному — XVIII, 34; даношении — XVIII, 23; дапросить — XVIII, 47; Дарофеевъ — XVIII, 17; да вдовы — XVII, 9; да какихъ — XVIII, 38; да сего указу — XVIII, 35; да того села, сроку — XVI, 68, — XVIII, 2, 32; калок(л)не — XVIII, 37; камисариата — XVIII, 27; касолапа — XVII, 8; кашелекъ — XVIII, 32; маего — XVIII, 23; начевать — XVIII, 9; начеваль — XVII, 9, — XVIII, 9; начевала — XVIII, 31; начевавъ — XVIII, 31, 34, 45; в наѣбре — XVIII, 19; амолота(т) — XVII, 7; аставакте(т) — XVIII, 37; Панамаревъ — XVIII, 34; показала — XVIII, 23; правинциальной — XVIII, 31; правожаеть — XVIII, 43; прападетъ — XVIII, 47; пачинать — XVIII, 37; Радионо(в) — XVIII, 17; сабаченка — XVII, 20; слабде — XVIII, 32, 47; саблаговолено — XVIII, 40; саблаговоли(ш) — XVIII, 17; сталктра — XVIII, 38; тасковала — XVIII, 34; Фамина — XVII, 29, — XVIII, 40;

2) *o* вместо *a*:

из олтора — XVIII, 47; до было ведома — XVII, 9; кладовой — XVIII, 51; кондельрию — XVIII, 5; носелась — XVIII, 23; понорѣжа(л) — XVIII, 11; потриархъ — XVII, 9.

Особенно интересно:

соблоговолено — XVIII, 47; токова — XVIII, 5; токову — XVIII, 7; токовы — XVIII, 6.

Сравнивая данные грамот XV—XVI вв. с новыми, относящимися к XVII—XVIII вв., нетрудно увидеть, что аканье в волоколамских говорах — явление развивающееся и укрепляющее свои позиции.

Если иметь в виду наличие аканья в изучаемых говорах, то можно думать, что написание слов с безударной приставкой *раз-* и *роз-* в грамотах XV—XVIII вв. и различия в оформлении приставки в отношении

гласной (*a* или *o*), являющиеся по происхождению отражением старославянского или древнерусского звукового ее состава, для изучаемого периода представляют собой в то же время и отражение реального произношения гласного этой приставки. Как видно, приставка *раз-* (*роз-*) в безударном положении в волоколамских говорах могла произноситься или с гласным [а], если приставка выступала в положении первого предударного слога, или с [ъ] — в других предударных слогах.

Поэтому написание в безударном положении этой приставки с гласной *a* не столько является передачей старославянского оформления; сколько может отражать ее реальное произношение в изучаемых говорах; и наоборот, написание *роз-* в безударном положении, особенно в первом предударном слоге, меньше отражает живые нормы, являясь лишь традиционным, хотя и исконно русским, оформлением приставки. Именно так и надо оценивать подобные написания в изучаемых грамотах, как:

в первом предударном слоге с приставкой *роз-* (*рос-*):

ро(э)вздъ — XV, 14, — XVI, 8; ро(э)взду — XV, 14; ро(э)вжей — XVI, 36; ро(э)вхали — XV, 14; роспрашива(л) — XVII, 7; в ро(э)рде — XVII, 8; росхо(д) — XVII, 8; розбойново — XVII, 12; росправу — XVII, 12; в росчетномъ — XVIII, 46; роспросу — XVIII, 28; ро(с)чисти(л) — XVIII, 38; расплатъ — XVIII, 10; ро(э)выза(н) — XVIII, 32; и др.

с приставкой *раз-* (*рас-*):

ра(э)ехати — XVI, 26; ра(э)водъ — XVI, 26; разметы — XVI, 1а; расходе — XVII, 8; разбой — XVIII, 12; разбое(в) — XVIII, 25; распросу — XVIII, 28; разыскива(н) — XVIII, 28;

в других предударных слогах с приставкой *роз-* (*рос-*):

розошли(с) — XVI, 93, 102; ро(э)носить — XVII, 7; роздава(л) — XVII, 9; розогреть — XVII, 29; ро(э)дълъ — XVIII, 4; ро(э)бивали — XVIII, 12; розыскать — XVIII, 9; розобрали — XVIII, 25; распродали — XVIII, 25;

с приставкой *раз-* (*рас-*):

разошлиси — XVI, 102; разоре(н)л — XVII, 4, 22, 25; разаренил — XVIII, 34; разорены — XVII, 6; ра(э)нѣмо(г)си — XVII, 9.

Итак, мена букв *a* и *o* в безударных (предударных) слогах в волоколамских грамотах XV—XVIII вв. имеет своей основной причиной акающее произношение писцов. Это не исключает того, что в ряде случаев написание слов с таким смешением *a* и *o* объясняется иными, не фонетическими причинами. Но так как подавляющее количество примеров может быть истолковано лишь как отражение фонетического явления аканья, то все, даже неубедительные примеры встают в один ряд с другими, действительно отражающими реальный фонетический процесс изменения безударного [o] в первом предударном слоге в [а] и [o] и [а] в других предударных слогах в один промежуточный звук.

III. Явления в первом предударном слоге после мягких согласных

Акающие говоры характеризуются не только неразличением гласных верхнего подъема в первом предударном слоге после твердых согласных. Для них характерны определенные изменения этих гласных в том же положении после мягких согласных. Эти изменения, как известно, могут быть различны, но в общем они представляют собой определенные совпадения различных звуков в каком-то одном⁶⁸: или в [e] — так называемая система еканья, или — в [и] — иканье, или, наконец,

⁶⁸ Мы не затрагиваем здесь сложных вопросов вокализма первого предударного слога после мягких согласных в северновеликорусских говорах.

в [а] — система яканья. Последняя система, яканье, выступает в нескольких разновидностях, по которым группируются современные южно-великорусские говоры.

Исследуя тексты волоколамских грамот XV—XVIII вв., нельзя не заметить определенных явлений в первом предударном слоге после мягких согласных, причем в целом общих для всего этого длительного периода.

Правда, здесь речь может идти лишь о попытке решить вопрос о вокализме первого предударного слога после мягких согласных в изучаемых говорах, так как грамоты дают лишь небольшое, к сожалению, количество материала, могущего помочь решению этой интересной проблемы.

Рассмотрим написания слов с гласными *e*, *ѣ* и *a* — *я* в безударных положениях после мягкого согласного.

В первом предударном слоге находим такую картину — гласная *a* — *я* может сохраняться и может заменяться гласной *e*:

1) перед твердыми:

деваносто — XVI, 100; занала — XVI, 10; земляны(м) — XVI, 97; Коста(н)ти(н) — XVI, 93а; у Костантинова — XV, 3; ноябрѣ — XVI, 20а; в ноябрѣ — XVII, 19; октябрѣ — XVI, 20а; овсяны(х) — XVII, 7; обзате(л)ство — XVIII, 49; обзую(т)сѣ — XVIII, 44; патно — XVI, 29, 30; патна(ть) — XVI, 10; патнити — XVI, 29, 30; патнацеть — XVI, 57а, 102, — XVIII, 11, 54; свѣтыми — XVII, 12, — XVIII, 52; свѣты(х) — XVII, 7; у солѣны(х) — XVIII, 47; Тре(т)юково — XV, 6; авляю(т) — XVI, 1а, 43;

перед мягкими:

десаины — XVIII, 38; десяти(н) — XVI, 100; десятию — XVI, 65; двора(н)и(н) — XVII, 12; макину — XVIII, 56; объвилѣ — XVIII, 51; по пяти — XVI, 76, — XVII, 6, 7, — XVIII, 3, 38; пѣтью — XVI, 1; пѣтьсотѣ — XVI, 102.

перед шипящими:

нарѣжати — XVI, 46; нарѣжаю(т) — XVI, 10, 46; на свѣщеннике — XVIII, 49; свѣщеннику — XVIII, 38; по свѣщенству — XVII, 10;

после шипящих и ц:

по дватцати — XVI, 30а; лошадей — XVII, 14, — XVIII, 9; бочары — XVIII, 40; часы — XVIII, 37, 53; часа(м) — XVIII, 37; часо(в) — XVIII, 53, 58;

2) перед твердыми:

Вешнекова — XVI, 86; воденое, воденого — XV, 10а; воденой — XVIII, 20; взета — XVI, 57а; земленой — XVI, 71; землены(м) — XV, 10; истезание — XVIII, 47; Костенти(н)о(в) — XVI, 26, — XVII, 3; Костенти(н) — XVIII, 21; ноябрѣ — XVI, 20б; ноябрѣ — XVIII, 23; октябрѣ — XVI, 20б; петно — XVIII, 49; петна — XVI, 10а; петно(м), петнати, петнаю(т) — XVI, 30; петнатцеть — XVI, 102а, — XVIII, 38, 54; помену(л) — XVI, 51; премой — XVII, 9; Резаново — XVI, 13; свѣты(и) — XVII, 9; свѣтыѣ — XVII, 9; снела — XVI, 34; Тре(т)ековскую — XV, 6; Хомякова — XVI, 26; шерстенаѣ — XVIII, 68;

перед мягкими:

десети — XV, 15; десятию — XVI, 10а⁶³; дворени(н)овымѣ — XVII, 9; с мекиною — XVIII, 56; нарѣдѣть — XVIII, 37; погледи(м) — XVII, 9;

⁶³ Если здесь ударение на конечном слоге, так как оно могло быть и на начальном (дѣсѣтью).

светите(л) — XVII, 15; светите(л)ского — XVII, 15; стерледей — XVII, 29;

перед шипящими:

дъчко(в) — XVIII, 37, 38; нарежу — XVI, 91; нарежаеть — XVI, 10; нарежаютъ — XVI, 1, 20, — XVIII, 37; по священству — XVII, 10;

после шипящих и ц:

по двадцети — XVI, 30, — XVIII, 53; жеровни — XVIII, 58; лошадей — XVII, 20, 28; лошедми — XVI, 71; причещень — XVIII, 17; рженой — XVIII, 25, 58; арженой — XVIII, 38, 56; верхъ шетромъ — XVI, 98.

В свою очередь на месте *e* может писаться *a*; причем подобных случаев, хотя и неравноценных в плане их фонетической интерпретации, наблюдается больше в грамотах XVII—XVIII вв., чем в грамотах XVI в.

Так, *a* вместо *e* пишется в первом предударном слоге после мягких согласных.

В грамотах XVI в.

перед твердыми:

воаводы — XVI, 43; ничаво — XVI, 1; Щалкалова — XVI, 1а;

и малоубедительные примеры:

во всадневные — XVI, 29, 97, 100; и(э) повсадневнога — XVI, 89, 97,

где может быть *л* морфологического происхождения — по образцу винит. пад. множ. числа *по вса дни*.

перед мягкими:

семдасятного — XVI, 73.

В грамотах XVII—XVIII вв.

перед твердыми:

полвую — XVIII, 16; по всаму — XVIII, 34; начавать — XVIII, 9;

и малоубедительные примеры:

повсагодно — XVIII, 38; святлейшаго — XVIII, 10 (может быть, по ассоциации со *святой*); иманы — XVI, 76; иманованный — XVIII, 39; племны — XVI, 68, — возможно, по образцу им. пад. ед. ч. *има, плема*;

перед мягкими:

промни(л) — XVIII, 38⁷⁰; Ифимовы(м) — XVIII, 56; жаниль — XVIII, 34.

Наконец, в грамотах XV—XVIII вв. наблюдается беспорядочная мена *ѣ* и *e* в безударном положении, что без сомнения указывает на отсутствие различия в произношении соответствующих звуков в предударных и заударных слогах.

Приведем некоторые примеры, подтверждающие высказанное положение.

В первом предударном слоге перед твердым согласным —

e на месте *ѣ*: меновнаи — XV, 13, — XVI, 23, 76, 92, 93; меновънюю — XV, 6, 10а, 13; гнезда — XVI, 2; слепцомъ — XVI, 2, 4; двенатцать — XVI, 76, — XVIII, 32, 56; бежалъ — XVIII, 51; за рекою — XVI, 66, 101 и т. д.

ѣ на месте *e*: сѣло — XVI, 5; дѣржати — XVI, 6, — XVIII, 35; снѣтко(в) — XVI, 65; бѣврутъ — XVIII, 38; лѣжитъ — XVII, 9; имѣна — XVII, 10; к нѣму — XVII, 9; определѣна — XVIII, 38;

⁷⁰ На месте старого [ѣ].

В первом предударном слоге перед мягкими согласными —
e на месте *ѣ*: мѣнѣли — XV, 6, 10а; променить — XVI, 18, 19; детей — XV, 11, 13, 14, — XVI, 25, 30, 31, 85; за детми — XVI, 40; на рекѣ — XVI, 31а, 35, 44, 49, 65, 70, 87, 101; сетей — XVI, 65; извести(т) — XVI, 51; детѣй — XVIII, 38; ре(з)бу — XVIII, 54;
ѣ на месте *e* — на сѣле — XVI, 11, 76; вѣль(л) — XVI, 30; по мѣже — XVI, 36; дѣревни — XVIII, 32; принѣсти — XVIII, 48; пѣчать — XVIII, 53; мѣнѣ — XVII, 9.

Это же наблюдается и во втором предударном слоге:
 крепостей — XVI, 23, 70, 76, 80, 92, 96; в крепосте(х) — XVI, 23, 37, 70, 91, 102; крепостѣ(х) — XVI, 23, 64, 72, 92, 93, 93а, — XVII, 7; сенокосные — XVIII, 54; телогрею — XVIII, 56;
 и — Лѣваниду — XVI, 87; з дѣревнѣми — XVI, 11; на бѣрегу — XVIII, 33; пѣрейти — XVII, 28; пѣреписнымъ — XVIII, 38 и др.

Для того чтобы фонетически интерпретировать написания с меной букв *a* и *e*, следует сначала обратить внимание на ряд иного рода написаний, — на такие, где наблюдается смешение *e* и *i* в безударных слогах.

В грамотах XVI—XVIII вв. можно обнаружить случаи написания *i* на месте *e*:

крисьѣне(х) — XVII, 25; бизвинно — XVIII, 17; ище — XVIII, 34; билениѣ — XVIII, 58; личениѣ — XVIII, 58; кузницо(в) — XVIII, 32; — и в церковных словах — причистѣ — XVII, 26; присто(л) — XVIII, 46.

А также — *e* на месте *i*:

негдѣ — XVI, 73 (с ударением на конечном слоге); в Селегере — XVI, 10а (ср.: Селигеромъ — XVII, 10а); премеромъ — XVIII, 38; венисѣ — XVIII, 23; Мехей — XVIII, 19; дерюльникъ — XVIII, 34; извеновениѣ — XVIII, 34; Тимофеевъ — XVIII, 49; архемондри(т) — XVI, 71.

Ср.: Симионова — Симеонова — Семионова — XVIII, 15; Симионо(в) — XVIII, 4; синадики — сенадики — XVI, 85а; Шешелевъ — Шисшелевъ — XVIII, 32; Гедѣонъ — Гидѣонъ — XVIII, 47; потриархъ — патрѣархъ — XVIII, 9.

Как видно, возможно, во-первых, предполагать, что написания со смешением *e* и *i* (особенно перед мягкими согласными) свидетельствуют о том, что в живых волоколамских говорах изучаемого периода в предударном слоге [e] произносился как звук, склонный к [и]. Сам же звук [и], попадая в безударное положение, подвергался некоторому ослаблению и, вероятно, мог быть несколько склонным к [e]. Таков был путь сближения этих двух звуков в безударных слогах. Близость звучания [e] и [и] в положении предударных слогов обусловила смешение соответствующих букв.

Итак, звук [e] произносился в предударном слоге как [e^и]. Но как видно, так же произносился и старый [ѣ]. Говоря другими словами, судя по беспорядочному смешению *e* и *ѣ* в предударных слогах, а также по написаниям (и достаточно частым) как *e* на месте *ѣ*, так и *ѣ* на месте *e*, — соответствующие звуки [e] и [ѣ] в подобном положении не различались, совпадая в одном; а этим последним мог быть как раз звук [e^и], в который изменялся в предударном слоге [e]. Таким образом, выясняется картина произношения звуков [e] и [ѣ] как одного звука [e^и] в предударных слогах. Однако вполне возможно, что такое произношение этих двух звуков было лишь перед мягким согласным, тогда как перед твердым [e] носило более открытый характер. На эту мысль наталкивает подавляющее большинство примеров со смешением

e и *и* именно в положении перед мягким согласным. Однако кое-какие данные говорят и о другом.

Но прежде чем останавливаться на этом, добавим, что написания слов с *e* на месте *a* интерпретируются фонетически тоже как произношение [e], или [e^h], на месте [a] в предударных слогах после мягких согласных.

Как видно, одинаковостью произношения всех трех звуков — [e], [e^h] и [a] — в анализируемом положении объясняются хотя и редкие, но все же встречающиеся написания слов с *ѣ* и *и* на месте *a*:

не ѣвлю(т) — XVI, 1; не нарѣжаютъ — XVI, 83; свѣщеника — XVII, 7; свѣщеникомъ — XVII, 11; обѣзательство — XVIII, 38;
и — питнатцати — XVIII, 38.

Если принять это положение, то не случайными покажутся написания слов с *e* и *и* на месте *a* не в первом предударном слоге. Произносились ли звуки [e] и [a] в положении второго предударного слога как редуцированный переднего ряда [ь] или как звук близкий к [и], решить трудно, но вероятно предполагать совпадение их в одном звуке, как и в положении второго предударного слога после твердых согласных; ср. написания:

Ерополчь — XVI, 76; тяжело — XVII, 8; нашетырю — XVII, 20; еровой — XVIII, 24, 56; чesавому, чesавой, чesоваго, чесовую — XVIII, 37; и — у имщика — XVIII, 37.

Таким образом, возможно считать, что в изучаемых говорах звуки [a], [e] и [e^h] в положении предударных слогов (особенно первого предударного) после мягких согласных произносились как один звук.

При этом если учесть слишком незначительное количество слов в грамотах XVI в., где проявляется смещение *e* и *и*, при широком распространении написаний *e* на месте *a*, то можно думать, что в волоколамских говорах XVI в. сложилась система еканья, т. е. первый предударный слог после мягких согласных характеризовался произношением [e] на месте [e], [e^h] и [a] в положении перед твердым согласным; в положении же перед мягким согласным на месте этих трех звуков мог произноситься звук более закрытый, несколько склонный к [и].

Но такое екающее произношение, которое было свойственно для периода XV—XVI вв., на протяжении XVII, а особенно XVIII в. постепенно изменялось в икающее, что привело к появлению написаний (именно в XVIII в.) слов с *и* на месте *e* и *a* в положении перед твердым согласным.

Отметим сразу, что, как известно, еканье не является чертой специфически северновеликорусской или южновеликорусской, а представляет собой черту нейтральную, „оно может быть сопряжено — в положении после твердых согласных — как с оканьем, так и с аканьем“⁷¹. Система же иканья характерна для средневеликорусских и части южновеликорусских говоров⁷².

Следовательно, развитие системы вокализма первого предударного слога после мягких согласных в изучаемых говорах шло по линии превращения ее в типично средневеликорусскую.

Однако система иканья в волоколамских говорах не укрепилась, и об этом, как кажется, свидетельствуют написания слов с *a* на месте *e* в первом предударном слоге после мягких согласных.

⁷¹ Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, ч. 1, стр. 76.

⁷² Там же, стр. 77.

Подобные написания, как представляется, отражают проникновение яканья в часть волоколамских говоров. При этом большинство примеров, где наблюдается написание *a* на месте *e*, падает на положение перед твердым согласным: в грамотах XVI в. — *вољводы, ничаво, Щалкалова*; в грамотах XVII—XVIII вв. — *полъвую, по вслму, начавать, жалаю(т)*.

Добавим к этим примерам еще один, как кажется, довольно показательный.

Греческое слово *сенаник* или *синоник*, часто встречающееся в грамотах, может писаться по-разному:

в сенанике — XVI, 34, 73; сенани(к) — XVI, 92; сенаника — XVI, 61, 89, 93; синани(к) — XVI, 66, 93; в синони(к) — XVI, 90; в синаникѣ — XVI, 35; в синаники — XVI, 78.

Эти написания могут считаться этимологически правильными. (Ср. данные словаря Срезневского, т. II.) Но наряду с подобными написаниями есть и другие:

в сѣнони(к) — XVI, 74; в сѣнани(к) — XVI, 87; сѣноника — XVI, 90; и один раз — в слнани(к) — XVI, 89. Написания с *ѣ* комментария не требуют. Что же касается написания этого слова с *л*, то думается, что оно могло появиться лишь в случае возможного произношения безударного [e] как [ʼa].

При наличии лишь одного примера — *семдслтного* — в грамотах XVI в., где *л* появляется на месте *e* в положении перед мягким согласным, можно думать, что в XVI в. волоколамские говоры усваивали умеренно якающее произношение, ибо появление [a] в первом предударном слоге на месте [e] после мягких согласных наблюдается главным образом перед твердыми согласными.

Судя же по грамотам XVII—XVIII вв., где случаи написания *л* вместо *e* увеличиваются, можно предположить, что позднее в изучаемые говоры проникло не только умеренное яканье, т. е. произношение [a] на месте [e] лишь перед твердыми, но и какое-то иное, не поддающееся, правда, более точному определению в силу малого количества примеров.

Однако следует сказать, что подобные написания в грамотах XVII—XVIII вв. являются, пожалуй, более показательными, нежели соответствующие примеры в грамотах XV—XVI вв. Это объясняется не чем иным, как тем, что в период XV—XVI вв. не было еще таких твердых орфографических приемов у писцов, какие уже появились в XVIII в. В силу этого, т. е. упрочения навыков и правил письма, проникновение живого произношения в письменность могло лишь затрудниться. А потому данные о таком живом произношении в грамотах XVII и особенно XVIII в., приобретают большее значение, чем в грамотах XV—XVI вв. Исходя из этого, нужно согласиться с тем, что даже немногие примеры, в которых обнаруживается написание *a* — *л* на месте *e* в положении первого предударного слога после мягких согласных и которые интерпретируются фонетически, как произношение в данном положении [a] на месте [e], — эти примеры представляют для нас большую ценность в плане определения системы вокализма первого предударного слога после мягких согласных в изучаемых говорах.

Итак, сопоставляя выводы по XV—XVI вв. с данными грамот XVII—XVIII вв. можно думать, что вокализм первого предударного слога после мягких согласных в волоколамских говорах характеризовался в период XV—XVIII вв. как система екающего произношения, развивающаяся

в икающее. Наряду с этим в некоторых волоколамских говорах наличествовала система умеренного яканья, завоевывающая себе все больше и больше места, как явление развивающееся. Одновременно якающее произношение, как видно, получает и несколько большее распространение, появляясь и в положении перед мягкими согласными.

Можно думать⁷³, что говоры с якающим произношением постепенно стали оказывать влияние на те, в которых сохранялся екающий или икающий вокализм первого предударного слога, вытесняя последний. Иначе говоря, яканье в волоколамских говорах стало получать постепенно господствующее положение. Но, как видно, эти процессы относятся к более позднему времени — к периоду после XVIII в.

IV. Изменения гласных в заударных слогах

Вопрос о заударном вокализме сложен, и эта сложность объясняется тем, что на произношение звуков в заударном положении влияют различные причины. Наблюдения над живыми народными говорами давно привели исследователей к выводу о том, что „система заударного вокализма, как она сложилась в русском языке во всех его говорах, является результатом: 1) пережитых фонетических процессов; 2) морфологических новообразований (изменений по аналогии); 3) изменений в условиях конца смысловых и интонационно-ритмических единиц“⁷⁴. Все это и создает сложную картину заударного вокализма современных русских говоров. Поэтому само наблюдение живых говоров в плане характеристики системы гласных в заударных слогах чрезвычайно трудно.

Но тем более трудно пытаться восстановить или хотя бы отчасти представить себе эту систему по памятникам письменности. Различные изменения гласных звуков в заударном положении, нечеткость их произношения, особенно в акающих говорах, создавали, конечно, непреодолимые трудности для писца, которые приводили к колебаниям в написании гласных букв в заударных слогах, если писец был нетверд в знании морфологических частей слова.

Волоколамские грамоты XV—XVIII вв. дают при их исследовании некоторые возможности для решения вопроса о заударном вокализме изучаемых говоров. Можно сделать попытку разобраться в ряде написаний, могущих, как кажется, помочь в решении этой задачи.

С этой точки зрения, надо, во-первых, обратить внимание написание гласной *о* в заударных слогах. Здесь можно столкнуться с тем, что наряду с правильным написанием в подобных положениях на месте *о* может появляться *а*.

Так, в неконечном слоге:

Барискава — XVI, 74; белава — XVII, 8; Буйгара(д) — XVIII, 23; ведама — XVII, 8; великаво — XVI, 89; Волака — XVIII, 22, 32, 38; Волацкаго — XVIII, 23, 32; на Волаке — XVI, 90; властели — XVI, 1а; горада — XVI, 59; Данилава — XVI, 34; двороваго — XVI, 71; Есипава — XV, 11; Иванава — XVIII, 40; Иванави(ч) — XVI, 80; Иванавича — XVI, 81; Иванавской — XVI, 30; Иванкава — XVI, 26; Ивашкава — XVI, 88; игуменава — XVI, 46; инака — XVI, 89; во инаде(х) — XVI, 35; Иоси-

⁷³ Если иметь в виду, что в современных волоколамских говорах наличествует система умеренного и ассимилятивно-умеренного яканья, а не еканья или иканья.

⁷⁴ Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, ч. 1, стр. 113.

фава — XVII, 5, 9; Калачникава — XVI, 84; Карпава — XVIII, 23, 40; Колокалова — XVI, 78; Конановы(м) — XVI, 2, 4, 25; Кондратава — XVI, 79, 80; каторава, никаторава — XVI, 78; крепастей — XVI, 78⁷⁵; Кутузаву — XVI, 79, 80; Кутузаву — XVI, 79; лентачикъ — XVIII, 58; мѣраю — XVI, 80; нагластию — XVIII, 38; окала — XVIII, 33; Олександраву — XVI, 70; Осифава — XVI, 30, 55, 96; пахатную — XVIII, 54⁷⁶; пожалава(л) — XVI, 51; полутаре — XVI, 79; потребаю — XVIII, 23; пусташей, к пусташа(м) — XVI, 26; Ржевскава — XVI, 55; Розвозавай — XVI, 95; Скирманав(в)ска(и) — XVI, 89; Склетинава — XVI, 91; скудастию — XVIII, 38; списачка — XVI, 40; стораны — XVIII, 38 (имен. пад. мн. ч.); Тиханов(в) — XVIII, 34, 40; Тиханова — XVI, 44, 74; Тиханова — XVI, 74; Федаро(м) — XVIII, 9; по Федаре — XVI, 95; Федарава — XVI, 95, — XVIII, 9.

В конечном закрытом слоге:

Александра(в) — XVI, 26; Александровой — XVI, 40; Балотника(в) — XVI, 91; Бариса(в) — XVI, 16; Бориса(в) — XVI, 80; Буйгара(д) — XVIII, 23; вкладнай — XVII, 11; на Вола(к) — XVII, 6; во вседневнай — XVI, 75, 89, 92, 93; во вседне(в)на(м) — XVI, 34, 56; в повседневнай — XVI, 90; к Выжловой — XVI, 64; путь гразнай — XVII, 20; данай граматъ — XVI, 5, 15 и др.; дара(м) — XVI, 89; дѣла(м) — тв. п. — XVI, 10, 83, — XVIII, 38; в денежна(м) — XVI, 55; дворовай — XVI, 71; должнасть — XVIII, 30; драгунавъ, драгуньскамъ — XVIII, 34; духовнай — XVI, 81, 92а; евангельскай — XVII, 18; Ивана(м) — тв. п. — XVI, 80; Иванишка(в) — XVI, 21; за Ивашка(м) — XVI, 1а; Иосифа(в) — XVI, 31б; в Осифа(в) — XVI, 74, 80, 95; которой — XVIII, 54; ф котора(м) — XVI, 96; крепастъ — XVI, 78; с крестьянина(м) — XVII, 8; копусты крошывай — XVII, 26; Кутуза(в) — XVI, 80; с лѣса(м) — XVI, 68, 90; лѣта(м) — тв. п. — XVI, 83; в Локныскамъ — XVI, 80; с лугамъ — XVI, 95; Михайла(в) — XVI, 34; навозамъ — тв. п. — XVIII, 38; в наложной списка(к) — XVI, 89; Обрами(в) — XVI, 6б; оброка(м) — тв. п. — XVI, 83; побора(в) — XVI, 83; помина(к) — XVII, 81; приказшика(в) — XVI, 1а, — XVIII, 6; приказнай по(д)пичей — XVII, 18; приставнай — XVI, 83; паточинаю — XVI, 36, 53; пречистай — XVI, 74; посканъ — XVIII, 9; пусташъ — XVI, 26; работай — тв. п. — XVIII, 58; сынъ Ржевскай — XVI, 53; к Розвозавай — XVI, 95; в Рузска(м) — XVI, 80, 89; в Скирманавска(м) — XVI, 89; слобода(к) — XVI, 65; су(д) сместнай — XVI, 30, 83; сорокъ — XVIII, 47; списа(к) — XVI, 72, 89, 92а, 93; срока(в) — XVI, 83; к старой — XVI, 95; Тимофеевскай — XVI, 1а; Тиха(н) — XVI, 18; Трифа(н) — XVI, 25; с Трифано(м) — XVI, 26; убытка(в) — XVI, 78; ушатавъ — XVIII, 26; Федар(р) — XVI, 30; хлеба(м) — XVI, 34; хлебнай, хлебна(м) — XVI, 55; Христаровой сказкѣ — XVIII, 6; дыновакъ — XVIII, 28; Шеинскай — XVI, 6.

В конечном открытом: до болота да чере(з) болота — XV, 6; попере(к) врага бо(л)шова — XVI, 1; бе(з)переводна — XVI, 98; бе(з)отступна — XVII, 6; о то(м) вѣдома — XVI, 40; что была ведома — XVII, 8; бе(з) вашева совету — XVII, 8; девѣноста рубле(в) — XVI, 28, 37⁷⁷; купить стала дорога — XVII, 8; нетъ ни единова — XVII, 8; каторава — XVI, 78; никаторова — XVI, 6б; никаторова — XVI, 78; куплена суко(н) — XVII, 8; убытка никакова — XVI, 28, 37, — XVIII, 2; никакова — XVI, 55; в отда мѣста — XVI, 53, 92а, — XVII, 8; ле(т) многа — XVII,

⁷⁵ Если ударение на первом слоге.

⁷⁶ Может быть, связь с „пахать“?

⁷⁷ Может быть, здесь морфологическое явление?

8; мала — XVII, 8; мима — XVII, 9, 18; на Митрохина мѣста — XVII, 8; с нашева — XVII, 8; неть ниско(л)ка — XVII, 8; с о(б)ѣзжева двора — XVII, 20; одноконечна — XVII, 7; окала — XVIII, 38; пустова пола — XVI, 44; мужа... первова — XVI, 7; позна — XVIII, 9; пи(т) пива — XVIII, 9; снѣ Репеховскова — XVII, 18; воровано сала настоите(л)ское — XVIII, 51; смиренънка — XVIII, 18; ско(л)ка — XVI, 91; списо(к) слово в слова — XVI, 1а, 15, 40, 101; такова позору — XVII, 9; тела (имен. пад. ед. ч.) — XVI, 90; то(л)ка — XVII, 6; на утра — XVIII, 30; про убивства брата — XVIII, 9.

Из всех приведенных выше примеров с написанием *a* на месте *o* некоторые могут иметь не фонетическое объяснение.

В первую очередь, это относится к окончанию род. пад. ед. ч. прилагательных и местоимений на *-ова* безударное. Как известно, подобные формы могут быть и в окающих говорах, где неизвестна редукция безударных гласных. Известно также, что подобное окончание может возникнуть не по фонетическим причинам, а по аналогии с род. пад. существительных мужского и среднего рода (*стола, села*)⁷⁸.

Также могут вызвать некоторые возражения против фонетической интерпретации написания заударного *a* на месте *o* в словах, имеющих *a* под ударением (см. примеры выше). Не появляется ли здесь *a* в связи с ударным *a* как описка?

Но думается, что в огромном ряду случаев смешения *o* и *a*, где побочных влияний быть не могло, все эти факты занимают такое же место, как и фонетически объяснимые примеры.

Однако если большинство примеров дает написание в неконечных и конечных закрытых слогах, наряду с этимологическим *o*, также и *a*, то вместе с тем есть ряд случаев, где в подобных положениях обнаруживается написание *ы*:

за Гавриловью печа(т)ю, за Осифовью печа(т)ю — XV, 14; Ожеговскую межею — XV, 6; старью межею — XVI, 6; старью дорогою — XVI, 49; с пашенную землею — XVI, 52, 55, 67; не с пашенную землею — XVI, 55, 56, 67; Александрывы сосуды — XVII, 12; и твор. пад. ед. ч.: дѣла(м) и дѣлы(м) — XVI, 10а; бгомо(л)до(м) и бгомо(л)ды(м) — XVII, 15.

Вместе с тем следует отметить и обратное явление — написание в заударных слогах *o* вместо *a*:

продо(л) — XVI, 40, 70; та духовноѡ — XVI, 40; духовноѡ грамота — XVI, 78; истори — XVI, 34, 54, 73, 90, — XVII, 30; вотчина приданоѡ — XVI, 96; дрвнѡ круглоѡ — XVI, 92; лошади — XVI, 10; бго молю — XVII, 8; не ве дою — XVII, 8; выломою — XVII, 9; Гермону — XVIII, 4, 48; писоно — XVI, 20а, 6; написано — XVI, 40; написона — XVI, 30, 71; записоны — XVII, 9; подписоно — XVI, 57а; неписоны — XVI, 57а; запечатоны(х) — XVII, 30; Ивановскоѡ — XVI, 57а; котороѡ — XVI, 66, — XVIII, 38; никотороѡ — XVI, 3; подлинноѡ — XVIII, 5; плакола — XVIII, 34; по вышеписонъной — XVIII, 47; приѣховѣ — XVII, 8 и даже — у авраго — XVIII, 28.

Наконец, в этих же положениях наблюдается написание *o* и *a* на месте *ы*:

исповедова(н) — XVIII, 17; гдранѡ — XVIII, 34; отпиравали — XVIII, 45.

⁷⁸ См. А. М. Селіщев. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921.

Таким образом, в заударных слогах после твердых согласных в грамотах XV—XVIII вв. наблюдается взаимная мена букв *а*, *о* и *ы*.

Эта взаимная мена букв, даже при учете возможности описок, может быть объяснена нечеткостью произношения соответствующих звуков [а], [о] и [ы] в заударных слогах.

Как кажется, основываясь на приведенных выше примерах, вполне возможно предполагать для акающих говоров, какими являются волоколамские, произношение [о] и [а] в этом положении как промежуточного редуцированного звука, склонного по образованию к [ы] или, во всяком случае, звука типа [ъ].

Отдельного рассмотрения требуют написания гласных после шипящих и *ц*. В этом положении в заударных слогах вместо *а* может писаться *е*.

Двенадцеть — XVI, 57а, 67; двенадцети — XVI, 30; двадцеть — XVI, 70; по двадцети — XVIII, 38, 53, 54; китайчетые — XVIII, 56; крупитчетой — XVIII, 58; коженой — XVIII, 58; купчел — XVI, 54, 81, 85а, 92; лошедью — XVIII, 57; лоше(д) — XVI, 30, — XVIII, 13; лошеди — XVIII, 43; лоше(д)ю — XVIII, 9; по обычею — XVI, 32, 48; пѣтнацеть — XVI, 57а, — XVIII, 54; рушети — XVI, 30; слуше(л) — XVI, 30, — XVIII, 53; слуше(в) — XVI, 30; тринатце(т) — XVI, 57; тритцеть — XVI, 57а, 85а, 102; шестнацеть — XVI, 76а, 102; ѿбидничеемъ — XVIII, 9.

В подобном же положении гласная *а*, наоборот, может выступать на месте *е*:

заложана — XVI, 21; з грамоты проѣзжай — XVI, 206; заеца(в) — XVI, 55; старца(в) — XVI, 58; за поповича(м) — XVI, 1а; та(к) жа — XVII, 6; Федо(р) жа — XVII, 9; Пиминища — XVII, 7⁷⁹.

Наконец, наблюдается написание *и* вместо *е* и *а* после шипящих и *ц*:

нечимъ — XVIII, 8, 28; копусты крошивай — XVII, 26; и — рушити — XVI, 206.

Как видно, и в положении после шипящих и *ц* в заударных слогах происходили изменения гласных звуков. Неясность произношения гласного в заударном слоге вызвала колебания в написаниях букв *а* и *е*. Поэтому можно предположить, что в заударном закрытом слоге на месте [а] и [е] после [ш], [ж], [ч] и [ц] произносился звук ослабленный, редуцированный, неясный по своей артикуляции; он мог быть более заднего образования после [ш], [ж] и [ц], если они были твердыми, и более переднего — после [ч], [т]⁸⁰. Что касается написания на месте *а* и *е* буквы *и* после *ш* (рушити, крошивай), то возможно, что *и* в данном случае соответствует гласному заднего ряда [ы], но сочетание *шы* не было в целом привычным для русских писцов. Вообще говоря, как кажется, произношение гласного в заударном слоге в разбираемом положении могло колебаться от [ы³] — [и³] до [ъ^а].

В заударных неконечных и конечных закрытых слогах после мягких согласных можно также наблюдать мену различных букв при написании отдельных слов. В первую очередь, отмечается написание *е* на месте *а* (л):

вылеже(т) — XVI, 52, 79, 80, 85а; вылегу(т) — XVI, 74; двадесеть — XVI, 18; деветь — XVII, 2; десеть — XVII, 11; семьдесе(т) — XVI, 80; к деревне(м) — XVI, 26; зане(л) — XVII, 8; прине(л) — XVII, 9, — XVIII, 4; прине(в) — XVII, 9; прине(т) — XVIII, 35; кланеюсь — XVII, 25; куп-

⁷⁹ Впрочем, может быть, здесь суффикс *-ища*.

⁸⁰ Если [т] было мягким звуком.

леми — XVI, 10; ловлеми — XVI, 65; месеца — XVI, 18; отнели — XVIII, 7, 29; паме(т) — XVI, 91; памяти — XVI, 85а; с пожнемы — XVII, 26, 37; рухле(д)ю — XVI, 74; засеена — XVIII, 38; насеенной — XVIII, 38; не ставетсѧ (мнж. ч.) — XVI, 10; столеру — XVIII, 58; тысе(ч) — XVI, 101; тысечи — XVI, 99.

Иногда на месте *а* (ѧ) пишется *и*:

выменили — XV, 6, 13; вымени(л) — XVI, 43⁸¹; — или *ѣ*: по памѣтъ — XVIII, 15.

Вместе с тем сама гласная *а* (ѧ) может писаться на месте *е*:

з братю — XVI, 30; Васи(л)ѧви(ч) — XV, 30; у Васи(л)ѧвы(х) — XVI, 30; времѧни — XVIII, 32⁸²; Григорѧвъ — XVI, 30; в Григорѧве долгу — XVI, 55; Григорѧ(в)скаѧ — XVI, 30; денѧ(г) — XVI, 57а; денѧжные — XVI, 96; Игнатѧвъ — XVI, 55; имеющѧси — XVII, 32; имевшѧси — XVIII, 45;⁸³ имѧнно — XVIII, 12, 56; оказавшѧси — XVIII, 49; на нынѣшнѧй — XVII, 6; племѧни — XVII, 1; трехлѣтнѧе — XVIII, 54; с угодѧмь — XVI, 72, 78, 91.

Широко распространена в грамотах взаимная мена букв *е* и *и* в заударных слогах после мягких согласных:

и вместо *е* — за восимъ — XVIII, 38, 47, 58; дадино — XVII, 23; в дани(х) — XVI, 92; имеитѧ — XVIII, 38; копейкѣ — XVIII, 47; на крестьяни(х) — XVIII, 29; лентачикѣ — XVIII, 58; некимъ — XVI, 102; отпирѣ — XVIII, 45; патчириѧ — XVIII, 23; писминны(м) — XVIII, 26; ѧбидничеемъ — XVIII, 9; *е* вместо *и*: мере(н) — XVIII, 1, 11; мерена — XVIII, 38; подленую — XVII, 3; на подленно(м) — XVIII, 57; пошленники, пошленнико(м) — XVI, 20а; приказчеки — XVI, 46; росчистели — XVIII, 38; в синане(к) — XVI, 93; Троецкое — XVIII, 39; ср.: луг столѧчий — луг столѣй — XVI, 71.

Любопытно отметить, что в грамоте XVIII в. № 47 писец в двух словах — *отици(т)* и *месицы*, — как видно, колеблясь, исправил *и* в заударном слоге на *е*, написав последнюю букву сверху первой.

Наконец, в подобном же положении широко распространено написание *е* на месте *ѣ* и *ѣ* на месте *е* —

е на месте *ѣ*: видели — XVIII, 28; увидель — XVIII, 51; при свидетельхъ — XVIII, 38; велено — XVIII, 38; вымени(л) — XVI, 76; вымени — XV, 6, 13, — XVI, 29, 43; Варсунофѣ — XVI, 21; высеена — XVI, 2; Дмитрѧ — XVI, 40; и мн. др. *ѣ* на месте *е*: будѣ(т) — XVI, 87, — XVIII, 54; владеѣтъ — XVIII, 38; вылѣжатъ — XVI, 87; денѣ(г) — XVIII, 38, 53, 54; жителѣй — XVIII, 37; з зѣтъмъ — XVIII, 38; на летнѣмъ — XVIII, 58; прежнѣмъ — XVIII, 57; и мн. др.

Ср.: всепокорнѣйше — XVIII, 29, 33, 38 — всепокорнѣйшее — XVIII, 32, 38 — всепокорнѣшеѣ — XVIII, 34 — всепокорнейшее — XVIII, 38;

настойтелемъ — XVIII, 57 — настойтелѣмъ — XVIII, 46;

о проситѣле — просителѣй — XVIII, 38;

служитель — XVIII, 53 — служителемъ — XVIII, 56 — служитѣлѣй — XVIII, 38.

И один случай — *и* вместо *ѣ*: по лису — XVIII, 34.

Таким образом, наблюдается полное смешение в написании букв *а*, *е*, *ѣ*, *и* в рассматриваемом положении. Нет никакого сомнения в том, что подобная мена букв отражает реальное неразличение соответствующих

⁸¹ В двух последних словах возможно морфологическое явление. Ср. *промени(л)* — XVI, 43.

⁸² Может быть, аналогия с им. пад. *время*. Ср. ниже формы от *имя*, *племя*.

⁸³ Мало убедительные для фонетических выводов примеры.

щих звуков в неконечных закрытых и открытых слогах и произношение на их месте одного звука [e^u]⁸⁴.

Этому утверждению несколько мешают написания с а (Ѧ) вместо е. Подобные написания встречались в Московских памятниках XVI в., но в большинстве случаев объяснялись морфологически⁸⁵. Однако, судя по примерам написания Ѧ вместо е, в исследуемых грамотах отражаются определенные фонетические процессы, связанные, возможно, с усвоением якающего произношения. Ясно, во всяком случае, одно: написания с Ѧ вместо е в рассматриваемом положении, не объясняемые какой-либо не фонетической причиной, отражают живые процессы, связанные, как видно, с общим акающим произношением в этих говорах и с изменением заударных гласных после мягких согласных в [а].

Следует отметить, что в большинстве случаев замена в написании е на Ѧ в заударных слогах падает на такие слова, где гласный, переживающий изменения, находится в положении перед твердым согласным. Возможно, что это явление также стоит в связи с усвоением изучаемыми говорами умеренного яканья, т. е. в связи с произношением [e] и [а] в зависимости от твердости и мягкости последующего согласного⁸⁶.

В конечных открытых заударных слогах широко распространено написание е вместо ѣ и ѣ вместо е, что указывает на неразличение в произношении соответствующих звуков. Приведем лишь некоторые примеры:

В числительных: четырьѣ части — XVI, 33, 83, — XVII, 30 и: четыре рубли — XVI, 41, 43. Ср.: крстыньѣ — XVII, 10, 25, — XVIII, 38; в прилагательных: ѡмы новыѣ — XVI, 316; на пни на сосновыѣ — XVI, 316 и: старые ѡмы — XVI, 316; в повсѣдневные списки — XVI, 97; бо(л)шеѣ Шу(л)гино — XVI, 30;

в существительных: в дат. пад.:

всей братѣе — XV, 4, — XVI, 40, 41; к березе — XVI, 9, 16; по дороге — XVIII, 31, 34; к грамоте — XVI, 6, 11, 15 и др.; к подписке — XVIII, 37; к изгороде — XVI, 31а; и др. — в местн. пад.; по Асафе — XVI, 19; по бабке — XVI, 29, 59; по брате — XVI, 5, 29; по Борисе — XVI, 100; в верхо(в)е — XVI, 6; на Волоце — XVI, 206; в работе — XVIII, 39; в грамоте — XVI, 10а, 206 и др.; в доме, на лавке — XVIII, 32; и т. д.

в наречиях: доколе — XVI, 15, 17, 27; зиме — XVI, 20а; лѣте — XVI, 3, 43 и др.; налеве — XV, 6, — XVI, 136 и др.; направе — XV, 13, 316 и др.; не надобе — XVI, 1, 10, 43; ныне — XVI, 95, — XVIII, 37, 38; после — XVI, 6, 21, 316 и др. (ср. некоторые параллельные формы с написанием ѣ: к половинѣ — XVI, 35; по братѣ — XVI, 8; по грамотѣ — XVI, 42; на деревнѣ — XVI, 316; на Володѣ — XVI, 1; в городѣ — XVI, 30; в отчинѣ — XVI, 4; в правдѣ — XVI, 5; на приказщикѣ — XVI, 4; докулѣ — XVI, 24; зимѣ — XVI, 3, 43, 83 и др.;

⁸⁴ Ср. замечание А. А. Шахматова о написании е вместо а в памятниках: е вместо а в положении между двумя смягченными и притом в слоге неудараемом „свидетельствует о том, что и а изменилось в е в результате ассимиляционного влияния соседних звуков“ („Исследование о языке Двинских грамот“, стр. 102). Ср. замечание А. И. Соболевского о том, что памятники с акающим произношением одновременно имеют и написание е вместо а („Лекции по истории русского языка“, М., 1903, стр. 78).

⁸⁵ Л. Л. Васильев. Богдановский Златоуст XVI в.

⁸⁶ Подобное явление было отмечено К. В. Горшковой в „Актах хозяйства боярина Морозова“ как явление, характерное для южных говоров Подмосковья, именно для коломенских, в XVII в. (см. „К истории говоров южного Подмосковья“. — „Доклады и сообщения филологического фак-та МГУ“, 1947, № 3, стр. 46).

направѣ — XV, 6; налеѣ — XVI, 316; ненадобѣ — XV, 1; подлѣ — XV, 10а, 49 и др.).

Подобных примеров можно найти еще десятки в текстах грамот Волоколамска XV—XVIII вв. Нет сомнения в том, что в этом положении звуки [e] и [ě] не различались в произношении, совпадая в каком-то одном звуке. Вероятнее всего предположить, что в положении заударного конечного открытого слога на месте [e] и [ě] произносился звук близкий к [и]. Вполне возможно, что именно этим вызван ряд написаний форм с конечным *и* на месте *ѣ*: отво(д) той деревни — XV, 10а; к деревни — XV, 5, 8, — XVI, 39, 48, 61; к слаботки — XVI, 1а; на Матѣи — XV, 12; к дере́ве(н)ки — XVI, 78; по отписки — XVII, 12; в мѣри — XVII, 9; на дрвни и на селѣ — XVI, 26; на речки — XVIII, 5; по дороги — XVIII, 34; в той дрвни — XVI, 49; в кадочки — XVIII, 51; по копейки — XVIII, 38.

Изменение конечного заударного [e] из [ě] в сторону приближения его к [и] — явление вполне допустимое для акающих говоров, какими являются волоколамские, хотя, конечно, не исключено и то, что во всех этих случаях мы имеем лишь морфологическое явление — сохранение старого дат.-местн. пад. ед. ч. мягкой разновидности склонения на *-а-*, *-я-*. Поэтому в данном плане более убедительными кажутся написания: в синаники всадне́вныи — XVI, 78; во́воды ратныи — XVI, 43; сухари бѣлыи — XVII, 9; пожа́луети — XVII, 12; и: до отписке — XVII, 13; для покупке — XVIII, 45.

Но есть и другие явления в конечном открытом заударном слоге. Так, интересно обратить внимание на употребление в имен.-вин. пад. мн. ч. м. и ж. рода прилагательных и местоимений форм на *-ья-*, *-ия-*:

кличанскиа волостели — XVI, 1а; ни в какиа проторы — XVI, 1а; иниа какиа крѣпости — XVI, 91; каторыа крѣпости — XVI, 91; намесницы Дмитровскиа Звенигородцкие — XVI, 83; волостели Воиницкии и Мушковские — XVI, 30; дѣти боарскиа — XVI, 30; всакиа ездоки — XVI, 30; и даже — села монастырскиа — XVI, 30.

Вполне вероятно, что здесь мы встречаемся с явлением нефонетическим. Как известно, подобное окончание представляет русскую передачу старославянского *-ѣа*, т. е. является искусственнымписанием. Ему соответствует, как видно, более живое в языке окончание *-ые* (из *-ьѣ*), изменяющееся, может быть, в условиях акающего говора в [и]. Не случайным кажется и то, что большинство случаев с *-ья* встретилось в одной грамоте (30) — копии с жалованной Ивана IV 1534 г., причем в одной из двух ее копий; вторая же копия этой грамоты, в целом имеющая общие с первой особенности, отличается от нее как раз именно отсутствием случаев написания подобного рода. Поэтому-то едва ли окончание *-ья* было характерным для живых волоколамских говоров XVI в.

От отмеченных написаний отличаются иные, где также на месте *e* пишется *а*: хресьяни — XVI, 29, 30, 43; вдвоа — XVI, 78; уго(д)а — XVI, 78 (в контексте: „что к той дрвни уго(д)а истари потягло“). Может быть, здесь неправильно согласование с множественным числом.); боара — XVI, 30; прозвища — XVI, 59, 95 (в контексте: „а прозвища отцу моему Кобец“); какаво жало́ва(н)а — XVI, 40; село Покровскоа — XVI, 30; за село за старинноа — XVI, 40.

И особенно много в грамотах XVII—XVIII вв.:

боара — XVII, 7, 15; крес(т)ана — XVI, 102а, — XVII, 27, — XVIII, 9, 25, 28; волочана — XVII, 3, 6; клинаа — XVII, 3; крылошана — XVII,

18⁸⁷; четыре — XVII, 8; на монастырская подворья — XVII, 8; денежное жалованья — XVII, 40; иного мѣсто — XVII, 28; сенокосная мѣсто — XVIII, 14; всякое здѣля — XVIII, 21; в наследия — XVI, 85а (вин. пад. ед. ч. ср. р.); в смиренья — XVII, 8 (вин. пад. ед. ч. ср. р.); во владения — XVIII, 5 (та же форма); и прочия что есть — XVIII, 32; в че(м)ни будя — XVIII, 2; воева — XVIII, 2; которая есть пла(т)я — XVIII, 18.

Таким образом, в заударном конечном открытом слоге широко наблюдается написание *e*, а иногда *и* или *ѣ*⁸⁸. В. В. Виноградов отмечал: „В заударном конечном открытом слоге под буквами *к* и *л* скрывался редуцированный звук задне-среднего ряда, близкий к тому же звуку современного литературного языка“⁸⁹. Можно думать, что и в волоколамских говорах на конце слов произносился звук с ослабленной артикуляцией, что вызывало трудности для писцов в его передаче. Вместе с тем в определенных условиях, а может быть, и в индивидуальном произношении отдельных грамматических категорий на конце слов гласный мог приближаться по звучанию к [а].

V. Явления, связанные с изменением [e]

Выше, при рассмотрении некоторых вопросов фонетики волоколамских говоров XV—XVIII вв., уже затрагивался ряд явлений, связанных с изменением [e]. Это нашло свое выражение и в том, что анализ явления смещения *ѣ* с *e* в грамотах, установление развития процесса утраты [ѣ] как особой фонемы в волоколамских говорах показали расширение области употребления [e] в этих говорах; это нашло свое выражение и в том, что было высказано мнение о нечетком различии в произношении [e] и [и] в безударном положении, особенно перед мягкими согласными и на конце слова, а также о вероятном совпадении [e] с [а] в этом же положении перед твердыми согласными.

Специально не говорилось о том, что [e], как и другие гласные, не испытывает видимых изменений в положении под ударением, и потому на письме *e* не смешивается с другими буквами (с оговоркой выше о смещении с *ѣ*, где дело идет об изменении [ѣ], а не [e]). Но все это нетрудно увидеть, если рассмотреть уже приведенные примеры.

Однако приходится сказать, что один раз отмечено написание буквы *и* на месте *e* под ударением: *к Смолинскому* — XVI, 31а. В данном случае *e* смешивается с *и* в положении между мягкими согласными; и это явление как будто может считаться живым, известным как в истории русского языка, так и в современных говорах⁹⁰. Но на основании такого единичного примера трудно сделать вывод, что волоколамским говорам было свойственно произношение [e] под ударением между мягкими как [и]. Полное отсутствие иных подобных написаний в грамотах заставляет думать о случайности такого смещения.

⁸⁷ Возможно, что в словах с суффиксом *-ня*, со значением принадлежности по местному признаку, — морфологическое явление.

⁸⁸ Л. А. Булаховский, говоря о случаях *крестьяня*, *бояря*, писал, что „в них возможно подозревать или узкий фонетический закон — переход неударного *e* в *я* за ударяемыми *а*, *я*, — или влияние образований на *-ья* („Исторический комментарий к русскому литературному языку“. Киев, 1950, стр. 86). Следует, пожалуй, присоединиться к первому объяснению, и даже больше: если учесть написания с *я* вместо *e* после других ударных гласных, а не только после *а*, *я*, то, видно, можно признать все это явление за фонетическое.

⁸⁹ В. В. Виноградов. Очерки по истории звука *ѣ*... стр. 320.

⁹⁰ См. Р. И. Аванесов. Лингвистическая география и история русского языка, стр. 28.

Более интересным для характеристики фонетической системы живых волоколамских говоров XV—XVIII вв. представляется рассмотрение явления изменения [е] в [о]. Факты написания *о* на месте *е* в грамотах наблюдаются, и на них необходимо обратить внимание.

В грамотах XV в. написание *о* вместо *е* отмечается главным образом в положении под ударением перед твердыми согласными после шипящих и *ц*:

Вороньцово — 4, у Писцова — 11, о(т) зельцова — 10а, Дворьцовой — 6, десети ловцо(м) — 15; и на конце слова: свое се(л)цо — 6.

Такие написания могут быть и в безударном положении, но лишь после шипящих перед твердой согласной и на конце слова: во вражо(к) — 5, к той жо меже — 4, к перегородъ жо — 7, с Ъвановичомъ — 10а.

После других согласных таких написаний нет (ср.: березовый — 6, возме(т) 1 и др.), как нет их иногда и после шипящих (например: съчею — 6, по бо(л)шему — 2, селище — 3, Фомачево — 7).

В грамотах XVI в. наблюдаются, во-первых, те же написания — после шипящих и *ц* под ударением перед твердой согласной: межкою — 6, 31а, Гужово — 56, пошины ножовые — 20а, врага бо(л)шова — 1, бо(л)шой — 59, 90, деревнѧ Онтушово — 2, ни в чо(м) — 1, 8, по Колчово болото — 36, лещовы(х), деревнѧ Цюкотово — 2, за слепцо(м) — 4, се(л)цо(м) — 58, десети ловцо(м) — 45, истцовы(х) — 29, изцова — 83, дворцовой — 7, жеребцо(в) — 59, жеребцова — 100, словцо(в) — 65, деревнѧ Голубцово — 2; и на конце слова: се(л)цо — 6, 25, 27а, 31а, 6, 43, 52, 58, 95, 100.

После шипящих и *ц* перед твердыми согласными в безударном положении:

во вражо(к) — 9, снѧ Голанищова — 9, дрвнѧ Кнѧзищово — 4, снѧ Беклемишо(в) — 88, снѧ Спѧчова — 70, изгородищо(м) — 49, дрвнѧ Селиванцово — 43, по(д) Сивцово — 31а, село Сивцова — 12, дрвнѧ Михальцова — 37, снѧ Торопцову — 65, Суровцова — 70, Дани(л)цова — 89, бгомо(л)цо(в) — 100, старьцо(в) — 40, 93, старцо(м) — 8, 9 (дат. пад. мн. ч).

И на конце слова:

те(м) жо ручье(м) — 9, Булыгиной жо земли — 9, ис того жо ру(ч)ѧ — 9, к тое жо дрвни — 9, тою жо изгородю — 9, ей жо — 57, то вотчинка нашо — 40, за нашо село — 40, селищо — 11, 27, 32, игуме(н) Арсенищо — 100.

Это же и в грамотах XVII—XVIII вв.:

Муромцово, Ярцово, Стромильцово, Старцово — XVI, 76; Ново-си(л)цо(в) — XVII, 7; Новгородцо(в) — XVII, 24; Гараденьцовъ — XVIII, 84; Голенищо(в) — XVII, 3; старцо(м) — XVI, 76, 93а; старцо(в) — XVI, 23, 92а, 93а — XVII, 5; Иноземцовъ — XVII, 15; стояльцо(в) — XVII, 15; бгомо(л)цо(в) — XVII, 16; бгомо(л)цомъ — XVII, 27; сватцовъ — XVIII, 58; болотцо — XVIII, 38; дворцового — XVI, 76; дворцовымъ — XVI, 102; Скворцо(в) — XVI, 85; писцовы(х) — XVII, 10, 22; в Синцовъ дѧле — XVIII, 14; гребцов — XVII, 12; писцовъ — XVII, 15; в писцовой — XVII, 22; стре(л)цо(в) — XVII, 18; огурцовъ — XVII, 26; Жеребцова — XVIII, 41; с писцовыми — XVIII, 5; земцова — XVIII, 6; кузницовъ — XVIII, 33; отцовъ — XVIII, 33; купцо(в) — XVIII, 47; купцомъ — XVIII, 46; косцовъ, обрасцовъ — XVIII, 58; кнѧжой — XVI, 85; большова — XVI, 6, 102, — XVIII, 2; бо(л)шому — XVII, 29, — XVIII, 2, 18; бо(л)шое — XVI, 94; в бо(л)шомъ — XVIII, 16; ковшовъ — XVII, 29; в мешо(к) — XVII, 8;

меншова — XVIII, 2; меншому — XVIII, 2, 18; меньшей — XVIII, 18; меншого — XVIII, 5; Осташовъ — XVIII, 25; дьлчокъ — XVII, 5; в се(л)цо — XVIII, 12, 20; ещо — XVII, 6, 7 (шесть раз).

Рассматривая эти примеры, возможно предположить, что наличие изменения [е] в [о] в положении после шипящих и *ц* перед твердыми согласными и на конце слова находится как будто бы вне связи с ударением в слове. Подобное отсутствие зависимости изменения [е] в [о] от ударного слога известно в истории русского языка, и оно оставило свои следы в севернорусских говорах⁹¹.

Однако в акающих диалектах не сохранилось [о] из [е] в безударном положении, а оно изменилось в [а] или [е—и], в зависимости от типа безударного вокализма тех или иных говоров. Это можно наблюдать и в волоколамских грамотах, где все случаи, в которых отмечается изменение [е] в [о] в безударных слогах, падают на заударный закрытый или открытый слог. Нечеткость произношения заударных гласных в волоколамских говорах уже рассматривалась выше. Там приводились факты, подтверждающие то положение, что в заударных слогах возможно наблюдать написание различных букв, доказывающее нечеткость произношения звука. Можно добавить к ранее приведенным примерам еще такие:

старцо(м) и старца(м) — XVI, 88 (может быть, смешение склонений?); Дани(л)цова и Дани(л)цава — XVI, 89. Ср.: Щелкало(в) — Щолкаловъ — XVI, 99 — Щалкало(в) — XVI, 1а. Поэтому думается, что в положении без ударения [о], возникшее из [е] перед твердым согласным, не сохранялось в акающих волоколамских говорах, а переживало те же изменения, что и другие гласные неверхнего подъема в безударных слогах.

Вместе с тем случаи написания в словах *о* вместо *е*, где *о* в ударном слоге, могут иметь не фонетическое объяснение: они могут возникать под влиянием твердой разновидности склонения на мягкую; например, в дат. пад. ед. и мн. числа (как *десети ловцовъ*), в род. пад. множ. числа (как *жеребцовъ*)⁹², в суффиксе прилагательных *-ов*, *-ев*; или, например, в формах *межою*, *дьлчокъ* окончание *-ою* и суффикс *-ок*, конечно, не фонетического происхождения; или, наконец, *сельцо* — по аналогии с *село*.

От подобных написаний отличаются такие, как:

Ожоговьские — XV, 6; в Шошю — XVI, 6; о(т) Шоши — XVI, 1, 6; на Шоше — XVII, 2; по Шошю — XVI, 1; жонка — XVII, 8; о жонке — XVII, 14; Жохо(в) — XVI, 43; дошо(л) — XVI, 63; 30 решотъ — XVII, 29; шолковой — XVIII, 47; пруда черного — XVI, 6.

Эти последние примеры приводят к мысли о наличии изменения [е] в [о] в положении под ударением перед твердым согласным в волоколамских говорах уже с XV в. В этом можно убедиться еще более определенно, если обратиться к иному рода написаниям.

Как известно, написание *о* вместо *е* после шипящих и *ц* наблюдается в русских памятниках с давних времен в силу того, что шипящие и [ц] были исконно мягкими согласными⁹³. Поддержанное традицией, такое написание *о* вместо *е* как в ударном, так и в безударных слогах держалось долго в русской письменности; этим, возможно, и объяс-

⁹¹ См. А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. СПб., 1903, стр. 59.

⁹² Там же.

⁹³ Там же, стр. 61.

няется наличие *о* вместо *е* в безударном положении в памятниках акающих говоров.

И только позднее, после смягчения так называемых вторично-смягченных согласных, в памятниках появляются написания *о* вместо *е* и не после шипящих и *ц*. При этом подобные написания укреплялись с трудом да и не удержались из-за того, что писцы, употребляя *о* вместо *е* не после шипящих, сталкивались с трудностями изображения звука [о], возникающими из необходимости сочетать в одном начертании и [о] и предшествующую ему мягкость согласного. Отсутствие знака *ѣ* в древнерусском языке (до XVIII в.) и неумение писцов изобразить [о] через *іо* привели к откату их от обозначения мягкости согласного, предшествующего [о]⁹⁴. Так появились написания слов с *о* вместо *е* не после шипящих, в которых мягкость согласного не изображается. Такие написания мы находим в волоколамских грамотах XVI в.:

сто рубло(в) — 18; рубло(в) — 75; пѣ(т) рубло(в) — 13; Фодо(р) — 18; Фода(р) — 55; Фодоро(в) — 18; Нефодо(в)сково — 18; Семо(н) — 39; поперо(г) — 36; землюю — 88. Как видно, сюда примыкает иписание *потоголо* — 26, вместо *потегло* — 35 или *потягло* — 35.

Во всех этих примерах *о* вместо *е* выступает в ударном слоге. У подобного правила есть лишь одно исключение: с *келаро(м)* — 26; и один случай неясен: *воло(н) игуме(н)* — 18, при *воле(н) игуме(н)* — 19. Может быть, здесь ударение на конце: ср. *вольнѣ тебе, вольнѣ* — может быть, *вол'он*? Но во всяком случае представляется, что иписание *о* вместо *е* не после шипящих и *ц* отражает живое произношение волоколамских говоров XVI в. не только в плане констатации наличия изменения [е] в [о], но и в плане того, что такое изменение осуществляется в этих говорах и сохраняется в положении под ударением перед твердой согласной.

VI. Явления, связанные с изменением [и]

Можно отметить одно явление, связанное с изменением [и] — переход его в начале слова после предлога на твердый согласный в [ы]. Оно широко известно, и произношение типа [в-ызб'ѣ], [пад-ых] и т. п. является закономерным для современного русского языка.

Написание *ы* на месте *и* в начале слова после предлога на твердый в памятниках с достоверностью свидетельствует о произношении в подобном положении [ы] вместо [и]. Такие написания можно обнаружить в волоколамских грамотах — в XV в.:

с Ывано(м) — 6, с Ывановичомъ — 10а, из ыны(х) — 1;

в XVI в.:

с Ывано(м) — 41, с Ыною — 16, сыскати — 100, в ызустны(х) — 28, 37, 92, 93, в ыны(х) — 28, 37, 64 и др., в ыной — 97, о(т) ыны(х) — 90, о(т) Ыстри — 44;

в XVII в.:

с Ывано(м) — 2, перед ызбою — 9, в ыюль — 11, с ысакомъ — 7, о(б) ыны(х) — 90, в Ыосифовъ — 10;

в XVIII в.:

в ыюль — 11. Но: съ и(х) — XVI, 20а — если это не мена ѣ — ъ, то, может быть, смягчение [с] под влиянием [и]?

Интересно, что подобного явления не наблюдается после предлога *к*: *к игумену* — XVI, 46; *к ины(м)* — XVI, 67, 77.

⁹⁴ П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка. М., 1952, стр. 116.

После предлогов и союзов, оканчивающихся на гласный, изменения [и] в [ы] не наблюдается:
по Истре — XVI, 44; или изучена — XVI, 92; или иные — XVI, 92.

VII. Некоторые диалектные явления в области гласных

В волоколамских грамотах есть еще некоторые явления, которые связаны с изменениями гласных звуков и которые могут быть охарактеризованы как явления, свойственные живым волоколамским говорам.

1. Как известно, после падения редуцированных в начале слова могла оказаться группа согласных, состоящая из сонорного [р] или [л] + другой согласный. Трудность произношения этой группы вызвала развитие перед нею нового начального гласного звука. Так появились, например, диалектные формы *аржаной* (из *ржаной*), *ильняной* (из *льняной*).

О том, что такие формы были известны изучаемым говорам свидетельствуют отдельные написания в грамотах:

сѣ(в) аржаной, в мукѣ аржаной — XVII, 27; хлѣ(б) арженой — XVIII, 38. (ср.: хлѣ(б) ржаной — XVIII, 24).

2. Некоторые написания собственных имен в грамотах отражают их живое произношение. Об этом говорит, например, отпадение начального гласного в таких именах, как: *Катеринѣ* — XVIII, 18 (ср.: *Екатеринѣ* — здесь же); *по Настасее* — XVI, 67 (ср.: *по Анастасии* — здесь же). Это касается и имени *Александр*, которое в говорах может произноситься без начального [а]. Ср. в грамотах Волоколамска: *Олександра*, с *Олександровой* — XVI, 40, и здесь же — в *Лександровой*.

3. Отмечена форма *плѣтл(м)* — XVIII, 26, где замена ударного [а] звуком [о] свидетельствует о живом произношении этого слова. Причиной, вызвавшей подобную замену ударного гласного, является, как известно, аналогия, свойственная акающим говорам: как *нашѣ* — *носят*, *важѣ* — *вѣзят*, так и *плачѣ* — *плѣтят*⁹⁵.

4. Написание *топере* — XVII, 9, возможно, отражает живые диалектные нормы образования этого слова. Такое образование, с [о] вместо литературного [е], известно и во многих современных говорах.

5. В *робенокѣ* — XVII, 9, можно видеть также отражение живого диалектного образования этого слова с основной *роб-*, в отличие от современной литературной *реб-*. Это явление также известно в современных говорах⁹⁶.

6. Наконец, ряд написаний возможно считать доказательством наличия в волоколамских говорах древних полногласных форм, довольно быстро утраченных общерусским языком и замененных неполногласными. Речь идет о таких фактах грамот, как:

приказчи(в) соромотя(т) — XVI, 46; за *среднюю пласть* — XVI, 61; *земля середняя* — XVI, 100⁹⁷; *бе(з) веремя(н)* — XVI, 71.

Возможно, что эти написания свидетельствуют о действительном наличии подобных полногласных форм в живых изучаемых говорах в определенную эпоху.

⁹⁵ См. Н. Н. Дурново. Описание говора дер. Парфенки. Варшава, 1903, стр. 261.

⁹⁶ См. Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку, стр. 94.

⁹⁷ Произношение *средняя* (а не современное *средня*) держалось в языке, пожалуй, дольше, чем остальные из приведенных слов.

Б. ЯВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ СОГЛАСНЫХ

При анализе явлений в области согласных в волоколамских говорах XV—XVIII вв. надо остановиться как на ряде таких, которые свойственны большинству русских диалектов, так и на таких, которые характерны именно для волоколамских или во всяком случае для немногих говоров.

I. Качество согласных [ш] и [ж]

Как известно, история шипящих [ш] и [ж] в русском языке состоит в том, что они, являясь по происхождению мягкими согласными, в процессе развития языка подвергались отвердению и ныне как в русском литературном языке, так и в большинстве его говоров являются твердыми звуками. Отверждение шипящих [ш] и [ж] отмечается исследователями с XIV в.

Проследить по письменным памятникам историю отверждения шипящих — это значит рассмотреть написания сочетаний их с последующим гласным. При этом уже не раз указывалось, что основное значение в определении действительного отверждения шипящих в живом языке или говоре имеют написания [ш] и [ж] с последующим *ы* (*шы*, *жы*), т. е. написания, которых не было в прошлом в русском языке.

Какое же заключение можно вывести о истории шипящих [ш] и [ж] в волоколамских говорах с XV по XVIII вв., если анализировать написания *ш* и *ж*+гласная в грамотах?

В грамотах XV в. написаний *ш* с последующей гласной очень мало, причем из них нужно выключить написания *ш+е*, которые ничего не дают для решения вопроса о качестве [ш].

Написания *ш* с другими гласными предстают в таком виде — *ши*:

Ступишина — 8; Ступишины — 2; Огашино — 9; Мелешино — 9; Вькшино — 12; шедши — 6; ~~шд~~: у Бараша — 10; Шашипово — 3; ~~шд~~: пишу — 12; у шурина — 12; Шуйгинской — 12; ~~шд~~: нашъ — 8; Якушь — 14.

Как видно, примеры не только малочисленные, но и мало что говорящие.

В грамотах XVI в. картина несколько иная — *ши*:

наши — 1а, 3, 10, 20а, 46, 83; наши(м) — 20а; наши(х) — 44, 87, 101; Локънаши — 26; Лукноши — 25; Ступишина — 25, 30; Шилово — 4; от Шоши — 6; к большимъ — 31а, 32; пустоши — 28, 37, 56; бо(л)шие — 29, 49, 59; меньшие — 29, 59; рушити — 50; Рогушина — 54; *ша*: рушати — 10а, 43, 20а; Шалыгинска(г) — 53; Чернышава — 51; душагубства — 3; слуша(л) — 10а; пусташамъ — 26; душа — 33; лоша(л) — 29; ослушае(т) — 45; *шу*: душу — 39, 51, 74, 90; нашу — 32, 81; бо(л)шую — 65; Шу(л)гино — 30; Шутава — 81; шубу — 53. И наряду с этим — *шю*: по Шошю — 6; пишу — 33, 57; душю — 51; нашу — 66, 67.

Вместе с этим есть написания *шь* и *шь*:

нашь — 5, 98; и нашъ — 14; Шошьково — 41 (но это суффикс -ьк-); и только один раз — *шы*: бо(л)шые — 29.

Трудно, конечно, по этому одному примеру судить о твердости [ш] в волоколамских говорах XVI в., хотя он сам знаменателен тем, что встретился в той же грамоте, где это слово написано и с *ши*, что может быть расценено как столкновение традиционного написания и отражения живого произношения. Но если еще учесть указание А. А. Шахматова, что в древнерусской, как и в старославянской, письменности при обычных написаниях *ша*, *жа* и редких *ша*, *жа* всегда имеются

написания *шю*, *жю*⁹⁶, то при наличии в грамотах написаний *шу*, наряду с *шю*, при имеющихся колебаниях в написании *шь* -- *шьь*, в единении с написанием *бо(л)шые*, — можно с большей вероятностью говорить о твердости [ш] в волоколамских говорах уже в XVI в.

Если учесть процессы укрепления орфографических правил, то будет ясно, что для дальнейшего периода — XVII—XVIII вв. — отклонения от этих правил, хотя и встречающиеся редко, имеют большое значение для подтверждения положения о твердости [ш] в изучаемых говорах. Таковы написания:

пишы — XVII, 9; три души — XVIII, 28; а также с *шьь*: знаешь — XVII, 7; велишь — XVII, 7; 20 чашь — XVII, 29; душь — XVIII, 38; вась — XVII, 13, 23, — XVIII, 34, 48; нашь — XVIII, 7, 9, 38; пустошь — XVIII, 38 (ср.: даешь — XVII, 9; чашь — XVII, 29; вась — XVII, 12; пустошь — XVIII, 22, 38).

Неслучайным кажется и сокращение в XVII в. написаний *шю*: по Шешю — XVI, 6; и здесь же — в Шошу; Лашю(к) — XVI, 85а и Лашу(к) — XVI, 85; и: шумъль — XVII, 18; пошумели — XVII, 9; по душу — XVII, 11; юпишу — XVII, 9; прошу — XVII, 12; бо(л)шую — XVII, 12 — и полное их исчезновение в грамотах XVIII в.

Что касается написаний *ж*+гласная, то в грамотах XV в. вновь наблюдается та же картина малочисленности и малоубедительности примеров.

Ср. *жи*: жити — 1, живали — 1, старож(л)це(в) — 1, о(т) межи — 4, 6, 7, промежи — 2, 7, прилож(л) — 8, 11; *жа*: рубежа — 6, пожалова(л) — 1, 15; *жу*: рубежу — 6, 7, сужу — 1, на между — 5, 6, 7.

Некоторый интерес вызывает полное отсутствие написания *жь* при наличии *жьь*: рыжьь — 4 и рожьь — 10.

Факт отсутствия написания *жю* и *жь* заслуживает внимания, хотя то обстоятельство, что не встречено и написаний с *жы*, затрудняет возможность утверждения твердости [ж] в говорах. Впрочем, любой вывод труден из-за недостаточности материалов.

Только грамоты XVI в. помогают увереннее решить вопрос об отвердении [ж]. В них отмечаются написания — *жи*:

жити — 1, 3, 43, живота — 6, 15, 24, 33, 35а, с межи — 6, невъжи(н) — 9, продажи — 3, 83, межи — 25, 51, прилож(л) — 16, 25, 36, 53, 73, 74 и др., положи(т) — 40, 90, житнице(х) — 33, служили — 33, с отъхожими — 41, 95, ржи — 27а, 56, жито — 27а, лежи(т) — 53, живущи(х) — 100; *жа*: държа(т) — 6, заложана — 21, ужато — 2, мужа — 7, 15, 18, жалова(л) — 5, ржаную — 7, 71, жалования — 33, 40, нарежаютъ — 1а, 46, 83, пригожа — 40, рубежа — 49, невъжа — 43, сеножати — 89, по межа(м) — 91; и наряду с этим с *жа*: княжа — 59, вылъжа(т) — 87; *жу*: промъжу — 1, сужу — 1, 3, Жукова — 33, 35, 35а, на между — 9, Мижуева — 41, прикажу(т) — 30, 43, кожу(х) — 30, платежу — 52, 61, 81, нарежу — 91; и наряду — *жю*: кожу(х) — 20б, Жюкова — 35, сужю — 1а, 29, между — 29, прикажу(т) — 43, платежу — 56, 66.

Наконец, распространено и написание *жы*:

прилож(л) — 5, 16, ржи — 2, 27, 71, жывоть — 29, нужи — 55.

Следует отметить и тот факт, что написание *жь* встречается лишь тогда, когда *ь* входит в состав суффикса; вне этого условия после *ж* пишется *ъ* или редуцированный знак опускается:

дорожько — 31а, денежная — 70; и: рыжьь — 70, ро(ж) — 35а.

Как кажется, нет сомнения в том, что шипящий [ж] в волоколамских говорах XVI в. был твердым согласным; об этом свидетельствуют

⁹⁶ А. А. Шахматов. Исследование о языке Новгородских грамот, стр. 138.

написания с *ы* после *ж*. Что касается отступлений, выражающихся в наличии после *ж* букв *и* и *ь*, то их следует отнести на счет традиции письменности.

Ср. в грамотах XVII—XVIII вв.:

жыву(т) — XVII, 9; служителю — XVIII, 54; а также — рыжь — XVIII, 25; в платежь — XVIII, 54; те жь — XVIII, 28; тако жь — XVIII, 54.

II. Качество звуков [ц] и [ч]

Для решения вопроса о твердости или мягкости [ц] в волоколамских говорах XV—XVI вв., надо привлечь также написания слов с *ц* + гласная.

В грамотах XV в. находим — *ца*:

трида(т) — 5, 12, отца — 8, 11, се(л)ца — 3, 6, по(д) чернцами — 12; *ци*: Синицино — 6, намѣстници — 1, старци — 14, бгородици — 8; *цу*: сельцу — 6, старцу — 3.

Интерес вызывают написания *ць* и *ць*:

старець — 3, по концець — 13, чернець — 11; и: отець — 12, чернець — 10а.

Отсутствие написаний слов с *цы* почти снимает предположение о твердости [ц] в говорах в конце XV в., хотя кое-какие намеки на это можно было бы обнаружить.

В грамотах XVI в. положительное решение вопроса намечается определенно. В них обнаруживаются следующие написания — *ца*:

синица — 6, к вародцамь — 6, се(л)ца — 6, 9, 25, 27а, 35а, 54, 55, 100; болотца — 9, отца — 5, 33, 50, 56, 81, 95, овцами — 71, у старца — 7, 20а, 101, дватцати — 43, тритцать — 7, 65, 69, дшегубьца — 10а, о(т) куста — 49, и др.; и только один раз *ца* — се(л)ца — 34; *ци*: черньци — 21, 28, бгородици — 21, 27, 35, 41, 54, 55, 64, 66, 98; намѣстници — 4, 10, 43, сотници — 2, старци — 31а, 53, 55, иногородци — 30, землици — 48, овци — 57, бровьцина — 55; *цу*: се(л)цу — 6, 26, 27, землицу — 32, 48, 51, старцу — 2, 7, по серцу — 91, отцу — 95; и два раза — *цю*: полусе(л)цю — 34, к се(л)цю — 58.

Здесь же широко распространено написание *ць*:

намѣстници — 1, 3, 10а, 24, 30, 43, 83, жеребцы — 29, 59, бгцы — 6, 15, 27, 35а, 56, 64, 74, пи(с)цы — 36, пугвицы — 29, 59, иногородцы — 29, беллници(н) — 43, в черници — 71, старцы — 54, пшеницы — 71, бгомо(л)цы — 100, оцыцати — 88, черньцы — 25.

Можно указать также на написания *ць* и *ць*: сотниць — 2, овець — 2, отець — 17, 81, 98; и: чернець — 11, 12, старець — 58, 60 (и: старе(ц) — 60, чюдотворе(ц) — 98, 100), отець — 57; и перед суффиксом *-ык*: сотцьким, дес(л)цьки(м) — 3.

Из приведенных примеров достаточно явствует, что в них преобладают написания с гласными буквами *а*, *у*, *ы*, причем последнее, написание *цы*, и является показателем того, что [ц] в волоколамских говорах в XVI в. было уже твердым.

Это находит себе подтверждение в грамотах XVII—XVIII вв., где написания слов с *цы* явно преобладают над написаниями с *ци*:

Костицыно — XVI, 76; Илицыну — XVI, 76; овцы — XVI, 57, — XVIII, 56; старцы — XVI, 13; чернцы — XVII, 6; пшеницы — XVII, 7; уроженцы — XVII, 10; по(д)стре(л)цы — XVII, 11; о(т)бе(з)кормицы — XVII, 12; бгомо(л)цы — XVIII, 5; правинцы(л)ной — XVIII, 31, писцы — XVII, 22, Вазницы(н) — XVII, 25; цыновакь — XVII, 29; ме(л)ници — XVIII, 5; куз-

ницы — XVIII, 33; резалюды — XVIII, 35; житницы — XVIII, 28; инструкции — XVIII, 38; птицы — XVII, 55; лицы — XVIII, 54; курицы — XVIII, 56; дыновки, скотницы, руковицы — XVIII, 38, 57, 58; и очень редко: по резолюции — XVIII, 36; инструкции — XVIII, 38. Ср. также написания слов с *цъ* и *ць*: старецъ — XVI, 69, — XVII, 8, 18, 30; бгомolecъ — XVII, 28, — XVIII, 1; купецъ — XVIII, 42; отецъ — XVI, 69, 92а, — XVII, 27, — XVIII, 9, 16, 30; ме(л)ницъ — XVIII, 5; кузнецъ — XVIII, 28, 43; кузницъ — XVIII, 33; уроженецъ — XVIII, 56; и: отецъ — XVI, 82, — XVII, 23; старецъ — XVI, 102; самодержецъ — XVIII, 16; бгомolecъ — XVIII, 14.

Что касается звука [ч], то в волоколамских грамотах можно найти достаточное количество примеров для того, чтобы решить вопрос о его качестве в изучаемых говорах в прошлые эпохи. Правда, если обратиться к написаниям согласной *ч* с последующими гласными, то можно увидеть различные и не всегда объединяемые сразу в одно целое факты.

Так, согласная *ч* может выступать с последующим *а*, т. е. в традиционном, ничего не доказывающем написании *ча*:

в XV в. — сообча — 12, печать — 7, 14, писча — 1, Елчаниновы(х) — 13; но и вместе с тем — чл: изобчл — 12, запечаталь — 7, Иковличл — 10.

То же самое и с *чу* — *чю*:

купчую — 3 и купчюю — 11, кучю(к) — 14, братаничю — 8.

Совершенно отсутствует написание *чы*, есть только *чи*:

паточиною — 6, починокъ — 8, пречистой — 11.

Несколько иная картина в грамотах XVI в. Здесь, во-первых, наблюдается то же, что и в XV в. — *ча*:

Ивановича — 3, 59, обычаю — 24, печать — 15, 17, купчал — 40, 55, убытча(т) — 46, печали — 55, Ондрѣвича — 65, и др.; и чл: чаша — 36, печл(т) — 36, части — 33, Ивановичл — 59, 81, Ондрѣвичл — 83, Молчлна — 81, Елчанинова — 89, и др.; чу: Чубаро(в) — 24, купъчую — 37, купъчюю — 70, 80; и чю: Чубаро(в) — 24, купчюю — 21, 56, 64, 77, купъчюю — 55, Оплечюева — 35, в жемчюги — 33, начюю(т) — 29, 30, Ондреевичю — 80, хочю — 71, дачю — 89, 100; чи: праведчики — 1, давотчики — 1, 11, купчину — 20а, 101, отчине — 3, 41, 55, ловчие — 10, вотчину — 7, 31а, 100, мытчики — 206, г, в паточину — 16, 49, 53, очѣшати — 31а, 34, 37, и др., приказчику — 41, 46, подледчики — 1а, починки — 43, 92, учинити — 59, 98, щучины — 65, и др.; чь: щучь(х) — 65, опричь — 65, Петровичь — 80, Семѣновичь — 73.

Все эти примеры, конечно, могут говорить лишь о мягкости звука [ч] в волоколамских говорах XVI в. Но есть написания *чы* и *чь*, хотя и одиночные:

Сверчыко(в) — 21, Ивановичь — 7.

Последний пример, может быть, описка. Написание же *чы* могло возникнуть по ассоциации написания *ы* после шипящих и *ц*.

Это же в грамотах XVII—XVIII вв. — при многочисленных написаниях *чи* и *чь*:

отчину — XVI, 67а, 99; Починковъ — XVI, 76, 92а, очишати — XVI, 85а, 93а, дачи — XVI, 85а, челобитчи(к)о(в) — XVII, 6, и мн. др.; и: Ерополчь — XVI, 76, Михайловичь — XVII, 4, Федоровичь — XVII, 4, кирпичь — XVII, 11, беречь — XVII, 21, тысячь, свечь — XVIII, 29; ночь — XVIII, 28, и др. — встречается — чысло — XVIII, 54, Екимовичь — XVIII, 34.

Таким образом, судя по материалам грамот, можно быть более уверенным в том, что [ч] в истории волоколамских говоров сохраняло свою

мягкость, чем в том, что оно переживало отвердение. Хотя вместе с тем возможно предположение: [ч] могло быть в части изучаемых говоров твердым; но если это явление и было, то оно могло возникнуть, вероятно, лишь под каким-то иным диалектным влиянием.

III. Вопрос о долгих шипящих [ш̄] и [ж̄]

Когда рассматривается вопрос о долгих шипящих — [ш̄] и [ж̄], то здесь прежде всего встает необходимость выяснить, в каком положении они могут наблюдаться, на месте каких сочетаний согласных могут возникнуть [ш̄] и [ж̄]. Решить этот вопрос по памятникам письменности легче для [ш̄], так как для его обозначения существует особая буква *щ*, или позднее *щ*; такой особой буквы для [ж̄] нет, и поэтому подчас трудно определить, произошло ли на месте какого-либо сочетания [ж̄] или это сочетание оставалось без изменения.

Грамоты Волоколамска XVI в. показывают, что [ш̄] могло появляться в корнях или суффиксах слов, но не на стыке разных частей слова:

о(т) селища — XV, 6; отпускаю — XV, 8; деревня Свинища — XVI, 2; прудища XVI, 2; щу(к) — XVI, 65; в будуще(м) — XVI, 6; припуще(н) — XVI, 92а; товарищи — XVI, 99, 102, — XVIII, 11; займища — XVI, 8; извъща(л) — XVII, 18, — XVIII, 7; Пиминища — XVII, 7; еще — XVII, 6, 7; обнищали — XVII, 10; нещадно — XVII, 12; клещи — XVII, 29; и др.

Однако *щ* могло писаться и на месте сочетания *эч*, где *ч* входило в состав суффикса *-чик*:

приказчеки — XVI, 46 — и отсюда: на прикашике — XVI, 1, 10, 43; прикаши(к) — XVI, 57, 58, — XVIII, 12, 19, 26; прикашику — XVII, 8; у прикашико(в) — XVIII, 12, 25, 39; в закашикахъ — XVIII, 7; извошику — XVIII, 58.

Или промежуточные написания через *эщ*:

приказшико(в) — XVI, 1 (или даже — приказшико(в) — XVI, 1); приказши(к) — XVI, 1а, 3, 57, 58; на приказшике — XVI, 43; приказшики — XVI, 41, 57а, 59, — XVIII, 7; приказшику — XVI, 29, — XVIII, 7, 10 и др.

Буква *щ* могла писаться и на месте сочетания *сч*, где *с* и *ч* принадлежат разным частям слова:

щету для — XVI, 65; помъщики — XVI, 2; пищей бумаги — XVIII, 58; щитаи — XVIII, 54.

Что же касается [ж̄], то написание *жж* появляется на месте сочетания *эж*, причем подобные факты очень редки. Ср.:

(в)въжжю — XVI, 1, 43, 46; с проъжай — XVI, 20б; ро(э)въжжю — XVI, 39; приезжи(х) — XVI, 29; въъжжати — XVI, 46; и: ро(э)въжжю — XVI, 64; ни (в)въжжжю(т) — XVI, 7; ни въежжжю(т) — XVI, 30; приезжи(х) — XVI, 30; и один раз — въвъжжжю(т) — XVI, 1.

Лишь в одной грамоте отмечено написание *жж* в слове *дождь*: *дожди*, *дожда* — XVII, 27.

Таким образом, условия написания букв, соответствующих современным [ш̄] и [ж̄], выяснены полностью; но есть и другая сторона этого вопроса — качество долгих шипящих звуков — были ли они твердыми или мягкими.

В решении этой проблемы может помочь рассмотрение написаний *щ* и *эж* — *жж* с последующими гласными буквами.

Среди написаний слов с *щ*+гласная можно отметить *ща*:

в XVII—XVIII вв. — займища — XVI, 8; извъща(л) — XVIII, 18, — XVII, 1, 7; Пиминища — XVII, 7; обнищали — XVII, 10; нещадно — XVII, 12; и щл: в XVI в. — оыщати — 88; щу: в XV в. — к селищу — 3; ищ(т) — 12; в XVI в. — к бесѣдищу — 31а, щучи(х) — 65; щу(к) — 65; и щю: в XVI в. — к бесѣдищу — 31б, щючину — 65, щю(к) — 65.

Кроме того, наряду с широко распространенным написанием *щи*, в грамотах XVI в. находим и *щы*:

с товарищы — 100.

А также в тех же грамотах наряду с *щъ*:

из селищъ — 27а, тысщъ — 45, лещъ — 65, — есть и *щъ*: селищъ — 27, за лещъ — 65.

Как видно из примеров, написания с *ы* и *ѣ* встречаются там, где *щ* не является на месте каких-либо сочетаний (как *зч*, *сч*).

Вместе с тем в грамотах XVI—XVIII вв. можно обнаружить ряд случаев взаимной мены букв *ш* и *щ*. Так, с одной стороны, встречаются написания слов с *ш* вместо *щ*, где *щ* не на месте сочетаний *зч*, *сч*:

в будуще(м) — XVI, 6; немошно — XVII, 7; отпуше(н) — XVII, 8; прошають — XVII, 8; наборщикъ — XVII, 10; каменщика — XVII, 20;

а с другой — с *щ* вместо *ш*:

слуща(л) — XVI, 1а; выслуща(в) — XVI, 1а; прищли — XVII, 8; отпищу(т) — XVII, 9; спища(т) — XVII, 21; сщи(п) — XVIII, 49; сщибе(н) — XVIII, 9.

А. И. Соболевский писал: „Взаимная мена *ш* и *щ* (в подобных примерах — В. И.) ясно указывает на произношение писцами памятников *щ* как двойного или одиночного *ш*“⁹³. Опираясь на это положение, а также имея в виду написания *щ* с последующими *ы* и *ѣ*, можно предполагать, что в волоколамских говорах в изучаемый период [ш̄] произносилось как твердое долгое или одиночное [ш]. Но в суффиксах, где [ш̄] = [сч], [зч], оно могло быть и мягким.

Произношение *щ* как [ш̄], как кажется, подтверждается и написанием *ошьшекатурень* — XVIII, 52 (ср.: *штукатурныхъ* — XVIII, 58).

В отношении [ж̄] в грамотах отмечаются такие написания:

с *а* — ни (в)ѣжжаю(т) — XVI, 7; ни вѣжжаю(т) — XVI, 30; ни вѣжжаю(т) — XVI, 1; дожжа — XVII, 27; с *у* — ро(з)ѣжжую — XVI, 39; с *ю* — ро(з)ѣжжую — XV, 64; с *и* — приежжи(х) — XVI, 30; дожжи — XVIII, 27.

Наконец, может писаться только одно *ж*, как и в случаях с [ш̄]:

(в)ѣжаю(т) — XVI, 3; ро(з)ѣжей — XVI, 3б; ни (в)ежаю(т) — XVI, 83.

То, что сочетания [жж], [жд] (в *дождь*) произносились как [ж̄], видно очень отчетливо по написаниям слов через *жж*. Но произносился ли звук [ж̄] мягко или твердо — решить трудно.

Возможно, что и произношение [ж̄] было колеблющимся: оно могло произноситься и как твердый, и как мягкий согласный звук. Но более точно определить зависимость твердости и мягкости [жж], если она была, от определенных условий, к сожалению, не удастся.

IV. Явления, связанные с [к], [г]

Как известно, начиная с XII—XIII вв. в русском языке шел процесс изменения сочетаний [кы], [гы], [хы] в сочетания [к'и], [г'и], [х'и], в результате которого появились мягкие звуки [к'], [г'], [х'].

⁹³ А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, стр. 137.

Процесс изменения этих сочетаний ярко отразился в памятниках, причем сила традиции обусловила сосуществование долгое время в письменности написаний *кы, ыы, хы* наряду с *ки, ги, хи*. Оно может быть отмечено и в волоколамских грамотах XV—XVIII вв., но наличие в них написаний слов с *ки, ги, хи*, начиная с XVI в., и полное отсутствие написаний с *кы, ыы, хы* в XVIII в., с достоверностью свидетельствуют, что в изучаемый период в волоколамских говорах изменение этих сочетаний уже произошло и [к'], [г'], [х'] установились (ср. некоторые написания XVI в.:

скирдъ — 2, 27а, слоботки — 87, списки — 100, сметки — 65, всакие — 10а, 29, 30, 43, накине(т) — 3, 83, слуги — 14, Булыгиной — 9, другиа — 35а, с сохи — 3, 30, 83, сухие — 65, понахида — 69, и мн. др.).

Но кроме этого, в грамотах XVI в. отмечаются еще некоторые написания, свидетельствующие о иных явлениях, стоящих в связи с [к'], [г']. Речь идет, во-первых, о пропуске *г* в некоторых словах. Это наблюдается в начале собственных имен:

по Еронтее — XVI, 35 (ср.: по Геронтие — XVI, 58); Ермань — XVI, 71 (ср.: Германь — XVI, 71); и в середине одного слова: кнлине — XVI, 97; кнлиню — XVI, 100.

Возможно думать, что все это связано с произношением вместо [г'] — [j], что известно в современных южновеликорусских говорах. Правда, это явление ставится в связь с [γ], а не с [г] в заимствованных словах, т. е. [j] может появляться на месте [γ'], а не [г']¹⁰⁰. Но пока не ясен вопрос о качестве [г] в волоколамских говорах изучаемого периода, нельзя окончательно решить, имеем ли мы здесь дело с фонетическим явлением.

Что же касается заимствованных слов, то в них, как и в указанных именах собственных, [j] может появляться и на месте [г'] взрывного¹⁰¹.

Во-вторых, отмечено написание *ка*:

Ва(с)ка — XVI, 73, 78; Нико(л)скаа — XVI, 31а.

К сожалению, это единичные примеры, по которым едва ли можно решительно утверждать ассимилятивное смягчение [к] под влиянием [с'].

V. Качество фонемы [г]

Русским говорам свойственно два типа [г]: в северновеликорусских говорах [г] имеет взрывное образование, в южновеликорусских — фрикативное. Как известно, средневеликорусские говоры знают [г] взрывное. Но то, что можно услышать в современных говорах, очень трудно установить по памятникам письменности. В грамотах есть только один знак — *г*, написание которого ничего не говорит о качестве соответствующего звука. Есть, кажется, только один путь для того, чтобы как-то установить характер [г] в волоколамских говорах XV—XVIII вв. — проследить отражение процессов оглушения [г]: как известно, в принципе [г] взрывное имеет парный глухой звук [к], а [γ] фрикативное — [х]. Однако в изучаемых грамотах для решения вопроса о качестве [г] есть очень и очень мало данных.

В грамотах XV—XVI вв. нет ни одного примера на оглушение [г] в [к], хотя, как видно, какие-то ассоциации, связанные с соотноше-

¹⁰⁰ Ср. приводимое Р. И. Аванесовым произношение *паибла, княиня*, отмеченное Ю. В. Петровской в Рязанской губ. (Р. И. Аванесов. О качестве заднебной фрикативной согласной перед гласными переднего ряда в русском языке. — Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, вып. 2. М., 1952. стр. 40).

¹⁰¹ См. Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, ч. 1, стр. 163.

нием [г — к] у писца были, о чем свидетельствуют некоторые написания, отражающие озвончение [к] перед звонкими в [г]: кѣ десѧ(ц)ки(м) — XVI, 30; к деревнѧ(м) — XVI, 25; и: г десѧ(ц)кимъ — XVI, 1; г деревнѧ(м) — XVI, 9.

Но эти факты ничего не могут сказать о качестве самого звука [г], так как озвончение [к] в [г] может быть как в говорах с [г] взрывным, так и в говорах с [γ] фрикативным¹⁰².

Поэтому, как кажется, приобретают большое значение для определения качества [г] написания слов, где вместо *г* в положении конца слова появляется *х*. Это отмечено два раза: в грамоте XV в. — *монастырски(х) слу(х)* — 2; и в грамоте XVI в. — *дене(х)* — 95.

Возникшая ассоциация *г — х* влияет на то, что написание *х* вместо *г* появляется и в положении, где оглушения не было: *с лухо(м)* — XVI, 51 (= *с лугом*), *ухо(д)и* — XVI, 24 (= *угодьи*).

Подобные написания наталкивают на мысль, что [γ] фрикативное было известно в волоколамских говорах, но остается неясным, в силу очень ограниченного количества примеров, было ли оно распространено повсеместно, или лишь в части говоров, тогда как другая часть знала взрывное образование [г].

Возможно предполагать, что те говоры Волоколамска, которые знали [γ], могли иметь и произношение его как [j], о чем речь шла выше.

Но все это спорные положения. Определенно можно утверждать лишь одно: волоколамским говорам в XVI в. не было чуждо [γ], хотя [г] могло не только сосуществовать, но и быть широко распространенным. Если обратиться к грамотам XVII—XVIII вв., то в них возможно найти подтверждение этому положению. Правда, и здесь отмечается лишь очень скудное количество примеров, которые могут подтвердить сделанные выводы о характере звука [г]. Это, с одной стороны, факты оглушения [г] в [х], что может указывать на фрикативный характер [г]: *дене(х)* — XVII, 8. А с другой — один случай оглушения [г] в [к]: *с нокъ* — XVIII, 49 (ср. также *округи — округи* — XVIII, 54 — описка?).

Если учесть, что вопрос о качестве звука [г] решается лишь на основе того, какой парный глухой звук выступает на конце слова на месте [г], то необходимо обратить внимание и на другую сторону этого вопроса. Как известно, соотношение [г:к] и [γ:х] не всегда существует в современных говорах. Так, в некоторых северновеликорусских и средневеликорусских говорах при [г] взрывном в сильном положении на конце слова может являться [х]; и наоборот, в других средневеликорусских говорах, хотя и реже, — при [γ] — на конце слова — [к]¹⁰³.

Сопоставляя данные грамот XV—XVI вв. и XVII—XVIII вв. возможно сделать некоторые предположения об истории [г] в волоколамских говорах.

Предвосхищая основные выводы, можно сказать, что волоколамские говоры, ныне средневеликорусские, сложились первоначально, вероятно, как говоры с северновеликорусской основой, и поэтому исконным для них могло быть взрывное образование [г], которое в ту эпоху оглушалось в [к]. С усвоением южновеликорусских черт, с превращением волоколамских говоров в средневеликорусские, они, или часть их, усваивает [γ], оглушающееся в [х].

¹⁰² См. Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, ч. 1, стр. 148.

¹⁰³ Там же, стр. 142, 143.

Но это последнее явление не могло иметь больших возможностей для развития в волоколамских диалектах с усилением влияния на них норм развивающегося в XVII—XVIII вв. московского говора, которому было свойственно взрывное образование [г].

Поэтому можно думать, что, будучи процессом прогрессирующим в XVI в., усвоение [γ] под влиянием южновеликорусских говоров в волоколамских говорах к XVIII в. перестало иметь такой характер; и [γ] в части говоров, усвоенное ранее, могло держаться лишь до поры до времени, — до тех пор, пока оно снова не было вытеснено [г] под влиянием Москвы.

Итак, в XVIII в. в волоколамских говорах [г] имело взрывное образование и оглушалось на конце слов в [к]. Оставшееся с более раннего периода в части волоколамских говоров [γ], оглушающееся в [х], было явлением умирающим, исчезающим; оно постепенно должно было вытесняться [г].

Впрочем, возможно, что упрочение [г] взрывного в волоколамских говорах в XVII—XVIII вв. шло таким путем, что оно укреплялось сначала в сильном положении, тогда как на конце слова продолжало звучать [х]. Такое соотношение [г:х] могло иметь место в изучаемых говорах некоторый период времени, лишь позднее сменившись соотношением [г:к], существующим в современных говорах Волоколамска.

VI. Губные согласные на конце слов

Как известно, в ряде северновеликорусских говоров губные согласные на конце слов не различаются по твердости-мягкости, и в этом положении произносятся только твердые губные.

Анализируя волоколамские грамоты, можно обнаружить в XVII—XVIII вв. ряд таких написаний, которые позволяют предполагать наличие твердых губных на конце слов в изучаемых говорах. Речь идет о написании буквы ъ вместо ь после конечного губного. Так, наряду с этимологическим написанием ъ в словах:

семь — XVI, 76; носимь — XVIII, 14, 54; церковь — XVI, 68, — XVII, 29, — XVIII, 28, 57; — есть также написания: семь — XVI, 13, 57а, 76, — XVIII, 2, 37, 38; восимь — XVIII, 38, 54; церковь — XVII, 11, 22, — XVIII, 57.

Если иметь в виду укрепление принципов орфографии, а также то, что большинство написаний слов с ъ в рассматриваемом положении падает на XVIII в., когда употребление ъ и ь выдерживалось правильно, то можно думать, что в написаниях слов с губным + ъ на конце может действительно отражаться диалектное произношение твердых губных в конце слов в изучаемых говорах. Но вместе с тем трудно, конечно, утверждать как повсеместное распространение такого произношения во всех волоколамских говорах, так и отвердение всех мягких губных на конце слов.

VII. Озвончение и оглушение согласных

Обширный ряд написаний в изучаемых грамотах позволяет утверждать, что волоколамским говорам XV—XVIII вв., как и большинству говоров русского языка, было свойственно озвончение глухих согласных перед звонкими и оглушение звонких перед глухими и на конце слова.

Процессе озвончения глухих широко отмечается в грамотах в виде их изменения перед звонкими, что выразилось в замене соответствующих букв.

Сюда относятся написания, отражающие процессы озвончения таких звуков, как:

[с] в [з] — з братьею — XV, 8, 15, — XVI, 1, 7, 20а и др. — XVII, 4, 11, 15 и др. — XVIII, 38; з болоты — XVI, 23, 26, 31а и др.; з брато(м) — XVII, 10, — XVIII 4, 10, 38; з Борисо(м) — XVII, 9; з брюхо(м) — XVIII, 25; зь болвана — XVIII, 47; збруей — XVII, 29; зборы — XVIII, 40, 21; з дороги — XVI, 49; з дорожки — XVI, 16; з две — XVII, 7; зделай — XVII, 8; з дворо(м) — XVIII, 4; з дватцати — XVII, 21; з дву(х) — XVII, 29; з души — XVIII, 37; здаточное, здовать — XVIII, 4; з женами — XVII, 15; з жемчюги — XVI, 28, 33; з записными — XVIII, 1; зжегъ — XVIII, 28; и мн. др.

И более сложный процесс — через упрощение группы согласных: шездесять — XVIII, 38, 41, 54, 56 (шестьдесят → шездесят → шездесят).

Этот процесс нашел себе и косвенное отражение: отмечается написание з на месте такого [с], которое не должно было озвончаться:

з перегороды — XV, 6; з межи — XV, 6; з Семеновою — XV, 2; з возо(в) — XVI, 20а; изкати — XVI, 83; издова — XVI, 83; з хлѣбо(м) — XVI, 97, 100.

[т] в [д] — для молодбы — XVII, 20; оддана — XVIII, 23; оддаче — XVIII, 29; пиддесять — XVIII, 38; в тадбѣ — XVI, 1, 83; и даже: правосудствию — XVIII, 35; подчивай — XVII, 8; продчими — XVIII, 15; водчину — XVI, 70, 79.

Одновременно отмечены написания, в которых отражены процессы оглушения звонких согласных;

[з] в [с] — ис тѣ(х) — XV, 4, 12, — XVI, 22; и(с) старины — XV, 4, — XVI, 17; ис тоѣ — XVI, 11, 26; ис показанной — XVIII, 31; истари — XVI, 78; ис камѣлавки — XVIII, 47; ис патриарша — XVII, 18; ис хлѣбни — XVII, 21; ис повсѣднего — XVI, 61; ис коего — XVIII, 46; ис которой — XVIII, 47; свѣсками — XVI, 99; вести — XVI, 10, 46, — XVII, 9; привестъ — XVII, 27; блиско — XVII, 9; скаску, в скаске — XVIII, 8; скаски — XVIII, 2; обрасцовъ — XVIII, 58; за нареску — XVIII, 58; повоска — XVIII, 58; ро(с)ходомъ — XVI, 20а; и мн. др.; и: при-вось — XVIII, 58. Ср.: чере(с) болото — XV, 6; чере(с) весь — XV, 15 — XVI, 45.

Это явление часто наблюдается в середине слова *Русский*, где происходит не только оглушение [з], но и утрата долготы [с]:

В Ру(с)ко(м) — уѣзде — XV, 11, — XVI, 22, 24 и др. Ср.: с Ру(з)ски(м) — XVI, 36; в Ру(з)ско(м) — XVII, 43, 81.

Это находит свое отражение и в обратных явлениях:

в Ру(з)ско(м) — XVI, 56; ср.: Ро(з)сто(в)ской — XVI, 97; прика(з)щи(к) — XVI, 1.

[д] в [т] — Медвѣткову — XVI, 1; слоботки — XVI, 1; довотчики — XVI, 1, 3, 11, 30, 83; праветчики — XVI, 30, 83; иногоротци — XVI, 30; дватцать — XVI, 76, — XVII, 22, — XVIII, 38 и др.; шеснатцеть — XVI, 76, 102а, — XVIII, 56; четырнатца(т) — XVII, 11; тритцать — XVI, 57а, — XVII, 22, — XVIII, 35 и др.; двенатце(т) — XVI, 57а, — XVIII, 32, 56; потписа(л) — XVI, 22; заклатчи(к)о(м) — XVII, 5; бутто — XVII, 6; 9, 28, — XVIII, 47; с воткою — XVIII, 47; нарѣтчику — XVIII, 25; и мн. др.; и: ве(т) — XVII, 9; похоть — XVIII, 34.

[ж] в [ш] — иза врашка — XVI, 6; дарошкаю — XVI, 6; слушка — XVII, 8; 12; в бумашкѣ — XVII, 8; Торшку — XVIII, 31; тѣшко — XVIII, 45; крушки, пришками — XVIII, 58.

[б] в [п] — о(т) падупка — XVI, 9; Степа(н) Короп — XVI, 21; Рѣпчикова — XVI, 40; кто пѣ — XVIII, 34; шипѣ — XVIII, 49.

[в] в [ф] — ф котора(м) — XVI, 96; во фторо(м) — XVI, 100; ждафѣ — XVIII, 47; Ефсеѣва — XVIII, 29.

Все эти процессы являются живыми для подавляющего большинства говоров русского языка.

VIII. Упрощение групп согласных

Литературному русскому языку и говорам свойственно явление упрощения групп согласных. При наличии в памятниках прошлого написаний, в которых представлено подобное упрощение, можно без всяких колебаний говорить о проникновении в письменность живого произношения. Так, в Волоколамских грамотах достаточно широко представлено явление упрощения следующих групп согласных:

стн: волосной — XVI, 1; намѣснико(м) — XVI, 20, 83; намесницы — XVI, 83; су(д) смесной — XVI, 83; в визусны(х) — XVI, 92, 95; изуснал — XVI, 92; шеснацать — XVI, 76; Посникова — XVII, 14; крепосны(х) — XVIII, 38;

здн: По(з)нако(в) — XVI, 73; позна — XVIII, 8; по праздника(м) — XVI, 29, 30;

рдц: на серцѣ — XVI, 40; по серцу — XVI, 91;

нст: Костентино(в) — XVI, 26; Костанти(н) — XVI, 65, 93, — XVII, 13, — XVIII, 7;

вст: здраствовать — XVIII, 84;

стк: извѣски — XVIII, 58;

стц: на кресцѣ — XVII, 4; исце(в) — XVIII, 2;

лнц: сонца — XVIII, 45;

стл: высланѣ, по высланіи — XVIII, 57 (от *стлатъ*).

К подобному явлению упрощения и передачи живого произношения относится и ряд других написаний, в первую очередь написание сочетания *тц* или *дц* в середине слов между гласными. В силу артикуляционной близости взрывного и аффрикаты происходит уподобление и утрата взрывного [т] и [д]. Отсюда в грамотах частое написание одного *ц* на месте сочетаний *тц* и *дц*:

трица(т) — XV, 5, — XVI, 71; трицетъ — XVI, 85а; тринаца(т) — XVI, 71; двацетъ — XVI, 70; шеснацать — XVI, 76, — XVIII, 3; пятнацетъ — XVI, 57а; двацетъ — XVI, 65; двенацетъ — XVI, 76¹⁰⁴; десятицкимъ — XVI, 1, 30, — XVIII, 40; к соцки(м) — XVI, 43, 30; салдацкоі — XVIII, 22; Звенигороцкой — XVI, 31а, 96; з гороцкими — XVI, 30, 1а; прихощкого — XVIII, 4; воевоцкую — XVIII, 35.

Как обратное явление, иногда отмечается написание *тц* или *дц* вместо *ц* там, где *т* и *д* не было в основе слова:

Стари(т)цкии — XVI, 3; Трубе(т)цкого — XVII, 4; Воло(т)цки(х) — XVI, 20а; в Воло(т)цко(м) — XVI, 23, 46; и даже: Володцкии — XVI, 43.

Передачей живого произношения можно считать и написание возвратных глаголов на *-тця* — *-ться* через *тца* или *ца*:

¹⁰⁴ В произношении этих слов, вероятно, [ц].

убье(т)ца — XVI, 1, 43, 83; учини(т)ца — XVI, 7, — XVIII, 8; слу-чи(т)ца — XVI, 1, 3 и др.; выкладу(т)ца — XVI, 20; стане(т)ца — XVI, 33, 57а; не вступае(т)ца — XVI, 1а, 29; не става(т)ца — XVI, 29, — XVII, 15; выше(т)ца — XVI, 78 и др.; роди(т)ца — XVI, 57а; яви(т)ца — XVI, 92а, 93а; заложи(т)ца — XVII, 5; называ(т)ца — XVIII, 5; верши(т)ца — XVII, 6; проси(т)ца — XVII, 7; подели(т)ца — XVII, 8; добива(т)ца — XVII, 9; и мн. др. Сюда же примыкают и такие написания, как Заболо(т)цкой — XVI, 36; Ники(ц)кой по(п) — XVI, 35а.

IX. Диссимиляция и ассимиляция согласных

Общерусским фактом является так называемая диссимиляция, или расподобление, согласных. Это явление касается, в первую очередь, изменения группы [кт] в [хт]. Так, в изучаемых грамотах:

кто — XVI, 1, — XVI, 1, 7, 10 и мн. др., — XVII, 2, 49; к тому — XV, 6, — XVI, 26, 59; к тѣ(м) — XVI, 22; никто — XVIII, 23; к той — XVI, 24, 23 и др.; и: кто — XVI, 3, 5, 7, 10, 27 и мн. др., — XVII, 8, 9, — XVIII, 2, 9, 45; к тому — XVI, 9, 27, 69 и др.; х той — XVI, 16, — XVII, 2. Сюда же: Галактионъ — XVI, 29, 58 и Галактиону — XVI, 23, 29.

Это же явление — при сочетании [к] с другими согласными:

х Клину — XVI, 36; х прикащику — XVII, 8; х каменной — XVII, 10; х казначею — XVIII, 51; х Карпу, х крестьянину — XVIII, 8.

В написании *дехтю* — XVIII, 58, отражается этот же процесс диссимиляции, но осложненный ступенью оглушения [г]: [гт] → [кт] → [хт].

Широко известно расподобление и в сочетании [чт], которое изменяется в [шт]:

что — XV, 6, 8, — XVI, 1а, 3, 13, — XVII, 7, 8, 9, — XVIII, 11, 17, 23 и мн. др.; ни почто — XVI, 3; что(б) — XVII, 7, 12, — XVIII, 2, 17 и др.; и: што — XVI, 9, — XVII, 9 и др.; ни пошто — XVI, 3; штобы — XVI, 40; што(б) — XVII, 9.

Можно отметить диссимиляцию в группе [чн], изменяющуюся в [шн]:

нарочно — XVII, 14, 25; поперечнику — XVII, 22; кузнечный — XVIII, 37; добропорядочно — XVIII, 44; порядочно — XVIII, 55; кирпичные — XVIII, 54; остаточную — XVIII, 10; и: одноконъшно — XVII, 20; поперешника — XVII, 22; пешника — XVII, 12; мушной — XVIII, 25; кузнешные — XVIII, 33; горшешниковъ — XVIII, 40; свешнаго — XVIII, 51; грешневыхъ — XVIII, 58.

Как видно, в волоколамских говорах изучаемого периода произношение группы [чн] как [шн] было широко распространено.

Из процессов ассимиляции возможно отметить единственный случай уподобления [с] последующему [ш]: шшиль — XVIII, 47.

X. Некоторые мелкие явления в области согласных

Волоколамские грамоты XV—XVIII вв. дают некоторые факты, позволяющие обнаружить кое-какие мелкие явления в области согласных в изучаемых говорах. Впрочем, не всегда эти явления незначительны, но, к сожалению, грамоты не дают много материала для того, чтобы раскрыть эти явления полностью.

1. Развитие [в] между гласными в середине слова

Русскому языку, как известно, не свойственно сочетание двух гласных в середине слова; если слова с подобными сочетаниями и наличествуют в литературном русском языке, то они по большей своей

части являются заимствованными¹⁰⁵. В народных же говорах в подобных случаях между гласными развивается звук [в]. О существовании такого явления в изучаемых диалектах говорят такие написания, как:

тивуни — XV, 12, — XVI, 10а; Левонтей — XV, 13, — XVII, 10; Левонтьева — XVI, 31, 82, — XVII, 3; по Лео(н)тье — XVI, 82.

2. Утрата [т'] в сочетании [с'т']

Произношение сочетания [с'т'] без [т'], т. е. *кос'* вместо *кос'т'*; *гос'* вместо *гос'т'* и т. п., известно русским говорам. Вполне возможно, что это явление было свойственно волоколамским диалектам уже в XVI в. Правда, материалов для этого в грамотах мало. Мы находим один раз написание *крепо(с)* — XVI, 86 и один раз *кре(с)лнл* — XVI, 30.

3. Произношение [м] в начале слова вместо [н]

Такая замена известна в собственных мужских именах с начальным [н] (*Николай—Миколой, Никита—Микита, Никифор—Микифор*). Подтверждение того, что изучаемые говоры, как видно, знали эту замену, обнаруживается в написаниях:

Микола — XVI, 31б; Мико(л)ское — XVI, 31; Микита — XVI, 13, — XVII, 3; Миките, Микити(н) — XVI, 82; Микити(ч) — XVI, 22; Микифо(р) — XVI, 23; Микифоро(в) — XVI, 41.

4. О звуке [ф] и сочетании [хв]

В грамотах XVIII в. есть (правда, очень небольшие) намеки на то, что в изучаемых говорах происходили какие-то изменения звука [ф]. Речь идет о таком, например, написании, как *Трихоновны* — XVIII, 34, где, кажется, *х* написано на месте *ф*. С другой стороны, наряду с написанием *на квартире* — XVIII, 39, или *квартире* — XVIII, 34, — находим *фатеру* — XVIII, 10. Нет ли в подобных примерах указания на то, что в волоколамских говорах XVIII в. могло наблюдаться явление замены звука [ф] на [хв] и [х] или наоборот? Впрочем, это единственные случаи, если не считать еще — *на ваза(в)* — XVII, 6 (в произношении, может быть, *на вазаф*), что известно и в современных волоколамских говорах. Но вместе с тем трудно утверждать наличие такого явления, так как большинство слов в грамотах дают правильное написание *ф*.

Возникает вопрос: не могут ли помочь здесь такие написания, как *по въхладу* — XVI, 85; *Хвитукой* — XVII, 4.

5. Диалектное произношение отдельных слов

Ряд написаний в грамотах XVII—XVIII вв. может быть истолкован как отражение диалектного произношения отдельных слов:

а) *убивство* — XVIII, 9; *убивствъ* — XVIII, 35; *в убивства(х)* — XVIII, 28 — во всех этих примерах можно видеть диалектное развитие [в] на месте [j]. Подобное явление наблюдается и в современных диалектах.

б) *некружкой* — XVIII, 9 (ср. *рекружкой* — XVIII, 18;) и *по пашпорту* — XVIII, 39 — такие написания, без сомнения, отражают диалектное произношение чуждых, недавно пришедших в говор слов.

¹⁰⁵ См. Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, ч. 1, стр. 110, 111.

6. Наконец, отмечены формы *дску* и *цки* — XVIII, 46, появившиеся в результате падения редуцированных из *дъска*. Как известно, литературное *доска* возникло под влиянием вин. п. с ударением на старом [ѣ] (*дѣска*). Написания, отмеченные в грамотах, свидетельствуют об обратном влиянии формы им. п. на вин. п. Интересно, что формы *дску* и *цки* употреблены в значении доски для икон в церкви (ср. в тексте: „имѣеть зделать ис коего *дску* и обручь на престол в соборную церковь... „и“ зделанию... на пре(с)то(л) обруча и *цки*.. срочное число уже минуло“). Подобные формы хорошо известны русским памятникам и давно отмечались исследователями. Но, конечно, вопрос о том, были ли эти формы живыми для периода XVII—XVIII вв. в волоколамских говорах, — остается открытым из-за недостаточности материала.

В. ФОНЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ВОЛОКОЛАМСКИХ ГОВОРОВ К КОНЦУ XVIII В.

Основываясь на тех данных, которые были получены при анализе истории отдельных явлений в области фонетики по волоколамским грамотам XV—XVIII вв., можно попытаться представить себе историю фонетической системы этих говоров на протяжении XV—XVIII вв. и обобщить ее характер, сложившийся к концу XVIII в.

В этой фонетической системе надо различать те элементы, которые сложились еще до XV в. и сохранились как постоянные и устойчивые на всем протяжении изучаемого периода, с одной стороны, а с другой, — те элементы, которые за период XV—XVIII вв. пережили определенные изменения и вошли в фонетическую систему волоколамских говоров, как она сложилась к концу XVIII в., в ином виде, чем они предстают перед нами в XV в.

Фонетическая система волоколамских говоров к концу XVIII в. сложилась в следующем виде.

В области гласных звуков

1. Под ударением различаются фонемы: [a], [o], [y], [и—ы], [e] — перед твердой из [ě], а перед мягкой из [e] и [ĕ].

[a], [o], [y] могут быть после твердых и перед твердыми согласными, после мягких и перед мягкими, после шипящих и аффрикат и перед ними, в начале и в конце слова. При этом [o] после мягких, шипящих и аффрикат восходит к [e].

[и] звучит в абсолютном начале слова и после мягких согласных, после твердых на его месте произносится [ы].

[e] перед твердой согласной восходит к [ĕ].

Утрата особой фонемы [ĕ] происходит в волоколамских говорах особенно интенсивно во второй половине XVI в., когда в грамотах широко отражается смешение в написании *ѣ* и *е* в положении под ударением перед твердым согласным. Окончательная утрата этой фонемы относится во второй половине — концу XVII в.

2. В безударных слогах происходит изменение гласных неверхнего подъема.

а. В первом предударном слоге после твердых согласных [a] и [o] совпадают в одном звуке [a] вне зависимости от характера ударного гласного. Волоколамские говоры характеризуются недиссимилятивным аканьем.

б. В первом предударном слоге после мягких согласных гласные неверхнего подъема переживали несколько различные изменения. В XV—XVI вв. эти гласные совпадали в первом предударном слоге после мягких согласных в одном звуке [e], т. е. говоры характеризовались системой еканья, причем возможно, что на месте гласных неверхнего подъема произносилось не чистое [e], а несколько склонное к [и], и это постепенно приводило к развитию икающего произношения, особенно отразившегося в грамотах XVIII в.

Однако в XVI в. в говоры начинает проникать яканье, причем произношение [a] в первом предударном слоге после мягких согласных на месте гласных неверхнего подъема устанавливается в положении перед твердыми согласными, тогда как перед мягкими сохраняется произношение [e] или [и]. К концу XVIII в. часть волоколамских говоров начинает характеризоваться умеренным яканьем. Возможно, наконец, что некоторые из этих говоров в XVIII в. знали и большее распространение произношения [a] в указанном положении, а именно — и перед мягкими согласными.

в. В остальных безударных слогах гласные неверхнего подъема подвергались редукции; они выступали в виде слабых звуков [ъ] или [ь] в зависимости от частных условий их положения в слове.

В заударном конечном открытом слоге после мягких согласных мог произноситься не только [ь], но и [e^н], а иногда даже [a], что, возможно, характеризовало произношение конечного звука в различных грамматических категориях.

В области согласных звуков

1. По твердости-мягкости намечаются следующие пары согласных фонем:

б	п	в	ф	д	т	з	с	р	н	л	м
б'	п'	в'	ф'	д'	т'	з'	с'	р'	н'	л'	м'

Среди внепарных по твердости-мягкости согласных выделяются фонемы [к], [г—γ], [х], которые позиционно, перед [e] и [и], смягчаются.

Остальными внепарными по твердости-мягкости согласными являются [j] и аффриката [ч'] — всегда мягкие; шипящие [ш], [ж] и аффриката [ц] — всегда твердые; долгие шипящие [ш̄], [ж̄] могут произноситься и как твердые и как мягкие.

Твердость [ш], [ж], [ц] устанавливается со всей очевидностью в волоколамских говорах с XVI в. На протяжении изучаемого периода укрепляются позиции твердого долгого [ш̄], а возможно, и [ж̄].

Как видно из сопоставления, имеются парные твердые и мягкие губные; однако на конце слов они, вероятно, не различались.

2. По звонкости-глухости выделяются такие пары согласных фонем:

б	б'	в	в'	д	д'	з	з'	ж	ж̄
п	п'	ф	ф'	т	т'	с	с'	ш	ш̄

н—н', р—р', л—л', м—м', j — всегда звонкие; ц, ч' — всегда глухие.

Кроме того, есть пара согласных, соотносительных по категории звонкости-глухости, и среди заднеязычных [к], [г—γ], [х]. Однако здесь дело обстоит несколько по-разному в различные периоды истории. Если в начале исторического периода, до XV в., волоколамские говоры,

возможно, знали парные по звонкости-глухости [г:к], то в XVI в. часть из них усваивает [γ], противопоставленное [х]. К концу же XVIII в. наблюдается вновь вытеснение [γ] под влиянием развивающихся норм русского литературного языка. Возможно, что в тех волоколамских говорах XVIII в., где вытеснялось [г], последнее появлялось сначала лишь в сильном положении, тогда как в слабом оставалось [х], т. е. могла существовать противопоставленность [г:х].

Парные звонкие согласные оглушались перед глухими и на конце слова; парные глухие — озвончались перед звонкими.

3. Звук [г] в XV—XVI вв. мог быть как взрывного, так и фрикативного образования. К концу XVIII в. [г] взрывное укрепляется в изучаемых говорах, вытесняя полностью [γ].

4. [в] — звук губно-зубного образования (если судить по отсутствию изменения его в [ў] и по оглушению в [ф]).

5. Возможно, что волоколамские говоры, или часть их, в XVIII в. знали замену [ф] на [хв] и [х] и наоборот. Однако грамоты XV—XVI вв. не дают никакого материала для решения вопроса о том, было ли известно это явление до XVIII в.

Сопоставляя эти черты и сравнивая полученные выводы с данными современной диалектологии, можно заметить, что в волоколамских говорах XVIII в. сосуществуют, с одной стороны, более древние черты, свойственные ныне северновеликорусским говорам, а с другой, — более новые, южновеликорусского происхождения.

К северным чертам относятся: 1) наличие [г] взрывного образования; 2) губно-зубной характер [в] и оглушение его в [ф]; 3) твердые губные на конце слов.

К южным чертам: 1) аканье и яканье; 2) замена [ф] на [хв] и наоборот.

Вся совокупность этих черт с несомненностью выявляет средневеликорусский характер волоколамских говоров в XVIII в. Но если сопоставить те данные, которые были получены в результате анализа фонетических явлений, можно обнаружить, что волоколамские говоры приобрели средневеликорусский характер еще раньше — в XVI в. На протяжении последующего периода, до конца XVIII в., средневеликорусский характер изучаемых говоров укрепился: ср. распространение аканья и яканья, с одной стороны, и укрепление позиций [г] взрывного — с другой, на протяжении XVII—XVIII вв.

Основные этапы исторических путей развития волоколамских говоров

Как же шло складывание волоколамских говоров и какими историческими причинами обуславливалось возникновение тех или иных явлений и процессов в изменении их структуры? Иначе говоря, каковы основные этапы исторических путей развития волоколамских говоров?

Исконным славянским населением Волоколамской земли были восточные кривичи, вытеснившие в конце первого тысячелетия нашей эры с этой территории финские племена. Археологические раскопки показали, что территория быв. Волоколамского уезда исконно была полностью заселена кривичами¹⁰⁶. Однако соседние к югу, Рузский и Можайский, уезды характерны в археологическом отношении тем, что в них

¹⁰⁶ А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 118.

обнаруживаются как кривичские, так и вятичские поселения¹⁰⁷. Возможно, что в связи с близостью границ будущей Волоколамской земли к границам кривичских и вятичских племен с очень давних пор могло быть этническое смешение населения. Но это предположение едва ли может объяснить процессы, связанные с южновеликорусским влиянием, какие обнаруживаются в истории волоколамских говоров.

Археологические данные, а для более позднего времени исторические факты экономической и политической связи Волоколамской земли с Новгородом и вообще с северо-западными областями — приводят к мысли о том, что на территории Волоколамской земли первоначально сложились северновеликорусские по своему характеру говоры. Они сложились как северновеликорусские уже потому, что являлись потомками говоров севернорусского племени кривичей. Последующая славянская колонизация из Новгорода, крайним пунктом которой был Волок на Ламе¹⁰⁸, могла, конечно, привести к некоторым новым явлениям в диалектном развитии Волоколамской земли. Однако общий северновеликорусский облик первоначальных волоколамских говоров не мог измениться, так как и новгородская, словенская, группа племен являлась носителем северных диалектов.

В первоначальный период своей истории волоколамские говоры, вероятно, характеризовались наличием [г] взрывного образования, звука [в] губно-зубного, доканья, [ê] на месте старого [ě], различием в произношении безударных [а] и [о]¹⁰⁹.

Однако в своей истории волоколамские говоры не удержали всех тех северновеликорусских черт, которые были им свойственны первоначально. В течение этой истории они подверглись южновеликорусскому влиянию и превратились в средневеликорусские с северновеликорусской основой и южновеликорусским наслоением¹¹⁰. Чем же объясняется, какими историческими причинами и процессами обуславливается и в какую эпоху появляется или могло появиться южновеликорусское влияние на изучаемые говоры?

Сложная история Волоколамской земли может привести к мысли о возможности раннего влияния с юга на говоры Волоколамска. Однако те процессы, которые находятся в связи с выдвигаемым предположением, должны быть рассмотрены подробно, ибо, как кажется, не все, что представляется в первый момент решающим, действительно было таковым в реальной истории изучаемых говоров.

Так, события XI—XIII вв., связанные с нашествием на Русскую землю половцев, а затем татар, как известно, привели к движению населения

¹⁰⁷ А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 117, 118. Ср. О. Н. Бадер. Материалы к археологической карте Москвы. — „Материалы и исследования по археологии СССР“, вып. VII, 1941, стр. 160.

¹⁰⁸ М. К. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929, стр. 6.

¹⁰⁹ Р. И. Аванесов. Вопросы образования русского языка в его говорах. — Вестник МГУ, 1947, № 9, стр. 124, 125. Судьба [ê] могла быть при этом несколько различной по говорам.

¹¹⁰ Н. Н. Дурново. Отчет о поездке в Клинский и Волоколамский уу. Московской губ. летом 1904 г. — РФВ, 1907, т. 57, кн. 2, стр. 356. Не следует, пожалуй, входить в существо спора о том, можно ли различать средневеликорусские говоры с северновеликорусской основой и с южновеликорусской основой, или можно ли говорить о „первичных“ и „вторичных“ средневеликорусских говорах. (См. Р. И. Аванесов. Вопросы образования русского языка в его говорах, стр. 146—148). Но надо сказать, что нормативный взгляд авторов „Опыта диалектологической карты русского языка“ (М., 1915) на то, что во всех северновеликорусских говорах есть северновеликорусская основа и южновеликорусское наслоение, истории волоколамских говоров не противоречит.

с юга на север. Историки, хотя и очень глухо, указывают на достаточно далеко заходящее на север движение южнорусского населения уже в эпоху нашествия половцев¹¹¹. О том, что население южных областей, двигаясь к северу в эпоху татаро-монгольского нашествия, могло достигать пределов Волоколамской земли, можно думать потому, что эти переселенцы захватили юго-западные и западные части Можайского края¹¹², и потому, что они достигли и заняли часть Тверской земли¹¹³.

Однако если это и было так, как предполагается, едва ли возможно утверждать, что именно в тот период, в XIII в., начался процесс усвоения южновеликорусских черт волоколамскими говорами. Прямых данных для такого утверждения нет, а косвенные — пожалуй, могут доказывать обратное. Как известно, сама территория Волоколамской земли подвергалась опустошению со стороны татар, что не могло служить стимулом для оседания населения в ее пределах. Кроме того, сила притока населения с юга могла и не быть большой, ибо Волоколамская земля находилась за пределами Ростово-Суздальской Руси, куда шел основной поток. Таким образом, кажется, если приток южнорусского населения в ту эпоху и мог быть, то все же не он определил судьбы волоколамских говоров.

Можно предполагать, конечно, что южновеликорусское население издавна могло попадать на Волок в связи с тем, что последний искони находился на главных торговых путях древней Руси, а потому притягивал к себе население различных областей. Но едва ли и этот процесс был решающим в истории волоколамских говоров, ибо давняя связь Волока с Новгородом, причем связь, заключающаяся в подчиненности Волока последнему, едва ли могла привести быстро к широкому проникновению южновеликорусского населения на территорию Волоколамска.

Следует указать еще на одно обстоятельство. Известно, что наряду с новгородским влиянием Волок очень рано начал испытывать влияние Москвы, между которой и Новгородом шла долгая и упорная борьба за Волоколамск. Москва, входившая в состав Ростово-Суздальской Руси, возникла на территории южнорусского племени вятичей. Однако в Ростово-Суздальском княжестве „количественно преобладающими и „задающими тон“ в социально-экономическом и культурном отношении были потомки восточных кривичей¹¹⁴“. Так обстояло дело и в Москве, где население как акало, так и окало, но та часть его, которая составляла в эпоху XIII—XIV вв. культурные слои, — эта часть являлась носителем северновеликорусских говоров¹¹⁵. В силу сказанного первоначально воздействие Москвы на волоколамские говоры могло не вести к изменению северновеликорусского облика последних. Выработка еди-

¹¹¹ Например, М. К. Любавский (см. указ. соч., стр. 7, 8) пишет, что „колонизационный поток (с юга. — В. И.) разливался даже до самой Волги“. Ср. его же. Историческая география России в связи с колонизацией. 1909, стр. 126, 127.

¹¹² К. А. Федорова. К истории говоров западного Подмосковья. Автореферат канд. дис. Изд-во МГУ, 1951, стр. 9.

¹¹³ Р. И. Аванесов. Вопросы образования русского языка, стр. 132. Впрочем, это последнее положение строится на основе высказываний М. К. Любавского в работе „Образование основной государственной территории...“, без учета того, что сам Любавский основывался на данных диалектологии, а не на исторических источниках.

¹¹⁴ Р. И. Аванесов. Вопросы образования русского языка в его говорах, стр. 136, 137.

¹¹⁵ Р. И. Аванесов. К вопросам образования русского национального языка — ВЯ 1953, № 2, стр. 54—60.

ного московского говора, вернее — московского просторечия, относится лишь к началу XVII в.¹¹⁶, т. е., как видно, к тому времени, когда сами волоколамские говоры уже имели средневеликорусский характер.

Таким образом, те исторические события, которые были отмечены выше, не могли сыграть той решающей роли в истории волоколамских говоров, которая определила превращение их в средневеликорусские.

Решающей причиной в этом процессе надо считать усиление роли южных областей в жизни Русского государства, начавшееся с XIV в. Это усиление южновеликорусских позиций определилось тем, что, начиная с этого времени, Москва постепенно расширяет свои владения за счет южных областей. Москва присоединяет к себе Можайск, Коломну, Верею, Лопасну, Боровск и все дальше продвигается на юг¹¹⁷. Эти процессы уже с самого начала XIV в. вели к усилению позиций южновеликорусских диалектов как в Москве, так и в подмосковных говорах. Расширение территории московского государства за счет южных областей и усиление их роли в экономической и политической жизни страны обусловили постоянный обмен населения, а отсюда и усиление южновеликорусских языковых элементов в московском говоре и проникновение их в подмосковные, не характеризующиеся ранее наличием этих элементов в своей структуре.

Однако для истории Волоколамска этот общий процесс усиления южновеликорусских элементов в говорах центра характеризовался и некоторыми особыми моментами. Во-первых, не следует забывать, что в истории Волоколамской земли отмечается большая мена вотчинников, связанная с непрерывными сменами князей в этой земле¹¹⁸. Вместе с различными вотчинниками, бывшими подчас выходцами из южных областей¹¹⁹, приходили на Волок многие люди — челядь, дружина и т. п. — среди которых также могли быть люди из южнорусских земель. Известно, например, что в 1304 г. Иван Калита отдал московскую половину Волока киевскому боярину Родиону Нестерову, который впоследствии отнял у новгородцев и вторую половину Волока¹²⁰. По свидетельству историков¹²¹, этот Нестеров привел с собою на Волок около 1700 человек выходцев с юга, что, конечно, для малонаселенной в то время Волоколамской земли играло значительную роль. Этими путями южновеликорусское влияние могло лишь ускориться и усилиться.

Но если в XIV в. процесс усвоения южновеликорусских элементов волоколамскими говорами только еще, вероятно, начинался, то в XV в., особенно тогда, когда Волоколамск окончательно остался в руках Москвы, общее усиление южновеликорусских элементов в структуре говоров центра отразилось уже достаточно сильно и на истории волоколамских говоров. Грамоты XV в. уже отразили акающее произношение этих говоров, свидетельствующее о том, что они начали приобретать средневеликорусский характер.

¹¹⁶ Р. И. Аванесов. К вопросам образования русского национального языка — ВЯ 1953, № 2, стр. 60 и 69.

¹¹⁷ Р. И. Аванесов. Вопросы образования русского языка в его говорах, стр. 137—139.

¹¹⁸ О размерах смены вотчинников можно судить по данным работы В. Н. Дебольского „Духовные и договорные грамоты Московских князей как историко-географический источник“, вып. 1—2, СПб., 1901—1902.

¹¹⁹ См. подробнее на стр. 208 настоящей работы.

¹²⁰ П. Семенов. Географическо-статистический словарь Российской империи, т. I, СПб., 1963.

¹²¹ А. А. Зимин. Борьба Москвы и Новгорода за Волоколамск (рукопись).

В усилении южновеликорусских позиций сыграл свою роль и Иосифо-Волоцкий монастырь, созданный в 1479 г. и превратившийся во второй половине XVI в. в крупного земельного вотчинника. Этот монастырь имел владения не только в ближайших уездах, но и в таких, как Коломенский и Козельский, т. е. там, где были распространены южновеликорусские по своему характеру говоры¹²². Экономические связи с южными областями усиливались, расширялись и укреплялись и в последующий, XVII в.¹²³ Вместе с тем можно думать, что южновеликорусское влияние на волоколамские говоры, начавшееся, вероятно, в XIV в. и приведшее уже в XVI в. к образованию средневеликорусских говоров Волоколамска, имеющих северновеликорусскую основу и южновеликорусское население, — это влияние не только не ослабло в XVII в., но даже увеличилось в XVIII в.

Прежде всего надо подчеркнуть еще раз, что анализ волоколамских грамот XV—XVI вв. показал наличие в изучаемых говорах более сильного южновеликорусского влияния, чем это предполагается для истории московского говора¹²⁴, что объясняется, как видно, несколько особыми путями складывания и развития волоколамских средневеликорусских говоров в XVI в.

Для понимания этих фактов следует обратить внимание на следующее.

Москва в эпоху XV—XVI вв. была уже центром общерусской культуры — была тем пунктом, откуда шли господствующие идеи во всех областях жизни государства. Вместе с тем, так как Москва объединила разные этнические группы населения, общий язык Москвы — московское просторечие — выработывался лишь постепенно; этот язык приобретал также средневеликорусский облик. Впоследствии московский говор занял ведущее положение и стал оказывать влияние на окружающие говоры, вытесняя в них те черты, которые были ему чужды¹²⁵. Но, как видно, это произошло не сразу и не просто. Выработка единого московского говора относится, как уже говорилось, только лишь к началу XVII в. До этого времени московского говора как такового еще не существовало, а поэтому говоры на территориях вокруг Москвы довольно долго могли в языковом отношении развиваться еще по своим путям. Так, например, Можайские говоры, несмотря на то, что территория Можайского уезда была присоединена к Москве в самом начале XIV в. (1303 г.) — еще на всем протяжении XV в. шли по несколько самостоятельным путям развития¹²⁶. В волоколамских говорах такие несколько самостоятельные пути развития могли сохраняться еще дольше, ибо по существу Волоколамский уезд стал простой составной частью Московского княжества лишь в первой четверти XVI в. (т. е. когда Можайский, например, уезд находился в таком положении уже 200 лет), оставаясь до 1513 г. все же самостоятельным уделом, имеющим в своих пределах крупный местный

¹²² См. „Книга ключей и долговая книга Волоколамского монастыря XVI в.“. М., Изд.-во АН СССР, 1948.

¹²³ См. разбросанные по всей книге С. В. Бахрушина „Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI — начала XVII в.“ („Нучные труды“, т. I. М., Изд.-во АН СССР, 1952) замечания о торговых и экономических связях Волоколамска с южными районами (стр. 41, 61, 84 и др.)

¹²⁴ Впрочем, это остается лишь предположением, так как история говора Москвы в XVI в. еще недостаточно изучена.

¹²⁵ См. Р. И. Аванесов. Вопросы образования русского языка в его говорах, стр. 109, 110.

¹²⁶ К. А. Федорова. К истории говоров западного Подмосквья, стр. 10.

культурный центр, сохранявший свое значение на всем протяжении XVI в. Это могло обусловить тот факт, что несколько самостоятельные пути развития волоколамских говоров сохранялись довольно долго. В частности, эта самостоятельность, как видно, отразилась в том, что южновеликорусское влияние на эти говоры было сильнее, нежели на московский; в этом сыграло роль, вероятно, то, что удельный вес южновеликорусов в Волоколамской земле оказался больше, чем в Москве.

Итак, в XVI в. волоколамские говоры приобрели уже средневеликорусский облик, утратив некоторые северные черты (например, оканье, цоканье) и приобретя южные (аканье, яканье).

Однако с созданием русской нации в XVII в. и с развитием языка народности (одним из диалектов которого были волоколамские говоры) в национальный язык связано дальнейшее усиление влияния южновеликорусских говоров на говоры центра¹²⁷. Поэтому, как видно, возможное влияние московского говора на говоры Подмосковья, в частности — на волоколамские, в период XVII—XVIII вв. могло перекрываться более сильным южновеликорусским влиянием, что приводило к проникновению новых южновеликорусских черт в говоры Волоколамска, — черт, не имевшихся в их структуре в XVI в. В этом процессе нашла свое выражение возможность развития новых диалектных черт в говорах даже после образования национального языка. Если в XVII—начале XVIII в. московское просторечие характеризовалось наличием еще многих северновеликорусских элементов, то волоколамские говоры в этот период времени приобретали, наоборот, целый ряд южновеликорусских черт, не находящих себе места в московском говоре¹²⁸.

Конечно, складывающиеся нормы литературного языка воздействовали на структуру местных диалектов, — это можно видеть и в истории волоколамских говоров XVII—XVIII вв. Но наряду с этим, — и первоначально, может быть, в некоторых говорах даже сильнее — наблюдалось непосредственное усиление южновеликорусского влияния, приводящего к усвоению ряда южновеликорусских черт, не свойственных отдельным говорам ранее.

В волоколамских говорах распространение южновеликорусских черт в XVIII в. могло быть не повсеместным. Это объяснялось, по-видимому, тем, что в тот период действовало два процесса — влияние с юга и влияние со стороны Москвы.

Однако первое, как видно, в эпоху XVIII в. оказалось сильнее в части изучаемых говоров.

Вместе с тем нельзя думать, что подобное усиление южновеликорусского влияния вело к тому, что волоколамские говоры теряли свой средневеликорусский характер, приобретенный ими еще в XVI в. Наоборот, усиление некоторых южновеликорусских черт и вытеснение за их счет северновеликорусских, в соединении с влиянием на говоры со стороны складывающегося литературного языка, — вело к упрочению средневеликорусского характера волоколамских говоров, что вполне подтверждается анализом грамот.

Можно предположить, что на протяжении последующего времени, после XVIII в., в течение XIX, волоколамские говоры могли не только

¹²⁷ Р. И. Аванесов. К вопросам образования русского национального языка, стр. 67.

¹²⁸ См. К. В. Горшкова. Из истории московского говора в конце XVII—начале XVIII в., стр. 116.

сохранить свой средневеликорусский облик, а и развить еще новые диалектные черты, но уже на базе своей структуры.

Кроме того, возможно предполагать, что в последующий, после XVIII в., период волоколамские говоры, попадая все больше и больше под влияние московского говора, а вместе с тем — под влияние литературных норм национального языка, сложившихся на базе этого говора, — могли утратить некоторые диалектные черты, характерные для них ранее, но противоречащие новым нормам.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Опись грамот Иосифо-Волоколамского монастыря, использованных в работе

XV век

1. 1450 г. Грамота кн. Василия Васильевича на с. Яковлевское (Патр. 1580)
2. 1479 г. Разводная грамота на землю Ступишинных (ФИБМ 564 — XVI)
3. 1479—1515 гг. Купчая старца Гурия на с-цо Новое (Патр. 1722)
4. 1479—1515 гг. Купчая старца Варлаама и др. на дд. Корякино Горлово и др. (ГКЭ Руза 120—10351)
5. 1479—1515 гг. Купчая старцев Гурия и Варсонофия на с. Новое (ГКЭ Руза 116—10347)
6. 1479—1515 гг. Меновная грамота на с. Пенье и др. (ГКЭ Руза 117—10348)
7. 1479—1515 гг. Данная Мих. Кутузова—Коровина на д. Фомачево (ГКЭ Руза 13—10234)
8. 1479—1515 гг. Данная Як. Ракитина иг. Иосифу на с. Комлево (ГКЭ Руза 113—10344)
9. 1479—1515 гг. Отпись Ив. Гаврилова о том, что ему „дела нет“ до купленных Иосифо-Волоколамским монастырем деревень (ГКЭ Руза 118—10349)
10. 1479—1515 гг. Купчая келаря Геронтия и др. на с-цо Морткино (ГКЭ Руза 121—10352)
11. 1479—1515 гг. Купчая старца Гурия и казначея Тимофея на д. Крюкову (ГКЭ Руза 122—10353)
12. до 1482 г. Духовная грамота кн. Андрея Федоровича Голенина (Патр. 1581)
13. после 1482 г. Меновная грамота Голениной на с-цо Шульгино (ФИБМ 495 — XVI)
14. 1495—1496 гг. Разъезд д. Борок Микулкин (ФИБМ 338а — XIII)
15. 1498 г. Жалованная кн. Федора Борисовича Волоцкого иг. Иосифу на ловлю рыбы (ГКЭ Юрьев 4—14554)

XVI век

1. 1500 г. Жалованная грамота кн. Федора Борисовича Волоцкого иг. Иосифу на д. Медведково (ГКЭ Ржев 5—10173 а) копия — ФИБМ 338—XIII.
2. 1514 г. Отпись иг. Иосифу о передаче в монастырь 38 деревень (Патр. 1720)
3. 1505—1533 гг. Жалованная кн. Андрея Ивановича на с. Козьмодемьянское (Патр. 1583)
4. 1506 г. Жалованная грамота кн. Юрия Дмитровского иг. Иосифу на деревни (ГКЭ Руза 119—10350)
5. 1508—1515 гг. Данная кн. Андрея Голенина иг. Иосифу на села (ГКЭ Руза 119—10350)
6. 1511—1512 гг. Данная Ив. Синицы иг. Иосифу на с. Попаилово (ГКЭ Тверь 3—12496а. Копия XVII в. — ФИБМ 407 — XIV, 408 — XIV)
7. 1512 г. Данная иг. Иосифу на с. Бужарово (Патр. 1721)
8. до 1513 г. Выпись из писцовых книг о разъезде деревень. Копии XVII в. (ФИБМ 577 — XVI)
9. 1514—1515 гг. Купчая келаря Гурия на с. Владеево и деревню (ГКЭ Руза 110—10241)
10. 1515 гг. Жалованная вел. кн. Василия III на слоб. Тимофеевскую и дер. Медведково. Списки (Патр. 1725; а. Патр. 1726)
11. 1515—1522 гг. Купчая келаря Афанасия на с. Ивановское и деревни (ГКЭ Руза 115—10346)
12. 1515—1522 гг. Купчая келаря Гурия и чернеца Галасия на д. Чекалево (ГКЭ Руза 114—10345)
13. 1516 г. Меновная запись иг. Гурия на д. Резаново. Копия XVII в. (ФИБМ 468 — XV)

14. 1516—1517 гг. Запись Федора Ракитина об отказе от претензий на деревню (ГКЭ Руза 12—10243)
15. 1517 г. Данная Иосифовскому монастырю на дд. Клинского уезда (ФИБМ 374—XIV)
16. 1517 г. Меновная иг. Данила с Меньчаковым на деревни (ГКЭ Руза 13—244)
17. 1517 г. Данная кн. Ефросиньи иг. Даниилу на с-це Столбично (ГКЭ Клин 1—5632)
18. 1520 г. Купчая келаря Селивана на дд. Кошкино и др. (ГКЭ Руза 15—10246)
19. 1520 г. Данная Ирины Андреевой иг. Даниилу на д. Лобаево (ГКЭ Руза 16—10247)
20. 1527 г. Жалованная грамота вел. кн. Василия III иг. Нифонту на беспоплаченный проезд в Новгород, Рузу и др. (4 экз.). Списки а, б, в, г. (Патр. 1727)
21. 1527—1528 гг. Купчая старцев Иосифо-Волоколамского монастыря на д. Кулаково (ГКЭ Руза 20—10251)
22. 1527 г. Меновная грамота на дд. Редозубово и Филимоново. Копия XVII в. (ФИБМ 473—XV)
23. 1530 г. Данная грамота Велеутова иг. Галактиону. Копия XVII в. (ФИБМ 372—XIV)
24. 1530—1531 гг. Данная жены Борисова Ефросиньи иг. Нифонту на д. Саманино. (ГКЭ Руза 26—10257)
25. 1533 г. Купчая келаря Саввы на с. Начапино (ГКЭ Руза 27—10258)
26. ок. 1533 г. Запись о разъезде земель с. Начапино с деревнями (ГКЭ Руза 41—10272)
27. 1534 г. Данная Вас. Степанова иг. Нифонту на с-цо Иевлево (ГКЭ Клин 3—5634).
28. 1534 г. Купчая старцев Иосифо-Волоколамского монастыря на д. Михальцево (ФИБМ 496—XIV)
29. 1534 г. Вкладная грамота И. Ховаиского (ФИБМ 376—XIV)
30. 1534 г. Жалованная царя Ивана IV на села в Рузском уезде. Списки (ФИБМ 367—XIII; а — ФИБМ 370—XIII)
31. 1534—1535 гг. Купчая с-ца Дионисия и др. на с. Никольское и деревню (ГКЭ Руза 35, 36—10266, 10267 а, б)
32. 1537—1538 гг. Данная Рахманина и Селяшева на с. Веньяминово (Патр. 1729)
33. 1540—1541 гг. Духовная Гр. Вас. Жукова Оплечуева (ГКЭ Руза 58—10276)
34. 1540—1541 гг. Данная Шепековой на д. Калачниково (ГКЭ Дмитров 57—3769)
35. 1540—1541 гг. Данная Мечева и Щеглятева иг. Нифонту на полсела (ГКЭ Тверь 10—12503; а. ФИБМ 420—XIV)
36. 1541 г. Разъезжая грамота на межи д. Чащи и д. Железовой (ГКЭ Руза 39—10270)
37. 1541—1542 гг. Купчая с-цев Ленкова и др. на пустошь Высокое (ГКЭ Руза 39—10270)
38. 1541—1542 гг. Данная Кутузовой на с-цо Иевлево и д. Рубцово (ГКЭ Дмитров 60—3772)
39. 1541—1542 гг. Данная попа Семена иг. Нифонту на д. Корость (ГКЭ Руза 40—10271)
40. 1541—1547 гг. Грамота Ив. Полева иг. Нифонту о с. Литвинове Рябчикова (Патр. 1728)
41. 1542 г. Данная Ростовского на деревни. Список XVII в. (ФИБМ 378—XIV)
42. 1542 г. Купчая Оладына на деревни (ФИБМ 477—XV)
43. 1543 г. Грамота царя Ив. Вас. IV иг. Нифонту о невзимании пошлин (Патр. 1730)
44. 1543—1544 гг. Деловая запись на развод земель (ФИБМ 1316—XXXII)
45. 1544 г. Отпись Сем. Морина о получении им денег по завещанию (ГКЭ Руза 42—10273)
46. 1545 г. Жалованная грамота иг. Гурию (Патр. 1731)
47. 1546—1547 гг. Запись Ступишина об отказе от претензии на с-цо (ГКЭ Руза 45—10276)
48. 1546—1547 гг. Данная Остафьева и Ельчанинова иг. Гурию на жеребьи д. Загорье (ГКЭ Руза 43—10274)
49. 1546—1547 гг. Купчая келаря Иосафа на д. Кротово (ГКЭ Руза 44—10275)
50. 1548 г. Грамота кн. Владимира Старицкого Бороздину на дд. Старицкого уезда (Патр. 1582)
51. 1548 г. Вкладная запись на землю Коровина Кутузова (Патр. 1732)
52. 1548—1549 гг. Данная Ив. Прокофьева иг. Гурию на с. Дубовсково (ГКЭ Руза 48—10279)
53. 1549—1550 гг. Купчая казначея Зайцева на луг Петровского села (ГКЭ Руза 53—10284)
54. 1549—1550 гг. Купчая старцев Ленкова и Курбатова на полсела Рогушино (ГКЭ Руза 51—10282)

55. 154) — 1550 гг. Купчая келаря Иосафа и казначея Зайцева на полсела Рогушино (ГКЭ Руза 55—10285)
56. 1550—1551 гг. Данная Давыда Бартенева иг. Гурию на д. Гужево (ГКЭ Руза 57—10288)
57. 1551—1552 гг. Духовная грамота Фед. Ракитина (ГКЭ Руза 58—10287); а. Копия XVII в. ФИВМ 385—XIV)
58. 1553—1554 гг. Данная с-ца Филофея Полева и др. на с-це Юрьшево (ГКЭ Руза 59—10290)
59. 1553—1554 гг. Данная по приказу Ив. Хованского на с. Курьяново (ФИВМ 450—XIV)
60. 1553—1554 гг. Данная с-ца Филофея Полева на дд. Ивановское и др. (ГКЭ Руза 61—10292)
61. 1553—1554 гг. Данная Ив. Кутузова иг. Галактиону на д. Насоново (ГКЭ Руза 60—10291)
62. 1554—1555 гг. Данная жены Толбузина на с-це Ворсино и др. (ФИВМ 390—XIV)
63. 1556—1557 гг. Духовная Грамота Вас. Иван. Внукова-Пушкина (ГКЭ Дмитров 86—3798)
64. 1556—1557 гг. Данная попа Семена иг. Галактиону на д. Корость (ГКЭ Руза 71—10302)
65. 1557 г. Выпись из книг рыбной ловли в оз. Селигер (ФИВМ 9—LXI)
66. 1557—1558 гг. Данная Ив. Кутузова иг. Пимину на д. Насоново (ГКЭ Руза 73—10304)
67. 1557—1558 гг. Данная детей Левашева иг. Пимину на д. Носилово (ГКЭ Тверь 18—12511; а. Список XVII в. — ФИВМ 391—XIV).
68. 1557 г. Данная Тютчева на с. Савельево. Список XVI—XVII вв. (ФИВМ 393—XIV)
69. 155) — 1560 гг. Данная грамота Головина на с. Обабурово. Список XVII в. (ФИВМ 421—XIV)
70. 1560—1561 гг. Купчая Мих. Безобразова на полдеревни Высокое (ГКЭ Руза 77—10308)
71. 1560—1561 гг. Запись жены Нелидова Ракитина о передаче иг. Пимину села (ГКЭ Руза 78—10309)
72. 1560—1562 гг. Данная Леонтея Девятого иг. Лаврентию на с. Сивцево (ГКЭ Руза 81—10312)
73. 1561—1562 гг. Данная Ал. Кутузова иг. Вавиле на деревни (ГКЭ Руза 79—10310)
74. 1561—1562 гг. Данная Дм. Кутузова иг. Вавиле на полдеревни Борисково (ГКЭ Руза 80—10311)
75. 1561—1562 гг. Данная Вас. Кутузова иг. Вавиле на полдеревни Борисково (ГКЭ Руза 83—10314)
76. 1562 г. Меновная грамота на д. Черленково и др. Список XVI—XVII вв. (ФИВМ 485—XV)
77. 1563—1564 гг. Данная Ив. Кутузова иг. Леониду на часть земли в с. Кондратове (ГКЭ Руза 86—10316)
78. 1563—1564 гг. Данная П. Захарьина иг. Леониду на д. Колоколово (ГКЭ Руза 87—10318)
79. 1563—1564 гг. Купчая Дм. Кутузова на полторы выти полусела Кондратова (ГКЭ Руза 88—10319)
80. 1563—1564 гг. Купчая Дм. Кутузова Андр. Кутузову на половину с. Кондратова (ГКЭ Руза 85—10316)
81. 1564—1565 гг. Данная Молчановых иг. Леониду на д. Шутово (ГКЭ Руза 90—10321)
82. 1565 г. Грамота Родиона Никитина иг. Галактиону на д. Репухово. Копия XVIII в. (ФИВМ, оп. „Б“ — 399)
83. 1566 г. Жалованная кн. Владимира Андреевича иг. Лаврентию (Патр. 1733)
84. 1566—1567 гг. Данная Акулины жены Машуткина на д. Развозово (ГКЭ Руза 92—10323; а. Копия — ФИВМ 399—XIV)
85. 1567—1568 гг. Данная грамота на д. Острогино — Осколково. (Копии XVII в. ФИВМ 400—XIV; а. — ФИВМ 392—XIV)
86. 1567—1569 гг. Данная Ек. Вешниковой иг. Лаврентию на д. Семеновскую (ГКЭ Руза 96—10327)
87. 1568 г. Данная Безобразовых иг. Леониду на д. Высокое (ГКЭ Руза 100—10331)
88. 1568 г. Данная Беклемишева иг. Леониду на д. Ивашкову-Рыбушкино (ГКЭ Руза 99—10330)
89. 1568 г. Данная Федора Пятого иг. Леониду на д. Данильцеву (ГКЭ Руза 98—10329)

90. 1568—1569 гг. Данная Ив. Лыкова и Вас. Лыкова Иосифо-Волоколамскому монарху на д. Рассудово (ГКЭ Руза 97—10328)
91. 1569—1570 гг. Данная Степ. Дмитриева иг. Леониду на д. Склетину (ГКЭ Руза 102—10333)
92. 1569—1570 гг. Данная Ефимова иг. Леониду на д. Круглое (ГКЭ Тверь 27—1:503, а. Копия XVII в. — ФИВМ 407, 408 — XIV)
93. 1569—1570 гг. Данная Конст. Синцова иг. Леониду на земли в д. Круглое (ГКЭ Тверь 26—1251?; а. Копия XVII в. — ФИВМ 406 — XIV).
94. 1570 г. Данная грамота на деревни в Тверском уезде. Копия XVII в. (ФИВМ 40 — XIV)
95. 1576—1577 гг. Данная Акулины дочери Кобца иг. Евфимию на с-цо Федоровское (ГКЭ Руза 105—10336)
96. 1577—1578 гг. Данная Ефросиньи Федоровой иг. Евфимию на д. Мишневу (ГКЭ Руза 107—10338)
97. 1584 г. Список с грамоты Б. Годунова о с. Неверове (Патр. 1734)
98. 1584—1585 гг. Отписка иг. Евфимия о с. Неверове Старидского у. (Патр. 1734)
99. 1588 г. Грамота царя Федора Ивановича о рыбной ловле. Копия XVII в. (ФИВМ 016 — XIV)
100. 1588 г. Грамота челобитная Дмитрию Ивановичу (Самозванцу) игумена Арсения (ФИВМ 501⁶ — XVI)
101. 1589 г. Жалованная ц. Федора Ивановича иг. Левкею на провоз соли Список. (ФИВМ 727 — XIX)
102. 1590 г. Жалованная ц. Федора Ивановича на с. Веино. (Списки XVI—XVII вв. ФИВМ 358 — XIII; а. Патр. 1738)

XVII век

1. 1608—1609 гг. Данная Савина Иосифо-Волоколамскому монастырю на пустошь Леонову (ГКЭ Руза 123—10354)
2. 1609 г. Данная на д. Морщишино (ФИВМ 455 — XIV)
3. 1609 г. Данная на деревни. Отрывок (ФИВМ 416 — XIV)
4. 1612 г. Данная келарю Леониду на место в Китай-городе (Патр. 1739)
5. 1624 г. Поручная запись о крестьянине Евдокимове (Патр. 1742)
6. 1631 г. Отписка чернеца Пафнутия иг. Левкею (Патр. 1743)
7. 1631—1637 гг. Отписка ст-ца Пимена Новосильцева иг. Левкею (Патр. 1744)
8. 1631—1637 гг. Отписки иг. Левкея келарю Христофору (Патр. 1745, 1746)
9. 1631—1637 гг. Отписка ст-ца Мисаила о монастырских делах (Патр. 1747)
10. 1637 г. Сказка ст-ца Мисаила о людях Московского подворья (Патр. 1748)
11. 1642—1652 гг. Вкладная попа Афанасия на Московское подворье (Патр. 1749)
12. 1647 г. Отписка иг. Зосиме с Иосифовского Московского подворья (Патр. 1750)
13. 1652—1654 гг. Отписка архим. Иору о шапке (Патр. 1758)
14. 1654 г. Отписка старца Зосимы с Московского подворья архимандриту Иору (Патр. 1757)
15. 1657 г. Челобитная архим. Тихона патриарху Никону (Патр. 1764)
16. 1659 г. Челобитная архим. Тихона царю Алексею Михайловичу (Патр. 1765)
17. 1663 г. Расписка казначея Московского подворья Тихону (Патр. 1766а)
18. 1666 г. Дело о самовольстве Неронова в Иосифо-Волоколамском монастыре (Патр. 1102)
19. 1666 г. Отписка иг. Саввatea о Неронове (Патр. 1103)
20. 1666—1668 гг. Отписка архим. Саввatea келарю Антонию (Патр. 1766б)
21. 1667 г. Отписка братии Иосифо-Волоколамского монастыря архим. Герасиму (Патр. 1769)
22. 1681 г. Выпись из писцевых книг 7021 г. (Патр. 1780)
23. 1671 г. Челобитная дьячка Як. Иванова архим. Николаю (Патр. 1795)
24. 1672 г. Челобитная дьячка Як. Новгорода о выдаче ему жалования (Патр. 1797)
25. 1672 г. Челобитная архим. Николаю от работника Петрова (Патр. 1796)
26. 1674 г. Отписка архим. Николаю казначея Гурия (Патр. 1785)
27. 1675 г. Две отписки ст-ца Германа архим. Алексею. (Патр. 1878)
28. 1676 г. Челобитная патр. Адриану волоцкого попа Антона (Патр. 1504)
29. 1676 г. Отписка архим. Алексею о посланной в монастырь рыбе (Патр. 1799)
30. 1676 г. Отпись архим. Алексея келарю Герману (Патр. 1798)

XVIII век

1. 1703 г. Отписка архим. Алексея поповскому старосте Волоколамской десятины (ФИВМ, 2, 1703 г.)
2. 1706 г. Закладная кабала и данная монастырской крестьянки Гуляевой на огородную землю (ФИВМ, 4, 1706 г.)

3. 1708 г. Отписки монастырского приказа в приеме денежных сборов (ФИВМ, 2, 1708 г.)
4. 1707 г. Прощение крестьянина д. Ефимьево Паикратова по делу о захвате его тяглой земли (ФИВМ, 3, 1707 г.)
5. 1711 г. Прощение монастырских крестьян д. М. Стромиллово о сятии с их тягла мельницы (ФИВМ, 9, 1711 г.)
6. 1713 г. Прощение крестьян по делам о земельных спорах (ФИВМ, 5, 1713 г.)
7. 1715 г. Прощение крестьянина д. Каслово Степанова по делу об избивении его (ФИВМ, 26, 1715 г.)
8. 1717 г. Прощение крестьян с. Отчищево по делу о расчетах в извозных деньгах (ФИВМ, 22, 1717 г.)
9. 1717 г. Прощение крестьян и др. документы по делам о ссорах и драках (ФИВМ, 25, 1717 г.)
10. 1718 г. Прощение крестьянина д. Никольское Афанасьева о взыскании долга (ФИВМ, 18, 1818 г.)
11. 1717 г. Прощение понарядчика д. Рохманово Васильева о наказании крестьян (ФИВМ, 8, 1719 г.)
12. 1722 г. Допросные речи крестьянина д. Скирманова по делу об ограблении приказчика (ФИВМ, 59, 1722 г.)
13. 1723 г. Доношение крестьянина д. Рохманово Иванова с просьбой об обмене жеребенка (ФИВМ, 42, 1723 г.)
14. 1725 г. Прощение служителя д. Рохманово Васильева о даче на оброк земли (ФИВМ, 9, 1725 г.)
15. 1727 г. Переписка архим. Сергия с поповским старостой Симеоновым о погребении убитого монаха (ФИВМ, 60, 1727 г.)
16. 1728 г. Прощение сына служебника д. Б. Стромиллово Самойлина о выдаче паспорта (ФИВМ, 18, 1728 г.)
17. 1729 г. Прощение крестьян с. Буйгорода и Отчищева об отстранении от службы конюшего монаха (ФИВМ, 7, 1729 г.)
18. 1730 г. Духовное завещание жителя Осташковской слободы Максима Федорова 1729 г. (ФИВМ, 42, 1730 г.)
19. 1731 г. Допросные речи крестьянина д. Грыни Михея Сидорова (ФИВМ, 25, 1731)
20. 1733 г. Письмо казначея Иринарха архим. Иоакиму (ФИВМ, 9, 1733 г.)
21. 1734 г. Прощение крестьянина с. Буйгорода Ануфриева о постройке двора (ФИВМ, 25, 1734 г.)
22. 1735 г. Прощение крестьянина д. Рохманово по делу о земельном споре (ФИВМ, 9, 1735 г.)
23. 1736 г. Доношение попа с. Буйгорода и допросные речи крестьянки Евстигнеевой о смерти ее новорожденного ребенка (ФИВМ, 69, 1736 г.)
24. 1739 г. Прощение монаха Боголепа о наказании служителя Кузьмина (ФИВМ, 4, 1739 г.)
25. 1741. Прощение крестьянки д. Б. Стромиллово Домны Тимофеевой о приеме на работу в монастырь (ФИВМ, 9, 1741 г.)
26. 1743 г. Доношение приказчика с. Луковиново Ломова (ФИВМ, 10, 1743 г.)
27. 1743 г. Купчая Квашникина на крепостного вдовы Ивановой (ФИВМ, 31, 1743 г.)
28. 1745 г. Показания допрашиваемого колодника Шубина (ФИВМ, 60, 1745 г.)
29. 1747 г. Прощение крестьянина с-ца Ракитино Евсева о сдаче в оброк ему мельницы (ФИВМ, 53, 1747 г.)
30. 1747 г. Допросные речи жены дьячка Яковлевой и жены служебника Матвеевой о их пьянстве (ФИВМ, 103, 1747 г.)
31. 1748 г. Допросные речи беглого дьякона Иосифо-Волоколамского монастыря Борисова (ФИВМ, 30, 1748)
32. 1749 г. Прощение священника Вас. Климова и выборных с. Балашкова Ефимова по делам о кражах (ФИВМ, 60, 1749 г.)
33. 1750 г. Прощение кузнецов Теряевой слободы о перенесении мельницы (ФИВМ, 63, 1750 г.)
34. 1750 г. Доношение крестьянки с. Буйгород Логиновой и письмо ее мужа (ФИВМ, 110, 1750)
35. 1751 г. Допросные речи беглого крестьянина Иосифо-Волоколамского монастыря Лукьянова (ФИВМ, 38, 1751 г.)
36. 1752 г. Прощение служителя Тимофеева о выдаче ему взаимобразно хлеба (ФИВМ, 34, 1752)
37. 1753 г. Прощения кузнецов Теряевой слободы об освобождении от работы (ФИВМ, 90, 1753 г.)
38. 1754 г. Прощения крестьян, указы архим. Пахомия и др. документы о распределении земли (на 82 л.) (ФИВМ, 41, 1954 г.)

39. 1755 г. Допросные речи задержанных беспаспортных крестьян Иосифо-Волоколамского монастыря (ФИВМ, 27, 1755 г.)
40. 1757 г. Прошение крестьян с. Буйгород о замене трудовой повинности оброком (ФИВМ, 79, 1757)
41. 1758 г. Прошение сотцкого с. Бужарово о взыскании с крестьян денег (ФИВМ, 47, 1758 г.)
42. 1760 г. „Письмо“ крестьянина Иосифо-Волоколамского монастыря об отдаче им сына в работники (ФИВМ, 30, 1760 г.)
43. 1762 г. Прошение крестьян с. Веины об удалении из вотчины занимающихся кражами крестьян (ФИВМ, 100, 1762 г.)
44. 1764 г. Прошение стряпчего Акакиева о пострижении его в монахи (ФИВМ, 30, 1764 г.)
45. 1767 г. Допросные речи иеромонаха Феодосия и иеродьякона Макария о самовольном уходе из монастыря (ФИВМ, 24, 1767 г.)
46. 1768 г. Сообщение архим. Варлаама о недостатке серебра (ФИВМ, 7, 1768 г.)
47. 1769 г. Доношение иеромонахов Макария и Гедсона о краже у них денег (ФИВМ, 15, 1769 г.)
48. 1770 г. Письма родственника монаха Германа Степана Афанасьева (ФИВМ, 16, 1770 г.)
49. 1778 г. Показания священника Петрова, избитого пономарем (ФИВМ, 30, 1778 г.)
50. 1782 г. Прошение вдовы Ивановой о взыскании денег (ФИВМ, 26, 1782 г.)
51. 1786 г. Объявления моиахов о кражах (ФИВМ, 26, 1786 г.)
52. 1789 г. Показания братии о краже из монастыря оконного стекла (ФИВМ, 24, 1789 г.)
53. 1791 г. Доклады и доношения казначея Сильвестра и монашествующих (ФИВМ, 5, 1791 г.)
54. 1793 г. Договорные письма на наем монастырской пахотной и сенокосной земли (ФИВМ, 15, 1793 г.)
55. 1795 г. Договорное письмо крестьянки Стрелецкой слободы Степановой о найме ее на работу (ФИВМ, 10, 1795 г.)
56. 1798 г. Прошение крестьянина Петрова по поводу притеснения его со стороны тещи (ФИВМ, 15, 1798 г.)
57. 1799 г. Прошение архим. Иустина митрополиту Платону о разрешении освободить церковь (ФИВМ, 3, 1799 г.)
58. 1799 г. Записки казначея Петра о расходе денег (ФИВМ, 28, 1799 г.)

Примечания: 1. В работе ссылки на материал производятся согласно приведенной описи: указывается век и номер грамоты по описи.

2. В описи к каждой грамоте дается указание на место ее хранения и архивный шифр. Сокращения обозначают: а) ГКЭ Руза 105—10336 — Центр. Гос. Архив Древних Актов, фонд грамот Коллегии Экономии по Рузскому уезду; грамота № 105(10336); так же — по Дмитровскому, Клинскому, Тверскому уездам; б) ФИВМ 358 XIII — Центр. Гос. Архив Древних Актов, фонд Иосифо-Волоколамского монастыря, грамота № 358 — XIII; в) Патр. 1739 — Отдел Рукописей Гос. Истор. Музея, Патриаршее собрание, гр. № 1739.

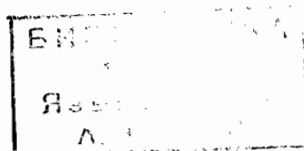
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Периодические издания

- ВЯ — „Вопросы языкознания“, М.
 ЖМНП — „Журнал Министерства народного просвещения“, СПб.
 ИАН ОЛЯ — „Известия АН СССР. Отделение литературы и языка“. М.
 jФ — „Јужнословенски Филолог“. Београд
 КСИС — „Краткие сообщения Института славяноведения“. М.
 ПСП на БКД — „Периодическое списание на Българско книжна дружество“.
 сб. НУ — „Сборник за народни умотворения, наука и книжнина“
 PPTJ — „Biuletyn polskiego towarzystwa, jzykoznawczego. Kraków.
 CMF — „Casopis pro moderní filologii“. Praha
 Rad JAZU — „Rad Jugoslovenske Akademije znanosti umjetnosti“. Zagreb.
 SaS — „Slovo a slovesnost“, Praha
 SIR — „Slovenska reč“. Bratislava
 TCLP — „Travaux du Cercle Linguistique de Prague“. Praha
 ZfSl — „Zeitschrift für Slavistik“. Berlin

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>Е. И. Демина.</i> Система прошедших времен в новоболгарских текстах XVII—XVIII вв.	3
<i>И. Е. Можаяева.</i> Значение и употребление прошедших времен в языке Дубровника XVI в.	49
<i>Л. Н. Смирнов.</i> Соотносительное употребление форм прошедшего времени в словацком литературном языке	70
<i>К. И. Ходова.</i> Значения творительного беспредложного в старославянском языке	101
<i>Г. П. Нецименко.</i> Словообразование существительных женского рода со значением лица в современном чешском языке	159
<i>В. В. Иванов.</i> Из истории волоколамских говоров XV—XVIII вв. (К вопросу о складывании и развитии средневеликорусских говоров на территории вокруг Москвы)	203

*Ученые записки Института славяноведения
т. XIX.*

Утверждено к печати Институтом славяноведения Академии наук СССР

Технический редактор *И. Н. Дорохина*

РИСО АН СССР № 109-94 В. Сдано в набор 28/III 1960 г. Подписано к печати 17/XII 1960 г. Формат 70×108^{1/16}
18 печ. л. 24,66 усл. печ. л. 24,4 уч.-издат. л. Тираж 1400 экз. Т-14386. Изд. № 4327. Тип. вак. № 691.

Цена 16 руб.; с 1/I 1961 г.—1 руб. 60 коп.

Издательство АН СССР Москва Б-64, Подсосенский пер, д. 21.
1-я тип. Изд-ва АН СССР. Ленинград, В-34, 9 линия, дом 12

УЧЕННЫЕ
ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
СЛАВЯНО-
ВЕДЕНИЯ

XIX

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ
НАУК
СССР

1960